

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СТРАЖ

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ
**ПРОКЛЯТЫЙ
ГОРН**

Annotation

Горячий ветер стремительно рвется с юга, прогоняя суровую зиму и принося на крыльях черную смерть. Загадочный темный кузнец разжег в своем горне пламя судного дня, зловещие тени собираются в школе стражей, и не за горами время могил. Людвиг, Гертруда, Проповедник и Пугало оказались на перекрестке эпох, и путь, который они вынуждены выбрать, ведет их к гибели.

- [Алексей Пехов](#)
 - [История первая](#)
 - [История вторая](#)
 - [История третья](#)
 - [История четвертая](#)
 - [История пятая](#)
 - [История шестая](#)
 - [Конец историй](#)
 - [Глоссарий](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

Алексей Пехов

Проклятый горн

Роман публикуется в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

История первая

Время могил

– На нашем пути сплошные могилы, Людвиг, – с мрачной меланхолией произнес Проповедник.

Он смотрел в яму, из которой торчала почерневшая рука мертвеца. Остальное тело было скрыто под талой мартовской водой.

– Ненавижу могилы! – продолжил мой спутник, и кровь не переставая текла из его проломленного виска. – Они как оспины на теле земли. Почему мы умираем?

Я подул на клинок моего кинжала, и вьющийся вокруг него сизый дымок отпрянул, подхваченный сырым и промозглым весенным ветром. Душа, с которой мне пришлось сражаться, оказалась на удивление сильной для обычного бродяги, не сумевшего пережить зиму и замерзшего среди сугробов.

– Ты спрашиваешь у меня, друг Проповедник? Не знаю. Что об этом говорится в трудах, которые ты то и дело цитируешь?

Он, все так же неотрывно продолжая смотреть на тронутые тлением пальцы, неохотно продекламировал:

– А живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, – всегда Господни^[1]. Разве в смерти есть какая-то Его цель, Людвиг? Разве Он не любит нас? И если любит, то почему то и дело я в пути натыкаюсь на трупы?

– Я не настолько мудр, чтобы обсуждать законы жизни и смерти. Все рано или поздно умирают.

Бродящее по колючим кустам Пугало остановилось и поддержало меня горячим кивком. Оно было не против, чтобы умирали. И желательно, как можно скорее.

– Если бы я только мог плакать, то уже выплакал бы все слезы за тех, кто мертв, – между тем прошептал мой спутник. Сейчас он выглядел очень старым, уставшим и больным. Словно был не светлой душой, которая не чувствует ни холода, ни простуды, ни голода, а живым человеком.

– Ты сегодня настроен слишком мрачно. Есть основания? – осторожно поинтересовался я.

– Просто дурное настроение. Даже у таких, как я, оно случается. Скажи, тебя не тошнит от смертей? Вокруг нас всегда кто-нибудь

расстается с жизнью. Неважно, плохой он или хороший. Сегодня чаша моя переполнилась и мне в кое-то веки жалко все человечество. Должен хоть кто-то скорбеть о нем.

Я убрал кинжал в ножны и отошел от ямы с мертвецом, душа которого несколько минут назад отправилась в ад.

— А мне кажется, причина в ином. Ты как с утра завел речь о темном кузнеце, так и успокоиться не можешь.

Он раздраженной сорокой глянул на меня, поджал губы:

— Этот тип опаснее стаи бешеных волков, но ты, как дурак, продолжаешь лезть на рожон. Ты будто потерял осторожность и забыл о случившемся в Крусо. Мне в двадцатый раз придется напомнить тебе о Кристине.

— Я не забыл! — Это получилось куда более резко, чем я хотел, но старый пеликан мог бы и промолчать.

Стоило закрыть глаза, и я видел заброшенное фермерское поле, на котором, точно золотые цветы, пылали огромные костры. Обугленные трупы, едва дышащая Криста и ее последние слова... Она умерла до наступления рассвета, так больше и не проснувшись. Я упустил тот момент, когда ее неглубокое дыхание остановилось, и просидел рядом с телом, пока не замерз.

С рассветом из Крусо приехали церковники. Среди них был и Роман. Он ничего мне не сказал, просто протянул флягу с крепким наарским брендом и поспешил к сгоревшей ферме. Я глотал напиток, обжигающий губы и язык, а вокруг сутились инквизиторы, по периметру территории выстраивалась цепь из копейщиков городской роты.

Золотые костры к тому времени почти погасли, но к ним все еще никто не осмеливался приблизиться, такой они источали жар. Трупы хагжита и наемника погрузили на подъехавшую телегу, хотели сделать то же с Кристиной, но я такрыкнул на какого-то монашка, что от меня отстали до решения легата кардинала.

Роман вернулся, сказал, чтобы тело стража оставили в покое, и протянул мне кирку, себе оставив лопату. Мы направились к находящейся на невысоком пригорке березовой роще и начали рыть могилу.

Земля была промерзлой, и каждый удар по ней болью отдавался у меня в ладонях, но я не останавливался, и, когда мы закончили, кожа была стерта в кровь, а спина ныла. Я принес Кристину на руках, она оказалась маленькой и удивительно легкой. Цыган тем временем соорудил из двух молодых березок крест. Когда над могилой появилась горка земли, а Проповедник дочитал заупокойную, я протянул кинжал Кристы, которым

та владела так недолго, Роману:

– Поприсутствуй при уничтожении, пожалуйста. Ты ведь можешь выступать как официальное лицо?

Он кивнул, убрал оружие, спросив:

– А что будешь делать ты?

– Уеду прямо сейчас. Возвращаюсь в Арденау.

Но цыган воспротивился этому:

– Извини, Людвиг, не получится. У нас слишком много вопросов к тебе. Придется ответить на них. – И, видя, что я колеблюсь, с нажимом произнес: – Лучше, чтобы это произошло в моем присутствии.

Он был прав. Спешить мне все равно уже некуда. Я не следопыт и не ищайка. Нагнать Вальтера, а я уверен, что он остался жив, так как его тело не нашли, или самого кузнеца – не выйдет.

Я рассказал им сказку о колдунах, который избавился от своих подельников и сбежал. Писарь все аккуратно занес в бумаги, а двое клириков в серых рясах лишь кивнули на прощание да ушли.

Когда мы прощались, Роман негромко заметил, глядя в сторону:

– Я многое знаю о волшебстве и других силах, Людвиг, но случившееся здесь и на площади Крусо приводит меня в дрожь. Он не смог уничтожить кардинала Урбана лишь потому, что мы были готовы, и благодаря ковчежцу со святой реликвией. Именно эта сила остановила золотое пламя. Но и ее он едва не преодолел. Кто этот человек? Чего он хотел? Почему сперва напал на площади, а затем прикончил этих заговорщиков?

Он все еще ждал правды, которую я не сказал.

– Поговори с ди Травинно.

– Человек, имеющий все шансы стать следующим Папой, вряд ли мне что-то расскажет. – Цыган невесело усмехнулся в усы.

– Про кардинала Урбана твердят то же самое. Кто-то из них двоих может стать Папой, если переживет нынешнего. Поговори с ди Травинно, – вновь повторил я. – Ему известно больше, чем мне.

– Его высокопреосвященство направляет меня с докладом в Риапано. Хочет, чтобы его святейшество услышал факты, а не слухи, что уже бегут по дорогам, обгоняя друг друга.

– Пусть Урбан больше не носит глаз серафима у себя на шее. Снимет и спрячет как можно лучше. И дальше.

Чуть золотистые глаза цыгана стали задумчивыми:

– Весь сыр-бор из-за этого бульдожника? Считаешь, что убивший людей на площади и здесь – приходил за ним?

– Да. И Вальтер тоже так думал. Избавь кардинала от этой вещи. Увези камень в Риапано, под защиту святых стен. Спрячь в самое глубокое хранилище.

– Урбан упрям как мул. Боюсь, даже у меня не получится убедить его.

– Тогда хотя бы пусти слух, что глаза серафима у кардинала больше нет. Мол, обет завершен. Иначе тот, кто зажег огонь, снова вернется и на этот раз достигнет своей цели.

– Какой? – быстро спросил Роман.

Я лишь в который раз повторил:

– Ди Травинно знает больше меня.

Я видел, что он решает, как со мной поступить. Ему хотелось получить ответы прямо сейчас, по горячим следам. Но имя, которое я ему называл, значило многое и имело вес. Так что церковник неохотно вздохнул, поджал губы, защищаясь от холодного ветра запахнул плащ пилигрима:

– Бог с тобой, ван Нормайенн. Иди с миром.

Мы рас прощались, и каждый направился своей дорогой. Он на юг, я на север – и за первые две недели марта добрался до герцогства Удальн.

Клагенфурт – третий по величине город в государстве – был у меня на пути, но я наткнулся на темную душу, и пришлось сойти с тракта.

Теперь меня окружал просыпающийся после долгого зимнего сна лес. Весенний, едва стряхнувший с себя наваждение холодов, серо-белый и голый. На маленькой полянке из-под еще не сошедшего снега пробивались сотни бледно-лиловых крокусов. Новая жизнь без всякого отвращения соседствовала со смертью.

– Мертвеца закапывать будешь? – Проповедник видел, что я собираюсь уходить.

– Чем? Лопаты все равно нет. Он больше не причинит неприятностей живым.

– Ну, значит, его похоронят лисы, да другие твари Божьи.

Я поднял со снега прямой, тяжелый рейтарский палаш с S-образной гардой и свой потертый, промокший с одной стороны от снега рюкзак. Из леса пришлось выбираться по своим же следам. Мое сопровождение поотстало, Проповедник что-то втолковывал Пугалу, а то делало вид, что рядом с ним пустое место, что страшно злило старикуна.

– Чего вы там не поделили? – обернулся я, выйдя на размокшую дорогу.

Впереди виднелась какая-то деревенька, справа серые, еще не обработанные поля и снежные проплешины на них, а слева огороженные редким частоколом пустые выпасы.

– Пытаюсь достучаться до нашего придурковатого молчальника. Быть может, он объяснит тебе, что играть в догонялки с неизвестным опасно для здоровья!

– Неизвестный – вот ключевое слово. Я не знаю, кто он такой, как выглядит и чего хочет. Не говоря уже о том, в какую сторону кузнец направился после того как сжег ферму. В Клагенфурт я спешу совсем по другому делу.

– Да кому ты зубы заговариваешь?! Между прочим, я твоя невидимая совесть. И не надо смеяться! – Последние слова старого пеликана были обращены к Пугалу. – Я больше, чем ты, хожу с ним и...

– Проповедник, ты как ревнивая жена, – укорил я его. – Дай соломенной голове повеселиться. Он уже вторую неделю ходит смурной.

– Да все мы не рады тому, как обстоят дела. Если Кристина была права, и кузнец действительно намеревается распахнуть адские врата, то впору отправляться в церковь да замаливать свои грехи перед Господом, так как конец света, увы, не за горами. А насчет тебя мне давно все понятно. Одно другому не мешает. Я ведь знаю, зачем тебе в Клагенфурт. Там живет дочь колдуна Вальтера.

– И я обещал Кристине, что доставлю ее в Арденай.

Проповедник открыл рот, с неохотой закрыл его и потянул впивающийся в шею воротничок сутаны.

– Не держи в себе. Скажи, – подтолкнул я его.

– Не по-божески такое вслух произносить.

– Когда подобные пустяки останавливали твое брюзжание? – Я не мог скрыть иронию, и он пробурчал, не глядя на меня:

– Нечего связываться с отродьем колдуна. В моих краях таких топили сразу после рождения. Как котят. Очень жестоко, конечно, но зато потом проблем меньше было.

– Эм... – Я перепрыгнул через лужу. – Ты мне рекомендуешь убить невинного ребенка?

– Это он пока невинный. А как научится проклятья насытать, да дождь из жаб вызывать... Я видел, какая скотина Вальтер. Почему дочь должна быть лучше? Яблоко от яблони...

– И мне ее утопить? – с нажимом спросил я.

Он стушевался и пошел на попятную:

– Нет. Это я так... Не по законам Его наказывать тех, кто ничего не совершил. За поступки отца она точно не должна отвечать.

– Ну вот ты сам все и сказал. Тема закрыта.

На окраине деревни, по соседству с трактом, примостились почтовая

станция. Среди весеннего бездорожья, грязи, луж и талого снега домик с крышей из темной черепицы казался очень уютным mestечком.

Какой-то дилижанс, выглядевший довольно богато для этих мест, запряженный четверкой игреневых лошадок, как раз собирался отправляться.

— Нам везет. — Я вскинул руку, привлекая внимание возницы, забиравшегося на козлы.

— Только для благородных, парень! Взять не могу! — отмахнулся тот. — Через два часа пойдет общественный дилижанс.

Мне совершенно не улыбалось торчать здесь, так что я воспользовался своим правом:

— Я из Братства.

Он неохотно глянул из-под широкополой войлочной шляпы и увидел сапфир на кинжале. Знал, что отказывать не резон. Многие страны давно заключили соглашение с Арденом — стражи имеют право перемещаться на любом виде транспорта, даже в графской карете, если это требуется для их работы. Городские управы обязаны предоставлять им место в дилижансах, а если такого не найдется, то помогать с покупкой лошадей.

— Тогда ладно. Залезай. Но оплата у нас дороже. Пол флорина серебром.

Проповедник присвистнул:

— А может, им еще сплясать? Это же грабеж, Людвиг! Вам пора уже было решить вопрос о бесплатном проезде! До города меньше четырех часов! За что такие деньжищи?! Или это передвижной бордель?

Не знаю, с чего он решил считать мои монеты. Брал бы пример с Пугала. То уже вскарабкалось на козлы, а с них на крышу, собираясь прокатиться с ветерком.

Я заплатил вознице, повернул массивную ручку и забрался в дилижанс. Просторный, с мягкими кожаными лавками, бархатной обивкой стен, позолоченными клепками и фигурными хрустальными светильниками на правой стенке.

— Доброго дня, — поприветствовал я пассажиров.

Их было двое. Немолодой мужчина с крупной, бочкообразной грудью, редкими волосами, густыми баками, в дорогом костюме, с золотой цепью на шее. И совсем еще юная девушка, белокожая, хрупкая, с каштановыми волосами. Судя по внешнему сходству, они были родственниками. Или отец с дочерью, или дядюшка с племянницей.

Господин посмотрел на меня хмуро. Одежда на мне была добротная, но явно не подходила для благородного, а следовательно, мне не пристало

находиться рядом с ними. Прежде чем он указал на дверь, его спутница мягко намекнула:

– Это скорый дилижанс Клагенфурта, созданный для уважаемых жителей поместий Ваугта и Доргельбау. Он не берет сторонних пассажиров.

– Благодарю вас...

Я сделал многозначительную паузу, и мужчина поколебался, прежде чем назвал себя:

– Господин Клаус фон Демпп, ландрат^[2] Доргельбау. А это моя дочь Ульрике. Кто вы?

– Я Людвиг ван Нормайенн, из Братства, – представился я и обратился к светловолосой девушке: – Если бы не важные обстоятельства, я не побеспокоил бы вас, госпожа.

Ландрат неохотно кивнул:

– Страж имеет право путешествовать с нами, Ульрике.

Дочь улыбнулась:

– Простите, господин ван Нормайенн, мою грубость. Я не знала. В прошлый раз в наш экипаж забрался какой-то странствующий студент в цветастом плаще, и отец выбросил его на обочину.

Клаус фон Демпп заворчал, словно старый пес. Ему явно было неприятно вспоминать об этом.

– Вы тоже направляетесь в Клагенфурт?

– Совершенно верно, госпожа.

– Были когда-нибудь там?

– Ульрике, – укорил ее ландрат. – Твоя назойливость бес tactна.

Девушка виновато опустила глаза:

– Простите, господин ван Нормайенн. Я совершенно не думала вам досаждать.

– Какое милое дитя! – восхитился Проповедник, все это время сидевший рядом.

– Ну что вы. Вы мне совсем не досаждаете, – ответил я, про себя отмечая, насколько легко двигается карета. – Я никогда не был в Клагенфурте.

– Поверьте, вы не разочаруетесь. Очень красивый город, особенно его старая часть. Ну и сады герцога возле летнего дворца. Жаль, что сейчас не апрель, когда все начинает цвести. Вы ведь из Альбалаанда? В вашей стране много тюльпанов.

Я кивнул. Именно моряки-альбалаандцы привезли первые тюльпаны от хагжитов.

– Если вы не знаете, где остановиться, то таверна «Два сердца и шпага» лучшее место в городе.

Проповеднику пришла в голову кое-какая мысль, и он ее тут же озвучил:

– А может, это и не милый ребенок. Может, она настолько сошла с ума от настоящего живого стражи, что ночью ты обнаружишь ее у себя в постели. А потом папочка прибьет твою содранную кожу к своим воротам.

Я, как водится, оставил его слова без внимания:

– Воспользуюсь вашей рекомендацией, спасибо.

Фон Демпп благосклонно улыбнулся, отвернулся к окну. Его дочь, подложив под голову атласную подушку, прислонилась к стенке и задремала. А спустя уже полчаса крепко спала.

Ее отец, отвлекшись от созерцания весенних пейзажей, вновь заинтересовался мной и спросил негромко, чтобы не разбудить девушку:

– Вам известно, что в Клагенфурте напряженная обстановка?

Я удивленно поднял брови:

– Нет. Но если там не все так безоблачно, зачем вы туда едете? И тем более везете ее?

– Ландраты должны присутствовать на совете городской управы. А Ульрике... Хочу отправить ее к тетке, в Бьюргон, подальше отсюда. В Клагенфурте она останется на одну ночь, а затем уедет первым же дилижансом. Если честно, не думаю, что в городе что-то случится. Слава Богу, это не Лисецк.

– В чем проблема?

Тот тяжело вздохнул:

– Клагенфурт – город ремесленников. Он триста лет процветает благодаря своим мастерам, гильдиям и товарам. Цеха вечно враждовали между собой за вольности, поставщиков, внимание знати да деньги клиентов. Но теперь гильдии в первый раз объединились и начали мутить воду. Они недовольны тем, что вскоре должно произойти. Вы ведь знаете, что наш герцог увеличил плату со всех северных городов из-за нового армейского налога?

– Нет. Я редко бываю в Удалье. Намечается война?

– Обострения на границе с Лезербергом из-за угольных шахт. В январе несколько мелких стычек. – Он рассеянно погладил золотую цепь на шее. – Надеюсь, этим все и ограничится, но его светлость на всякий случай решил уделить внимание армии. Моя страна ни с кем серьезно не воевала вот уже тридцать лет. Герцог покупает флотолийские аркебузы и пушки. И набирает шесть новых рейтарских полков для усиления границы. Сами знаете, в

какие суммы обходятся подобные реформы.

Я знал. Лошади, клинки, кирасы, порох, ядра, фураж, жалованье солдатам, привлечение наемных частей и прочее, прочее, прочее выльются в итоге в гору золотых флоринов.

Сегодня я был склонен к подозрениям и отметил для себя, что приграничный конфликт возник очень быстро после того, как его светлость передал под опеку Геры Эрика. Если вспомнить, что Орден имеет довольно серьезное влияние в Лезерберге и не может мстить Риапано, в отличие от герцога, которого можно подергать за усы...

Заговор вырисовывается занимательный.

Если моя теория верна, не думаю, что будет кровопролитная война. Князь Лезерберга, конечно, дружен с законниками, но не настолько, чтобы развязывать серьезный конфликт, терять людей и деньги.

— Мастеровые не желают оплачивать войну. Даже скротечную, — понял я.

— Не желают. Урожай в прошлом году был плохой, цены на продукты выросли. Той весной уже повышали налог на армию, теперь происходит то же самое, но деньги требуют большие. Но воду, господин Ван Нормайенн, мутят отнюдь не мастеровые, а главы гильдий. С тех, кто торгует шелком, шерстью и хагжитскими пряностями, налог берут немалый. И конечно же никто из них не желает распахивать сундуки с золотом и отдавать тридцать процентов своего годового дохода.

— И поэтому гильдии предпочитают тыкать зажженным факелом в солому.

— Очень точно сказано, страж. Простой рабочий люд вспыхивает, как порох. Нужна лишь метко брошенная искра.

Он покосился на спящую дочь, и на его лице впервые появилось тревожное выражение.

— При каких обстоятельствах следует ждать неприятностей? — спросил я.

— Если совет ландратов одобрят налог.

— Слова его светлости разве недостаточно?

— У Клагенфурта ряд вольностей, которым уже несколько веков. Сперва ландраты обязаны подтвердить, что принимают налог. После их голосования городская управа из восьми избранных уважаемых жителей подписывает бумагу и отправляет ее бургомистру. И только после его печати, обязующей чиновников собрать подати, начинает действовать приказ герцога.

Я усмехнулся, вспоминая его светлость Рихарда фон Заберга. Нрав у

этого правителя был не то чтобы мягкий.

– И как часто благородные люди из ландраторов вашего региона идут наперекор властелину страны?

Он вернул мне усмешку:

– Никогда.

– Сплошная никому не нужная бюрократия, – презрительно скривился Проповедник.

– Ваше решение всего лишь формальность. Вы поддержите налог.

Фон Демпф развел руками:

– Иного способа все равно нет. Нам нужна сильная армия, для этого требуются деньги. И лучше столкнуться с недовольством черни, чем с обвинением в государственной измене. Гильдии сеют смуту, но я уверен, что у них не хватит духу начать бунт. Бургомистр хорошо платит стражникам.

– Их меньше, чем горожан, – резонно возразил я ему.

– Конечно. Но совет ландраторов еще в сентябре одобрил наем двух рот кондотьеров. Это почти пятьсот хорошо обученных солдат.

Угу. Хорошо обученных убийц. Кондотьеры серьезные рубаки, но северян они никогда не любили и частенько меняли хозяев. Лично я не поручусь, что, если в городе закипит, они останутся верны бургомистру. Вполне возможно, вместо того чтобы подавлять бунт, наемники пойдут грабить и насиловать.

– А кроме них? – поинтересовался я. – Есть в городе регулярные части?

– Да. Рота латников и бригада легкой кавалерии. Уверен, армия подавит любые волнения.

Я хмыкнул.

– В Лисецке тоже так думали. Народ затоптал солдат, – напомнил я ему. – Когда случается бунт, люди перестают быть людьми и превращаются в жаждущую крови толпу.

– Я их не боюсь, – рассмеялся он.

А зря.

– Когда собирается совет?

– Послезавтра в полдень. Перед этим отправлю Ульрике к сестре.

– Позвольте вопрос?

– Пожалуйста.

– Вы рассказали мне все это с какой-то целью. Рассказали, хотя не любите таких, как я. И не слишком возражали, когда ваша дочь пригласила меня в ту же таверну, где собираетесь остановиться и вы. Почему?

Несколько секунд он изучал меня, затем, признавая правоту моих слов, неохотно произнес:

– Мой отец называл вас компанией, собранной из беспризорников без роду и племени. Мелкими зверьками, из которых выращивают псов, натасканных и подготовленных для убийства. Его злило, что нам, благородным, зачастую приходится считать вас ровней и спускать многое из того, что не позволительно другим.

Я знал подобных господ. Их страшно бесит, что у людей вроде меня есть возможности, которых нет даже у владетелей. Например, долгая, пускай и в теории, жизнь. Или право ехать с ними в одной карете. Кое-кто из баронов и ландратов решительно не может вытерпеть подобную, на их взгляд, несправедливость.

– Слышал подобную точку зрения. Она довольно быстро меняется, стоит лишь во влиятельном доме случиться необъяснимому. Тогда все принципы отмечиваются, и благородные господа зовут таких, как я.

– Вполне понимаю вашу иронию. – Он не показал, что ему обидны мои слова. – Но в моей стране дворяне ревностно относятся к своему положению и привилегиям. Так что, простите, господин ван Нормайенн, мало кто терпит присутствие стража в экипаже для благородных господ. Если, конечно, сам страж не является носителем высокой крови, как двое детей нашего герцога.

Проповедник хмурился. Ему не нравилось, что его спутника считают человеком второго сорта. Старый пеликан давно привык, что лишь он может выражать недовольство моими поступками.

– И тем не менее я еду рядом с вами.

– Законы. – Его улыбка как бы говорила мне, что, не будь их, мы бы не беседовали. – К тому же я гораздо терпимее своего отца и куда меньше кичусь благородной кровью. Времена изменились.

Он откинулся на мягкую спинку кресла и вновь стал изучать проплывающий пейзаж. Но я кашлянул, привлекая к себе его внимание.

– Вы так и не ответили на мой вопрос, ландрат. Если общество стража вам не слишком приятно, то почему не ограничить наше знакомство дилижансом?

– Из-за нее. – Фон Демпф кивком указал на спящую дочь. – Она всегда мечтала увидеть человека из Братства.

Сочтя, что этого ответа достаточно, ландрат сделал вид, что забыл обо мне.

– Ложь, – пропел мне на ухо Проповедник. – У этой благородной паскуды на роже все написано.

Я ободряюще кивнул, мол, выскажи свои предположения.

– Он считает, если что-то вдруг действительно начнется, то страж под одной с ним крышей защитит его семью. Вас же обычно не трогают.

Я вспомнил бунт в Лисецке, озверевшую толпу и то, как мы с Гансом улепетывали по улице. У тех, кто гнался за нами, как-то выскочило из головы, что стражей лучше не трогать.

Так что, мне кажется, фон Демпф зря надеется на защиту того, кого не слишком-то жалует.

Пугало весь вечер проторчало возле окна. Оно напоминало лисицу, почувствовавшую близость цыплят, и теперь во всей его позе сквозило предвкушение. А предвкушать Пугало могло только одно – развлечения, которые частенько были у него довольно однобоки, и для всех остальных заканчивались кровью и смертью.

Я тоже чувствовал напряженную обстановку в городе. Атмосфера тревоги растеклась по улицам, заползла в дома, а следом за ней, на мягких лапах, следовал пока еще не видимый, но уже ощущаемый страх. Кроме этих двух вечных спутников был еще кое-кто. Но столь призрачный, что я не готов был поручиться, что слышал шорох плаща и видел блеск луны на лезвии косы.

Люди выглядели нервными, шептались, косились на усиленные патрули стражи и наемных рот. За час до сумерек город закрыл ставни и захлопнул двери. Улицы опустели.

Когда стемнело, я зажег свечи, Проповедник присоединился к Пугалу возле его наблюдательного пункта, проводил взглядом десяток солдат в кирасах, с алебардами и факелами и высказал в общем-то здравую мысль:

– Уезжай, пока не началось. Опереди события, залезь в карету, запрыгни на лошадь, используй ноги, но беги. Времени у нас мало. Потом ландрatty, точно глупые гуси, поддержат закон герцога, и, если главы гильдий хорошо обработали мастеровых, начнется погром.

– Проповедник, ты меня поражаешь своими тактическими решениями. – Я как раз снимал сапоги. – Я не могу уехать прямо сейчас и без дочери Вальтера.

– Святой Лука! Ты хоть и здоровый, но вроде не тупой! Так забери ее! Немедленно!

– Не выйдет. Их дом в Мельничнем колесе. Знаешь, что это такое? Внутренняя городская стена. Со всей ерундой, что творится, ворота закрываются за час до заката. Я узнавал у хозяйки. До утра туда не попаду. Так что расслабься. К тому же, мне никто так просто ничего не отдаст. С

утра следует оформить документы.

Он хлопнул себя по лбу:

– Ах, ну да! Ведь чтобы не прицепился Орден, требуется какая-то бумажонка... как ее там?

– Право передачи родственника Братству. С подписями родителей, или попечителей, или опекунов, если только это не круглая сирота. Тогда попечителем выступает любой священник. Также требуются печати, разрешения и заверения. Да еще мать следует уговорить.

– Да отойди ты оттуда! – с раздражением обратился Проповедник к Пугалу. – На улице тьма хагжитская. Ни черта не видно.

Оно даже не шелохнулось.

– Почему Вальтер так уверен, что у его ребенка есть дар? – вновь перескочил старый пеликан на беспокоившую его тему. – Разве темные души не должны были уже найти ее?

– Если дар проявился несколько месяцев назад, то нет. Он слишком слаб. Потребуется год или два, чтобы он развелся и привел к проблемам. Пока ребенок мал, темные души ему не страшны. До девяти лет точно.

– Но в Братство вы берете чуть ли не с пяти.

– Просто и мы, и Орден предпочитаем забирать детей как можно раньше, чтобы научить их как можно лучше.

– Ты ведь не только заботишься о ребенке со способностями, да?

Порой Проповедник становился очень проницательным. Я не ответил, и он едва слышно хмыкнул:

– Девочка станет заложницей в Арденау?

– Она станет ученицей. С такими же правами, как и у всех остальных детей. Но если через нее магистры смогут надавить на Вальтера, то я не сомневаюсь – они сделают это.

Он молчал, обдумывая услышанное, и я завалился на кровать, предупредив его:

– Последний вопрос. Мне, в отличие от тебя, приходится спать.

– Как ты думаешь, зачем он просил Кристину забрать дочь в Арденау?

Почему не в Орден, с которым колдун сотрудничает?

– Это целых два вопроса. – Прежде чем ответить, я положил руку под голову. – Ну, если верить истории о том, что темный кузнец заплатил какому-то законнику темным кинжалом, чтобы тот в обмен отдавал ему клинки стражей... Вряд ли Вальтер сильно жаждет, чтобы его ребенок оказался в месте, полном гадюк.

– А мне кажется, что это попытка искупления. Или откупа. Это уж как тебе больше нравится. По его вине погибли несколько стражей, и теперь он

отдает свое дитя в Братство.

– Проповедник, порой ты слишком хорошо думаешь о людях. Давай спать...

– Людвиг! Вставай! – Старый пеликан орал мне прямо в ухо. Такие вопли даже каменного идола подняли бы, не то что меня.

Мало что соображая со сна, я сел на кровати.

– Какого черта?! – довольно зло спросил я у него.

Комната заполнял бледно-алый свет, льющийся из окна, и силуэт Пугала, прилипшего к стеклу, был, несмотря на глубокую ночь, прекрасно различим. Мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, что означает это зловещее зарево.

– Твою мать! – в сердцах сказал я, поспешил одеваясь. – Началось!

– Пожар? Ну да. Горит уже несколько минут.

– Какой, к чертям собачьим, пожар?! Это бунт.

– Иисусе Христе! – перепугался тот. – А ты не путаешь? Совет по вопросу принятия налога ведь еще не собирался!

– И не собирается. Гильдии не стали ждать. Черт! Как же не вовремя!

Я услышал крики на улице, выглянул вниз, увидел фигуры с факелами. Почти с десяток пытались выбить дверь в соседнем доме, используя для этого дубовую лавку. Еще несколько человек бросились к таверне.

– Просто прекрасно! – Я оставил рюкзак на месте, забрав из него лишь деньги.

– Чего они хотят?

Пугало на вопрос старого пеликана красноречиво провело пальцем по горлу.

– Чего обычно желают люди, когда наступает беззаконие? Убить, ограбить, сломать, поджечь и изнасиловать. Не поручусь, что именно в таком порядке. – Я взял лежащий на столе палаш, пожалев, что нет при себе пистолетов. – Горожане одуреют от крови и вседозволенности и устроят такое, чего постыдились бы банды ландскнехтов.

– Но это же их город! Они же не солдаты, которые берут его штурмом! Им здесь жить!

– Когда подобные мелочи кого-нибудь останавливали? Превратиться из примерных горожан в кровожадное стадо – дело нескольких минут. Лисецк тому примером.

По лестнице застучали сапоги и башмаки.

– Он здесь? – спустя несколько секунд грубо спросили за моей дверью.

– Нет! В конце коридора. Там лучшие комнаты. – Я узнал хриплый

голос хозяйки.

И он был отнюдь не испуганным.

Вновь топот. Компания направилась прочь.

Мы с Проповедником переглянулись, так как оба знали, кто снял большие апартаменты.

Загрохотали кулаки.

– Открывай, чертов ландрат!

– Господи! – кротко вздохнул Проповедник. – За что, Господи?!

Пугало проворной крысой уже юркнуло наружу. Оно не желало пропустить ни секунды происходящего действия.

– Ты должен помочь! – неожиданно сказал старый пеликан.

Взявшись за засов, я все же не удержался от колкости:

– На тебя это не похоже. Обычно ты умоляешь не вмешиваться.

Я вылетел в плохо освещенный коридор в тот момент, когда мастеровые высадили дверь и с ревом вломились к ландрату. Почти тут же раздался высокий, пронзительный девичий крик.

Хозяйка «лучшей таверны в городе» оказалась у меня на пути. Рядом с комнатами она присутствовала не без причины. И дураку понятно, кто сообщил о важном постояльце и привел жаждущих расправы горожан. Я не церемонясь отшвырнул ее в сторону, к стене, шагнув внутрь.

Помня Вион, я не собирался допускать тех же ошибок, что мы совершили с Гансом в прошлый раз. Беседы и уверещания здесь бесполезны.

Их было шестеро. Один держал вырывающуюся из его рук кричащую девчонку, двое повисли на плечах ландрата, а их товарищ безостановочно тыкал сапожным ножом благородному в грудь и живот.

Остальные наблюдали.

Мой палаш со свистом рассек воздух, опустился на плешивую голову ближайшего парня, расколол череп с противным звуком и разбрзгав мозг и кровь во все стороны.

– Какого че... – Товарищ убитого начал оборачиваться, и я ударил с отшагом назад, концом клинка, перерубив ему горло, так что вместо того, чтобы произнести оставшиеся звуки, человек лишь захрипел, пытаясь зажать руками рану.

Убийца с сапожным ножом бросился на меня. Через мгновение к нему присоединились двое других, наконец-то отпустившие уже мертвого ландрата. Они отцепили от поясов мастеровые топорики^[3], решив, что втроем без труда меня одолеют.

Четвертый, самый здоровый, продолжал держать девчонку.

Судя по нашивкам гильдий на куртках, они были сапожниками и шорниками. Ребята умели нападать толпой да дубасить одиночек, но по тому, как они двигались и мешали друг другу, становилось ясно, что с хорошо вооруженным человеком до этого никогда не сталкивались. Я отступил в коридор, обеспечив придуракам выход через узкую дверь поодиночке.

Первый сунувшийся ко мне упал на пол с перерубленной ключицей, двое других сразу же отступили назад, понимая, что так просто меня не взять. Я не дал им времени на то, чтобы придумать какой-нибудь план действий.

Атаковал одного, он парировал топориком, но мой тяжелый клинок заставил его отшатнуться. Я, сократив дистанцию, режущим движением палаша полоснул его по руке, повернувшись на левой ноге, что есть силы ударил гардой в лицо, круша зубы и челюсть.

Тут же присел, вскидывая палаш вверх и защищая голову от удара человека, подскочившего ко мне сбоку. Пнул его ногой по колену, промазал, перехватил руку и всадил широкий палаш между ребер, так что он выплюнул кровь прямо мне в лицо.

Мой клинок застрял, я, чертыхаясь, оттолкнул мертвеца, и, пока вытирали рукавом кровь, попавшую на веки, оставшийся в живых мастеровой начал действовать.

Он швырнул в меня Ульрике. Я поймал ее, точно мяч для игры в квильчио, хоть как-то смягчив падение, а после мне уже стало не до того, чтобы проверять, как чувствует себя дочь погибшего ландрата.

Я не самый маленький человек в мире, но этот детина походил на гору. Он оказался молодым черноволосым парнем, крайне разозленным тем, что я устроил здесь самую настоящую мясную лавку, разделав на грудинку и бекон его товарищей. У противника не было никакого оружия, но каждый из его кулаков напоминал молот, а руки были достаточно длинными, чтобы не давать мне воспользоваться кинжалом.

Мастеровой оказался очень подвижен, и умело загонял меня в угол. Оставалось лишь уклоняться, ощущая, как ветер то и дело проносится рядом с лицом. Я пытался зацепить клинком по его запястьям, но не успевал, так быстро мелькали его оглобли.

Я едва не споткнулся об одно из тел, и он, с ревом оказавшись рядом, схватил меня за грудки и кинул. Перелетев через стол, я грохнулся на пол, радуясь, что мне противостоит все же любитель, а не опытный боец, который бы не швырялся мной, а уже сломал шею.

Ульрике с отчаянным воплем прыгнула великану на спину,

замахнулась, и я увидел в ее руке мастеровой топорик. Первым ударом она отрубила парню правое ухо, вторым рассекла лицо. Но эти раны, пускай и кровавые, не убили его.

Ремесленник, вопя, сгреб ее за шкирку здоровой лапищай, отбросил от себя, точно надоедливое насекомое. Пока он, забыв обо всем на свете, пытался нашарить в полутьме собственное ухо, я оказался рядом, оттянул его подбородок вверх, натягивая кожу на шее, и одним движением перерезал горло.

– Подыхай, мразь! – плонула ему в лицо дочь ландрата в разорванном платье.

На улице гулко забил набат, и его звон подхватили колокола других церквей.

– Тревога? – Проповедник, в отличие от ходящего по лужам крови Пугала, стоял в дверях.

– Нет, – ответил я ему. – Призыв выйти на улицу всем, кто еще остается дома.

Я убрал кинжал в ножны, с большим трудом вытащил палаш из мертвеца. Один из мастеровых, тот, кому я разбил лицо, все еще был жив. Я, не глядя на него, подошел к девчонке, стоявшей на коленях возле мертвого ландрата:

– Нам следует уходить, госпожа фон Демпп. Пока еще не поздно. Она обернулась ко мне, и я увидел, что ее щеки мокрые от слез.

– А отец?

– Думаю, он бы не хотел, чтобы вас схватили.

Мне показалось, что она откажется и придется волочь ее силой, но девушка кивнула:

– Да. Вы правы... Конечно, вы правы.

Мы вышли в коридор в тот момент, когда снизу раздались истеричные вопли хозяйки:

– Быстрее, олухи!

Я взял Ульрике за руку, потянул за собой, в противоположную от выхода сторону. Здесь, в закутке, была еще одна лестница, заканчивающаяся люком, ведущим на чердак.

На нем висел хлипкий замок, я выломал его с помощью палаша, используя тот как рычаг. Толкнул крышку от себя, забрался, помог девушке. Сквозь окошко проникало алое зарево, бросая узкую полоску света на дощатый пол. Я увидел сваи, несколько ящиков, лопату и поломанные грабли. Ящики, на наше счастье, оказались тяжелыми. Я приволок их, поставил на люк. Это должно было задержать преследователей на какое-то

время.

– И что теперь? – негромко спросила Ульрике.

– Вы боитесь высоты?

– Не знаю, – нахмурившись, ответила она. – Хотите сбежать по крыше?

– Ничего другого не остается.

– В городе ведь тоже опасно, да?

– Там, по крайней мере, не знают, что вы дочь ландрата. Ваша юбка... – Я указал на порванную ткань. – Будьте осторожны, пожалуйста.

Она быстро кивнула:

– Со своим платьем я совладаю. Просто не бросайте меня.

Я распахнул окно, выбрался наружу. Следом за мной вылезла девушка. Охнула, закачалась, теряя равновесие из-за поехавшей под ногой черепицы, и я тут же подхватил ее под локоть:

– Держитесь! Не смотрите вниз!

Она хотела мне ответить, но налетевший порыв холодного мартовского ветра, заставил ее вздрогнуть. На ней было лишь легкое платье, совершенно бесполезное по такой погоде.

На двух городских звонницах били в набат, слышались ослабленные расстоянием крики, хлопки выстрелов из аркебуз. Я быстро осмотрелся, постаравшись оценить обстановку.

На окраинах, у внешней стены и за ней, в пригородах, все было спокойно. Казалось, тамошние жители и не подозревают о том, что творится в других частях города. Ближайший пожар бушевал на соседней улице, и горело там очень хорошо. Языки пламени порой взлетали выше крыш – скорее всего, бунтовщики подожгли какие-то склады.

Я насчитал двенадцать пожаров, разбросанных по всему городскому центру, старым кварталам, мастеровым цехам. Уверен, что это не конец, а лишь начало.

– Как мы спустимся? – спросила меня Ульрике.

– Должна быть лестница. Идемте!

Я подвел ее к краю крыши, обернулся, проверяя, нет ли преследователей. Все было тихо. То ли они не догадались, куда мы делись, то ли все еще не могли открыть люк.

На дальней крыше я уловил движение – нечто небольшое и темное забралось на выступающий карниз и жадно нюхало воздух. Нечисть чувствовала смерть, выползала из укромных щелей, чтобы принять участие в кровавом пире. Уверен, что скоро дадут о себе знать и темные души. Как старые, так и новые, появившиеся в эту ночь. Нас тварь не замечала, все ее

внимание было приковано к тому, что происходило на соседней улице.

– Людвиг! – окликнул Проповедник. – Вот тут можно слезть.

Эта сторона дома смотрела во внутренний двор. Я увидел небольшой балкончик, на который было не трудно спрыгнуть, а с него вполне реально перебраться на скошенную крышу сарая.

– Я не смогу, – прошептала девушка, стоило ей оценить расстояние.

– Сможете! – возразил я. – Другого пути нет. Я пойду первым, затем поймаю вас. Хорошо?

Она с сомнением кивнула.

Я отстегнул палаш, бросил его вниз, и она вздрогнула от громкого лязга железа. Еще раз ободряюще кивнув Ульрике, взялся руками за выступ, повис, а затем разжал пальцы. Приземлившись, махнул девчонке. Высота в два моих роста ее пугала, и она нерешительно села на краю. Затем вспомнила, как это делал я, тоже повисла на руках, предоставив мне возможность любоваться тройкой кружевных юбок.

– Поймаю!

Она полетела вниз, и я подстраховал Ульрике, подхватив на руки. Дальше все пошло как по маслу. Я спрыгнул на сарай – у него оказалась крепкая крыша, выдержавшая мой вес, – помог спутнице, и уже через две минуты мы очутились на земле.

Тут же залаял цепной пес. Не обращая на него внимания, я повел девушку к забору, сильным ударом ноги выбил хлипкую калитку и шагнул в темный, узкий переулок.

– Я постараюсь вас спрятать. Этой ночью дочери ландрата на улице находиться опасно.

– Они знали, где мы остановимся. Они убивают всех, кто должен был выносить решение по налогу.

– Вы правы. Сперва их, а затем всех кто попадется под руку.

– А бургомистр? Вице-примар? Каноник?

Я покачал головой:

– Не знаю. И не хочу о них думать. Если им будет сопутствовать удача, они увидят следующее утро.

Мы вышли на улицу и тут же отпрянули назад, во тьму переулка, так как за углом загрохотали копыта. Шестеро всадников пронеслись мимо, отчаянно нахлестывая лошадей, торопясь куда-то в сторону ворот внешней стены.

– Стража, – негромко сказал я.

– Они остановят безумство.

У меня было впечатление, что ребята спешат не для того, чтобы

выполнять свою работу. Скорее наоборот, их основное желание – свалить как можно быстрее и как можно дальше. Иначе отчего они проскакали не в сторону ратуши и домов богатых горожан, где сейчас, уверен в этом, льется кровь.

Ульрике дрожала от холода, и я протянул ей свою куртку, несмотря на возражения.

– У меня свитер. Мне не холодно. Надо было раньше вам отдать, но я боялся, что одежда большого размера помешает вам спуститься.

Она сразу же утонула в ней, став еще более затравленной и несчастной.

– Я отведу вас в безопасное место. Просто доверьтесь мне. И ничего не бойтесь.

Девушка лишь сжала мои пальцы, и мы поспешили по затаившейся улице.

На трупы мы наткнулись возле сада, что разбили на берегу Обводного канала. Ульрике, увидев мертвых и темную кровь на камнях, не произнесла ни звука, лишь побледнела и шагнула назад.

– Это же мастеровые. Почему убивают их? – не выдержав, спросила она, когда мы прошли мимо.

– Ландратами не ограничиваются. Бьют всех. В первую очередь чужаков. Затем богачей. Потом тех, кто не в их мастеровой гильдии, или же тех, кого они ненавидят и давно затаили против них зло. Ночь – жестокое время, госпожа фон Демпп.

К утру на улицах, особенно центральных, окажется много трупов, если только городская стража и расквартированные в Клагенфурте военные части быстро не опомнятся и не возьмут ситуацию под свой контроль.

Опыт подсказывал, что как минимум четверть военных и стражи присоединятся к грабежам и погромам.

Вновь трупы. Я склонился над телом женщины, увидел, что ее ударили по голове, проломив череп, перевернул тело на живот и начал распутывать шнурковку платья.

– Что вы делаете?! – с ужасом спросила Ульрике гораздо громче, чем стоило.

– Да-да. Мне тоже хотелось бы это знать, – поддержал ее Проповедник. – На тебя это не очень-то похоже.

– Она мертва. И ей больше не нужно ни платье, ни теплый плащ. В отличие от вас. К тому же ваша одежда слишком богатая, а потому заметная. Ее следует сменить как можно скорее.

– Это так необходимо?

Я посмотрел ей в глаза:

– Да. Если вы хотите выжить.

Та поколебалась, а затем начала помогать мне раздевать труп.

– Проповедник, верти головой. Если кто-то появится, скажи.

– Уже делаю это, – ворчливо бросил тот.

– С кем вы говорите? – нахмурилась девушка.

– С одной светлой душой. Не бойтесь.

– Сегодня я боюсь только людей.

Крики раздались за соседним домом, я вскочил, держа в руках палаш и бросив моей спутнице:

– Поторопитесь.

Но кто бы там ни шумел, на улице он не появился.

– Где можно переодеться? – спросила дочь ландрата.

– О, Господи! – закатил глаза Проповедник. – Сейчас не время для скромности!

– Вот здесь. – Я указал ей на темную подворотню, которую наполовину загораживала жестяная бочка с дождевой водой. – Пожалуйста, быстрее.

– Святой Франциск Ньюортский и все его несчастные дети! – занервничал старый пеликан. – Зная благородных дам, могу сказать, что без служанки она провозится целую вечность.

Он ошибся. Ульрике справилась за три минуты. Платье было ей почти в самый раз, а теплый плащ на плечах, темно-коричневый и длинный, подходил гораздо лучше, чем заметные ярко-голубые тряпки благородной.

За это время на улице так никто и не появился.

– Мы пойдем к внешним воротам?

– Нет. Слишком далеко. Уверен, они либо закрыты, либо их уже захватили. С той стороны недавно раздавались выстрелы...

Я осекся. Из окна ближайшего дома, светленького, аккуратного и ухоженного, с криком вывалился человек. Раздался глухой удар, и тело, дернувшись, осталось лежать на мостовой. Двое убийц высунулись наружу, посмотрели на мертвеца, увидели нас.

– Идите спокойно. – Я чувствовал, как ногти Ульрике впиваются в мою ладонь.

Убийцы проводили нас взглядами, так и не окликнув.

– Я веду вас в «Фабьен Клеменз и сыновья». Ближайшее отделение через три квартала отсюда.

– Это почти рядом с Ратушной площадью. Не лучше ли укрыться в каком-нибудь доме?

Я остановился, завидев впереди разгромленные торговые лавки и мертвецов в исподнем.

– У вас есть на примете такой, госпожа фон Демпп? – напрямик спросил я.

– Нет. – Она прижалась к стенке, обходя трупы и стараясь на них не смотреть.

– И у меня тоже. Нас попросту не пустят. Не в эту ночь. А если пустят, то существует слишком большой шанс, что выйдут.

– Но банк... Сейчас ночь. Они не работают. А если там кто-то и есть, разве клерки откроют нам дверь?

– В Лисецке они помогали людям. Три отделения спасли от резни почти сотню человек. Основное требование – вы должны быть клиентом «Фабьен Клеменз и сыновья» и на вашем счету должны храниться деньги. Много денег. Как у вас с этим?

Она задумалась:

– Отец сотрудничал с ними. Год назад он сделал мне подарок, открыл счет. Сколько там дукатов, я не интересовалась. Была только раз, когда заключали контракт.

– Уже легче. Значит, нас хотя бы выслушают.

– Люди, грабящие торговые лавки, пойдут разорять и место, в котором хранится золото. – Несмотря на сильный стресс, она рассуждала очень здраво.

– Верное предположение. Но только «Фабьен Клеменз» это не магазин, торгующий шерстью. Их еще никому и никогда не удавалось ограбить.

– Впереди опасность! – крикнул Проповедник, который, точно ищейка, рыскал по переулкам и теперь находился на противоположной стороне улицы, возле решетчатой ограды небольшой церковной часовни.

– Постойте, – попросил я Ульрике, а сам прокрался вперед и выглянул из-за угла.

Человек двадцать, все с оружием, пытались выломать ворота богатого дома. Створки оказались мощными, в ход пошли топоры.

– Смерть пособникам ландратов! – закричал пузатый мужик в фартуке портного.

– Смерть! Смерть! Смерть! – подхватила толпа, и факелы бросали на их искаженные ненавистью лица кровавые блики.

Несколько человек вытащили из церкви лавки, свалили их в груду и разожгли большой костер. Какой-то юнец, опьяненный своей удалью и вседозволенностью этой ночи, зашвырнул факел на крышу, но тот скатился по черепице, упал за забор. Идею молокососа подхватили еще несколько

человек, но теперь они целились в окна. Одному удалось попасть, и факел, под улюлюканье народа, поджег штору. И в этот момент дом ожил, и с разных этажей прогремел слаженный залп восьми-девятыи аркебуз.

Осажденным не надо было даже целиться. Жаждущих пробраться внутрь оказалось довольно для того, чтобы каждая из тяжелых пуль нашла свою цель. Послышались крики, в основном гневные, фасад начало заволакивать сизым дымом, толпа с ревом насыпала на ворота, желая как можно быстрее добраться до обороняющихся.

И тут грохнуло так, что землю у меня под ногами тряхнуло. Пугало аж подскочило, а затем, ничего не говоря, поспешило в гущу событий. У тех, кто скрывался в доме, оказалась легкая пушка, но, как видно, не имелось ядра. Скорее всего они не нашли ничего лучше, как засыпать в ствол пуль и положиться на волю создателя. Несмотря на расползающийся едкий дым, я видел, что ошеломленные люди разбегаются, на мостовой лежат раненые и убитые.

– Что там? – спросила Ульрике.

– Ничего хорошего. – Я повернул на север, обходя квартал по кругу.

Мы прошли мимо четырех домов с выбитыми дверьми. На крыльце одного плакала женщина. Увидев нас, она в страхе отступила во мрак.

Проповедник поотстал, и мы нос к носу столкнулись с шестью бунтовщиками. У одного из них в руках было копье, остальные оказались заняты тем, что сваливали награбленное добро на подогнанную телегу. Мы их интересовали лишь до тех пор, пока они не поняли, что чужаки не претендуют на добычу. Так что мы беспрепятственно прошли дальше.

– Аптекарская улица, – сообщила мне Ульрике, когда я спросил, где мы находимся. – До Ратушной площади отсюда идти пять минут. А от нее еще две минуты до «Фабьен Клеменз и сыновья». Нам сюда.

– Постойте, – умерил я ее пыл. – Если направимся прямо, то выйдем к ратуше?

– Да.

– Не подходит. Сейчас это одно из худших мест в городе. Есть другая дорога?

Она задумалась на мгновение, прикусив нижнюю губу.

– Через общественный сквер, вдоль пруда. Направо, в тот проулок. Нет! Стойте! Вон туда.

Мы спешали под звон набата и отдаленные выстрелы, стараясь держаться стен домов. По пути кого-то спугнули – я услышал во тьме шорох, а затем быстро удаляющиеся шаги.

Сквер оказался огорожен от улицы невысоким каменным забором.

Ворота мы искать не стали, перебрались через ограду, под мрачными каштанами прошли весь путь, видя, как в холодной воде пруда отражается пламя пожаров, бушующих в соседнем квартале. Алые языки, точно венцы, украшали недостроенную крышу церкви.

Пугало подошло к самому берегу и помахало нам рукой, приглашая задержаться и полюбоваться огнем. Проповедник только сплюнул:

— Даже дом Господа не пожалели, нехристи!

— Сегодня не жалеют никого, — ответил я ему, чем снова удивил Ульрике.

Но на этот раз она сообразила, с кем я беседую, и ничего не стала переспрашивать. Прежде чем выйти из-под прикрытия деревьев, я огляделся, видя лишь лежащие на улице трупы. На одном из них сидела какая-то черная лохматая тварь и лапами пыталась выломать ребра.

— Что это? — с тихим ужасом спросила девушка. — Темная душа?

— Нет, раз вы его видите. Кто-то из нечисти.

Я увел ее обратно, к каштанам, где мы столкнулись с идущим навстречу Пугалом.

— Там тварь жрет потроха мертвеца. Любопытно? — вылез Проповедник.

Пугало конечно же заинтересовало такое редкое зрелище, и оно начало ломиться через кустарник. Я посмотрел на старого пеликана с осуждением.

— А что? — с вызовом спросил тот. — У меня сегодня дурное настроение, и соломенная голова порядком раздражает. Имею право отправить его куда подальше. Да ладно тебе, Людвиг! Все равно ведь от него никакого проку!

Улица, на которую мы выбрались, состояла сплошь из богатых домов, еще не тронутых грабителями. Я только успел порадоваться, что безумие пока не дошло до этого квартала, когда из-за поворота показалась плотная масса людей, вооруженных кто во что горазд.

— Смерть сторонникам ландрата! — заорал один из них и недвусмысленно указал на нас.

Я схватил Ульрике за руку, и мы бросились бежать прочь.

Проповедник скулил и оглядывался, слыша вой толпы, преследующей нас. Люди, точно псы, почувствовавшие добычу, забывшие о заповедях, законах и правилах, подчиняясь общей звериной воле, одуревшие от крови, смерти и вседозволенности, крушили все, что попадалось им под руку. Выламывали двери в лавки и жилые дома, убивали тех, кто был не с ними или не похож на них. Жадная цепь голодных муравьев, готовых сожрать и

переварить любого, а к утру, когда безумие схлынет и толпа распадется на отдельных детей божьих, забыть о совершенном, замолить грех и убедить себя, да и других, что это все делали не они. Что им пришлось так поступить, чтобы не выделяться среди остальных.

Завтра они будут рыдать над обезображенными трупами, удивляясь, отчего же вдруг умер сосед, отводить взгляды от младенцев с расколотыми головами, в потрясении ходить среди пожарищ и разрушенных зданий. Не понимать, почему оправившиеся власти хватают каждого третьего, колесуют, четвертуют и вешают на столбах.

Ведь это же не они. Никто из них не хотел ничего такого. Они готовы в этом поклясться. И палачам придется слушать их рыдания да мольбы, а уставшим священникам отпускать грехи и правых и виноватых, прежде чем веревка затягивается на шеях бунтовщиков. Такое уже было в Лисецке. Будет и в Клагенфурте. По сути своей люди везде одинаковые.

Но пока же на пути толпы лучше не попадаться. Меня совершенно не обрадует, если какой-нибудь раскаявшийся поутру всплакнет над моим трупом и поскачет на исповедь.

Ульрике после бега дышала тяжело, она едва не падала в обморок от усталости, страха и всего того, что успела пережить за этот час. Я подхватил ее на руки и припустил еще быстрее, оставив замешкавшегося Проповедника далеко позади.

У перекрестка я заметил нескольких солдат. Они выглядели растерянными и перепуганными. Один оказался ранен и сидел привалившись к стене, истекая кровью. Самый толстый из них, завидев меня, опустил пику, не зная, чего ждать.

– Бегите, идиоты! – рявкнул я. – Толпа идет сюда от Ратушной площади! Там человек триста!

Солдат отбросил тяжелое оружие в сторону, двое его товарищей подхватили раненого и юркнули в переулок, только их и видели.

«Фабиен Клеменз и сыновья» располагался на первом этаже богатого трехэтажного здания, судя по ажурным балкончикам, построенным еще во времена прошлого герцога. Окна закрыты стальными щитами, дверь заперта, белая вывеска с острыми черными буквами была прекрасно различима с другого конца улицы.

Я подлетел к двери, поставил девчонку на ноги, она прислонилась к стене, вздрагивая каждый раз, когда мой кулак встречался со стальной поверхностью.

– Ничего не выйдет. – Голос Ульрике звучал на удивление спокойно. – Они не дураки. И никого не пустят в такое время.

В двери открылось маленькое слуховое окошко, забранное решеткой, из-за которого на меня глядела тьма.

— Мы являемся клиентами вашего уважаемого заведения, — быстро сказал я и прежде, чем они передумали, добавил: — Я из Братства. Если не готовы впустить меня, дайте убежище хотя бы девушке. Толпа не проявит к ней жалости.

— Вашу руку, пожалуйста, — прозвучал тихий голос.

Я не мешкая сунул правое запястье в окошко, почувствовал, как кожи коснулся ивовый прутик.

— Теперь ваша спутница, господин ван Нормайенн.

Ульрике, увидев мой успокаивающий кивок, выполнила просьбу.

Тут же застучали засовы, заскрежетал замок.

— Быстрее, госпожа фон Демпп, — раздался все тот же голос. — И вы, страж, заходите тоже.

Мы оказались в темном помещении, дверь захлопнулась, и после нескольких секунд томительного ожидания кто-то открыл шторку сперва одного фонаря, затем другого, и стало достаточно светло для того, чтобы я разглядел маленького клерка со спокойным лицом и двух внушительных громил-вышибал в ливреях, вооруженных лучше гвардейцев тяжелой кавалерии.

— Кресла в дальнем конце зала. Располагайтесь, — произнес клерк. — Желаете что-нибудь выпить? Фруктов?

Ульрике нервно рассмеялась, осеклась, увидев, как подчеркнуто вежливо поднялись брови служащего, державшего под мышкой толстую бухгалтерскую книгу, и извинилась:

— Простите. Просто после увиденного сегодня предложение выпить показалось мне пришедшим из другого мира. Я не хотела вас обидеть. Простите еще раз.

— Вам не за что извиняться, юная госпожа. Но мое предложение было вполне серьезным.

— Тогда бренди, если вас не затруднит. Отец запрещал мне пить, но сегодня я ослушаюсь его запретов.

— Бренди, — бросил клерк одному из вышибал. — А вам, господин ван Нормайенн?

— Молоко.

Тот кивнул, проводил нас к креслам. Не прошло и минуты, как на столике появился тюльпанообразный фужер, наполненный янтарным напитком, и стакан с молоком. Я сделал глоток как раз в тот момент, когда сквозь стену прошел Проповедник:

– Основная толпа пошла по соседней улице, к дому каноника. Но сюда направляются человек пятьдесят. У них огонь и порох.

– Посидите здесь, госпожа фон Демпп, – попросил я.

Та кивнула, рассеянно крутя в тонких пальцах бокал.

– Бунтовщики скоро будут здесь. Они не пропустят вашу контору, – тихо сказал я клерку.

Тот глянул на меня с улыбкой, и в его темных глазах отразились огоныки фонарей.

– О да. Наша фирма слишком лакомый кусочек, чтобы пройти мимо. К сожалению, добрые жители Клагенфурта, в отличие от диких ландскнехтов, которые порой захватывают города, где есть наши представительства, не наделены чувством самосохранения. А вот жадности у них хоть отбавляй.

– Я знаю, что обычно «Фабиен Клеменз и сыновья» предпочитают не трогать. Но если у вас есть лишний арбалет или пистолет, я могу помочь вашим ребятам.

– Отразить нападение пятидесяти четырех человек? – клерк, такой же обыкновенный и неприметный, безымянный и обычный, как и все остальные работники этого уважаемого банка, покачал головой. – Это не в ваших силах. Их не испугать ни болтами, ни пулями. Но, поверьте, они сильно пожалеют, если решатся ломать дверь. Мы уважаемое заведение с серьезной репутацией и сохраняем деньги наших клиентов любыми способами. Если добрые жители Клагенфурта, в отличие от ландскнехтов, еще не знают, что лучше пройти стороной, мне придется преподать им урок.

– Каким образом?

– Так ли это важно? – Клерк поднял на меня глаза. – Вы в безопасности. Располагайтесь поудобнее. Ночь только начинается. Кстати говоря, вам письмо. Желаете получить сейчас?

– Да.

– Минуту.

Он обернулся гораздо быстрее, положил мне на ладонь едва теплый узкий конверт. Я узнал почерк Гертруды, но читать не стал, убрал за пазуху. На улице кричали люди.

Затем в дверь ударили чем-то тяжелым.

– Деньги народа! Деньги народа!

Еще один удар. И еще. Дверь вздрогивала, но держалась. Ульрике скакалась в кресле. Вышибала, наблюдавший за улицей через потайную щель, доложил:

– Собираются использовать ствол дерева как таран.

– Знаю, – клерк был занят тем, что заносил информацию в бухгалтерскую книгу. – Дадим им минуту. Сообщи, что денег они не получат, и предложи уйти с миром.

– Хорошо.

– Людвиг, это ведь не подействует! Ты же знаешь! – Проповедник едва ли не икал от волнения. – Не надо было сюда приходить. Мы загнали себя в ловушку, и когда они ворвутся, то не пощадят никого.

– Успокойся. Бояться нечего.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

Я вернулся к Ульрике. Она расширенными от ужаса глазами следила за охранником, который призывал толпу разойтись.

– Вы не пьете.

Девушка пожала узкими плечиками:

– Подумала, что стоит сохранить голову незамутненной. Мы выживем?

– Здесь вы в безопасности.

От страшного удара содрогнулась вся внешняя стена здания. В ход пошел таран, и пятьдесят глоток, жаждущих несметных богатств, раззадоренных и разозленных тем, что их непускают внутрь по первому же требованию, восторженно взревели.

– Святые мученики! – проскулил Проповедник.

– Придурки, – бросил я, глядя на клерка, продолжавшего писать.

Теперь все зависело от этого человека и его терпения.

Импровизированный таран ударили еще дважды.

– Не уходят, – озвучил вышибала всем и так известный факт.

– Очень жаль. – Сотрудник «Фабьен Клеменз и сыновья» с видимой печалью аккуратно положил гусиное перо на пресс-папье. – Ну тогда у меня нет выбора. Совет управителей дал мне четкое распоряжение на сей счет.

За стеной что-то сухо затрещало, словно десятки ног раздавили яичную скорлупу, а затем наступила зловещая тишина.

– Все? – спросил клерк у охранника.

Вышибала приник к смотровой щели, с каменным лицом кивнул:

– Да.

– Что там? – Проповедник сделал шаг к стене, желая выглянуть на улицу, а затем затряс плешивой головой, отказавшись от этой мысли. – Не желаю знать. Клянусь святым Иосифом, не желаю!

Я почувствовал легкий запах жареного мяса, что начал проникать с

улицы.

– Они все мертвы? – Ульрике посмотрела на меня с тоской.

– Просто ушли.

– Хм. – Она не поверила мне, но, как и старый пеликан, не хотела делать эту страшную ночь еще страшнее.

– Здесь вы в безопасности, госпожа фон Демпф. Дождитесь утра. А еще лучше – слушайтесь этого господина. Он выпустит вас, когда в Клагенфурте станет безопасно. И, думаю, позаботится о том, чтобы отправить вас к тетушке.

– Всенепременно, – кивнул неприметный человечек за стойкой. – Безопасность наших клиентов такая же важная вещь, как безопасность их вложений и переписки. Вы можете не беспокоиться за судьбу госпожи фон Демпф.

– Это означает, что вы уходите? – Ульрике вскочила с кресла, глядя на меня с отчаянием, сразу став потерянной и испуганной.

– К сожалению, у меня есть несколько дел. И их следует закончить до утра.

– Не надо! – Она вцепилась мне в запястье. – Пожалуйста! Не оставляйте меня! Отец мертв! Если еще и вы...

Дочь ландрата запнулась, и я ласково ответил ей:

– Все будет хорошо. Я должен выполнить свою работу. Поверьте, со мной ничего не случится. Без вас на улицах я легко справлюсь с любой проблемой. Мне действительно надо идти. Пока в округе заташье.

Она несколько раз вздохнула, наконец решилась и разжала пальцы. Привстала на цыпочки, едва дотягиваясь, поцеловала в щеку, как видно сама испугавшись того, что сделала.

– Я и моя семья перед вами в долгу, господин ван Нормайенн. Когда-нибудь фон Демпфы выплатят его сторицей. Спасибо за все. Берегите себя.

– Расскажу твоей ведьме, какой ты белый рыцарь, – хихикнул Проповедник.

– Выпустите меня? – спросил я у клерка.

– Конечно, – ответил тот. – Вы вольны делать что хотите, но на всякий случай я настоятельно рекомендую вам задержаться здесь.

– Безопасность клиентов превыше всего? – хмыкнул я.

Он поклонился:

– Мы заботимся о нашей репутации.

– Могу я что-то для вас сделать, прежде чем уйду?

– Просто оставайтесь нашим клиентом и впредь. Удачной ночи, господин ван Нормайенн.

Он дал знак вышибале, и тот выпустил меня из конторы. Как только я сделал шаг на улицу, тяжелая дверь за мной захлопнулась.

Пугало бродило по кладбищу, в которое превратилось все пространство перед «Фабьен Клеменз и сыновья», пробуя носком ботинка то один обгоревший труп, то другой, словно не понимая, что случилось с людьми, которые совсем недавно пытались добраться до чужих денег.

Пять десятков мертвецов, больше похожих на жареные чергийские вырезки, все еще дымились, наполняя воздух горьким дымом, который щекотал горталь. Никто не выжил, и Проповедник, все же высунувший свой нос на улицу, теперь грязно ругался и крестился, следя за мной по узким переулкам, пропахшим мочой, сыростью, мусором. Здесь сегодня не было никого, кроме крыс, они пищали в сточных канавах, целыми стайками стремясь туда, где пахло кровью.

– Это магия! Проклятая темная магия! – наконец сказал он мне.

– Не удивлен. – Несмотря на то что вокруг не было ни души, я все же оставался начеку и не убирал палаш в ножны. – Ничто лучше не защитит чужие деньги.

– Ты одобряешь сделанное?! – ужаснулся он.

– Пожалуй. Не будь у них такой защиты, мы с тобой уже бы не разговаривали.

– Людвиг! Но это же запрещено! Они не спрячут столько мертвецов! Им придется отвечать!

– Интересно перед кем?

– Перед законом. Перед Церковью, наконец!

– Проповедник, ты как маленький. Какой закон? Какая Церковь? Ты действительно считаешь, что у них нет патента на такой случай? Ты реально думаешь, что кто-то будет требовать кары?

– А разве нет?

– Раскрой глаза, дружище. Весь Риапано держит у них деньги. У князей, благородных, военачальников, стражей и многих-многих других флорины, гроши да дублоны лежат на счетах «Фабьен Клеменз и сыновья». Никто не станет связываться с банком. Особенно если тот защищал их деньги. Лучше пожертвовать пятьюдесятью никчемными дураками, чем своими состояниями.

Он основательно подумал над этим, покосился на догнавшее нас Пугало:

– Но люди все равно узнают.

– Разумеется. Отличный урок. К ним больше не полезут. Во всяком случае, в Клагенфурте.

– В Лисецке было то же самое?

– Нет. Толпа там ученая. Банки обошли стороной. Клерк не зря упомянул про ландскнехтов. Даже наемники в Лезерберге и Фрингбоу, захватывая и грабя город, не трогают «Фабьен Клеменз». Поверь, они знают, что их ждет.

– Да уж. Лучшее место для того, чтобы отсидеться в горячее время. Но уверен, что рано или поздно найдется тот, кто раскусит этот крепкий орешек. И выскребет его подчистую.

Я остановился на перекрестке, пытаясь сориентироваться среди мрачных, притихших домов, нависающих со всех сторон, точно горы:

– Если такое и случится, то не при моей жизни.

– Куда ты теперь? К Мельничнему колесу?

– Да.

– Но ты же сам говорил, что ворота закрыты до утра.

– Не во время бунта, Проповедник. Дома за стеной – лакомый кусочек для всех. Слишком богаты. Видишь же, насколько пуста эта часть города. Многие направились туда.

– Ага. Как же, – цинично произнес тот. – Если выбирать еще более узкие переулки, то здесь никого не встретишь до второго пришествия. Вокруг полно обезьян, которых по ошибке назвали люди...

Он осекся, потому что глухо заворчали пушки. Они располагались довольно далеко, скорее всего на противоположном конце Клагенфурта.

– Армия все же пытается остановить безумие, Людвиг.

– Будем надеяться, что у них получится.

Темные и безопасные проулки пришлось покинуть, выйти на улицу, где бушевали пожары. Горело по меньшей мере шесть домов, и пламя длинными языками вырывалось из окон и выбитых дверей, забиралось по стенам, пожирало крыши. В ближайшем ко мне здании прогорели опорные балки, и черепица с грохотом обвалилась внутрь, а в темное холодное небо взметнулись мириады оранжевых искр.

Улица оказалась затянута белой хмарью, а жар стоял такой, что живых здесь, среди уже разоренных домов, не было. Лишь мертвые, постепенно превращавшиеся в копченые куски плоти, и... темные души.

Две убавляющие мясо. Невысокие, плечистые, в длинных серых юбках, с грязными растрепанными волосами, творожисто-белыми лицами, на которых были лишь рты с потрескавшимися синими губами. Они, оглушенные пламенем, бесцельно бродили среди трупов, порой присаживаясь перед ними, и пытались тянуть из мертвецов силу, которой у тех давно уже не было.

— Господи. Откуда здесь взялись эти твари? — с омерзением спросил у меня Проповедник.

Убавляющие редко встречаются в городах. Это не их вотчина.

Почуяв человека, они остановились, повернули в мою сторону гладкие, точно коленки, лица, а затем неспешно двинулись навстречу. Довольно странно, при том, что эти темные сущности обладают сильным чувством самосохранения и не лезут к стражам, если только их не больше пяти-семи. Как видно, пожары затуманили их разум.

— Ушел, — бросил мне Проповедник, уже давно знавший, что не стоит находиться поблизости, когда я начинаю швырять знаки и фигуры.

Первая из убавляющих бросилась на меня стремительно, выставив перед собой мускулистые руки с почерневшими пальцами. Я встретил ее ударом ноги, схватил за волосы, крутанувшись, бросил в пламя горящего здания и тут же поднял ладонь, швыряя рубиновый знак в лицо второй. Она опрокинулась на спину, и я ударил кинжалом, не обращая внимания на то, что ее лапы разорвали куртку на плече.

Почувствовав движение за спиной, кувыркнулся вперед, слишком близко к жару, чтобы не замечать его, обернулся и обомлел. Еще три убавляющих перекрывали мне отступление, оставляя лишь один путь, сквозь пламя. У одной в пасти была человеческая рука, и она судорожно, словно лягушка, поймавшая чрезмерно большое для нее насекомое, пыталась проглотить ее, отчего создавалось впечатление, что темную душу вот-вот стошнит.

Теперь понятно, почему они напали. Их было не двое, а пятеро.

Что плохо в убавляющих — если они начинают охоту, то не отступят до самого конца.

Ослабляющая фигура легла на мостовую, и еще одна мне под ноги. Последнюю я связал со знаком, который сейчас втягивал в себя силу ближайшего пожара, с каждым ударом сердца вырастая в размерах. Я запустил им в эту троицу. Одна успела отскочить прежде, чем тот взорвался, две других попали под брызги невидимого огня, вспыхнули, вереща закрутились на месте и упали. Отскочившая запнулась о фигуру, которая выпила из нее силу, замедлив настолько, что я без труда забрал гадину кинжалом. Затем поступил точно так же с теми, что валялись на мостовой и пытались встать, чтобы до меня дотянуться.

Оставалась еще первая, которую я швырнул в огонь, но она, обезумев и ослепнув, металась среди пламени. Я не мог войти в этот горн, поэтому закинул в окно несколько взрывающихся знаков, надеясь, что те смогут если не развоплотить ее, то хотя бы обессилить, и убавляющая перестанет

быть опасной для людей на несколько лет. У меня не было возможности ждать, когда огонь утихнет.

На соседних улицах я встретил людей. На квадратной площади, среди перевернутых рыночных рядов, веселились мастеровые. Из разоренной винной лавки выкатили бочонки прогансунского вина и наливали всем желающим. Алый, точно кровь, напиток тек в кружки, исчезал в глотках, и многие уже порядком набрались. С десяток девиц, смеющихся, растрепанных и запыхавшихся, взявшись за руки, водили хоровод вокруг позорного столба, на котором, привязанный за ноги, болтался труп в богатых одеждах.

Из верхнего, распахнутого окна на мостовую летели дорогие стулья, диваны и картины в золотых рамках. Затем настал черед старых рыцарских доспехов. Падение каждого предмета вызывало бурную радость у зрителей. Одно из кресел уцелело, и в нем восседало Пугало. За царящим бедламом оно наблюдало с толикой презрения. Впрочем, оживилось, когда среди этого пира на крови раздался женский визг:

– Благородный!

По счастью указывали не на меня, а на какого-то толстячка, который пытался улизнуть с площади.

– Я такой же, как и вы! Я не дворянин!

– Я служила у него! – не слушая увещеваний перепуганного человека, крикнула все та же девица.

Действительно ли она работала на этого бедолагу или наврала, сводя счеты с недругом, никто разбираться не стал. Народный суд вынес приговор за несколько секунд. Четверка кряжистых мужиков подхватила несчастного и с разбегу ударила его головой об стену. Труп с размозженным черепом кинули в груду переломанной мебели и тут же забыли о нем, вернувшись к веселой гулянке.

Отступать назад было глупо, это привлекло бы ко мне ненужное внимание, и я пересек площадь, двигаясь неспешно и без суэты. Я никого не заинтересовал, хотя у меня на рукаве и не было нашивки гильдии. Как я уже успел убедиться, довольно большой процент выбравшихся на улицы к гильдиям и вовсе не принадлежал. Первая жажда крови прошла, для появления второй надо было набраться посильнее, поэтому на людей в отличной от мастеровых одежде, если, конечно, она не бросалась в глаза своим богатством, пока не обращали внимания.

Какой-то конопатый парень со смехом протянул мне пивную кружку, до краев полную красного вина.

– За свободу! И смерть глупых ландрантов! Выпей из бургомистрских

запасов, друг! Эта мразь теперь-то возражать не станет! Притих, падла! – Он кивком указал на столб, где болтался труп в богатых одеждах. – Еще бы вице-примара отловить, и Господь будет благоволить к нам!

Я оставил при себе комментарий, что бог вряд ли будет рад тем убийствам, что они учинили, и взял вино. С кружкой пересек площадь, провожаемый насмешливым взглядом Пугала. Только оно из всех присутствующих понимало, насколько сильно я сейчас ненавижу этих опьяневших от крови людей.

Ненавижу и ничего не могу сделать.

– Вот теперь-то мы заживем! – крикнул какой-то лысый детина, тиская хохочущую девицу. – Свобода без всяких ландратских ублюдков! Теперь мы решаем, что делать и за что платить, братцы!

– Придурки, – холодно произнес Проповедник, внезапно оказавшийся рядом. – Надо же быть такими идиотами! Когда они поймут, Людвиг?

Когда протрезвеют. И насытятся минутной властью, кровью и добром соседей. Только будет немного поздно. Потому что герцог Удальна не позволит, чтобы голытьба решала в его стране, кому жить, а кому умереть. Большинство из тех, кто сейчас мечтает о райской жизни и новом мире, – уже покойники. Об этом знаю я, знает Пугало и даже Проповедник. Не подозревают лишь устроившие анархию.

– Никаких налогов! Пусть герцог засунет в задницу свои указы! – едва ворочая языком, проорал валяющийся на мостовой пьяница.

Я уже собирался уходить, когда с темной улицы, размахивая факелом, прибежал взмыленный мастеровой.

– Братья! Клаус из печников со своими ребятами обложил стражей! Нужна помощь! Кто со мной?

Люди, слишком занятые дармовой выпивкой, лишь отмахнулись. Из всех, кто отплясывал на площади, за мастеровым последовали только шестеро. Те, кому не хватило то ли крови, то ли развлечений. Я переглянулся с Проповедником, отбросил кружку с вином и отправился с ними, поплотнее запахнув рваную после встречи с темными душами куртку, так, чтобы кинжал с сапфиром на рукояти не бросался в глаза.

– Стражи! – сказал, точно выплюнул, пахнущий едким потом седовласый мужик, на ходу пытаясь зарядить старый фитильный пистолет. – Дьявольские прислужники и друзья ландратов. Пока они живы, не видать нам свободного Клагенфурта.

– Это почему? – спросил я.

– Дурак, что ли? Потому, что они темные души натравят на вольных жителей, и пиши пропало. Бить их надо сразу, пока зла не причинили.

– Сегодня вообще всех надо бить, – поддержал седовласого тот, кто позвал на подмогу. – А завтра разберемся, кто свой, кто чужой.

– Рациональный подход, чтобы тебя черти выпотрошили, – бросил ему Проповедник.

Улицу перегораживала маленькая стена, которую венчала сторожевая башенка. Судя по кладке, лет двести назад это был внешний периметр обороны Клагенфурта, но город с тех пор сильно разросся, старые укрепления в большинстве своем разобрали, пустив камень на постройку домов. Эту же часть оставили и превратили в пост для стражников, который перекрывал улицу на пути к Мельничьему колесу.

Сейчас, по словам бунтовщика, там засел кто-то из Братства. Кто бы это ни был на самом деле, выкурить его оттуда будет непросто. В особенности двум десяткам горожан, у которых нет ни пороха, ни пушки, а лишь палки да топоры. Небольшое пространство перед маленькой башенкой оказалось пустым, если, конечно, не считать пяти мертвцевов, в тела которых торчали арбалетные болты.

Осажденные дали понять, что будет, если кто-то к ним сунется. Теперь мастеровые прятались от жалящих болтов за перевернутыми телегами, бочками или в домах.

Проповедник, по счастью, в кои-то веки взял инициативу в свои руки, не дожидаясь моих просьб, и едва ли не галопом направился к форпосту. Я же пока присоединился к мастеровым, которые горячо обсуждали, что им делать дальше и кто пойдет на переговоры.

– Надо их выманить и прикончить, – предложил усатый мужик с серым лицом.

– На кой черт они сдались? – возразил печник с лохматыми бровями. Его звали Клаус, и он был здесь самым главным. – Что ты будешь делать со стражами, Лорген? Повесишь их шкуры на стену своей конюшни? Там! За укреплением! Прямая дорога к Мельничьему колесу и нашему богатству! Пока мы тут протираем задницы, другие грабят дома богатеев. Так что пусть стражи сваливают куда подальше. Лишь бы нас пропустили.

– Так давай обойдем...

– У Виноградных ворот закрепилась вторая рота кондотьеров. Они в пух и прах разбили пивоваров и всех, кто пытался прорваться по той дороге.

Пока главари спорили, как быть, двое особо нетерпеливых мастеровых не нашли ничего лучше, чем оторвать кусок забора и под прикрытием этого импровизированного щита, постараться миновать простреливаемое пространство. Их надеждам не суждено было сбыться.

Прилетевший из бойницы болт угодил под колено одному из них, и он упал, выронив защиту. Второй мастеровой побежал назад, оставив раненого товарища орать от боли на мостовой.

В него не стреляли.

Тем временем вернулся Проповедник.

– Там действительно стражи, Людвиг. Я их раньше никогда не видел. Но назвал твое имя. Они тебя знают. И ждут.

Уже легче. Во всяком случае, меня не подстрелят сразу.

– Я поговорю с ними, – предложил я.

Все разговоры смолкли, и бунтовщики уставились на меня.

– Тебе-то какое дело до всего этого, альбалаандец? – с подозрением спросил Клаус.

– Считаешь себя единственным, кто хочет набить карманы? – усмехнулся я. – Дайте мне белую тряпку, и я смогу убедить их пропустить нас через ворота.

Люди переглянулись. Лорген с сомнением нахмурился. На их лицах читалось все, о чем они сейчас думали. Если чужака все-таки подстрелят, так и черт с ним. А если у него получится, то никто из своих не станет рисковать головой.

Один из ремесленников притащил из разоренного дома простыню и примотал ее к древку сломанной гизармы.

– Ну удачи тебе, альбалаандец. – Клаус передал мне в руки импровизированный флаг.

По его глазам было понятно, что я не преодолею и половины пути. Но я, сопровождаемый Проповедником, дошел благополучно, остановился перед башней, и кованая дверь открылась.

Я шагнул в густой полумрак, услышал, как с лязгом опустился засов.

– Какими судьбами ты в этом пекле, ван Нормайенн? – спросил грубый мужской голос.

– Если это пекло, то огня и света довольно мало. Не узнаю в потемках.

– Ворон. Давай наверх, мне надо помочь жене. А ты, душа, не крутись под ногами.

Мужчина стал быстро подниматься по едва видимой серпантинной лестнице на площадку.

Ворон старше меня лет на пятнадцать, и мы несколько раз виделись в Ардене, но никогда не общались друг с другом. Страж был уроженцем Золяна и, по обычаям этой далекой страны, заплетал в косички черные волосы и бороду. Скуластый, смуглый, с чуть плоским лицом и широким носом, он походил на варваров-кочевников, но отличался от них высоким

ростом и ярко-зелеными глазами.

Вторым стражем, сейчас приникшим к бойнице, оказалась Агнесса. Полная, невысокая женщина с круглым добродушным лицом и редкими, рано начавшими седеть волосами. На меня она даже не посмотрела, лишь кивнула, когда я поздоровался с ней. Агнесса была немой от рождения.

– Чего они хотят? – Ворон сразу брал быка за рога. – Вздернуть нас на ближайшем дереве?

– Их больше интересуют богатства Мельничьего колеса. Форт преграждает им дорогу. Они просят пропустить. Тогда вы сможете уйти.

Он глухо рассмеялся:

– Если бы эти придурки знали, что у Агнессы осталось всего пять болтов, они бы заговорили по-иному. Сколько их там?

– Чуть больше двадцати человек. Пока. Если с ближайших улиц подтянутся другие, то, боюсь, они разозлятся настолько, что выковыряют нас из этой раковины.

– Так пусть проходят. – Ворон пожал узкими плечами. – Скажешь им, что мы пропустим всех, если они не станут ломиться?

– Скажу. Где переждете ночь?

– Нигде. Нам надо двигаться. Покинем город как можно скорее. Возле Северной стены есть сток, уйдем через него. Ты с нами?

– Мне страшно, господин Ником, – раздался тихий детский голос из темного угла.

– Все будет хорошо, Марта, – ответил золянец. – Не бойся, никто тебя не обидит. Просто надо подождать, когда уйдут злые люди.

Я всмотрелся в полумрак и увидел перепуганного ребенка, девочку, которой едва исполнилось шесть лет. Черноволосая, темноглазая и ужасно худая.

– Кто она? – спросил я.

– Ребенок с даром. Везем в Арденай.

– Эм... Не хочу вмешиваться в ваш разговор, но не слишком ли много детей с даром для одного города в одно и то же время? – прочистив горло, произнес Проповедник.

Даже Агнесса обернулась на его слова, посмотрела на мужа, а тот на меня:

– Ты тоже приехал в Клагенфурт за этим?

– Да. Она жила на улице Стены?

– Клянусь предками, да! Получается, что мы опередили тебя?

Я посмотрел на перепуганную дочь Вальтера:

– Вы всего лишь сэкономили мое время. Бумаги оформлены?

– Все честь по чести.

– А ее мать? Отказалась уходить?

– Я не видел матери, – понизив голос так, чтобы не услышала девочка, сказал Ворон.

– Тогда кто оставил подпись? Опекун? Священник?

– Зачем же? Разрешение оформил отец.

Вот тут-то Проповедник и остался с открытым ртом. Я смог сохранить самообладание:

– Отец? Уверен?

– Вполне. – Ворон удивился моим сомнениям. – Власти подтвердили его право. А в чем дело, ван Нормайенн?

Ответить я не успел, потому что Агнесса привлекла наше внимание и жестами с раздражением показала, чтобы мы перестали болтать, а наконец-то занялись делом.

Проповедник, которого так и распирало высказаться о последних новостях, едва сдерживал себя.

– Закрой за мной.

Следовало как можно быстрее разобраться с этой проблемой, дать возможность коллегам уйти и поговорить с Вальтером.

– Ты не поменял свое решение? – на всякий случай еще раз спросил Ворон.

Мы стояли на краю опустевшей площади, Агнесса возилась с девчонкой, успокаивала ее, гладила по голове.

– У меня есть дела в городе, – уклончиво ответил я, и он перестал настаивать, лишь пожал мне руку.

– Увидимся в Арденau, ван Нормайенн. Береги себя.

– Вы тоже будьте осторожны.

Агнесса кивнула мне на прощание, пошла первой, держа арбалет наготове и оставив девочку на попечение мужа. Когда они скрылись за поворотом, Проповедник прочистил горло:

– Как ты заметил, при товарищах я не подвергал твой авторитет сомнению. Но теперь все же выскажу свою мысль. В Клагенфурте делать больше нечего. Воля Кристины выполнена, девочка найдена. Находиться в городе рискованно. А встречаться с колдуном, так и вовсе безумие.

– Мне нужны ответы, Проповедник. А никто кроме Вальтера их не даст.

– Он зажарит твою пустую головешку.

– Не с кольцом Гертруды. К тому же до этого яправлялся с ним и так.

– Угу. Оставил на его роже шрам, за что он тебя ненавидит. Слушай, мне не хотелось бы, чтобы ты помер где-нибудь в этих свихнувшихся кварталах. Еще не поздно уйти.

– Кузнец, старина. Темный кузнец, который с легкостью устраивает массовые убийства и охотится за кинжалами стражей. Вальтер знает о нем больше всех.

Я поспешил в ворота, через которые совсем недавно прошел Клаус с товарищами, и старый пеликан побежал за мной, в раздражении размахивая руками.

– Черта с два! Тебе не дает покоя, что он сбежал и бросил Кристину!

– О нет! – возразил я. – Как раз по этому поводу у меня к нему вопросов не будет. А вот о том, как их нашел кузнец, я бы очень хотел поговорить.

– Так он тебе и скажет. Что, привяжешь к стулу и начнешь отрезать ублюдку пальцы? – Спутнику не понравился мой взгляд, и он поспешил вскинуть руку, словно бы защищаясь от тех мыслей, что пришли ему в голову. – Не хочу ничего знать!

Мы в молчании прошли по пустой улице, лишь по какому-то недоразумению оставленной нетронутой. Проповедник сделал последнюю попытку вразумить меня:

– Ты думаешь, Вальтер будет ждать тебя в доме? Он уже давно свалил!

– Возможно, но я все же рискну. Из Мельничьего колеса ведут всего двое ворот. Одни в руках горожан, другие под присмотром кондотьеров. Если он даже ушел, то до сих пор еще в городе. Найти его будет не сложно. – Я остановился и задумчиво посмотрел на старого пеликан.

– Что?! – тут же подозрительно прищурился он.

– Облегчи мне жизнь, приятель.

– Если бы я мог тебя связать и вытащить за городскую стену, то давно бы уже это сделал, – проворчал тот. – Быть может, подбить Пугало на такую пакость? Так чего надо-то?

– Отправляйся к Виноградным воротам, где сейчас стоят кондотьеры. И просто смотри. Если Вальтер выйдет через них, я хотя бы об этом узнаю.

– Святой Павел! И где, по-твоему, мне их искать? Я, между прочим, в городе впервые!

– Если следовать простой логике, то тебе следует идти вдоль стены. Рано или поздно в ней будет то, что тебе нужно.

Он зашипел, как целая стая рассерженных котов:

– Мне нужен только покой на старости лет, но, связавшись со стражем, я навсегда его лишился! – И уже гораздо тише закончил: – Ладно. Так и

быть, окажу тебе эту очередную услугу.

– Да, ты меня очень обяжешь.

Старый пеликан, раздраженный и недовольный как «моей глупостью», так и этой бесконечной ночью, ушел в указанном направлении. Я, выждав с минуту, двинулся следом, прижимаясь к стенам, ловя полумрак и стараясь как можно меньше привлекать к себе внимание горожан. Возможно, мои опасения были преувеличены, люди уже порядком пресытились смертями, сведением личных счетов и безнаказанностью. Теперь они куда меньше нацелены на то, чтобы убивать. Сейчас их больше интересует жажда наживы, но никогда не стоит забывать, что есть исключения из правил.

Бешеные собаки среди стада овец, они насыщаются кровью гораздо медленнее остальных и предпочитают ее еде, вину и обогащению. Такие существовали всегда, и были опасны. Лучше не привлекать их внимания, иначе придется вновь драться. А я хотел избежать совершенно не нужных схваток и побыстрее достичь дома Вальтера, о котором мне рассказал Ворон.

Я миновал каменный мост через реку, отделявшую Мельничье колесо от старой части города. В воде плавали темные «бревна» – трупы. Ветер, дохнувший на меня из распахнутых ворот, смердел кровью, точно я входил на скотобойню, а не в богатый район.

Стражников, которые охраняли вход, изрубили топорами и закололи вилами. Один, совсем еще мальчишка, не успевший надеть кирасу, сидел, привалившись к стене караулки, с удивленно распахнутыми, уже остекленевшими глазами. Бродячая собака из подворотни осторожно обнюхивала лицо другого покойника, и ее никто не гнал.

Мастеровые, «сторожившие» ворота, были заняты тем, что приканчивали бочонок вина.

Я их заинтересовал примерно так же сильно, как собака, собиравшаяся отведать мертвчины. На улицах мне то и дело попадались стаи людей, рывшихся в чужих домах, торговых лавках, разворовывающих церковную утварь, тащивших награбленное и дравшихся за него. Какие-то бабы несли в окровавленных подолах серебряную посуду, один мужик, пьяный вусмерть, неспешно и монотонно бился башкой об стенку, двое других, таких же нетрезвых, сидевших на корточках поодаль, делали ставки, как долго продержится череп товарища. Пугало болталось неподалеку, тоже с интересом следя за столь странным способом самоубийства. Судя по его виду, такого уровня человеческой глупости оно еще не видело и настроилось получить от представления все возможное удовольствие. У него даже пальцы подрагивали от возбуждения.

Я быстро проверил состояние страшилы. Несмотря на обилие трупов вокруг, оно оставалось на удивление хладнокровным. Сегодня ему хватало разлитых в городе эмоций и страданий. Они вполне заменяли Пугалу фигурную резьбу серпом по живой плоти.

Наверху раздался хлопок выстрела, спустя секунду вниз упало женское тело в порванной ночной рубашке. На какое-то мгновение на улице все замерло, люди посмотрели на крышу, а затем вновь вернулись к своим делам, так как ничего необычного не случилось.

– Эй, – я поймал за плечо тощего прыщавого парня. С виду он не представлял никакой угрозы. – Как мне найти улицу Стены?

Блуждать наугад в охваченном смутой городе больше, чем требуется, я не хотел.

Он глянул на меня с подозрением:

– Знакомые там живут?

Увердительно отвечать я не собирался, иначе не сносить мне головы. Бутовщики не жаловали обитавших здесь горожан.

– Нет. Ищу Клауса и Лоргена, – назвал я имена мастеровых. – Они должны пойти туда.

– А... Только зря. Там уже все растащено. Впустую будешь ходить. Прямо. Через шесть перекрестков направо, затем до стены. Улица начнется справа. Не ошибешься.

Я добирался до своей цели переулками, заваленными мертвецами. В сточных канавах бурела кровь. Я слышал лишь звук своих шагов. Ни дыхания, ни стонов раненых, ни просьб о помощи. Те, кто выжил – либо затаились, либо ушли. Район был полностью опустошен, словно по нему пронесся смертельный шторм, неподвластная человеку стихия.

Впрочем, так и случилось. С тем лишь исключением, что люди сотворили это своими руками. Я повернул голову, прислушиваясь, заглянул за угол. В тусклом свете догорающего сафоя увидел старуху, лежавшую на вытащенном из дома столе. Ее горло было перерезано, и капли крови неспешно падали в наполненную миску и через край проливались на землю.

В здании по соседству раздался шум, испугавший прятавшуюся во мраке крысу. Та бросилась прочь, пересекла открытое пространство, и голубая искра, вылетевшая из черного окна, прикончила грызуна, оставив от него лишь хвост да запекшиеся косточки.

Я машинально отпрянул назад, подальше от света. Меньше чем через минуту из разоренного дома вышла женщина, кутавшаяся в шаль. Она высыпала на лицо бабки какую-то траву, быстро наклонилась, поцеловала

мертвые губы, и я увидел, как желтушные руки покойницы дернулись. Воздух с неприятным свистом стал выходить из ее горла, тело подниматься.

Я поспешил прочь, ступая на цыпочках, пока ведьма меня не заметила. Надо сваливать, и как можно дальше отсюда. Во время смуты из мрака выползает не только нечисть, но и чудовища. То, что я видел, – работа велефа. Однажды я уже сталкивался с одним из них и выжил лишь чудом. Второй раз с подобной тварью связываться мне совершенно не хочется. Пусть инквизиция разбирается с тем, кто, по официальной версии церкви, «уже много лет как уничтожен». Но как показывает практика, в последнее время велефы не такая уж и редкость.

Я несколько раз оглядывался, опасаясь, что она все же почуяла меня. Но обошлось.

Улица Стены, широкая, засаженная кленами, была такой же пустынной, как и соседние переулки. Дом, в котором жила дочь Вальтера, оказался приметным. С палисадником, зелеными ставнями и выгравированной на стене виноградной лозой – стандартной отметкой в западных княжествах, говорящей, что здесь живет кто-то из мелких купцов.

Я знал, что застать колдуна нет никакой надежды. Жилище разорено, оставаться в нем, дожидаясь черни, мог только глупец.

Но было еще одно дело, о котором меня просила Кристина – книга. Хотя и тут шансов почти нет. Если фолиант представлял для Вальтера хоть какую-то ценность, он забрал его с собой. Но я обязан был это проверить. Криста, к сожалению, не сказала, в какой комнате мне искать. Придется простоять пол, чтобы найти тайник.

Два этажа, шесть помещений, включая кухню. Я довольно быстро обошел их, слыша, как под ботинками хрустит битое стекло. Ветер колыхал сиреневые занавески, сквозняком носился среди перевернутой мебели, уничтоженной посуды и без жалости сорванных картин.

Искомое нашлось на первом этаже, в маленькой темной детской, единственной комнате, не подвергнутой серьезному разгрому. Отодвинув кроватку в сторону, я обнаружил неглубокую, пустую нишу в полу.

– Проклятье! – негромко произнес я.

Неудача.

Я вышел в гостиную и увидел женщину в шали. Она подняла с пола опрокинутую табуретку, села, налила себе в чудом уцелевший стакан воды и теперь пила из него скучими глотками. Я тут же отвел глаза, чтобы не встречаться с ней взглядом.

Она негромко хмыкнула, сказав мягким голосом:

– Ты даже умнее, чем я думала. Не только решил меня не беспокоить, но и не смотришь. Как видно, хорошо знаешь, кто такие ведьмы.

– Ведьме в глаза я бы посмотрел, – сказал я, думая, как отступить на кухню, чтобы выскочить через окно. – Но не велефу.

– Кто ты, альбалаандец? – негромко спросила женщина.

Я откинул полу куртки, показывая кинжал.

– Страж. Еще интереснее.

– Зачем ты пошла за мной?

– Странный вопрос. Чтобы убить тебя. Ты видел лишнее. Я не могу позволить уйти. Даже стражу.

Я почувствовал за спиной движение. Отступление на кухню оказалось перекрыто – в дверях, покачиваясь, стояла желтушная старуха с перерезанным горлом.

– Думаю, я уйду целым и невредимым, – улыбнулся я, так как Пугало вставшее за велефом обнажило серп.

Она немного удивилась, хихикнула:

– Готова услышать твои аргументы, страж.

– Одушевленный. Такие, как ты, могут их видеть. Он за твоей спиной.

Женщина обернулась, секунду смотрела на нависшее над ней чудовище, затем хладнокровно допила воду, поставила стакан под ноги и только после этого произнесла:

– Впечатляет. А говорили, стражи все такие чистюли. Ну, значит, разойдемся миром. Я покину город прежде, чем ты кому-то расскажешь. – Велеф выпрямилась, запахнулась в теплую белую шаль.

– Вне зависимости от моих слов, рано или поздно каликвецы пойдут по твоим следам. И прикончат. Как и других таких, как ты.

Она подошла так близко, что я почувствовал запах ее волос. Легкий аромат свежей сдобы и... чужой крови.

– Этого не случилось за сорок девять лет. Не случится и впредь, страж. Я осторожна. А ты даже не узнаешь меня в лицо, потому что и сейчас твои поджилки трясутся, и ты боишься посмотреть мне прямо в глаза.

Я не клюнул на эту уловку, и женщина издала короткий презрительный смешок, сделала шаг в сторону, предлагая мне уйти. Я так и поступил. Она окликнула меня на улице:

– Ты приходил за девчонкой? Матерью? Или отцом?

– Я приходил к Вальтеру. Он мой друг, – солгал я.

– Ну, тогда закажи по колдуни панихиду, страж. Ему уже ничем не помочь.

– Он мертв?

– Скоро будет. Его забрала инквизиция. Дураки всегда попадаются.
Когда я уходил, она смеялась мне в спину.

Про инквизицию я спросил у пьяницы, разлегшегося на паперти церкви, чудом не тронутой бунтовщиками. Пугало это, кажется, позабавило. На его взгляд, кандидатуру я выбрал неподходящую, но в квартале больше никого не было, если не считать четверых мертвых солдат возле ограды летнего парка. В отличие от покойников алкаш хоть как-то мог изъясняться.

– Эмм-рва! – дыхнул он мне в лицо, отвернулся и захрапел. Небось завтра проснется и будет долго удивляться тому, что произошло в городе. Если проснется, конечно. Следует учесть, что велеф бродит по улицам совсем недалеко отсюда.

– Спасибо за помощь, – сказал я Пугалу.

Оно важно кивнуло.

– Ведь все эти услуги ты оказываешь не просто так, да? Старги, Александр, теперь велеф... Когда ты предъявишь мне счет, я вообще смогу его оплатить?

Оно развело руками, говоря тем самым: поживем – увидим.

Не знаю, как Вальтер попался в лапы Псов Господних. С одной стороны – он там, где должен быть. С другой – теперь добиться от него ответов будет чертовски сложно.

Я забрался на стену Мельничьего колеса, отсюда была прекрасно видна западная часть города и черная громада кафедрального собора, который строили уже без малого триста лет. Надо полагать, инквизиция как всегда открыла представительство по соседству. Это давно стало традицией в западных княжествах – хочешь найти Псов Господних, ищи рядом с собором.

Медленно и неспешно светало. Небо стало бледно-серым, неприятным и предвещало скорый, холодный дождь. Первый в этом году.

Двоих солдат возле разоренной булочной пытались напасть на меня, отобрать деньги. Двигались они не слишком ловко для опытных вояк, и я без труда ранил одного из них в руку палашом. Они тут же отступили. Раненый скулил, его товарищ сыпал оскорблениеми, но мой палаш оказался для них серьезным аргументом.

В доме, что стоял по правую руку от собора, горел свет, возле ворот, рядом с запряженной в карету четверкой лошадей, быстро и споро работали слуги, загружая на крышу сундуки. Шесть человек в черных плащах и

широкополых шляпах держали факелы, образовывая вокруг экипажа кольцо.

Здесь не было ни бунтовщиков, ни солдат, ни спасающихся от погромов граждан. Никто не ломал двери пускай недостроенного, но действующего собора, полного церковных богатств. Несмотря на распространение беззакония, несмотря на вседозволенность и безумие, смерти и кровь, никто из них не пришел на эту большую площадь. И не потому, что внезапно они все стали набожны. Сегодня эти люди в большинстве своем забыли о всевышнем.

Они просто боялись.

Тех, кто обитал в доме с освещенными окнами и работал в его подвалах. Потому что даже идиоты прекрасно знают – можно убить соседа, ограбить друга, повесить на столбе бургомистра, испытывать терпение герцога, но не стоит играть в такие игры с инквизицией. Ничем хорошим это не закончится. Лишь конченые висельники захотят связываться с Псами Господними.

Пока я пересекал площадь, охранники с факелами внимательно следили за мной, но не двигались. И лишь когда поняли, что я направляюсь к карете, один из них вышел вперед, наполовину вытащив шпагу из ножен:

– Иди себе мимо.

– Я страж. И мне нужен кто-нибудь из тех, кому ты служишь.

Он поколебался, не зная, какое решение принять, но шпагу все же отпустил. Сделал шаг назад, сказал товарищу, не оборачиваясь:

– Позови отца Леонарда.

Стал накрапывать редкий холодный дождик, капли попадали на открытые пламя, то шипело, начинало чадить и извиваться. С каждой секундой светало, мрак отступал перед новым днем, обесцвечивая город, обволакивая его всеми оттенками серого. На востоке до сих пор продолжалась стрельба, но редкая и усталая. Весь запад был затянут дымами затухающих пожаров. Клагенфурт неспешно приходил себя.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец из дома появились четыре клирика в серых рясах Святого Официума. За ними шли двое громил в кожаных чепцах, которые вели Вальтера. За те полмесяца, что я его не видел, он сильно исхудал, лицо стало острым и каким-то обреченным. Глаза ввалились, щеки впали, губы колдуна были разбиты, кровь запеклась в щетине на подбородке. Но шел он прямо, презрительно кривясь, делая маленькие шагки из-за того, что его ноги были скованы цепью. На руках висели кандалы, голову сжимал стальной обруч, который глубоко врезался в кожу, раня ее, ничуть не хуже тернового венца, который ранил Христа.

Вальтер заметил меня, вздрогнул, в его глазах полыхнула дикая надежда, и он тут же отвел взгляд, не желая, чтобы я заметил эту слабость. Мордовороты запихнули его в карету, сели по бокам. Этот транспорт явно не подходил для перевозки заключенных, слишком дорог и на окнах нет решеток, но если ехать требуется срочно, а найти подходящий дилижанс невозможно, сойдет и такое.

Высокий дородный инквизитор с пухлыми губами и редким пушком на большой, похожей на ведро голове подошел ко мне, гулко сказав:

– Я отец Леонард, генеральный инквизитор Клагенфурта.

– Людвиг Ван Нормайенн.

– Страж, надо полагать? Не в самое лучшее время мы с вами знакомимся. Гордыня и похоть овладели этим городом.

– И зло. Я хочу сообщить о ереси.

– Большой, что творилась ночью? – с грустной усмешкой спросил он. – Ангелы, должно быть, выплакали все слезы, наблюдая с небес за тем, как мирные жители убивают друг друга. Что случилось?

– Я видел велефа.

Сказал я это лишь для того, чтобы остановить их. Не дать уехать из города и увезти Вальтера. По крайней мере до тех пор, пока я не найду способа поговорить с ним.

Инквизитор нахмурился, испытующе глядя на меня, и другой Пес Господень, слышавший мои слова, подошел и сухо произнес:

– Страж не лжет. Во всяком случае, он считает, что действительно видел это безбожие. Последний колдун крови был сожжен в Риапано восемьдесят лет назад. Ты не ошибся? Это точно был велеф, а не какой-нибудь деревенский практик?

– Последнего колдуна крови сжег я. И это случилось в прошлом году в Кантонских землях. При этом погибло несколько каликвецев, – резонно возразил я ему. – В Риапано получили мой доклад. Не знаю, извещали ли они об этом региональную инквизицию.

Судя по ставшему еще более хмурым лицу отца Леонарда, человека, занимавшего серьезную должность, новости ему были известны, но он не подтвердил мои слова.

– Если был один велеф, то почему не существовать и другому? – тихо произнес я.

– Я сообщу обер-инквизитору Уdalynu o ваших словах, как только доберусь до столицы.

Это было, по меньшей мере, странно. И он, заметив выражение моего лица, пояснил:

– Поймать велефа непросто, господин ван Нормайенн. А в городе, где нет никакой власти, невозможно. Не с теми ресурсами, что я располагаю. Всесилен лишь Господь, но не мы. Кроме того, Он в мудрости Своей не отпустил нам столько стойкости, чтобы противостоять такому чудовищу. Как видите, я признаюсь в этом. Чтобы вы не думали, что мы избегаем своих обязанностей. К тому же у нас уже есть один еретик, и мы не можем оставить его без присмотра в надежде поймать еще одного.

– Неужели этот человек опаснее и важнее велефа? – Я кивнул на карету.

– Нет. Но он преступник. Колдун, убивший людей в Крусо. Слышали?

– Да.

– Его ждет допрос, раскаяние и всеочищающее пламя. Не волнуйтесь, страж. Обер-инквизитор отправит известие в Риапано, и скоро в город пришлют каликвецев. Поверьте, братья-монахи находят еретиков и по остывшим следам. Велефа поймают. Не сегодня, но обязательно поймают.

Он легко поклонился, показывая, что разговор окончен, и направился к карете.

– Отец Леонард! – окликнул я его. – Вы уезжаете из города? Найдется у вас еще одно место?

Инквизитор в задумчивости остановился, поймал взгляд товарища:

– Я могу обеспечить вам защиту и вывезти из Клагенфурта, господин ван Нормайенн. Но и только. Дальше, простите за мои слова, нам с вами не по пути.

Надо думать, он не желает, чтобы кто-нибудь знал, в какие казематы везут отступника.

– Мне это подходит. – Я хватался за любую возможность.

– Но лишних лошадей у нас нет. Вам придется разделить карету с еретиком. Если, конечно, это не смущает.

– Не смущает.

Когда я залез внутрь, Вальтер с иронией поднял бровь, но не произнес ни звука. Он сидел зажатый с двух сторон мордоворотами, которые, признаюсь честно, непонятно как вообще сюда поместились при их комплекции. Спустя минуту в карету забрался отец Леонард и стало совсем тесно.

Вальтер скривился.

– Твое презрение меня не трогает, – равнодушно проронил инквизитор. – Советую тебе помолиться о своей душе и раскаяться в запрещенном колдовстве. Тогда дознаватели будут милосердны.

– У меня есть патент для занятий волшебством.

– Аннулирован. И он не разрешал убивать людей.

– Ну конечно, пес. Такое разрешение есть только у Святого Официума, – с усмешкой произнес тот и тут же охнул, когда один из охранников с силой ударил его локтем под ребра.

– Покайся, – сухо произнес инквизитор. – Мучения тела ничто по сравнению с мучениями твоей души. Ты можешь сократить время своего пребывания в чистилище.

– Подумаю над твоим предложением, – восстановив дыхание, прошел Вальтер. – До Линна дорога долгая. У меня есть время.

– Гораздо меньше, чем ты думаешь.

Колдун усмехнулся, посмотрел мне в глаза:

– Зря ты сел в эту карету, незнакомец. Пешком было бы безопаснее.

– Заткнись, – пробурчал охранник слева, хотел замахнуться на заключенного, но взглянул на отца Леонарда и передумал.

– Не слушайте его и не бойтесь, – обратился ко мне Пес Господень. – Его угрозам не суждено осуществиться. Он лишен возможности причинять зло.

Карета в сопровождении всадников двинулась вниз по улице, направляясь к городским воротам внешней стены, прочь из Клагенфурта. Четырежды я видел в окно людей, молча расступавшихся перед клириками, один из которых держал стяг с гербом инквизиции – рука, сжимающее сияющее распятие веры.

Я подумал о том, что Проповедник, наверное, все еще дожидается меня у Мельничных ворот и будет чертовски зол, когда поймет, что к чему.

Со слов Вальтера выходило, что его везут в столицу Удальна – Линн. Там есть и верховный трибунал инквизиции герцогства, есть и прямая связь с Риапано. С таким отступником, как колдун, на которого церковь повесила убийства в Крусо, поступят надлежащим образом. Казнят прилюдно, чтобы показать всем, что бывает с теми, кто покушается на верующих, но сперва выбывают признание.

А мне позарез нужно поговорить с бывшим слугой маркграфа Валентина прежде, чем его мясо запечется на костях.

Выстрелы загремели внезапно, карета дернулась вперед – я едва не врезался головой в стенку – и так же резко остановилась. В окно просунулась рука с пистолетом, грохнул выстрел, и пламя обожгло мне правую щеку.

Содержимое головы отца Леонарда разлетелось в стороны, все заволокло удушливым пороховым дымом. Я рванул дверь от себя, выкатился на улицу, едва не попав под копыта чьей-то лошади. Люди,

напавшие на кортеж Святого Официума, были облачены в ало-серые мундиры кондотьеров. Наёмники действовали споро и сейчас занимались тем, что рубили охрану. Один из них кинулся ко мне, я нырнул под карету, пролез под ней на четвереньках, оказался на противоположной стороне, обнажил палаш.

На меня сразу же напал чернявый малец в синем шапероне с нашивками сержанта. И надо сказать, он оказался серьезным противником. Я неплохо обращаюсь с палашом, но то, как он орудовал шпагой, сделало бы честь даже моему другу Натану. Мне хватало опыта лишь для защиты, но никак не для нападения. Лишь благодаря моему росту и силе, с которой я отбивал змеиные выпады, в первые тридцать секунд схватки мне повезло избежать смертельного укола.

Но тут к бою присоединился его товарищ с саблей, и стало совсем худо. Два опытных вояки загнали меня, как щенка, к стенке и прикончили бы, если бы не окрик:

– Стоять! Он со мной!

Сержант выругался, посмотрел на меня зло, точно я был его кровным врагом, но шпагу опустил и кивнул солдату, чтобы тот убрал оружие.

Вальтера вытащили из кареты, сбили цепь на ногах, чтобы он мог передвигаться.

– Быстрее, сукины дети! – рявкнул по-флотолийски чернобородый мужик с нашивками лейтенанта. – Хотите, чтобы нас половина города запомнила?!

Двенадцать кондотьеров, напавших на кортеж, бросились обшаривать карманы мертвцевов и сундуки на крыше кареты.

– Мы договаривались только о твоем спасении, Вальтер, – на общем языке княжеств крикнул лейтенант. – О твоем дружке разговора не было.

– А я, по-твоему, в цепях и нуждаюсь в спасении? – поинтересовался я.

Он глянул на обнаженный палаш у меня в руке, хмыкнул:

– Да мне плевать. Договор дороже денег. Тебя в наших планах нет.

– А теперь есть. – Колдун повел все еще скованными руками. – Он мне нужен. Может, обсудим новые условия подальше отсюда?

– Твоя правда. Лезь на лошадь. И твой приятель тоже.

– Сперва сними с меня цепи, Кирино.

– Нашел дурака! Сначала деньги.

Тот коротышка, который едва меня не проткнул, подвел лошадей убитой охраны клириков:

– Прошу, господа.

Надо сказать, что произнес он это без всякой вежливости.

– Советую тебе воспользоваться столь щедрым предложением, ван Нормайенн, – с трудом забравшись в седло, буркнул Вальтер.

Проповедника, который мог бы воскликнуть: «Что ты делаешь?!», рядом не было, так что я поступал по собственному разумению, решив действовать по обстоятельствам, которые, кажется, в последние полчаса начали захватывать инициативу, положив на лопатки и разум, и логические расчеты.

– Этот сундук тебе был нужен? – спросил кондотьер Кирино, когда его люди сняли с крыши кареты оплетенный ремнями ящик.

– Только книга. Все остальное ваше, как договаривались.

Прыщавый наемник кинжалом срезал ремни, подцепил крышку и выбросил на мостовую ворох бумаг, три книжки, взвесил на ладони тяжелый, приятно звякнувший кошелек.

– Так и думал, что псы не только молитвами живут. – Усмехаясь, солдат кинул деньги своему лейтенанту для последующего дележа. – Которая из книг?

– В зеленом переплете.

– Придержи ее у себя, – приказал командир.

– Нет! – тут же взвился Вальтер. – Исполни хотя бы часть своего обещания, Кирино. Книга мне нужна прямо сейчас.

– Ладно, отдай.

– Она, может, ценнее денег, раз так ему нужна.

– В ней дьявольские слова. Не надо связываться с волшебством, – резонно возразил лейтенант.

Солдат протянул томик своему товарищу на лошади, а тот, подъехав к колдуна, пихнул книженцию скованному за пазуху.

– Двинулись.

Маленькая кавалькада направилась по улицам, затянутым прогорклым дымом, мимо разоренных домов, сточных канав с забуревшей кровью, трупов и ошалевших после ночи людей, которые шарахались в стороны, чтобы не быть задавленными лошадьми.

Грядущее... так сказать, скрывалось от меня в глубоком тумане. Потому что наемники, которые по идеи должны были охранять город и пресекать беспорядки, решили заняться наживой и начали с того, что без всяких сомнений перебили Псов Господних. Именно о таких я и говорил совсем недавно – им нечего терять.

Мы углубились в узкие торговые кварталы южных городских окраин, совсем рядом с воротами, где то и дело встречались усталые после бессонной ночи солдаты, которых собирали в отряды охрипшие сержанты.

Уцелевшие блюстители порядка готовились штурмовать тех, кого в другое время они должны были защищать. Редкие войска надеялись выбить бунтовщиков с соседних улиц, закрепиться в ключевых точках и начать подавлять восстание.

Возле ворот, сейчас больше всего похожих на переспелую грушу, плодами которой являлись пятнадцать изуродованных висельников в одеждах мастеровых, нас остановили. У охранников были аркебузы с зажженными фитилями, а капитан в кавалерийском мундире держал в руке пистолет с колесцовым замком.

– Куда? – грубо спросил он.

– У меня приказ! – ответил лейтенант кондотьеров. – Вывезти этих двоих из города.

– Плевать мне на твои приказы, если только их не подписал сам герцог! Нам нужен каждый клинок, а вы вздумали сбежать?!

– С дороги! – прорычал Кирино. – Мне до черта опротивел твой город, и мои люди убираются из него как можно дальше.

Все можно было бы решить гораздо проще, но этот тупой наемник явно не знал такого слова, как «дипломатия». Он попросту пришпорил коня, тот рванул вперед и сбил капитана на камни.

Это оказалось последней каплей. Грохнули аркебузы, раздались крики, зазвенел металл, и началась драка. Я, уже не думая о Вальтере, ударил лошадь каблуками, направил к воротам, на ходу извлекая палаш. Пороховой дым служил хоть какой-то защитой и мечущиеся вокруг людские тени, сталкивающиеся, хрюпающие, рычащие, пускающие друг другу кровь, были слишком заняты убийством друг друга, чтобы обращать внимания на меня.

Мою голову накрыла тень – я въехал в широкую арку распахнутых ворот и почти сразу же ударил палашом, сбивая в сторону нацеленную на меня алебарду. Я вырвался из города в предместья, застроенные низкими деревянными домами, сейчас такие же безлюдные, как Клагенфурт, и увидел, что Вальтер, прижавшись к конской гриве, скачет прочь. Уже через секунду он скрылся за поворотом.

Ругнувшись сквозь зубы, я оглянулся на ворота, но погони пока не было. Летя по грязным бесконечным переулкам, распугивая свиней, я довольно быстро запутал и конечно же потерял проклятого колдуна, уже понимая, что свернул не там.

Рискнув, вернулся назад, поехал другой дорогой, как можно дальше от города – к реке, голым рощам и большому кладбищу возле церкви с обшарпанными стенами. За ней я увидел коня слуги маркграфа Валентина.

Тут же крутилось любопытное Пугало. Оно пошло ко мне по размокшей дороге, протянуло правую руку. На когтистых серых пальцах, похожих на барабанные палочки, была видна кровь.

— Лошадь или человек? — спешиваясь, спросил я.

Оно глянуло на меня с загадочной улыбкой, показав, что я должен сам все проверить, так как в его планы не входит дважды за сутки облегчать мне жизнь.

Я посмотрел на лошадиную шкуру, узнав ответ на собственный вопрос, огляделся.

Церковь была заперта, так что я направился к кладбищу. Давно не крашенная калитка осталась полуоткрытой. Между могильных плит все еще виднелись проплешины снега, старые липы стояли голыми, с поникшими ветками, напоминая высохших от голода великанов. В их ветвях резко и неприятно галдели галки. Пахло влажной землей и пробуждающейся весной.

Я шел по центральной аллее, поглядывая по сторонам и сжимая пальцы на рукояти палаша. На замшелом памятнике увидел темный след, наклонился, чтобы убедиться, что это действительно кровь. Вальтер был ранен, но, судя по отсутствию капель на дороге и снегу, кровотечение у него не такое уж и сильное.

Я подумал, что он решил скрыться в лесу, миновав кладбище, но, как оказалось, ошибся, найдя колдуна в самой старой части погоста, среди искореженных лип и густого, непролазного кустарника. Он сидел на столетней могильной плите, правый край которой был сколот, прислонившись спиной к каменному кресту и зажимая обеими до сих пор еще скованными руками рану в нижней части живота.

Увидел меня, криво усмехнулся. Я отметил, как бледна его кожа. Дураку ясно, что песенка слуги маркграфа Валентина спета. Если, конечно, у него в рукаве нет чудодейственного фокуса.

— Опять ты, — произнес он. — Даже умереть спокойно не даешь.

Я не ответил, просто стоял и смотрел на него.

— Ждать придется долго, ван Нормайенн. — Он не терял присутствия духа. — Я не собираюсь отправляться в ад прямо сейчас.

Ну да. С пулей от аркебузы, застрявшей где-то в потрохах, промучиться можно несколько суток.

— Кристина? — помолчав, спросил он.

— Не выжила.

Он сел ровнее, морщась от боли. Ему удалось избежать пламени темного кузнеца, но человек, несколько раз пытавшийся меня убить,

выиграл лишь пару недель жизни. Провидение все-таки настигло его.

– Можешь не верить, но мне жаль. Глупо все вышло.

– Что именно? Ее смерть? Или твоя?

– И то и то. Все слишком не вовремя. Впрочем, когда приход костлявой был к месту? – Очередная кривая усмешка. – Что ты забыл в этом проклятом городе, страж?

– Твою dochь.

– Ты несколько опоздал. Ее уже забрали твои дружки.

– Я в курсе.

Он вздохнул, убрал с живота окровавленные ладони, протянул мне скованные руки:

– Ты не мог бы?.. Не хочу подыхать, точно цепной пес.

Мне было все равно, если бы Вальтер умер даже так. Но я решил проявить добрую волю, надеясь, что это поможет дальнейшему разговору.

Колдун расценил мою заминку по-своему:

– Не заставляй меня думать, что ты, как и кондотьеры, считаешь, будто цепи сковывают не только мое тело, но и волшебство.

Потребовалось пять сильных ударов палашом, чтобы перерубить звенья.

– Мне нужна книга.

Он вяло кивнул:

– Чертова книга. Эта пуля мне досталась из-за нее.

Вальтер вытащил томик из-за пазухи, швырнулся ко мне, и тот упал под ноги, в грязь.

– Избавься от содержимого.

– Что в ней?

– А ты не в курсе? – Он рассмеялся и тут же закашлялся. – Ван Нормайенн, ты не перестаешь меня забавлять. Открой и посмотри. Ну же?

Я отстегнул застежку на обложке, распахнул томик и увидел, что в вырезанной в страницах полости лежит волнистый клинок без рукоятки, гарды и набалдашника.

– Это то, о чем я думаю?

– Не умею читать мыслей, ван Нормайенн. Но если ты считаешь, будто перед тобой произведение темного кузнеца, то ты прав.

– Как он оказался у тебя?

– О, довольно интересная история. Его привезла Кристина прошлой осенью. Она, видишь ли, заботилась о своей учительнице и считала, что, если дать ей кинжал, та проживет еще какое-то количество лет.

– Превращая светлые души в темные.

– Нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц.

Интересно, в курсе ли Мириам инициативы своей ученицы? Думаю, нет. А Кристина не подозревала, что у магистра уже есть темный клинок. Возможно, зная она, осталась бы жива.

– Но Криста его не отвезла, а спрятала. Почему?

– Он не работал. – Заметив мой взгляд, колдун хмыкнул. – Страж не пачкала руки. Я попробовал. Никакого толку. Похоже, требуется глаз серафима. Сам по себе клинок остается обычной железкой. Чтобы получить артефакт, его части следует собрать в единое целое.

– Поэтому вы и пытались забрать камень у кардинала Урбана.

– Верно, – не стал он отрицать. – Но цели у нас были разные. Кристина желала спасти одну из вас. Мне же нужен был клинок для иного.

– То есть для себя?

Он глянул на меня как на дурака. С сожалением и раздражением одновременно.

– Ничего-то ты не понял, ван Нормайенн. Для спасения человечества. Если бы у меня был кинжал, я смог бы заинтересовать кузнеца.

– Ну, ты его и так заинтересовал.

Он грустно рассмеялся:

– Здесь я спорить не стану.

– Как же вы собирались поделить между собою такую ценную вещь?

– Я не говорил об этом с Кристиной. Но не буду врать, если бы понадобилось, отобрал бы его силой.

Галки закричали еще громче, и одна из стай взлетела с ближайшей липы, черным облаком направляясь прочь, на север.

– Ты так и не ответил, где она его достала.

– О, у Кристины был талант находить их. Первый она обнаружила у законника, которого убила в тех горах, у монастыря. А эту заготовку... тоже у законника. Точнее, на его теле. В Солезино.

– В Солезино?!

– Так она мне сказала. – Он пожал плечами и поморщился от боли. – Не вижу причин не доверять ей.

Следовало все хорошоенько обдумать, в голове была настоящая каша. Слишком много неожиданных новостей за столь короткий промежуток времени. Так что я задал несколько иной вопрос:

– Как ты попал к инквизиторам?

– По собственной инициативе. Женщина... которая присматривала за моей дочерью, нашла тайник. И мои книги. А когда сюда добралась весть о том, что случилось в Крусо... в общем, она испугалась и пошла к

инквизиторам. Решила, если скажет, что работает у преступника, ей зачтется.

– Зачлось?

– Пару дней назад я встретил ее в подвалах Псов Господних. – Его улыбка стала мстительной. – Надо сказать, она была очень удивлена, как с ней обошлись.

– Пару дней? – нахмурился я. – Если ты торчал у инквизиторов, то кто отдал девочку стражам?

– Мой человек. Он и предупредил меня, что клирики забрали книги и устроили ловушку. Так что я успел подготовиться. Договорился с Кирино, чтобы он меня вытащил, за целую тысячу флоринов, а затем дал святошам себя поймать.

– Глупо.

– Других вариантов я не видел. У них была книга. А мне нужен клинок. Был нужен. Я знал, что мне ничего не сделают. Меня бы отвезли в Линн вместе с запрещенными фолиантами, которые бы представили как одну из улик.

– Серьезный риск.

– Он оправдан. Неужели ты думаешь, что я боюсь этих серорясников, большинство из которых не видит дальше своего носа? Все бы получилось. Они лишили меня дара, но он бы восстановился за пару месяцев, и я завершил бы начатое. Если бы не эта проклятая и никому не нужная стычка возле ворот. И чертова случайная пуля.

– Ну клинок ты все-таки добыл.

Его губы скривились на это слабое утешение:

– В аду он мне не нужен. Забирай его и проваливай.

– Не так быстро. Сперва ты расскажешь о темном кузнеце.

– Я и так рассказал тебе достаточно. Еще в Крусо.

– Но явно не все.

Он посмотрел на меня зло:

– Отправляйся в пекло, ван Нормайенн. Я не собираюсь тебе помогать.

Я сделал шаг к нему:

– Тогда я уйду, колдун. А ты все те часы, что тебе остались, будешь думать, правильно ли поступил. Потому что здесь никого нет, кроме галок.

– Мне никто не нужен, ван Нормайенн.

– Ну и подыхай тогда с мыслью, что темный кузнец так и будет ходить по миру, а ты ничего не сделал, чтобы его остановить. Ведь ты хотел его остановить, Вальтер? Или все, что ты говорил в той аптеке, очередная ложь?

Он покачал головой:

– Нет. Я не врал и действительно верю, что эта тварь хочет открыть адские врата. Вот только я раздумал спасать мир, страж.

– Потому что ты умираешь и тебе все равно, что с ним будет?

И вновь раздался его неприятный, тихий смех.

– Меня всегда забавляло, что ты как слепой щенок, ван Нормайенн. Нет. Не потому, что я умираю. Все, что ты наблюдаешь вокруг, большинство людей, которых знаешь, городов, в которых побывал... все это уже мертвое. Просто никто еще не понимает этого. Караван, пришедший из Алой пустыни, с востока, принес в западный Хагжит эпидемию юстирского пота. К лету болезнь будет в Сароне, несмотря на все предосторожности, к осени – выкосит весь юг: Флотолийская республика, Ветеция, Дискульте и Каварзере с частью Литавии. А к началу следующей весны будет свирепствовать в При, Кантонских землях и станет все дальше и дальше продвигаться на север. Это не маленький очаг, который был в Солезино. Это тьма, страж. Четвертая Великая эпидемия юстирского пота не за горами, и архангел Гавриил уже протирает свой горн от пыли. Наступает время могил. Новая эпоха. – Он глянул на меня исподлобья. – Впрочем, тебе и таким, как ты, бояться нечего. Вы выживете, хотя это будет странная жизнь среди тысяч разлагающихся трупов и опустевших княжеств.

– Болезни приходят и уходят. Эпидемии были и будут. Люди рождаются и умирают. Даже если из ста тысяч останется всего лишь сотня, человечество выживет. Триста лет назад Третья Великая эпидемия забрала большинство, но, как видишь, она не уничтожила мир, несмотря на весьвой об апокалипсисе. Однако врата в ад – это серьезно. Боюсь, что выживших не будет. Кузнеца следует остановить. Так что если ты что-то знаешь, расскажи мне.

Пугало все это время ходило по кругу, делая вид, что ему не слишком интересен наш разговор. Теперь же оно подошло поближе и село напротив, наблюдая за Вальтером, точно кошка за раненой мышью.

Тот помолчал, вновь пошевелился, и было видно, что каждое движение причиняет ему боль, на лбу выступила испарина.

– Хорошо. Расскажу. Но за ответную услугу.

– Что тебе надо?

– Когда мы закончим разговор – удар палашом. Вот сюда. – Он показал на свою шею. – Не хочу подыхать в мучениях несколько суток. Уверен, тебе доставит удовольствие прикончить меня. Согласен?

– Согласен. – Я не колебался.

– Основную часть истории ты уже и так знаешь.

– Без деталей. Ты хотел украсть у кардинала Урбана глаз серафима, чтобы найти кузнеца. Предположим, камень у тебя. Ты собрал кинжал. Он работает. Что дальше?

Он пожал плечами:

– Какая разница? Без бульдожника все остальное лишь пустое сотрясание воздуха. У тебя нет шансов. Тот, кто мог передать информацию мастеру, не стал бы это делать, пока не увидел бы глаз серафима.

Я выложил карты на стол:

– У меня он есть. Как и темный клинок, который ты мне только что отдал.

Колдун недоверчиво нахмурился, затем понял, что я не вру:

– Сукин ты сын. Откуда?!

– Попался на пути. Не все ли равно? Так к кому мне идти?

Было видно, что он хочет послать меня к черту и страшно зол, но очередной приступ боли заставил его лишь заскрежетать зубами.

– Билеско, черт бы тебя подрал. Езжай в этот город, там найдешь законника по имени Сисэрино Руджеролло.

– И?..

– Спроси чего полегче. Я услышал это имя от Александра, когда тот гостил у маркграфа, обещая ему вечную жизнь. Сказал, что, если попадется такой камешек и его не будет на месте, везти в Билеско для Руджеролло. А тот найдет куда его пристроить. Большего я не знаю. Может, этого законника уже и в живых нет. Например, он подох в Солезино, как другие его товарищи. Но сейчас этот мифический человек – единственная ниточка, которая может привести к кузнецу. Ты доволен? Тогда выполнни свою часть сделки.

Я покачал головой:

– Не так быстро. Случившееся на площади в Крусо. Зачем темный кузнец это устроил? В чем была цель?

– Он сделал ровным счетом то, что планировал я. Когда вокруг много трупов, кто в панике обратит внимание, что с шеи старого кардинала пропал какой-то камень?

– Довольно цинично.

– Зато действенно. – Он и бровью не повел.

– Вот только ничего не вышло. Ни у тебя, ни у него.

– Он опередил меня. Но ты прав. Клирики были готовы, отразили удар, и кузнец не стал продолжать.

– Испугался?

– Не могу сказать. Но одно дело – внезапное нападение, другое – бой, который привлекает к себе внимание.

Я развел руками:

– Золотое пламя, сжигающее людей. Это, по-твоему, внимание не привлекло?

– К неизвестной персоне. Никто ведь не знает, как он выглядит. Кто это был, из сотен находившихся на площади? Довольно важное обстоятельство, быть может, он бы и перебил святош, но не всех людей – кто-то обязательно бы его запомнил, и тогда уже стали бы искать не козла отпущения, коим стал я, а реального темного мага. – Он осторожно подтянул ноги.

Я вспомнил пламя на фермерской земле.

– Не так уж и далеко ушел кузнец, раз ночью решил вас прикончить. У него были причины для этого?

Вальтер кивнул:

– Надо думать. Он был недалеко от нас, понял, кто я такой.

– Ты видел его лицо! – догадался я.

– К сожалению. А свидетели, как ты понимаешь, ему не нужны.

– Как он выглядел?

Колдун с иронией поднял брови:

– Мужчина. Высокий и светловолосый. Синеглазый. На тебя похож.

Если хочешь увидеть портрет, листай книги.

– Не понимаю.

Он устало сказал:

– Ван Нормайенн. От боли я едва соображаю. Твои вопросы вызывают только раздражение. Просто запомни название: Яков Тинд, «О поздней империи и создании княжеств». На шестой странице увидишь лицо кузнеца.

Его снова поработила боль, и он заскрежетал зубами пуще прежнего, а затем не выдержал и тихо застонал. Но я был неумолим:

– Как ты выжил?

– Он самый сильный из всех колдунов, что мне встречались. И магия его ни на что не похожа. Но и у меня есть дар. Я обманул его. Кинул свою личину на хагжита. Удалось сбежать. Его интересовал лишь я.

– Тогда почему он убил Кристину и наемника?

Вальтер отвел глаза.

– Потому, что они не побежали, как хагжит, которым ты стал. Потому, что они спасали Вальтера, который им не был, – с яростью произнес я.

– Я все сказал, ван Нормайенн, – тихо ответил он. – И больше ничего

не знаю. Только что ты получил чего хотел. Сдержи свое слово.

Я посмотрел на Пугало, и то пожало плечами. Мол, поступай как хочешь. Ему было все равно – прекращу я мучения раненого или оставлю подыхать среди могил. Мне очень хотелось второго. За все, что он сделал. За то, как поступал с такими, как я, служа маркграфу Валентину. За глупую смерть Кристины. Чтобы он до своего последнего мгновения знал, за что ему это уготовила судьба.

Но мы заключили сделку. И я не демон, который соблюдает договор, если только он подписан кровью.

– Ты готов?

– Да. Пригляди за дочерью, если будет возможность. Ты хоть и тупой, но по сравнению со всем остальным сбродом в Братстве с тобой ей будет лучше.

Я сделал шаг к нему.

– До встречи в аду, ван Нормайенн. Скоро тот будет здорово переполнен.

– Не тороплюсь туда, – ответил я и с силой опустил палаш.

Проповедник сидел рядом с небольшой горкой земли и смотрел в пронзительно-ясное весеннее небо.

– Я говорил тебе, что на нашем пути сплошные могилы, Людвиг?

– Не далее как вчера утром, дружище.

– Да? Мне показалось, что прошла уже целая вечность.

Пугало заглянуло в неглубокую яму, в которую я стащил тело моего врага. Неодобрительно повело плечами, но как всегда ничего не сказало.

– Этот человек достоин того, чтобы ты взломал сторожку смотрителя и махал заступом? – Старый пеликан все же не выдержал и спросил меня об этом, когда я уже закидывал Вальтера землей.

– Не хочу его так оставлять.

– Это не причина. Я слишком хорошо тебя знаю.

– Тогда считай, что мне просто неприятна мысль, что он будет гнить под открытым небом и портить кладбище.

Он посидел еще немного, глядя, как я работаю, и негромко сказал:

– Я боюсь того, что ты найдешь, если и дальше будешь идти по этому следу.

– Я тоже, друг Проповедник. Я тоже.

История вторая

Тени Арденау

– Аферисты обладают пророческим даром? – Проповедник стоял у мачты, сложив руки на груди, наблюдая, как в волнах Арэо, реки, берущей свое начало где-то в низких горах Бьюргона, мерцают солнечные блики.

– Обычно нет, – ответил я, поднимая воротник куртки.

Была середина апреля, но о тепле в Альбалауне можно было только мечтать. Со стороны Северного моря, студеного и неприветливого даже летом, дул холодный, хлесткий, как кнут золянского пастуха, ветер. Его ничто не сдерживало на плоской, ровной как стол равнине, и он играл с многочисленными мельницами, которыми так славилась эта ландра^[4], заставляя вращаться их широкие крылья, раскрашенные алым и белым.

– Тогда это насмешка судьбы, и никак иначе. Вальтер со товарищи придумали замечательную аферу в Крусо. Приход ангела и весть об апокалипсисе. Ну, вся та чушь, в которую поверили дураки.

– В том числе и ты. – Я помнил, какое он испытал разочарование от того, что история оказалась сплошным обманом.

– Мог бы и не бередить раны, – проворчал тот, игнорируя усмехнувшееся Пугало, расположившееся на мешках с шерстью. – Я к тому, что эти паскуды, прости меня Господь, ибо все они уже мертвые, сочинили ангельскую весть. И даже не подозревали, насколько правы. Апокалипсис грядет. Юстирский пот вновь пришел с востока и угрожает человечеству.

Его, как и меня, беспокоило рассказанное колдуном, но я все еще лелеял надежду, что тот ошибался.

– До сих пор ни одного подтверждения с юга. Все молчат о заразе, Проповедник. Колдун мог и соврать.

– Мог, – не стал спорить тот. – Но боюсь, новости просто еще не дошли до нас. Путь очень не близкий.

Здесь он прав. Хагжит довольно далеко, море в марте-апреле бурное и штормовое, так что корабли с юго-востока задерживаются.

– Пока не буду думать об этом.

Он нахмурился:

– Негоже прятать голову в песок, Людвиг. И доколе будет он не верить Мне при всех знамениях, которые делал Я среди его?^[5]

– Проповедник, у меня куча других занятий. Я ни на что не могу повлиять. Разумеется, я предупрежу Братство, а они отправят этот слух дальше, но в итоге, если эпидемия действительно началась, ничего не изменится. Даже если закроют порты, даже если выставят кордоны, даже если на каждой возвышенности посадят по волшебнику, который будет скигать всех, кого увидит, – мор все равно найдет брешь. Это не локальный источник, как в Солезино, который вовремя взяли в оцепление.

– Надо топить все корабли, идущие из Хагжита. – Он увидел, как у меня поднялись брови. – Я просто так предложил. Но другие скажут, что южане безбожники, так что греха в их убийстве нет.

– Так и будет. Корабли станут задерживать, заставлять разворачиваться назад или уничтожать. Но ночь темна, а океан велик. Кто-нибудь всегда проскочит. На барке или утлой лодке. Да в конце концов, волны прибывают труп зараженного с потопленного корабля к нашим берегам. Если эпидемия действительно так сильна, как говорил Вальтер, то приход смерти всего лишь вопрос времени.

– Надейтесь на Него во всякое время; изливайте перед Ним сердце ваше: Бог нам прибежище^[6]. Только это и остается, Людвиг.

Кормчий переложил руль, и неспешная баржа стала прижиматься к открытому правому берегу, а затем вошла в один из многочисленных узких протоков. Впереди показалась приземистая пристань, ряды домов, чадящие черным трубы жироварен, склады и подводы. На последние с барж сгружали товары.

– Знаешь, что меня больше всего бесит в моей новой жизни? – внезапно спросил Проповедник. – Не отсутствие сна и даже не то, что я не нуждаюсь больше в пище и вине. Меня просто начинает трясти, когда я вспоминаю, что теперь почти не могу ничего трогать.

– Ты о предметах?

– Конечно, я о них! Почему этот гад, – он ткнул пальцем в Пугало, – может, если только захочет, швыряться полными винными бочками, а я, в свой самый лучший день, способен едва приподнять твой кинжал над землей?

– Потому, что ты светлая душа, а он темный одушевленный.

– Меня не устраивает такой ответ. Величайшая несправедливость. Ее что, никак нельзя исправить? Я лишен массы развлечений из-за этого уродства. Было бы весело задирать юбки почтенным матронам. Разве нет способа?

– Способ есть.

– И ты молчал?! – возмутился Проповедник.

– Просто не думаю, что он тебе понравится. Если я кину в тебя развоплощающим знаком, то на несколько мгновений, прежде чем ты исчезнешь, сможешь швыряться хоть коровами. Знак передаст тебе силу, заключенную в нем. Особенность светлых душ.

– М-да. Этот вариант меня не слишком устраивает.

Владелец судна подошел ко мне, степенно, но с уважением поклонился:

– Халсулес, господин страж. Нам надо разгрузить шерсть. Будете ждать или воспользуетесь дилижансом?

– За сколько управитесь?

– Полчаса, думаю. Надо прибыть на Кукушкину пристань до прихода приливной волны.

– Тогда подожду.

Баржа замедлила ход, матросы в шерстяных свитерах и испачканных смолой парусиновых штанах кинули швартовы причальной обслуге.

Тюки с овечьей шерстью, лежавшие на палубе, начали сбрасывать на руки грузчикам. Те относили их на склад.

– Как ты думаешь, Пугало побоится появляться в Ардене? Там много стражей и не все так дружелюбны, как ты.

– Оно? Побоится? – Я рассмеялся. – Ты, должно быть, шутишь. Но я провел с ним беседу и попросил не бузить, пока мы здесь.

Старый пеликан пробурчал нечто нелестное. Со времен Клагенфурта старикан пребывал в мрачной меланхолии.

Когда с разгрузкой было покончено, внезапно он оживился, указывая в сторону прядильного цеха:

– Это, часом, не наш ли старый знакомый?

Я пригляделся, улыбнулся. Человек, шедший к барже, заметил меня, махнул рукой.

– Привет, Людвиг. Проповедник, как здоровье? – Карл был все таким же широкоплечим, сильно оброс бородой и, похоже, не стригся с тех самых пор, как я видел его последний раз в Шоссии.

– Смешно, – буркнул Проповедник. – Здоровье у меня со времен смерти неважное. Чихаю по утрам.

– Настроение, я смотрю, тоже не сахар.

– У него была тяжелая неделя, – ответил я.

– Ха! – произнес Проповедник и, не глядя на нас, отправился к борту.

– Ну а ты как? – спросил я. – Когда я уезжал, ты едва стоял на ногах.

Карл поморщился:

– С тех пор как меня цапнул тот покойник, шрамы болят, стоит выйти

на холод. После Лёгстера, считай с осени, я безвылазно торчу в Арденау. Столица Братства, собственная квартира и прочие прелести жизни это, конечно, очень хорошо. Но нормальной работы почти нет. Души стараются обходить город кружным путем.

– Что тебя удерживает от очередного путешествия?

– Мириам. – Карл увидел, мое удивление. – Попросила задержаться до конца апреля. Учу Альберта драться.

В этом вся Мириам. Она умеет использовать людей и их таланты.

– И что мальчишка?

– Возмужал. Руки все еще недостаточно сильны, чтобы долго держать тяжелые клинки, но с дагой уже может постоять за себя. У меня такое впечатление, будто старейшина собирается отправить его в свободное плавание и, кажется, торопит события. Обычно она не настолько импульсивна.

Он выглядел озадаченным, и я догадывался о причинах. Мириам заботилась о своих воспитанниках. На свой странный манер конечно же. А тут она попросту выталкивала Альберта в большой мир. Но я понимал, почему так происходит. Моя учительница спешила, и делала все возможное для того, чтобы подготовить своего последнего подопечного, прежде чем она отправится в могилу.

– Ну а ты здесь какими судьбами?

– Работаю почтальоном. – Он вытащил из кармана конверт. – Мне два дня пришлось здесь проторчать, чтобы вручить это письмо до того, как ты приедешь в Арденау.

– Что-то серьезное?

– Извини, не знаю. Я просто исполнил просьбу Гертруды.

– Дай мне минуту.

Он кивнул и отошел, постаравшись разговорить мрачного. Я вскрыл конверт, развернул бумагу и глазами пробежался по строчкам:

Людвиг, здравствуй.

К сожалению, срочные дела требуют моего присутствия в Риапано. У нас возникли проблемы после того, что устроила Кристина, и мне придется прикрывать Братство перед ди Травинно. Прости, что не смогли встретиться. В совете раскол во мнениях о темном кузнеце. Большинство считает, что это не наше дело и Братству следует и дальше исполнять свою работу, а поиски этого человека оставить Ордену и Церкви. Мы с Мириам оказались в меньшинстве. И еще одно. В совете пронюхали о Пугале. Я не знаю как, но будь готов, если они станут

задавать вопросы.

Надеюсь увидеться в самом скором времени. Береги себя.

Люблю.

Гертруда.

Я аккуратно сложил бумагу и убрал ее во внутренний карман куртки. Ничего удивительного. Рано или поздно о Пугале должны были узнать. Вопрос лишь в том, к чему это приведет. Предупреждение Гертруды было нeliшним.

А вот то, что они решили закрыть глаза на историю с темным кузнецом, – очень плохо.

Карл, заметив, что я закончил чтение, подошел.

– Все в порядке?

– Да. Но спасибо, что отдал мне его. Я бы еще не скоро зашел в «Фабьен Клеменз и сыновья». Есть какие-нибудь интересные новости из Братства?

– Все как всегда, и, пожалуй, мне это нравится. Тишина и пыльное спокойствие. Кроме школы конечно же. Там вечный гвалт. Наши каждый месяц привозят учеников. Не далее как неделю назад вернулись Ворон с Агнессой. Они нашли девчонку. Совсем еще малышка. Будет у нас еще одна колдуны. Гертруда обещала начать ее обучение со следующего года – она единственная из нас, кто может натаскать новичка волшебству.

– И как можно быстрее выбить для той патент от Церкви, – пробормотал я. – Уверен, Орден будет против. Они терпеть не могут, когда мы обладаем силой, которую они не могут контролировать. Я так понимаю, общий сбор отменен?

– Да. Два дня назад магистры решили, что история темных клинков нас не касается. Просто отправили всем стражам письма, чтобы те не лезли в эти дела, но были осторожны. Возможно, политика поменялась из-за Ирдена. Он умер неделю назад.

Я тихо присвистнул. Ирден был самым старшим в совете, и основная власть над Братством была сосредоточена в его руках. Он при жизни стал легендой, и я помнил еще со школы, как нам рассказывали о его победах над темными душами. Ирден был единственным, кто за годы практики уничтожил больше двадцати окуллов и остался жив.

Его слово имело серьезный вес. Даже Мириам не обладала такой силой и властью, как этот старикан.

Теперь же в зале Душ освободилось одно место, а вопрос с преемником повис в воздухе. Я не был в Арденеу довольно давно,

информацию о том, что происходит в совете, получал из писем друзей. И если ничего не изменилось, то сейчас из семнадцати магистров трое могли претендовать на освободившееся место – Павел, Мириам и Николет. Они самые сильные в Братстве, самые старшие и самые опытные. И пускай номинально все магистры равны между собой, лидер, формирующий политику Братства, конечно же есть.

Впрочем, мне все равно, кто будет пытаться (именно это слово) дергать остальных магистров за ниточки. Порой у меня возникает мысль, что магистры и рядовые стражи живут в совершенно разных мирах, которые пересекаются в крайне редких случаях...

Я люблю город, в котором родился. Люблю за то, что он мне дал. За мое призвание в жизни, за людей, ставших моими друзьями, за Гертруду, ставшую больше, чем другом. Арденау – сказка из моего детства. Снежная, пахнущая имбирными и апельсиновыми пряниками, хагжитской корицей и песнями той, кого я уже никогда не вспомню.

В этой сказке была и страшная история, но я даже не могу ненавидеть город за то, что он отобрал у меня. Отца, когда тот вместе с армией отправился в Прогансу, и мать, которая не пережила погромов во время стихийно начавшейся и так же быстро закончившейся эпидемии юстирского пота.

Арденау, город тридцати сообщающихся с морем каналов, высоких набережных, ажурных домов, расписных лодок, прекраснейших тюльпановых парков, янтарных летних дворцов, невероятных фонтанов, знаменитых королевских верфей, оружейных цехов, ветряных мельниц, дамб и... конечно, Братства.

Столицу Альбаланда основали по приказу императора Адриана. Алые легионы воинов маршировали через весь континент, по дремучим лесам и труднопроходимым горам, насаждая среди диких варваров то, что сейчас принято называть цивилизацией.

По приказу одного из легатов воины построили укрепление на берегу моря. Его каждую весну затапливало расположившим Арэо, а осенью – свинцовыми волнами, которые, точно стадо испуганных овец, срывал с места волк-ветер.

Но завоеватели прошлого оказались упорными. Их не пугала вода и внезапные вылазки светловолосых гигантов с топорами. Они восстанавливали залитое, насыпали холмы, создавали дамбы, меняли русла рек. Им чертовски важно было остаться здесь, укрепиться для того, чтобы двигаться дальше на север и в итоге захватить гигантский остров, который

мы сейчас называем Ньюортом. После каждого наводнения они отстраивали крепость, укрепляли и расширяли ее. Затем у стен возникла деревня, за ней другая, и так до тех пор, пока не вырос город. Постепенно он стал отползать от холодного моря, выставил ряды ярких домов вдоль каналов, которые когда-то были неуправляемой рекой, перекинул через них мосты. Поднял дамбы и набережные, закутался в шубы дубовых парков и подбросил в небо множество шпилей кирх^[7].

Многие годы центральной частью Ардену считалась крепость Свешрикинг, которую отстроили на месте укреплений воинов императора Адриана. Но с тех пор, как город начал стремительно разрастаться, она осталась на «окраине», в Старых районах, справа от Селедочного порта. Раньше через укрепления протекал один из двух притоков Арэо, но теперь инженеры спрятали его под землю.

Три кольца крепостных стен, восемнадцать башен, четыре парка и до черта зданий, расположенных на огромной территории, – вот чем сейчас была Свешрикинг.

Почти три сотни лет она служила резиденцией для королей Альбалаんだ, пока один из династии Роэльз не решил построить себе новый дворец. Подальше от холодных ветров студеного моря, осенней сырости и зимних наростов льда на стенах мрачной твердыни.

Как раз к этому времени Братство выгнали из Прогансу, и уцелевшие магистры искали для стражей новую родину. Дитрих Шестой пригласил нас в Альбалаんだ, отдав Свешрикинг в вечное пользование. Так у Братства появилась своя школа и новый дом.

Я увидел крепость с площади Нового Дня, когда поднялся с баржи на набережную. Величественные серо-белые стены отражали солнце, возвышаясь над крышами домов с узкими расписными фасадами и высокими окнами.

Карл рас прощался со мной, у него еще были в городе дела, а я пошел вдоль канала Господ, миновал мост и шумными проулками вышел к каналу Цветов. Здесь, на причаленных баржах располагался большой цветочный рынок, пользовавшийся популярностью не только среди жителей города, но и у торговцев соседних княжеств. Спрос на тюльпаны и луковицы других экзотических цветов не исчезал, несмотря на то, что прошло сто пятьдесят лет, с тех пор, как альбалаандцы выкрали редкие растения у хагжитов.

Внимание Проповедника привлекла румяная блондинка в белом переднике, стоявшая возле прилавка с ящиками, в которых росли ярко-желтые нарциссы. Она улыбнулась ему, и он, на секунду опешив, улыбнулся ей.

– Эм... Я задержусь ненадолго? Хочу пошататься по цветочному рынку и поискать диковинки, привезенные из далеких стран.

– Позже увидимся.

– Пугалу ни слова.

– Оно исчезло с концами.

Страшила, в кои то веки стал осторожен и не спешил показываться на глаза окружающим. Уверен, он появится к вечеру. Вылезет из шкафа, как ни в чем не бывало, покажет мне свой очередной нелепый и бесполезный «трофей», добытый во время скитаний, и деловито займет комнату.

Я часто думал о нем в последнее время. Проповедник считал, что в Пугале поселилась темная душа человека, убитого кем-то из Ордена. Пришлось его разочаровать. Мертвые люди не вселяются в предметы. У них нет такой способности. И когда старый пеликан попытался выведать у меня, что же такое одушевленный, я лишь развел руками.

– Ты не знаешь? – удивился тот.

– Не только я. Никто не знает. В предмете просто появляется сущность, превращая его из вещи в... – я помешкал. – Назовем это живым существом. Почему это происходит – до сих пор неизвестно. Одушевленные очень редки для того, чтобы подтвердить или опровергнуть ту или иную теорию.

– Но среди этих редких – темных больше чем светлых.

– Верно.

– Почему так?

– Предметы, которыми убивают других людей, имеют больше шансов стать одушевленными. Например, меч наемника или плаха палача – великолепные вместилища. Но почему одушевленным становится, к примеру, снеговик или огородное пугало – мне неизвестно.

Проповедник хмуро глянул в поле, где в то время прогуливался наш общий друг.

– Если ты так уверен, что в нем нет темной души убитого Орденом Праведности, тогда мне непонятна его ненависть к законникам.

– Ну, после истории на озере Эйсвассер, когда нас обложил Орден Праведности, я могу ответить на этот вопрос. Потому что они представляют для Пугала серьезную опасность.

– Хо-хо! А ты, значит, здесь просто так, погулять вышел. Ты страж.

– Когда мы встретились, я был уверен в своих силах. Но после того как он перенес встречу с Мириам, сомневаюсь, что легко с ним справлюсь.

Теперь Проповедник выглядел немного встревоженным:

– А кинжал?

– Кинжал... – Я развел руками. – Конечно, стражи для него это угроза, но законники... ты просто вспомни, как Эрик уничтожил тех снеговиков, когда мы с Гертрудой едва не потерпели поражение. А Ханна? Ей потребовалось несколько секунд, чтобы справиться с одушевленными велефами. Орден Праведности опасен для Пугала куда больше, чем Братство.

– Ты думаешь, этот молчальник боится смерти? – от него так и веяло скепсисом.

– Если не смерти то того, что им смогут управлять, как теми снеговиками. Потерять контроль над собой, подчиниться чужой воле... Думаешь, ему это по душе?

– Если только законники, действительно, на такое способны – управлять одушевленными.

– Еще несколько месяцев назад я бы сказал, что «Лезвие дождя» это ерунда, а Орден только и способен, что вставлять нам палки в колеса, но реальность оказалась куда занимательнее. Они умеют гораздо больше, чем мы полагали.

– То есть у Пугала нет ничего личного к законникам? – Проповедник счел себя разочарованным. – Он просто потрошил некоторых из них лишь потому, что боится за свою свободу? Ха! Дырка в твоей теории, Людвиг! Отчего же Франческа тогда не приструнила его?

Я пожал плечами:

– Сперва растерялась и испугалась. А затем... они не так уж и плохо ладили.

Старый пеликан скептически хмыкнул, но сказал совсем не то, чего я от него ожидал:

– Буду приглядывать за нашим общим другом повнимательнее. Быть может, он проявит свою настоящую сущность. – Последние слова он произнес неожиданно низким, замогильным голосом и тут же хихикнул.

Он действительно начал чаще ходить за Пугалом, пока тому не надоело навязчивое внимание и оно попросту не стало исчезать в ближайших шкафах, оставляя Проповедника с носом.

Думая об этом, я проехал через мост Поваров, славный тем, что когда-то отсюда за то, что испортили праздничную сельдь для королевской гвардии, этих самых поваров скинули в канал. Недалеко находился Новый рынок, так что улица была забита народом и телегами. Продвигался я медленно, слушая, как со всех сторон раздается альбандская речь. Я поймал себя на мысли, что немного отвык от родного языка, слишком долго проговорив на всеобщем.

Свешрикинг давно уже не была крепостью в классическом понимании

этого слова. Рвы, а точнее каналы, что ее окружали, заключили в трубы и спрятали под землю, а дома подошли к внешней стене вплотную. Некоторые – образовав с ней единое целое.

Я выбрался на улицу Стражей, которая состояла сплошь из постоянных дворов. Я знал каждое из этих заведений. Где варят лучшее пиво, где подают вкуснейшую копченую сельдь, лучшее вино с пряностями и стейки из телятины, которую выращивали на лугах Бойгелдамма. Пока мы учились, то частенько кутили здесь с утра до ночи и с ночи до утра.

Ворота в Свешрикинге отсутствовали. Король приказал их снять, когда отдавал цитадель стражам. Кроме того, убрали все запорные решетки и цепи с подъемных мостов, вывезли оборонительные и осадные орудия, переместили арсенал. Его величество Дитрих Шестой слыл осторожным правителем, и, если дружбы с Братством не выйдет, не собирался штурмовать собственную крепость, теряя людей.

С тех пор прошло много лет. Арденау уже не мыслит себя без стражей и, конечно же, давно не боится их. Но ворота нам так и не поставили. Ограничились лишь стражниками возле несуществующих створок, чтобы по территории не шатались чужаки.

Караул несли солдаты королевской гвардии в алых мундирах, белых панталонах и блестящих касках, ремешки которых врезались в подбородок. Кроме гвардейцев также присутствовала стража, нанимаемая Братством, – рыжеволосые бородачи в серых куртках, черных штанах и малиновых беретах с соколиными перьями. Северные ньюогортцы с удовольствием нанимались к нам на службу.

Они увидели мой кинжал, и сержанты поклонились в традиционном приветствии. Один из них ударил в колокол, извещая, что прибыл страж.

За воротами я свернулся в Журчащий парк, миновал обсерваторию, библиотеку, нырнул в калитку в стене внутреннего периметра, на ходу кивнув солдатам.

Я прошел мимо веселой стайки девушек, отвечая на их улыбки. Четыре светлые души помахали мне и поспешили в сторону школы. Я знал девчонок с одиннадцати лет, когда они только пришли к нам в класс, чтобы помочь ученикам испытывать на них самые простые фигуры.

– Быстро ты обернулся. – Проповедник, ожидавший меня под деревьями, прокомментировал: – Аппетитные милашки. Жаль, что знают лишь альбрандский. Не поняли ни одного моего слова, лишь смеялись. Какие у тебя планы?

– Зайти домой, бросить вещи. Поговорить с Мириам. Узнать обстановку. Я здесь ради Гертруды, а ее нет. Так что поеду в Нарару.

Тот посмотрел на меня странно:

– На кой черт, прости Господи? Ты ведь только что оттуда.

– В Барисете сяду на корабль до Дискульте. У меня дела в Билеско.

Туда проще добраться через Золотое море, чем через перевалы Кантонских земель, а затем еще и гор юга Литавии. Штормы как раз прекратятся, когда я окажусь на побережье.

– Я, конечно, не против плавания, но выкинул бы ты это из головы. Задавать вопросы законнику... – Он покачал головой. – Это может закончиться крайне плохо. Не для него. Для тебя.

– Буду осторожен.

– Ага, – уныло отмахнулся он. – Верю-верю. Хочешь проявить осторожность – не выкинь из головы все то, что наплел тебе Вальтер. Ему ничего не стоило соврать и заманить тебя в ловушку.

Я направился к огромному зданию, которое, точно белый лебедь, охватывало крыльями своих корпусов Журчащий парк. Дворец построили в этом веке. Здесь были квартиры у некоторых магистров и тех, кто предпочитал жить на территории школы, а не в городе.

Деревянные двери оказались распахнуты, отчего в похожем на бочку холле с высокими, узкими витражными окнами и двумя спиральными лестницами, уводящими вверх, носился сквозняк. Тут я встретил старого слугу в темно-зеленой ливрее. Заметив меня, он чопорно поклонился.

– Господин ван Нормайенн, с возвращением. Вам требуется ключ от комнат?

– Да, Ходерик. Будь любезен.

Сутулясь, он ушел и вернулся через несколько минут, положив мне на ладонь тяжелый стальной ключ черного цвета.

– Если вам что-то потребуется, дайте мне знать.

– Конечно.

– Эта душа с вами? – Ходерик был Видящим.

– Конечно же я с ним! – возмутился Проповедник.

Слуга и бровью не повел.

– Душам запрещено появляться без разрешения на тренировочных площадках стражей и в зале Совета.

– Да знаю я. Знаю. Не появлюсь, – буркнул старый пеликан и первым поспешил к лестнице, бормоча на ходу: – За идиота он меня, что ли, держит?

Я поднялся на пятый, верхний этаж, прошел высоким коридором, где в солнечном свете золотистымиискрами кружились пылинки. Моя дверь, с широкой поперечной царапиной, которую когда-то оставил Ганс после

веселой гулянки, ничуть не изменилась за все то время, что меня не было.

Я прожил в этих комнатах почти пять лет, пока учился у Мириам. За стенкой поселили Кристину, но она довольно быстро перебралась поближе к наставнице. Так что два года в этой части корпуса я был один-одинешенек, пока сюда не определили Шуко и Рози. Их дверь располагалась напротив.

– Разор и запустение. – Проповедник проник сквозь стенку и теперь вертел плешивой головой с некоторой долей неодобрения. – Понимаю, что это твое уютное гнездо, но как насчет того, чтобы обосноваться на постоянном дворе?

– Что-то не хочется.

– Так я и думал.

Я оглядел свою берлогу, состоящую из трех просторных комнат. Слишком давно я здесь не был. На мебели лежал толстый слой пыли, а в спальне, в углу, возле потолка, растянулась паутина. Стол был завален книгами. Еще больше громоздилось вдоль стены. На полу кабинета валялись выюки с одеждой, сундуки были забиты вещами так, что у некоторых не закрывались крышки. В углу, в корзине для тростей, стояли шпаги и рапиры. Часть из них покрыла ржавчина.

Все это барахло создавало ощущение настоящего хаоса.

– Не пора ли избавиться от хлама? – Проповедник заглянул в кабинет с таким видом, словно это был неубранный свинарник.

– Вещи не мои.

– Львенок не будет в обиде. Раз он съехал со своей прежней квартиры и воспользовался твоей добротой, значит, ему все можно? Сколько я с тобой таскаюсь, столько эта дрянь тут валяется.

– Мне они не мешают. Я бываю в Ардене даже реже, чем он.

– Старьевщик по вам плачет.

Дверца массивного дубового шкафа неслышно приоткрылась. Проповедник этого не заметил. Пугало между тем пнуло дверь ногой, та распахнулась, задела высоченную стопку книг, и они с грохотом обрушились вниз. Старый пеликан, не ожидавший ничего подобного, вззвизгнул и подскочил.

– Чертов шутник! Я бы умер, если бы только мог!

Оно повеселилось, осмотрело мои хоромы, и взгляд его выражал жалость.

– Тоже предлагаешь мне переехать на постоянный двор? – хмыкнул я.

– Ты дождешься, что это сделаем мы, а тебя оставим среди шмотья Львенка, – пригрозил Проповедник.

– Будем считать, что я испугался. – Я отдернул ситцевые шторы и, повернув медную ручку, распахнул окно, впуская в комнаты свежий воздух. – Но я не против, если вы наведете порядок, коли вас что-то не устраивает.

С таким же успехом я мог попросить Мириам сварить мне бульона. Проповедник лишь фыркнул да завалился на кровать, а одушевленный расчистил угол возле стола, уселся на пол, вытянув тощие ноги и надвинув соломенную шляпу на одутловатое лицо. Было видно, что здесь ему скучно, оно не ждет ничего интересного и мечтает «убраться в поля», где покойников, убийств и приключений гораздо больше, чем в школе Братства.

Из коридора раздался приглушенный грохот, и я выглянул туда. Дверь напротив оказалась приоткрытой, и из-за нее доносилась приглушенная ругань.

Ругались, что характерно, на цыганском. Я стукнул в косяк, лишь для того, чтобы обозначить свое присутствие, вошел.

– Вот это да! – произнес порядком набравшийся Шуко. – Людвиг, ты последний из всех, кого я ожидал здесь увидеть. Выходит, не зря я уронил эту чертову хрень.

Полный рыцарский доспех лежал на полу. Именно грохот его падения я слышал.

– Проклятущая рана. Из-за нее я стал неловким. – Он помахал правой рукой, которая оказалась забинтованной так, что не было видно даже пальцев.

– Думаю, из-за того, что ты в стельку пьян.

– Людвиг, не неси чушь. Если бы я был в стельку пьян, то спал бы, а не говорил с тобой. Мой старый добрый друг. – Шуко подошел к серванту, на котором стояли две бутылки вина. Одна из них была открыта и опустошена наполовину. – Если бы ты только знал, как я чертовски рад твоему приезду. В этом гнезде лживых шакалов, унылых идиотов и кислых ублюдков поговорить я мог лишь с бокалом.

– Давно ты в Арденау? И что у тебя с рукой?

– Кажется, уже целую вечность. Не помню. Да и какая разница? А с рукой... драка. Веселился в таверне, один тип криво посмотрел. Слово за слово – он, как оказалось, умел держать нож и повредил мне пальцы. А я расписал его рожу бритвой.

Он начал разливать вино по стаканам, насвистывая себе под нос. Шуко так и не смог измениться. И пошел после смерти Рози по пути разрушения. Чересчур много пьет и все время лезет на рожон, словно ищет того, кто мог

бы его прикончить. Мой разговор с ним прошлым летом ни к чему не привел.

– Надо полагать, ты достал магистров, и тебя отзвали.

Шуко глянул на меня исподлобья:

– Не скажу, что они были не правы. Людвиг, не будь таким же кислым, как Проповедник. Вокруг и без тебя все хреново. Гертруда слишком заботлива, то и дело проверяет, не залез ли я в петлю. – Он рассмеялся и повернулся голову на скрип. – А... это ты. Все еще жив?

По взгляду Пугала было понятно, что оно спрашивает о том же самом. Они с трудом переносили друг друга. Одушевленный до сих пор помнил, как в Солезино Шуко хотел уничтожить его.

– Я вроде тебя не приглашал.

Пугало вышло, с грохотом захлопнув за собой дверь. Цыган хмыкнул, сделал большой глоток.

– Эта тварь, Людвиг, вопиющее зло. Опаснее Тигра Пауля и вряд ли поддается дрессировке.

– Почем тебе знать?

Он пожал плечами:

– Предчувствие. Не призываю тебя его прикончить. Но прогони прочь.

– И что будет дальше? Оно станет добре?

– Да плевать. Тебя поблизости не будет, и оно хотя бы не перережет тебе горло, пока ты спишь.

– Это давно бы уже случилось. Как видишь, я пока жив.

Вновь пожатие плечами:

– Дело твое. Но хочу, чтобы ты знал. Это я рассказал о нем магистрам.

Я прищурился:

– Не похоже на тебя.

– Трепать языком или лезть в чужие дела? – Он усмехнулся. – Прости, Синеглазый. Причина глупа и банальна. Я был не в форме и ляпнул лишнее. Я действительно виноват.

Его темные глаза стали необычно серьезны. «Не в форме», как видно, означало перебор с вином.

– С этой неприятностью я справлюсь. Но, проклятье, Шуко, ты наворотишь дел, если будешь продолжать в том же духе.

Он сумрачно кивнул:

– Ты был прав тогда, в Риапано. Рози мое пьянство не вернет. За последний год я достаточно натворил глупостей.

– Меня радует, что ты хотя бы задумываешься над проблемой.

Шуко покачал головой:

– Когда просыпаешься с раскалывающейся от боли башкой и начинаешь узнавать о том, что ты говорил, лишь из рассказов других, проблема встает перед тобой во весь рост деревьев Кайзервальда. Сегодня прощание с моими лучшими подружками. – Он кивнул на две бутылки. – Пора найти новую и куда более интересную цель в жизни. Начну с того, что упрошу магистров отправить меня в Золян.

– Тогда уж сразу в Темнолесье или на Волчьи острова.

– Не смейся. Золян достаточно далеко от привычного мира. Восток, дикие места, дикие люди. И как можно меньше воспоминаний о прошлом. Эти стены слишком сильно давят на меня. А там, за работой, у меня не будет времени думать о том, что случилось.

Вино в наших бокалах закончилось, и он налил еще, отставив пустую бутылку в сторону.

– Ты не сможешь убежать от прошлого, Шуко. К сожалению, ни у кого это не получилось.

– Скажи то, чего я не знаю! – махнул он рукой. – Сперва я считал, что в смерти Рози виноват Пауль. Ему нельзя было разделять нас. Затем винил себя... До сих пор виню. Мне не следовало отпускать ее с ним и идти с тобой в ту больницу.

– Зачем вы втроем приехали в Солезино, Шуко?

Цыган посмотрел задумчиво, и я добавил:

– Точнее, вчетвером. Кристина ведь тоже там была?

– Да, была. Уехала сразу после землетрясения, до того, как началась эпидемия юстирского пота.

– Вы ходили к зданию Ордена?

Он удивился вопросу:

– Я? На кой черт? У нас с Рози дел было невпроворот. Ходила Кристина. Сказала, что ей следует представить отчет магистрам, поэтому тем же вечером уехала.

Угу. И, судя по имеющимся у меня сведениям, среди развалин она нашла клинок работы темного мастера, принадлежавший кому-то из законников.

– Кристина уехала, приехала Гертруда.

– А она там ради чего появилась? – нахмурился я.

– Забыл письмо, которое она просила тебе передать? Была. В Совreno. Это лиг сорок от столицы. Твоя ведьма примчалась к нам, когда появились первые заболевшие. Рози ей написала, нам требовалась помощь, так как в городе стало появляться слишком много темных душ, а Гертруда оказалась ближайшим стражем. Но пробыла она с нами всего два дня. Ее вызвали в

Арденау, а тебя направили к нам.

Примерно это я и предполагал. Гертруду призвали для того, чтобы предложить должность магистра Братства. И теперь я, кажется, знаю, почему она так быстро согласилась.

Шуко тем временем взял вторую бутылку.

– «Барбареско», – прочитал он на этикетке. – Виноградники недалеко от Солезино... Этот проклятый город продолжает преследовать нас даже здесь.

Я знал это вино. Красное, терпкое и пряное. Его делали из лучшего винограда Каварзере. Он рос на склонах Мраморных холмов, за старой дорогой императора Нерула. Сейчас «Барбареско» стало большой редкостью. Со времен эпидемии вина в этой стране больше не делают.

– Думаю, на сегодня вполне достаточно.

– Ерунда, – махнул он рукой. – Это последняя бутылка. Завтра я иду к нашим великим руководителям и прошу пинком отправить меня в Золян. Уверен, они не откажут.

Я не стал настаивать. Понимал, что не смогу его переубедить, к тому же Шуко взрослый человек и сам знает, что делать. Вино, которое он налил в мой стакан, оказалось не красным, а бордовым, почти синим. Я сделал первый глоток, ощущая терпкий аромат на языке.

– Эти сукины дети создавали превосходное пойло, пока не передохли, – оценил Шуко.

– Где ты добыл бутылку?

Он поморщился:

– Можно сказать, что это подарок. Еще одна причина, чтобы свалить отсюда.

Страж увидел, что я не понимаю:

– Вчера узнал то, чего не стоило бы знать. Кое-кто из наших братьев гораздо грязнее на руку, чем можно было предположить. Не спрашивай. Даже вспоминать не хочу. Мне до смерти надоела ложь. Нас с детства убеждали, что быть здесь – это честь. Что наша работа важна, что мы единственный щит, закрывающий обычных людей от тьмы, которая ходит рядом с нами. Но на самом деле мы ничуть не лучше Ордена. Ты думал об этом?

Я задержал вино во рту, ощущая, как по языку расползается солнечное тепло одного из лучших виноградников мира, затем ответил:

– Думал. Ты прав. Мы ничуть не лучше законников. Преследуем свои цели, лжем, темним, убиваем и ищем выгоду. Все слова о том, какие замечательные мы, и как плохи другие, хороши, когда тебе пятнадцать.

Взрослая жизнь обычно расставляет все по местам. Для учеников Ордена мы всегда остаемся преступниками. И ровно наоборот – в школе не забывают повторять, насколько опасны законники для нас. Но по сути своей это не мешает стражам отправлять темные души туда, где им самое место.

– Возможно, ты и прав...

Шуко кашлянул в кулак и продолжил:

– Черт с ними со всеми. В мире полно темных душ, а с тем, кто лучше или хуже, пускай разбираются другие.

Внезапно его скрутил сильный кашель.

– Ты в порядке? – спросил я.

Цыган махнул рукой, мол, ерунда, не переживай, и, захрипев, с грохотом рухнул со стула на пол. Я бросился к нему, перевернул его на спину и увидел на губах бледно-желтую пену.

Я схватил его голову, чтобы он не разбил себе затылок из-за внезапного припадка.

– Все... нормально... пройдет. Сейчас... пройдет, – сквозь хрипы сказал он мне и попытался улыбнуться.

Меньше чем через минуту он был уже мертв.

Было душно, несмотря на распахнутые окна и дверь.

Долговязый Павел сидел на корточках перед Шуко, положив длинные руки на колени, и внимательно, точно ящерица, изучал тело. Гипнотизировал его взглядом, словно в любой миг ожидая, что цыган вскочит, рассмеется и скажет, что это всего лишь розыгрыш.

Он поднял взгляд, лишь когда пришла Мириам. Стремительная и резкая, она взметнула широкими юбками воздух, точно ветер, ворвавшийся в окно, едва не врезалась в меня, и я увидел, что в ее льдистых глазах таится тревога.

Мы не встречались с прошлого лета, и я был неприятно поражен тем, как изменилась моя учительница. Она выглядела уставшей, появились новые морщинки, губы стали тоньше, а щеки более впалыми. Между тем у нее все еще была волевая осанка и напор, который мог уничтожить даже горы. Возможно, если бы я не знал, что ее изнутри поедает болезнь, и магистр медленно, но верно проигрывает с ней битву, то не заметил бы никаких изменений.

– Я рада видеть тебя живым, – негромко произнесла она.

Сразу же за ней пришел Стёнен. Он был необъятно-толстым, с огромным выпирающим животом, складчатым затылком, покрытым рыжим

пушком, с закрученными песочными усами и бородой. Передвигался он с трудом, опираясь на внушительную трость из черного дерева, все время отдувался, потел и сопел.

– Что произошло? – спросил он.

– Яд, вне всякого сомнения, – произнес Павел, встав резко, точно внутри него расправилась пружина.

– Сомневаюсь. – Мириам заметила, что на столе стоят два стакана. – Ведь ты же пил, Людвиг?

– Да.

В следующее мгновение она оказалась слишком близко ко мне, чтобы я успел отстраниться, бесцеремонно взяла стальными, точно когти дракона, пальцами за подбородок:

– И как ты себя чувствуешь?

Я мягко убрал ее руку:

– Не планирую умирать, если ты об этом.

– Но он мертв. А ты нет. – Взгляд Павла мне не понравился. Так смотрит ящерица на еду. – Было бы неплохо получить логичное объяснение, почему ты жив, ван Нормайенн. Если, конечно, ты, действительно, пил вино.

– Я нечувствителен к большинству ядов.

Это было так. Благодаря тому, что со мной сделала София. Второй раз это меня спасает. Сначала пойло старг, теперь отравленное вино.

– Я говорил о логичном объяснении.

– Иного, прости, у меня нет.

– И как же ты приобрел столь полезные свойства?

– Гертруда помогла.

Стенен усмехнулся в усы:

– Хорошо дружить с колдуньей. Это яд, Павел. Можешь не сомневаться. Даже название тебе скажу. – Он указал тростью на бледное лицо Шуко. – Желтые губы признак туманной ягоды. Хорошая отрава, хоть и действует не сразу.

Павел взял со стола бутылку и вылил ее содержимое в окно.

– Ненавижу отравителей. С новым днем рождения, ван Нормайенн.

– Нет повода для радости. У кого-то его уже не будет.

– Довольствуйся малым. Ты жив. Цыган превращался в залитую алкоголем свинью, и вино в конце концов его убило. Пускай и несколько иначе, чем я рассчитывал.

Я шагнул к нему, но Мириам положила ладонь мне на плечо, останавливая. На тот случай, если я не понял намека, она сжала пальцы,

вцепившись в меня, точно гриф в кусок мяса.

Ну да. Она права.

Стенен хмыкнул в усы:

– Не обращай внимания на Павла, ван Нормайенн. Он как змея, редко испытывает привязанности. Если, конечно, дело не касается его учеников.

Павел скривился:

– Пора уже успокоиться. Калеб не получит Тильду.

Стенен, который являлся бывшим учителем Калеба, философски пожал плечами:

– Это решит совет.

Мириам тихо фыркнула:

– Вы как подростки. До сих пор грызетесь из-за красивых глаз, которые все равно вам не принадлежат. Совет поддержит Павла. Это всем понятно. Давайте оставим эту ерунду и обратимся к более серьезным делам. Кто принес вино, Людвиг?

– Шуко. Ему подарил кто-то из стражей.

Магистры переглянулись.

– Он сказал, чей это подарок? – Толстяк тяжело оперся на трость.

– Нет.

– И причину не назвал? Должен быть повод для дара.

– Не назвал.

Собственно говоря, я и не врал. Шуко не сказал мне ничего конкретного.

Стенен задумчиво кивнул и вынес решение:

– Никакого яда не было. Страж умер. Сами придумайте почему. Так как болезни к нам не липнут, пусть он свернет шею на лестнице из-за того, что много выпил. Не смотри на меня так, Людвиг.

– Ты хочешь сделать его пьяницей.

– Он и был им, – жестко ответил Павел. – Нам не нужны слухи. Не тогда, когда в школе двое законников. К тому же убийство одного из нас может напугать учеников. Случайная, глупая, вне всякого сомнения, очень печальная смерть, а не убийство. Я согласен со Стененом. Мириам?

– Это разумно.

– Решено. – Толстяк отлип от стены. – Как только законники уедут, начнем расследование. Счастливо оставаться.

Он протиснулся в дверной проем и ушел, предоставив нам разбираться с проблемой, которая перестала его волновать.

Мириам взглянула в окно:

– Мне тоже пора. Людвиг, окажи мне услугу, сходи к башне Сов,

дождись Эрика и приведи его, пожалуйста, в зал Стрел.

– Сейчас?

– Да. Прибыла делегация из Ордена. Гертруды нет, я не могу, а тебе он доверяет. Павел?

– С телом разберусь, – хмуро ответил тот и, когда моя учительница вышла, сказал мне:

– Хуже нет, когда замешаны свои. Впрочем, чего удивляться. На моей памяти, страж убивал стража трижды. Но для убийства нужна веская причина. И я бы очень хотел ее знать. – Он вновь склонился над телом. – Иди, ван Нормайенн, иди. У тебя полно дел. Печалиться о мертвых будешь, когда станешь старым и ни на что негодным. А пока займись чем-нибудь полезным.

– Займусь. – Я не спешил уходить, так как меня интересовало еще кое-что. – Как Бент?

Павел удивился моему вопросу и ответил несколько грубо:

– Рука у него не отросла, если ты об этом. Я оставил его с братом в Лезерберге.

– А Тильда?

– Здесь. Хотя я бы предпочел, чтобы она была подальше, пока совет решает ее судьбу. Скажу, что ты передавал ей привет. – Следующие слова он произнес, когда я уже собирался выходить: – Знаешь, ван Нормайенн... Давно собирался тебе сказать, да все случая не представлялось. Я хотел взять тебя в ученики после твоего выпуска.

– Действительно, дело более чем прошлое. Надо думать, Мириам тебя опередила.

Магистр скривился:

– Ей было тяжело удержаться. По сути говоря, ты ни черта не был нужен нашей королеве и стал ее учеником лишь потому, что ей показалось смешным насолить мне.

Я остался равнодушен к полученной информации.

– Немного не понимаю, к чему мне эта новость. Если ты считаешь, что я не знаю, как порой Мириам относится к людям, которых она учит, то ошибаешься. Я знаю ее гораздо лучше многих.

Он пожал костлявыми плечами:

– Я лишь к тому, что тогда увидел в тебе перспективу. Вижу и теперь. Предложение, которое я озвучил тебе в Чергии, в силе. В совете освободилось место магистра. Я предлагаю тебе получить кольцо и войти в круг тех, кто решает судьбу Братства. Дай знать, если заинтересуешься.

Здания школы занимали всю внутреннюю часть крепости. Здесь располагалось несколько корпусов, где жили ученики разных возрастов.

Справа от меня высилось сложенное из серых камней Гнездо Соловья, в котором селили мальчишек. Прямо через площадь, сразу за садом, белело Гнездо Сойки – корпус для девочек. Оба здания, так не похожие друг на друга, соединялись переходами с главным корпусом школы – бывшим дворцом короля. Он больше напоминал готический собор, со множеством башенок, узких как языки пламени, западным фасадом с огромным, в четыре этажа, круглым витражным окном. Из северного крыла, украшенная хагжитскими фениксами, точно чертополох, вырастала высокая башня обсерватории со стеклянным куполом. Ее закончили строить, еще когда я учился.

Солнечный свет, мягкий и теплый, касался клумб, на которых уже расцвело множество цветов, ослепительными бликами отражался от бронзовых статуй львов, стоящих по периметру площади, сверкал в стеклах зданий и окрашивал башню Сов в нежно-розовый цвет. Она сейчас действительно очень походила на остроухого филина, со своими разноцветными глазами-циферблатами – где на правом, белом с черными стрелками, указывалось обычное время, а на левом, темно-кобальтовом со стрелками золотыми, всем желающим показывали, через сколько дней у последнего курса начнутся выпускные экзамены. До момента, когда новые стражи получат кинжалы, сейчас оставалось шестьдесят три дня.

Вокруг было пусто, шли уроки, и мы с Проповедником пребывали в одиночестве. Лишь раз мимо нас пробежали трое учеников лет пятнадцати, опаздывающих на занятия. В нашу сторону они взглянули с интересом, но и только.

– Здесь царит умиротворение, – сказал мне старый пеликан. – Хотя порой возникает какое-то неприятное чувство, когда я смотрю вон туда.

Он указал на полукруглую арку, ведущую в дальнюю часть школы.

– Тренировочные залы, – рассеянно проронил я. – Там учат сражаться.

Проповедник прищурился:

– Хочешь сказать, что вы держите темные души в клетках и выпускаете, когда надо?

– Ну, не в клетках... хотя неважно. Суть ты передал точно. Старшим курсам нужна практика. А искать каждый раз подходящий объект слишком непросто.

Он помолчал, глядя, как свиристель прыгает по краю фонтана.

– Мне жаль Шуко. Как-то это все... нелепо. Умереть от яда, который подсунул кто-то из своих. Ты будешь искать убийцу?

– А как ты думаешь? – Я не смотрел на него.
– Будешь. Иначе это не ты. С чего начнешь?
– С Эрика. Отведу его к Мириам. И еще надо решить вопрос с похоронами.

– Он бы, наверное, хотел лежать рядом с Рози.
– Розалинда за тысячи лиг отсюда. В Солезино.
Проповедник цокнул языком:
– В большей степени не важно, где зарыты кости, когда души рядом, в

райо.

Я не стал комментировать это утверждение.

– Яд оружие трусов, – мягко начал он.
– Не надо банальностей, Проповедник, – поморщился я. – Трус, женщина, клирик... Это все шаблоны, которые с жизнью имеют мало общего. Яд это оружие. И частенько очень эффективное. Некто хотел заткнуть рот Шуко, и у него это получилось. А я жив лишь благодаря Софии. Иначе бы вместо одного мертвого стражи было двое.

Свиристель сорвалась с места, устремилась через сад к Часовой башне, и мы проследили за ее полетом.

– Вот он! – оживился Проповедник.

Я увидел лопоухого мальчишку, спешащего к воротам школы, и, сунув пальцы в рот, громко свистнул. Звук рванул вверх и вперед, отразился от крыла Гнезда Соловья, разнесся над садом и привлек внимание не только паренъка, но и слуг, садовника и трех гвардейцев, обходивших по периметру площадь.

Ребенок остановился, прищурился, узнал меня и улыбнулся.

– Людвиг, я так рад, что ты приехал! Привет, Проповедник.

Я с серьезным видом пожал ему руку:

– Здравствуй, Эрик.

– А где Пугало?

– Где-то бродит. Думаю, вы увидитесь и сыграете на щелбаны. Как твое обучение?

– Идет, но со скрипом, – серьезно ответил тот. – Гертруда говорит, что я потерял не один год и сильно отстаю от других. Они-то учатся быть стражами с шести лет.

Я представляю, о чем он говорит. Вне всякого сомнения, Эрик многое знал и многое умел, но все его знания получены в Ордене, а не в Братстве. У него сильнейший дар и несомненный талант, но научиться вязать фигуры силой мысли не так-то просто. Поэтому магистры назначили ему дополнительные занятия, и он тренировался с утра до ночи и с ночи до

утра.

– Учиться нравится?

– Конечно. Хотя не так весело, как летать на волшебном петухе. – Он ухмыльнулся, посмотрел на часы. – У меня сейчас теория знаков.

– Придется пропустить. Тебя вызывает Мириам.

Эрик с подозрением нахмурился:

– Если я не появлюсь, госпожа Юдит открутит мне голову.

Я помнил Юдит. Невысокая, черноволосая, зеленоглазая. Она была младше меня на один курс и всегда больше хотела учить других, чем сражаться с душами.

– Не открутит. Магистр с ней договорилась.

– Мне нравится госпожа Мириам. Ну не так, как ты или Гертруда, но с ней интересно. Она внимательно слушает и много знает.

Это было нечто новенькое. В разноплановости Мириам, разумеется. Обычно она никогда никому не нравится. Когда магистр предложила мне стать ее учеником, то дала время для принятия решения лишь до вечера. Львенок и Ганс, узнав об этом, покрутили пальцем у виска.

– Сожрет тебя лучше любого окулла, приятель, – предупредил меня Вильгельм.

Ганс серьезно кивнул:

– У нее уже месяц учится девчонка с параллельного курса. Ты помнишь ее? Кристина. Говорят, она ночами плачет от того, как эта стерва с ней обращается. Уверен, что хочешь попасть к такому чудовищу? Любой другой старший возьмет тебя к себе.

– Она лучшая, – подумав, ответил я. – А значит, и научит меня лучше других. А дурной характер я как-нибудь переживу.

Тогда я даже не знал, на что соглашаюсь, хотя теперь вспоминать это забавно.

Мы вдвоем пошли по садовой дорожке. На ходу Эрик обернулся к оставшемуся сидеть Проповеднику:

– А ты?

– Идите, – махнул он. – Я тут погуляю. Не хочу без причин лезть на глаза магистрам и законникам.

Мальчишка посмотрел на меня с подозрением:

– Законникам? Ты ведешь меня к ним?

– Да, – не стал я отрицать, «благодаря» про себя старого пеликаны. – Представитель Ордена сейчас в Ардене. У него письмо с разрешением из Риапано. Ему позволено убедиться, что с тобой все в порядке и ты находишься здесь по доброй воле.

– Почему Церковь приказывает вам?

– Потому, что это Церковь. – Это был самый простой ответ.

– Этот представитель... он думает, что вы съели меня? – ворчливо спросил Эрик, делая широкие шаги, чтобы не отставать.

– Нет. Но они не теряют надежды на то, что ты передумаешь и захочешь вернуться.

– Не передумаю, – с ожесточением ответил мой спутник. – Ведь магистры не отдадут меня обратно, правда?

– У них и мыслей таких нет, – успокоил я его, хотя, если честно, не мог с уверенностью говорить о том, что в головах у большинства магистров. – Никто тебя никому не отдаст. Не нервничай.

Он спрятал руки в карманы:

– Жаль, что Гертруда уехала.

– Поверь, приятель, я жалею об этом не меньше тебя.

Эрик хихикнул и сменил тему:

– Жду не дождусь, когда мне дадут мой собственный кинжал. Только после этого законники наконец-то успокоятся из-за того, что я от них сбежал. Ведь так?

Я глянул на него сверху вниз:

– Хочешь правду?

– Было бы неплохо. Для разнообразия. Большинство стражей считают меня маленьким ребенком.

– Они никогда не успокоятся, Эрик. За все сотни лет своей истории Орден еще ни разу не упускал никого из воспитанников. И они не переходили в лагерь... – Я хотел сказать «врагов», но в последний момент подобрал более подходящее слово. – Конкурентов.

Он снова шмыгнул носом и сказал серьезно:

– Я смогу это преодолеть. Стражи ведь часто сталкиваются с трудностями.

– Хорошо, что ты это понимаешь.

Мы прошли через калитку Надзора – полукруглые бронзовые створки, ограничивающие выход учеников за пределы школьной территории. Здесь тоже была охрана – трое стражников и с ними один из наблюдателей, как у нас называлась эта должность. Немолодой человек в бархатном камзоле, с толстой серебряной цепью на груди строго посмотрел на Эрика, но я служил для мальчишки прекрасным пропуском, и он с поклоном, по старой традиции, распахнул калитку, громко сказав:

– Один ученик выходит! Один ученик!

Стражник мелом начертил на висящей доске вертикальную палку.

Калитка за нами захлопнулась.

– Как в тюрьме, – хмыкнул Эрик, впрочем без всякого недовольства. – Почему нам нельзя покидать школу, пока идут занятия?

Я пожал плечами:

– Сейчас это больше традиция. Раньше – предосторожность. После раскола, когда правила еще не были выработаны, стало непонятно, что делать с детьми, у которых есть дар. Все члены бывшего Братства, и те, кто в нем остался, и те, кого теперь называют законниками, искали учеников для себя. Не было никаких норм и правил приема, поэтому за таких, как ты, порой приходилось драться.

– И нас похищали? – Он все быстро понял.

– Да. Пока ситуация не стала превращаться в настоящую войну. Тогда вмешалась Церковь и всех разогнала. – Я скорчил страшную рожу, и он рассмеялся. – К тому же после Прогансу... кстати, ты вообще в курсе событий?

– Ага, – степенно кивнул мальчишка. – Нам преподают историю стражей. Дважды в неделю.

– В общем, после той истерики многие потеряли доверие к стражам. Слухи ходили самые разные и большинство из них были далеки от реальности. Так что у некоторых людей появилось желание убить стража. Взрослые могут за себя постоять в отличие от детей.

– Я не ребенок.

– Хорошо, – покладисто согласился я. – Но таких, как ты, следовало защищать. Поэтому учеников стали охранять. Но теперь это дело прошлое. Сейчас вас никто и пальцем не тронет. За младшими классами присматривают, конечно, а старшие, как ты успел заметить, могут беспрепятственно ходить по всей крепости и Арденая.

– Поскорее бы и мне такой свободы.

Я с иронией глянул на него:

– Любишь торопить события?

– Просто хочу кинжал. Такой же как у тебя.

– Ого! Ну это точно не получится. Я никогда не видел одинаковых кинжалов.

Эрик кивнул, соглашаясь со мной:

– Почему они разные?

– Так решает кузнец. Он сам знает, что лучше подойдет каждому из нас, и пока еще ни разу не ошибся.

Мальчик задумчиво хмыкнул, обдумал полученную информацию и поинтересовался:

– Он волшебник? Раз по капле крови может понять, что нужно стражу?

– Не знаю. Никогда не встречался. Раньше один из них жил в Прогансу, рядом с Братством, но после раскола Церковь вывезла его и спрятала. Говорят, они даже сомневались, стоит ли вручать нам кинжалы и дальше.

Эрик посмотрел на меня с сомнением, словно не верил в такую глупость.

– Но довольно быстро в Риапано поняли, что, если уничтожить наследие императора Константина, вокруг разведется такое количество темных душ, что с ними уже никто не справится.

– На истории нам говорили, что раньше кузнецы жили прямо в Братстве, рядом с Прогансу, и стражи с ними беседовали.

– Легенд очень много. Кто-то считает, что есть две семьи кузнецов, кто-то, что это одиночка, который передает свое мастерство следующему ученику. Но да, раньше, до раскола, кузнец был ближе к нам, чем теперь.

– Интересно, где он живет сейчас?

Я вспомнил серые стены монастыря и возвышающиеся над ними снежные пики.

– Не знаю, приятель. Да и так ли это важно?

Он потер шею:

– Ну, мне было бы любопытно посмотреть, как он кует такое интересное оружие. Быть может, когда-нибудь в Риапано поймут, что стражи не опасны, и позволят нам с ним общаться снова. Хотя в Ордене мне говорили, что больше такой ошибки не повторится. А правда, что порой кузнец ковал вторые кинжалы для тех, кто его очень просил? Он считал, что это облегчит стражам работу, а те, в свою очередь, просто собирали светлые души?

– Не знаю, – вновь ответил я. – Хотя мне думается, что это неправда.

– Почему?

– Потому, что тогда не было нужды во втором кинжале, так как Братство было единственным и Ордена Праведности не существовало. А значит, не от кого было прятаться.

Он ухмыльнулся.

– Валяй, – подтолкнул я его. – Что смешного я сморозил?

– Ты ошибаешься.

– Так озвучь мою ошибку.

– На уроках истории этому не учат, но я думаю, что кинжалы стражей проверяли сами стражи. Другие в смысле. Чтобы первые собирали только темные души. Иначе как у Ордена появились такие знания?

— Хм... — пробормотал я, но Эрик уже забыл о разговоре, разглядывая Стрелу Совета — первый донжон крепости, который благодаря искусству лезербергских каменщиков уже ничуть не напоминал оборонительную башню и укрепление. Шершавые стены, так похожие на рыбью чешую, уходили вертикально вверх, затем закручивались на половину спирали и резко сужались, превращаясь в островерхую крышу.

Встреча должна была состояться на четвертом этаже, темном и мрачном, украшенном портретами магистров прошлого, старыми знаменами и чучелами иных существ. Эрика заинтересовал пожелтевший визаган верхом на огромном, поеденном молью кабане с коричневыми блестящими пуговицами вместо глаз.

— Ух ты! А это кто?

— Потом, — ответил я, положив ему руку на плечо и увлекая за собой.

Мы довольно сильно опаздывали.

— Этот мальчик голый!

— Этот мальчик, будь он жив, скушал бы тебя на завтрак, а из оставшихся костей сделал бы погремушку для своих детей.

— Визаган! — догадался он и все время оборачивался, пока мы спешили по полутемному коридору, который большую часть времени стоял всеми забытый и заброшенный. — Нам рассказывали о них на естествознании! Людвиг, а ты встречался с такими?

— Да. И даже одного спас.

— Ух ты! Но они же опасны!

— Не для меня.

— Ух ты! — вновь повторил он, но я не понял, к чему это относится больше, к моей уникальной личности или к лохматому ругару в линялой шкуре, стоящему на двух ногах в самом темном углу и тянувшему когтистые лапы ко всякому проходящему рядом с ним.

Я потянул за бронзовое кольцо тяжелую дверь, верх и низ которой были украшены разноцветными стеклышками, и мы с Эриком вошли в небольшой круглый зал со сводчатым потолком, полом из тусклого малахита и высокими стреловидными окнами, полукругом занимавшими всю восточную стену.

Я кожей ощутил разлитое здесь напряжение. Троє стражей стояли возле низенького столика. Мириам, единственная присутствующая на встрече магистр, была холодна как лед, и на ее лице не отражалось никаких эмоций.

Высокий Йотан, каштановолосый, заросший бородой точно медведь, сложив мощные руки на груди, смотрел на все происходящее словно со

стороны. На его угрюмом лице читалось, что он хочет вышвырнуть законников в окно. И в довершение ко всему, сбросить на них тяжеленный трон, находящийся в углу.

Похожий на утомленного трактирщика Иоганн, с серым лицом и редкой растительностью на голове, то и дело нервно облизывал губы. Было непонятно, чего он хочет больше – уйти отсюда как можно скорее или воткнуть свой кинжал в одного из представителей Ордена.

Законников оказалось двое. Женщина лет тридцати в дворянском платье, с бледной кожей и собранными в тугой пучок пепельными волосами. Ее можно было бы назвать красивой, если бы она не выглядела такой уставшей. Вторым гостем оказался мой старый знакомый, Клаудио Маркетте. Кроме этих двоих присутствовал еще один человек – в обычной одежде, с незапоминающимся круглым лицом.

С ним я тоже встречался несколько раз, но так и не знал его имени, кроме того что он являлся личным поверенным кардинала ди Травинно.

Мальчик, заметив гостей, замедлил шаг.

– Здравствуй, Эрик, – дружелюбно поздоровался законник. – Ты конечно же помнишь меня?

Он взял неправильный тон, слажаво-покровительственный, даже сююкающий, а я знал, что мальчишка терпеть этого не может.

– Помню, – мрачно ответил тот. – Герцог Уdalна указал вам на дверь.

– Было такое. – Господин Маркетте ничем не показал, что его задели эти слова. – Этого человека ты тоже помнишь? Господин Рудольф был тогда у его светлости.

Эрик покосился на невозмутимого слугу Церкви. Кивнул. На этот раз дружелюбно. И мужчина ответил на приветствие улыбкой, хотя его глаза оставались такими же холодными и непроницаемыми.

– Кардинал ди Травинно прислал его, чтобы он был независимым наблюдателем во время нашей беседы.

Да. Чтобы ни мы, ни законники не сказали потом, что мальчика принуждали выбрать ту или иную сторону. Очень разумно.

– И госпожу Бладенхофты ты, конечно, знаешь.

– Она моя бывшая наставница. – Тепла в голосе Эрика не прибавилось, а подозрительность возросла, и он посмотрел на Мириам, ожидая объяснений.

– Эти господа приехали убедиться, что с тобой все в порядке, – ответила та, тоном показывая всем присутствующим, что считает подобное глупостью.

– Со мной все в порядке. Можете ехать обратно.

– Прежде чем сделать это, мы должны быть уверены, что тебя не обижают, что ты здесь по своей воле и не желаешь вернуться, – поспешно произнесла законница.

– Не желаю. Теперь я могу идти?

– Потерпи немного, – попросила мальчика Мириам. – У наших гостей есть еще вопросы. Лучше решить их прямо сейчас.

– Это очень любезно с вашей стороны, госпожа фон Лильгольц. – Я чувствовал какое сильное раздражение испытывает Бладенхофт из-за того, что ей приходится выступать в роли просителя. – Но чтобы решить наше маленькое дело, разве требуется столько стражей?

В ответ Йотан с иронией произнес, спрашивая, судя по его взгляду, у кого-то невидимого:

– Неужели мы кому-то мешаем? В кой-то веки поменялись ролями.

Его слова проигнорировали, а Мириам холодно отчеканила:

– Все присутствующие находятся здесь по моей воле, как магистра, который сейчас говорит за все Братство. Господин Ульфонсен, – она кивнула на Йотана, – наставник класса Эрика. А господин Фолетц уже три месяца исполняет обязанности директора школы. Без его участия посторонние не имеют права общаться с детьми.

Иоганн примиряюще улыбнулся, пытаясь растопить морозный воздух, оставшийся после слов моей учительницы:

– Таковы правила, господа. Правила и традиции.

– Конечно, – сухо ответила ему госпожа Бладенхофт. – Но, насколько мне известно, господин ван Нормайенн не является преподавателем школы, наставником Эрика и не отвечает за руководство Братства. Его присутствие здесь необязательно.

– Он останется! – безапелляционно заявил Эрик. – Если бы не он, черта с два я бы сюда пришел!

– Эрик! – нахмурилась Мириам, и тот сразу же потупился.

– Простите, госпожа магистр. Я не хотел никого оскорбить.

– Думаю, господину ван Нормайенну лучше остаться. – Мириам не скрывала улыбки и смотрела на законницу с насмешкой. Той пришлось сделать над собой усилие и проглотить еще одну горькую пилюлю.

Мессэр Маркетте взял слово, стараясь загладить затянувшуюся паузу.

– Эрик, я хотел бы от всего Ордена извиниться перед тобой за те неприятности, что произошли несколько месяцев назад, – вкрадчиво произнес он. – Мы постарались исправить ситуацию. ...Не только перед тобой, но и перед твоими родственниками, когда забрали тебя без их разрешения.

– Ваши извинения ничего не исправят, – ответил мальчик. – Они не вернут Иосифа, которого вы убили.

– Это была досадная случайность.

– А натравить на Людвигу и Гертруду тех одушевленных тоже была случайность? – Теперь он говорил зло и совсем не как двенадцатилетний мальчишка.

– Они бы лишь задержали вас...

– Они были темными. Вы учили меня, госпожа Бладенхофт. Я видел, чего они хотели. Не задержать. Убить. Вы всегда говорили мне, что нельзя контролировать этих существ. Они переиначивают приказы людей! Извращают их! Снеговиков следовало уничтожить сразу, как вы обнаружили их. А не отправлять за нами!

– Устами младенца, – пробормотал Йотан.

– Все причастные лица наказаны. Можешь мне поверить. Мы все же волнуемся за тебя. – Представитель Ордена Праведности ничуть не разочаровался отказу, так как был готов к такому ответу. – И хотим быть уверены, что с тобой все в порядке. Поэтому просим твоего разрешения, чтобы один из нас остался здесь, в Ардене, и приглядывал за тобой.

– Просите у меня? Не у магистров? – удивился мальчик.

– Мы не станем отказывать в этой просьбе уважаемым законникам. – По интонациям высокого Йотана было понятно, насколько он их «уважает». – Иначе они могут расценить это как недружественный жест. Решат, что мы что-то скрываем и мучаем тебя на занятиях больше, чем следует. Но представитель Церкви считает, что решение должен принять ты. И если ты откажешь, так тому и быть.

Намек был понятен, и законница вскинулась, собираясь возразить, что ребенку подсказывают, как следует ответить, но Маркетте быстро коснулся ее руки и покачал головой. Не стоит все портить, говорил его взгляд.

Невзрачный посланник кардинала ди Травинно кивнул на невысказанный вопрос Эрика, подтверждая слова стражи. Мол, решать только тебе.

– Я не хотел бы, чтобы вы были рядом! – выпалил мальчик и произнес гораздо спокойнее: – Но я не против, если вы будете приезжать раз в месяц и продолжать учить меня. В течение четырех-пяти дней. Это возможно?

С этим вопросом он обратился к директору школы, и Иоганн, покосившись на Мириам, сказал:

– Можно подумать о таком варианте. Если, конечно, это не помешает твоим основным занятиям.

В глазах Мириам появилось то выражение, которое появляется у

голодной кошки, когда перед ней ставят миску с молоком. Так что я перестал удивляться. Все представление с обучением разыграно от начала до конца.

— Мы согласны. — У Клаудио Маркетте был такой вид, словно его карманы набили флоринами, хотя он ожидал, что погонят плетьми. — Если, конечно, у Риапано нет возражений.

Молчаливый посланник был не против.

— Ну, вот и славно! — Мириам порывисто встала. — Думаю, нам всем вместе стоит решить организационные вопросы. Людвиг, если тебе не сложно, проводи Эрика до калитки.

Мы с мальчиком вышли в темный коридор, я закрыл дверь и, пройдя десять шагов, спросил:

— Мириам научила тебя, что говорить?

— Да. — Он не выглядел особо довольным. — Сам-то я не слишком хочу учиться у них.

— Тогда зачем соглашался?

Он скривился:

— Магистры приказали. Они считают, что это будет полезно не только мне, но и Братству. Сказали, что потом я все пойму.

Арбалетный болт прилетел из мрака, свистнул между нашими головами и гулко стукнулся в дальнюю стену. Я тут же сгреб мальчишку в охапку и нырнул за первую попавшуюся преграду — чучело ругару.

— Это...

— Помолчи! — оборвал я его. — Стой здесь. Не высывайся.

Второй болт с сухим стуком ударил в грудь оборотня, выбив из чучела вековую пыль. Эрик чихнул.

Звать на помощь было нельзя. Мало того что выскочившие из зала в коридор не сразу поймут, что происходит, и их могут убить, так еще и законники поднимут вой, что их бывшему подопечному опасно находиться в Ардене, где в каждом темном углу скрываются убийцы.

— Стой здесь, — повторил я. — Обещаешь?

Он, совсем не испуганный, кивнул.

Я выскоцил на открытое пространство, преодолел светлый участок, нырнул в темный, туда, где окна были закрыты драпировками, и тут же отпрянул в сторону, снова разминувшись с арбалетным болтом.

Надо признать, стрелок хоть и мазал, но заряжал оружие довольно быстро. Я слышал, как механизм взводит тетиву, и успел преодолеть еще двадцать ярдов, наконец-то поняв, где прячется урод. Сразу за композицией из старг, изучающих человеческий скелет.

Разглядеть его не получалось – тень там была слишком густая. Я лишь почувствовал движение, прыгнул в сторону, прижимаясь к кабану, на котором сидел визаган. Болт со страшной силой ударил в кабанью морду, я выскоцил из укрытия, видя, как человек убегает по перпендикулярному темному коридору.

Он был удивительно быстр. Я преследовал его до Паутинного зала, потеряв среди лестниц ярусов. Дальше не пошел, здраво опасаясь, что на этот раз убийце повезет больше и он осуществит задуманное.

В конюшне кроме запаха лошадей, сена, овса и свежей воды, пахло еще и яблоками. Целая бочка прошлогодних, сморщенных плодов, стояла в углу. Карл запустил в нее руку, выудил три штуки. Одно бросил мне, другое Альберту, третье оставил себе.

Ученик Мириам за время, что мы не виделись, раздался в плечах, стал еще чуть повыше, из его темных глаз почти исчезла неуверенность, что то и дело появлялась, когда мы познакомились в Шоссии. Яблоко он, подумав, кинул обратно в бочку.

– Недостаточно свежо для тебя? – белозубо усмехнулся Карл.

– Не хочу объедать лошадей, – в тон ему ответил парень и, заметив, что я направился вдоль стойл, предупредил: – Характер у него в лучшую сторону не изменился, Людвиг. Меня он терпит, потому что я с ним вожусь и выезжаю, но и то порой не знаю, примет или прибьет. Двоих конюхов едва не покалечил, и они стараются подходить к нему как можно реже.

– Угу.

Конюшня была чистой и светлой. Такой, какой я всегда ее помнил. С высоким балочным потолком, свежей соломой, ялями и кормушками, расположенными для каждой лошади на разном уровне так, чтобы тем было удобно есть, и пить.

Караковый жеребец ровалийской породы, мощный, с лоснящейся шкурой, ухоженной гривой, гибкой шеей и стройными ногами, встретил меня в глубокой тишине. Я вошел к нему, и несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Наконец, конь сделал несколько осторожных шагов вперед и положил голову мне на плечо, тяжело вздохнув, будто зная, что его хозяйка больше никогда не вернется. Я потрепал Вьюна по шее, сказав:

– Сто лет не виделись.

Дал ему яблоко, слыша, как двое моих спутников подошли, но не рискуют заходить в стойло.

– Что с ним теперь будет? Раз госпожа Кристина... – Альберт не

закончил.

– Не знаю. Но я что-нибудь придумаю.

– Возьмешь себе?

– Нет. Я слишком много путешествую там, где не могут проходить лошади. Кристина, в отличие от меня, никогда не носилась по пустошам, лесам и горам, предпочитая работать в городах. Если возьму его, то рано или поздно придется где-нибудь оставить. Вьюн этого точно не заслужил. Вот разберусь с делами и решу, что с ним делать дальше.

– Когда начнем? – подал голос Карл.

– Начнем что? – не понял я, проводя рукой по лошадиной шкуре.

– Разбираться с твоими делами, разумеется. Убийство цыгана. Или ты думаешь, что я останусь в стороне?

– Мы... – поправил его Альберт и, поймав наши взгляды, пожал плечами. – А что? Я тоже хочу найти убийцу Шуко.

– Мириам, – напомнил я ему.

– Поговорю с ней вечером. Уверен, она согласится. – Но в его голосе не чувствовалось никакой уверенности.

Карл ухмыльнулся. И это не укрылось от взгляда Альберта.

– Да ладно тебе!

– Я не о магистре сейчас подумал. Очень приятно, что ты предлагаешь свою помощь, но будь я на твоем месте и в твоем возрасте, то оставил бы стариков возиться с грязью, а сам занялся чудесными голубыми глазками.

На щеках у парня появился румянец, но ответил он ровно:

– Не понимаю, о чем ты.

– Я не слепой и вижу, как ты смотришь на бывшую ученицу Калеба. Как ее? Тильда?

– У Тильды другой интерес.

– Ерунда! – отмахнулся Карл. – Интересы юных девушек ветрены, как и они сами. Возьмем ту же самую Кристину. Пока она была молодая...

– Поговорим о чем-нибудь более реальном, – поморщившись, предложил я. – Могу дать вам подходящую тему. Несостоявшийся убийца господина Людвига ван Нормайенна. У меня в сумке лежит кое-что любопытное.

Та валялась в ногах Карла, и он, сунув в нее лапу, вытащил серебристый арбалетный болт.

– Флотолийские оружейники. Скажу даже больше, работа на заказ.

– Кто делает болты на заказ? – удивился Альберт. – Это же расходный материал! Какой в этом толк?

Карл снисходительно хлопнул того по плечу:

– Поживешь с мое, перестанешь так изумляться. Ну что, Людвиг? Просветим подрастающую смену? Болты на заказ – комплектное оружие, парень. Обычно его изготавливают под определенные типы арбалетов, когда работает мастер с именем. Такие вещи, к примеру, покупает любитель охоты, из благородных. Довольно богатых благородных, так как подобный арбалет стоит дороже хорошего клинка.

Альберт взял болт в руки, изучил четырехгранный широкий наконечник, древко:

– Не вижу клейма мастера.

– Отсюда следует иной вывод. – Карл нисколько не унывал. – Оружие собрали не для охотника, и мастер не хотел подписываться под этим заказом.

Парень прищурился, размышляя над сказанным:

– Обычно не любят ставить свое имя под тем, что, фигурально выражаясь, плохо пахнет. От арбалета, должно быть, смердит трупами.

Карл довольно кивнул:

– Верно мыслишь. Скорее всего штуку делали для наемного убийцы.

– Но это глупо! Не проще ли воспользоваться обычным болтом? Зачем оставлять такой след?

Я попрощался с Вьюном и вышел к ним.

– Нет никаких следов. По нему мы не найдем ни владельца, ни мастера. Видишь дополнительные насечки по древку? Флотолийские оружейники хорошие инженеры. В арбалете специальный спусковой механизм. Бьет точнее и гораздо дальше, чем обычные образцы. Надежная вещь, и если надо прикончить кого-нибудь опасного издали, то лучше только колдовство. Тот, с кем я встретился, не являлся профессионалом. Всего лишь любитель, не способный попасть в не самого маленького человека с пятидесяти шагов.

– За это стоит выпить.

– Что-то в последнее время я не слишком расположен к вину, Карл.

– Но ведь надо с чего-нибудь начинать. А дорога ведет нас к бутылке.

Я не прав?

– Прав.

Страж ослепительно улыбнулся:

– Ну, значит, решено! Скажи, Альберт, бывал ли ты когда-нибудь в «Райской птице»?

Парень покачал головой:

– Нет.

– Я приглашаю. Посмотришь на лучшее заведение Арденау не только

со стороны фасада!

Старый район Демтер, расположенный у Новой дамбы, начинался с кирхи Сердца Христа и прямоугольной площади Гроте Герда, на которой росли тополя. Каждое второе воскресенье Лавендузский торговый союз открывал здесь оптовые продажи специями, и обычно малолюдная площадь превращалась в купеческий рай. Или ад. В зависимости с какой стороны от лотков ты находишься.

За площадью начинались две параллельные улицы, каждая из которых шагов через пятьдесят лопалась капиллярами переулков, проулков и тупичков. С непривычки в них легко можно было запутаться: черная мостовая, коричневые дома и ступеньки, красно-белые вывески лавок и таверн. Заблудившегося дорога могла привести в маленький зеленый двор, или на берег узкого канала Звезд, ведущего к Портовому кварталу, или в тупик, где хозяйки обычно развешивали белье. В одном из переулков, там, где в стенной нише висела икона Девы Марии Всепрощающей, сразу за поворотом и овощной лавкой был выход к кладбищу Дам.

Если пройти вдоль обшарпанной ограды, часть которой давно растащили на постройку зданий, а затем свернуть на улицу Гнева, неожиданно широкую и светлую после полумрака предыдущего пути, то обязательно выйдешь к Безумному мосту – замшелому сооружению, которое едва не касается животом воды Медленного канала.

Долгое время у этого места была дурная слава – здесь казнили городских убийц, клятвопреступников, обвиненных в измене сюзерену, и насильников. В прошлые века с ними поступали жестоко – дробили стальным прутом обе ноги и одну руку, а затем сбрасывали на середину канала, давая возможность попытаться доплыть до высокой набережной и ухватиться за ржавое железное кольцо, тем самым сохранив себе жизнь.

Задание столь же сложное, как допрыгнуть до луны. Когда тебе только что разбили кости, боль такая, что не то что плыть, даже дышать трудно. Потому преступники тонули довольно часто. Не все трупы всплывали и их уносило ленивое течение, многие так и остались на дне, и с каждым годом их становилось все больше и больше. От воды начал подниматься запах разложения, а в канале обосновались топлуны, которые были не прочь закусить не только мертвыми, но и живыми жителями.

Власти, посовещавшись, пришли к мнению, что Ардену следует найти какой-нибудь иной способ казни. Опустили Щитовой шлюз, осушили канал на этом участке, перебили топлунов, вывезли кости и перенесли экзекуции на Королевскую площадь, подальше от воды.

Со временем район вокруг Безумного моста стал престижным. Появились новые четырехэтажные дома, трактиры и увеселительные заведения. Одно из них – «Райская птица», место для богатых господ, желающих насладиться музыкой, вином и женщинами, стояло как раз недалеко, на набережной. Здание с розовым фасадом и белыми окнамиказалось праздничным и только что отстроенным, несмотря на то что ему уже было сто с лишним лет.

Мы сели на первом этаже, на открытой террасе, с чудесным видом на канал. Немолодая, но симпатичная женщина в черном закрытом платье, белом переднике и чепце подошла к нашему столу.

– Стражам всегда рады в моем заведении. Что желаете, господа?

– Бутылку «Львиной ярости» для начала, – сказал я. – И если это возможно, нам бы хотелось поговорить с вашим мастером по вину.

– Он подойдет к вам через несколько минут. Если останетесь до вечера, то сегодня у нас выступают певцы из Тамбора, фокусник-цыган и чудесные девушки с юга Нарары. Они глотают огонь и танцуют в коротких юбках.

– Короткие юбки? Наш юный друг, возможно, не откажется посмотреть такое представление, – откликнулся Карл.

Уши у Альберта стали пунцовыми, но он промолчал, пока хозяйка ставила бокалы, а также тарелки с сыром, сельдью в горчице и тонко нарезанным копченым мясом.

– Значит, короткие юбки? – спросил он, когда нас осторожно.

– Они еще никому не вредили, – философски заключил Карл.

Начинался вечер, ходило, и вдоль Медленного канала уже зажигали фонари.

– А кроме коротких юбок мы здесь, чтобы найти вино, которым был отправлен Шуко? Но почему ищем его именно тут? – Ученик Мириам пребывал в некотором недоумении.

– Потому, что в «Райской птице» знают толк в хорошем и редком пойле. Лучше них только королевские виночерпии, но тех так просто не расспросишь.

– Не факт, что здесь кто-то ответит на наши вопросы.

Карл сокрушенно покачал головой:

– Такой молодой, а уже скептик.

– Я предпочитаю другое слово. Реалист, – усмехнулся мальчишка.

– Не волнуйся. Бери пример с Людвига. Он спокойней камня и созерцает городской пейзаж. Соскучился по Ардену, приятель?

Я не стал отрицать:

– Есть немного. Мой дом был на той стороне канала. Он сгорел во время бунта, когда произошла вспышка юстирского пота.

Карл дернулся и схватился за кинжал.

– Оставь. Ничего нам не грозит, – укорил его Альберт.

Я обернулся и увидел торчащее посередине зала Пугало. Оно без всякого интереса шарило взглядом по стенам, затем направилось к нам.

Ученик Мириам с шумом отодвинул стул, сделал шаг навстречу одушевленному, протянул руку:

– Давно не виделись.

Оно мгновение колебалось, собираясь проигнорировать приветствие, но ради разнообразия решило вести себя вежливо и ответило на рукопожатие. Затем, с иронией покосившись на кинжал Карла, село на балконе.

– Уверен, тебе уже все сказали, что оно опасно. – Карл с силой вогнал клинок в ножны. – Но фактов, подтверждающих эти слова, они не предоставили. В отличие от меня.

– Ты смог привлечь наше внимание.

– Оно ущипнуло Мириам за зад и, как видишь, живо и здорово. Даже руки целы. Не смейся, Людвиг. Это крайне серьезный факт в биографии. Такое мог провернуть лишь сам дьявол. Ибо любого другого Мириам съела бы вместе со шляпой и серпом.

Пугалу такая версия пришла по душе, и его ухмылочка заметно потеплела.

– Очень разумное объяснение! – хохотнул я. – Жаль, что нет Проповедника. Он обожает подобные теории, и вы бы с ним отлично побеседовали.

Пожилой сутулый мужчина принес пузатую бутылку вина.

– Господин Карл, давно вас не видел. – Голос у него был тихий. – Ваше вино. Я позволил себе выбрать сорок шестой год.

– Благодарю, маэстро Роэльс. Твой вкус, как всегда, безупречен.

Тот принял похвалу как должное, достал из внутреннего кармана жилета небольшой складной нож, срезал сургучную печать с пробки, разлил вино по трем бокалам.

– И себе налей, – негромко предложил я, понимая, что разговор с мастером по вину может и затянуться.

– Вы очень любезны. Скажу тост. За здоровье господ стражей.

Мы приняли его пожелание, и он, выпив с нами, откинулся на спинку стула.

– Вам нужна моя помощь?

Я полез в сумку и достал из нее сохраненную бутылку. Роэльс взял ее в руки, изучил этикетку, внимательно осмотрел стенки, остатки сургуча, клеймо на боку. Затем понюхал горлышко.

— «Барбареско» пятьдесят третьего. Производили в Рокка ди Монтегролле. Хорошее было место, пока, как говорят, не превратилось в могильник.

— Я могу купить такое?

Он на мгновение задумался, затем покачал головой:

— В Ардене? Вряд ли. После юстирского пота с винами из Каварзере серьезные перебои. Прошло больше года, старые запасы давно подошли к концу. У нас есть несколько бутылок «Вальполичелло», и цена на них по три флорина за штуку. Но «Барбареско» я не видел месяцев восемь. Последняя баржа привезла всего лишь два ящика, и они исчезли прежде, чем я успел вытащить деньги из кошелька.

— Кто их купил?

Роэльс развел руками:

— Не знаю. Я слышал лишь краем уха о поставке, но насколько верны эти сведения, ручаться не могу.

— Каков шанс, что эту бутылку приобрели сравнительно недавно?

И вновь он развел руками:

— Город немаленький. У кого-нибудь в погребе могут скрываться и куда большие редкости. Вы хотели бы найти продавца, как я понимаю?

— Да.

— Не удастся, господин страж. Это не драгоценный камень, а всего лишь вино. Неплохое, но не более того. К тому же, как я понимаю, покупатель теперь ничего рассказать тоже не сможет.

Я склонил голову:

— Последние ваши слова требуют дополнительных объяснений.

— Роэльс опытный человек, Людвиг, — произнес Карл. — Он разбирается в вине, но кроме этого у него есть и... другие достоинства.

Мастер по вину улыбнулся и, предвосхищая вопросы, закатал правый рукав, показывая выжженное на предплечье клеймо — три тройки, знак, которым в Ардене метили каторжников.

— Очень лестно такое слышать от вас. — Старик повернулся ко мне. — Понимаете, страж. То, что вино предназначено не вам, догадаться было не сложно. Как и о том, что выпивший его уже в раю. Мой нос чует малейшие нюансы. Какой-то болван влил в эту бутылку туманную ягоду и запечатал пробку другим сургучом. Такой на юге не используют, только у нас, в Альбалаnde. Он более темный и густой. Видите?

Человек показал крошки сургуча, оставшиеся на горлышке.

– Вино не отследить, – помолчав, произнес я. – А яд?

Роэльс прищурился, одобрительно хмыкнул:

– Всегда знал, что стражи умеют задавать правильные вопросы. С ядом гораздо легче, чем с вином. Туманную ягоду не так просто достать. Редкая хагжитская дрянь, и в городе есть тот, кто порой продает такое.

– Вы назовете его имя?

Темные глаза старика стали еще темнее.:

– Конечно. Мои истории входят в цену бутылки вина, которую вы заказали.

Надо думать, что это обойдется нам не в один золотой.

– Шараф Мясник. Живет на Портовой фиалке. Дом за зеленым забором.

– Хагжит? – поднял брови Карл.

– Да. Торговец специями. Если официально.

– А если нет?

– Господин Карл, столько ни одно вино не стоит. Вам эта информация ни к чему, так что я придержу ее для других клиентов. Единственное, что вам следует знать – добиться от него ответов не так-то просто. Шараф слишком часто вдыхает маковый туман.

С этими словами он встал, мягко отодвинув стул:

– Да. Вот еще что. Нехристъ просто обожает кошек.

– Просто обожает кошек?! У старика самое извращенное чувство юмора из всех, что мне встречались! – Карл поднатужился и перевернулся, который с оглушительным грохотом упал, забаррикадировав дверь, и из разбитых склянок во все стороны полетели специи.

Пугало с таким заявлением было несогласно. Оно всегда считало, что его чувство юмора переплюнуть невозможно.

По всему помещению расползлся запах муската, корицы, гвоздики и острого милтийского перца. От последнего першило в горле и чесалось в носу.

Альберт оглушительно чихнул, а затем, вытирая текущие из глаз слезы, произнес:

– Ну, в принципе он не соврал.

– Не соврал?! – тут же взъярился Карл. – О, да! Просто забыл предупредить, что кошки несколько великоваты!

Ответом ему был удар в дверь тяжелой когтистой лапой и раскатистый рык.

– Тигры! Какой больной держит во дворе четырех голодных хагжитских тигров?

– Ты в доме такого больного, – напомнил я ему.

– Дом?! – Карл уже стоял у двери напротив, изучая замок в свете переносного фонаря. – У хагжитов странные понятия о жилище, Людвиг. Больше похоже на собачью конуру.

– Тогда уж на сотню собачьих будок, составленных вместе и заваленных товаром по потолок.

Альберт снова чихнул оглушительно громко и вытер рукавом нос.

– А я вам говорил, что не слишком умно перелезать через стену.

Карл саданул плечом в дверную створку, отошел и второй раз ударил с разбега, всей своей массой навалившись на преграду и вырвав замок. Лишь после этого сказал:

– Нам не открывали, если ты помнишь. Слуги, видно, уходят ночью.

– Или их сожрали, – поддержал я его.

– Я предупреждал, что это неразумно, – продолжил Альберт.

– Да. Ты самый разумный из нас, – не стал спорить Карл. – Но собаки не лаяли и... В общем, тигров никто из нас не ожидал. Хорошо, что бегаем мы быстрее, чем они соображают. Где искать этого чертового хагжита?!

Я забрал у него фонарь:

– Точно не на складе специй. Сперва найдем жилые помещения.

– Мириам ничего не говорите, – попросил Альберт.

Вот уж об этом можно было не предупреждать. Карл решил провести «разведку боем», прежде чем я успел его остановить. Он перемахнул через забор, затем начал звать нас, и пришлось лезть, пока он не переполошил всю округу. Альбера я хотел оставить ждать на улице, но тот и слушать не желал. В итоге случился «сюрприз».

Если Мириам узнает о наших приключениях, то званием тупоголовых недалеких кретинов мы точно не отделаемся.

– Хагжит не мог не услышать, что мы сюда забрались.

Я опроверг слова мальчишки:

– Только в том случае, если не надышался маковым туманом. Тогда он скорее услышит пение ангелов, чем нас.

– У них нет ангелов, – заметил Карл.

– Это ты так считаешь. Ангелы существуют не только в христианском мире. Они вроде как летают, где хотят, и в землях с другой верой. Просто у них там другие имена.

– Людвиг, оставь свои лекции для более подходящего случая, – попросил меня страж и первым двинулся вперед, высоко подняв фонарь,

так что оранжевый круг света выхватывал из мрака ситцевые мешки, ящики и большие бутылки, которыми было заставлено все помещение.

Пугало плелось за нами, то и дело задевая головой низкий потолок.

– Кажется, жилые помещения в соседнем здании. Это через двор, – заметил я.

Карл выглянул в окно:

– Вроде пусто.

Я приоткрыл дверь кухни, вслушиваясь в тишину холодной ночи.

– Пойду первым. – Карл оттеснил меня в сторону, передавая фонарь Альберту.

– С чего это?

– Во мне мяса больше. Если что, успеете убежать, – буркнул тот.

Мы вышли во двор, где во мраке, словно мраморные колонны, белели огромные вазы. В доме напротив, в окне верхнего этажа, за занавеской, тускло горел свет. Озираясь, мы пересекли открытое пространство.

– По карнизу, – предложил я, убедившись, что дверь заперта, и указал на торчащий над головой козырек. – Заберемся через окно.

– Благодарю судьбу, что нет Проповедника. – Альберт первым начал карабкаться по водосточной трубе. – Он бы всех известил, что мы не только ввалились в чужой дом без приглашения, но еще и портим имущество.

С этими словами парень разбил стекло, и оно со звоном посыпалось во все стороны. Почти сразу же из-за складских помещений раздался рык.

В подсвечниках обреченно догорали свечи, и комната казалась продолжением торговой лавки – бронзовые тускло блестящие блюда на стенах, густой ковер на полу, по нему разбросаны мягкие бархатные подушки. В углу валялся чудом не разбившийся хрустальный графин, содержимое которого оставило темное пятно, испортившее рисунок и ворс.

Альберт, не дожидаясь нас, уже шнырял по ближайшим комнатам на этаже.

– Здесь никого. И почти нет мебели.

– Хагжиты предпочитают сидеть на полу.

– Может, этого Шарафа нет дома?

Я потянул носом воздух:

– Это не так. Чувствуешь?

– Незнакомый запах. Сладкий... кажется.

– Маковый туман. Надо проверить третий этаж. Постой! – Я схватил его за плечо, когда он собрался рвануть следом за Пугалом, которое уже направилось искать лестницу наверх. – Хочешь увидеть зеленых чертей?

– В смысле? – не понял он.

– В смысле зеленых и рогатых чертей. Или голых девок. Или кардинала верхом на розовом фламинго. Сколько тебе понадобится вдохов, чтобы улететь в хагжитский рай? – Карл задал очень резонный вопрос.

– Эм... Об этом я как-то не подумал, – смутился тот. – Смотрю, ты специалист в таких делах.

– Как им не стать? Однажды пришлось ловить ленточника в притоне Ал-Валшана. Я сунул нос в комнату, где толпа любителей нюхала дым уже пару суток.

– И?..

– Словами не описать, что со мной случилось. Пришел в себя на другом конце города в каком-то хлеву, до этого считая, что я прекрасная зеленая жаба, у которой завтра лекции в Савранском университете и, чтобы успеть, мне надо срочно запрячь ворону.

– Хм. Ворону?

– Нормальным я себя ощущал только спустя два дня, – уточнил он, окончательно добив мальчишку. – Так что не гони коней, парень. Иначе начнем творить глупости, и тигры все-таки получат свой ужин.

Я поднял с пола первую попавшуюся подушку, кинжалом распорол бархатную основу с восточным рисунком. На столике стоял бронзовый кувшин с водой. Намочив ткань, я сказал товарищам:

– Ждите здесь.

А затем закрыл нос и рот повязкой. Будем надеяться, что, являемся ядом, маковый туман подействует на меня не сразу, благодаря Софии. Или даже вовсе не подействует.

Дверь была приоткрыта, отчего запах постепенно расползался по всему этажу. Я вошел в комнату с бордовыми шторами, вычурными подсвечниками в виде феников и золотисто-голубым ковром на полу. Все это я разглядел с огромным трудом, так как помещение было затянуто молочно-белым дымом.

Стараясь дышать как можно реже, я сунулся в эту ядовитую завесу, точно в омут головой. Пузатый человек в распахнутом халате на голое тело лежал на спине, рядом с кальяном из розового стекла, водил перед собой руками и блаженно хихикал.

Я схватил его подмышки, напрягая руки и ругаясь про себя. Никогда не был слабаком, но поднять эту тушу у меня не получилось. С большим трудом я начал тащить его по ковру к выходу из комнаты.

Рядом появился Карл с тряпкой на лице, ухватил хагжита за лодыжки, не сдержался, чертыхнулся. С грехом пополам мы выволокли его в

коридор, где Альберт был занят тем, что распахивал все окна, устроив сквозняк.

– Проклятье! – Карл выпрямился, держась за поясницу. – Это же надо так жрать! Его ни одна лошадь не увезет!

Пугало подошло к человеку, глядя с толикой презрения высшего существа на червяка, не достойного внимания.

Я склонился над хозяином дома:

– Он явно не с нами.

Толстяк перевернулся на живот, и его стошило прямо на ботинки Карла.

– Что же за день сегодня такой?! – отпрянув, в сердцах произнес тот.

Хагжит в ответ лишь жалобно застонал, а затем издал громкий смешок, и все его складки жира заколыхались, точно морские волны во время шторма. Затем он что-то произнес, но так неразборчиво, что я даже не смог понять, на каком языке звучит фраза.

По лицу Карла я видел, что его так и подмывало пнуть любителя макового тумана грязным ботинком в живот.

Хагжит, тяжело отдуваясь, рассеянно вытер голубоватую слону, оказавшуюся на его рыжей, покрашенной хной бороде, глядя на нас осоловевшими, мутными глазами. Его что-то рассмешило в моем облике, и он громко захохотал, скаля желтоватые неровные зубы, но его смех почти сразу же перешел в сдавленный, кошачий вопль, когда толстяк увидел Пугало.

Он подскочил на месте и на четвереньках, тоненько визжа и подывая, очень резво дунул прочь, по пути едва не сбив Альберта.

– Лови борова! – крикнул Карл, бросаясь вперед, но я его остановил:

– Нет. Это напугает его еще сильнее.

– Какое нам дело до его страхов?

– Он под маковым туманом. Сердце может не выдержать.

Такие случаи бывали. Людей, плотно подсевших на такой наркотик, можно было убить неожиданным хлопком в ладоши. Чего уж говорить о зловещем Пугале.

– Ты прав. – Карл внимательно следил за забившимся в угол торговцем, который орал что-то на хагжитском, то и дело сотрясаясь от рыданий. – Выходит, у нас в руках Видящий?

– Скорее всего. – Я жестом показал Пугалу, чтобы то убралось как можно дальше.

Оно сделало вид, что не понимает, лишь село на пол и занялось правкой серпа. Обстановку это совсем не нормализовало. Шараф Мясник

укрыл халатом голову, продолжая блажить что-то на чужом для меня языке.

– Эй, перестань, – сказал я ему. – Никто не причинит тебе вреда. Ты меня понимаешь?

– Как видно нет, – вздохнул Карл. – Он слишком долго просидел в обнимку со своим чертовым кальяном.

– Я поговорю с ним. – Альберт выступил вперед и сказал по-хагжитски: – Нахна унас, лейса лядена эй хадаф литзаука. Ихда. Фанахну наттлуб миннак факат альиджаба^[8].

– Ого! – пробормотал Карл. – Паренек полон сюрпризов.

Ученик Мириам продолжил говорить, быстро, четко, резко и отрывисто, как это делают жители Красной пустыни. Торговец пряностями продолжал плакать, раскачиваясь из стороны в сторону, затем его снова стало тошнить.

– Сколько мы с ним провозимся? – Карл был не в восторге от происходящего.

– Он хорошо надышался. Придет в себя не раньше чем через сутки. А потом два-три дня будет спать как убитый. Не поднимешь, даже если начнешь жечь пятки.

В этот момент хагжит запричитал, схватив Альберта пухлыми руками. Он говорил безостановочно, по его лицу текли слезы, щеки стали грязными от краски, которой по восточной моде были подведены его глаза.

– Чего жирдяй там лепечет?

– Подожди, Карл. – Парень внимательно слушал. – Говорит о том, что с нами какой-то Газир, хочет забрать его на луну. Это он о Пугале, кажется.

Хагжиты не верят в воскрешение Христа, в ад и в рай. Но они верят в ангелов и демонов. Первые живут на солнце, вторые на луне. Вера в солнце и праведность защищает людей от Газира, который может унести их души в бледное царство холода на луне. Одурманенный торговец, как видно, решил, что страшила как раз пришел за его душой.

– Скажи ему, что Газир пришел не за ним и ему ничто не грозит.

– Уже. Теперь пытаюсь добиться от него информации про яд.

Они вновь начали разговор. Точнее, говорил Альберт, хагжит лишь лепетал, взмахивал руками, иногда вскрикивал да мелко дрожал.

– Так. Это правда надолго, – заметил Карл. – Как ты думаешь, мы сможем оставить малыша одного на какое-то время? Внизу должна быть кухня, а где-то рядом – кладовая. Там наверняка есть мясо, и его можно запихать тиграм в глотку.

– Если с ним что-то случится, будем волосы на головах рвать, – кивнул я в сторону младшего стражи.

– Будет не так уж и больно, – в тон ответил он мне. – Головы-то к этому времени Мириам уже с нас снимет. Ты сходи, а я останусь.

Я спустился вниз, светя себе фонарем. Пугало околачивалось по комнатам, оставляя на стенах надписи. Извилистые значки и точки хагжитского алфавита сложной вязью ложились на поверхность, и я мог лишь догадываться, что одушевленный здесь накарябал.

– Смотрю, меня окружают сплошные знатоки восточной культуры, – сказал я ему.

Оно никак не отреагировало, слишком занятое тем, что от слов перешло к рисунку, и по его наметкам я понял, что это будет человеческий череп.

Проходя по коридору, я глянул в окно и увидел двух тигров, лежащих на дорожке, ведущей к воротам.

Кухня с большой погасшей печью, двумя рядами столов, шкафами посуды и деревянными сундуками вдоль стен оказалась холодной и совершенно неуютной. Три кладовых располагались сразу за ней. Здесь лежали мешки с мукой, зерном, крупой. Круги сыра, уложенные друг на друга, достигали потолка. Масло и киснущее молоко. Копченая и соленая рыба, куриные яйца, стеллажи с овощами и целых два комода, набитых приторными сладостями из Сарона. Колбасу, козы ноги, говяжьи копченые ребра и сосиски всех видов и размеров я нашел в последнем помещении. Здесь же был спуск в ледник, где на крюках висело несколько свежих свиных и бараньих туш. Это было то, что я искал.

Я провозился на кухне, наверное, минут десять, а когда шел обратно, вновь бросил взгляд в окно и остановился в задумчивости. Тигры все также лежали на дорожке, в тех же самых позах. За все время, что я их не видел, ничего не изменилось. Они не пошевелились, даже хвосты были в том же положении, что и раньше.

– Забери вас тьма... – прошептал я, ни к кому, собственно говоря, не обращаясь.

То, что я принял за густые тени на земле, оказалось лужами темной крови. Огромные кошки были мертвы.

Ситуацию я оценил быстро. Тот, кто убил их из арбалета, наверняка уже проник в дом. А значит, Карл и Альберт в опасности. Я не знал, успею до них добраться или нет. Для опытного человека десять минут – долгий срок. Достаточный, чтобы завершить дело и убраться подальше.

Фонарь я оставил, дальше двигаясь в потемках и в первую очередь полагаясь на слух. Прошел мимо комнаты с художествами Пугала. Одушевленного и след простыл. Вот уж кто у нас чувствует смерть загодя,

но не утруждается предупредить о ее приходе других.

Я заглянул в одну из комнат, которую запомнил еще на пути к кухне. На стене висела кривая двуручная сабля с широченным лезвием. Я избавился от золоченных, украшенных яшмой и сердоликом ножен, бросил их на пол и, положив изогнутый клинок на плечо, поспешил к лестнице.

– А с этими что? – внезапно раздался голос с противоположной стороны коридора.

– Дьявол с ними! – отозвался другой, более грубый. – Дело сделано. Уходим.

Я быстро вернулся назад, надеясь, что они не услышали шагов. Ниша за старыми напольными часами как раз подходила для того, чтобы в ней можно было спрятаться.

Не скрываясь, двое спустились по лестнице – темные фигуры в плащах. У одного был взвешенный арбалет, так что я не стал их останавливать. Дал возможность выйти из дома, выждал минуту и поспешил наверх.

Хагжита я нашел там же, где и видел его в последний раз. Он сидел, привалившись к стене и вытаращившись на меня мертвыми, темными глазами. Рот приоткрыт, на груди, в области сердца, рана, нанесенная четырехгранным клинком, по всей видимости большим стилетом. Кровь из дыры продолжала течь по груди на живот, а с него на ковер.

Я услышал шорох за спиной, развернулся, вскидывая тяжеленную саблю, но это было всего лишь Пугало.

– Газир за ним все-таки прилетел, – сказал я ему. – Я слышал, что иногда маковый туман дает некоторым пророческий дар. Быть может, он действительно видел свою смерть?

Пугало было задумчивым и смотрело в окно, на тонкий серп месяца, куда, возможно, отправилась душа владельца дома.

– Карл! – крикнул я, не видя причин скрываться. – Альберт!

В косяке торчал арбалетный болт, и я крикнул снова:

– Это Людвиг! Они ушли.

Послышался звук отодвигаемой мебели, ругань. Дверь приоткрылась.

– Чертовски дрянной день, Людвиг. Давно у меня не было столь плохого настроения. Толстяк мертв?

– Да.

– Плохо! – Карл вышел в коридор. – Они появились как черти из чулана. Я едва успел сгрести Альберта в охапку и убраться. Хагжита унести не получилось бы при всем желании.

– Верю.

Альберт выглядел взъерошенным, точно воробей:

– Не будь у них арбалета, мы бы не отступили.

– Отступили! – отрезал Карл. – Я хоть тебя и учу, но все еще не готов выставить против опытных бойцов. Их четверо, нас двое. Расклад не в нашу пользу.

Пугало откровенно веселилось и едва ли не хихикало, глядя на мою вытянувшуюся рожу. Проклятье! Я слышал разговор убийц, но они говорили не о моих товарищах, а о своих подельниках!

– Я ошибся, – быстро сказал я. – По крайней мере двое – еще в доме.

– Уверен? – прищурился Карл.

– Посмотри на Пугало, – предложил я. – Арбалетчик и еще один ушли через дверь. Вторая пара или пошла другим путем, или продолжает оставаться где-то здесь. Вас выкуривать они не стали, считают, что вы не представляете опасности, раз так быстро ретировались. И, возможно, задержались просто для того, чтобы поживиться тем, что плохо лежит.

– И что теперь? – спросил Альберт. – Разойдемся и поищем в комнатах?

– Черта с два мы будем разделяться, – отмел Карл предложение Альберта. – Идем наверх. Здесь их точно нет.

Круглый зеркальный зал встретил нас громким криком – орал огромный ярко-красный попугай, сидевший в клетке. Звук, который он издавал, напоминал скрежетание какого-то жука, правда в десять раз визгливее.

– Эй! Что ты делаешь? – спросил Карл, когда Альберт распахнул дверцу птичьей темницы.

– Ему дохнуть, что ли? Пусть летит.

– Очень сердобольно, – пробормотал страж. – Мало в Арденау тигров, теперь еще и попугаи пожаловали. Половина города считает, что наступил конец света, раз по небу летают алые курицы.

Они напали на нас с двух сторон, выскочив из разных комнат. Убийца швырнулся в Альberta фонарь, тот уклонился, стекло разбилось, и масло, попавшее на стену и ковер, вспыхнуло неожиданно ярко, отрезав парня от нас и оставив наедине с убийцами. Карл с ревом прыгнул сквозь пламя, и я отстал от него лишь на секунду, но все уже изменилось.

Один из забравшихся в дом хагжита лежал на полу, тихо скуля и зажимая руками рану на боку, другой, увидев, что остался в меньшинстве, дунул прочь, точно заяц.

– Выбей все, что сможешь! – сказал я Карлу, кивнув на раненого, и бросился за беглецом.

Нагнал я его на лестнице, между вторым и первым этажом, даже не успев запыхаться. Он развернулся, замахиваясь. Я парировал саблей, пнул ногой в живот, так что противник кубарем пролетел пять оставшихся ступенек.

Совсем еще молодой ньюгортец, с красным от ярости лицом, и не думал сдаваться. Оказавшись на ногах, провел сокрушительную атаку, шагая вперед скupo, размеренно, как опытный вояка. Его шаг, удар, мой отшаг и парирование.

Клинок противника был куда более юрким и быстрым, чем восточная сабля, предназначенная совсем не для того, чтобы отбивать прямые уколы, которые так и норовили зацепить мои ноги или низ живота.

Мне приходилось осторожничать, так как противник требовался нам живым, для ответов. Пугало село на перила и с довольным волчьим оскалом наблюдало за тем, как я деликатничаю. Ему было страшно весело оттого, что я пытаюсь сохранить жизнь наемного убийцы, а моя тем временем подвергается серьезной опасности.

Я зашипел, когда кончик клинка рассек рубашку и оставил болезненную царапину на моей груди, и, разозленный, ударил вперед. Тяжелый клинок, точно подхваченный ветром, по инерции повел меня за собой, с ревом, как во время лесного пожара, потревожив воздух. Я едва не потерял равновесие, стараясь удержать его в ладонях, сам не заметив, как оказался в шести шагах от того места, где стоял.

Понимая, что мой левый бок теперь открыт и так и просится на укол, развернулся, меняя стойку на оборонительную, но атаки не последовало. Ньюгортец секунду смотрел на меня, затем изо рта у него хлынула кровь, и он, при всем моем глубочайшем изумлении, развалился на две половинки.

Я, все еще ошарашенный случившимся, уставился на восточную железяку, которой сражался, отдавая себе отчет, что не почувствовал сопротивления ни плоти, ни костей. Затем, озаренный догадкой, повернулся к Пугалу:

– Твои шутки?!

Оно оскорблено выпрямилось, бросив на меня взгляд, который обычно доставался Проповеднику, когда тот начинал ныть про любовь к ближнему своему, добро и обязательные удары по щекам. То есть – максимальное количество презрения, смешанное с сожалением, что исправит меня лишь могила.

– Возможно, ты умеешь задавать вопросы мертвым?

Оно развело руками. Пугало умело писать на стенах непристойности, совершать глупости, быть загадочным и зловещим. Но возвращать души,

отправившиеся на божий суд, в расположенные тела не входило в его таланты.

– Ну, тогда, будь добр, оставь злые шутки. Даже если кто-то, по твоему мнению, их заслуживает. Он умер очень не вовремя.

Оно обдумало мои слова, покладисто кивнуло. Я, сдерживая злость, отбросил хагжистскую саблю в сторону и вернулся к своим товарищам.

– Испустил дух пару минут назад, – сообщил мне Карл, мрачно указав на тело человека, которого ранил Альберт.

– Все вышло слишком легко, – попытался оправдаться тот.

– Ну уж тебе не за что извиняться, – успокоил я его. – Он бы точно не сожалел, если бы прикончил тебя. Смотрю, уроки Карла пошли тебе на пользу.

– Ты не смог догнать второго?

– Смог. Но он нам тоже ничего полезного не сообщит. – Я глянул в коридор. Дубовые панели пожирало пламя из разбитого фонаря. Огонь разгорался, с улицы его пока не видно, но минут через пятнадцать половина этажа будет охвачена пожаром. Пора убираться.

– Я кое-что смог узнать у хагжита, – сказал нам Альберт по пути. – Он говорил, что пришел темный человек и привел с собой ифрита, который напугал хагжита до чертиков, поэтому толстяк держал язык за зубами. Никому не говорил о страшном клиенте. Думаю, и дальше бы молчал, если бы не увидел Пугало. Счел, что сейчас умрет, и решил рассказать правду, чтобы угодить на солнце, а не на луну.

– Надеюсь, ему это помогло. Что еще?

– Остальное бред и нытье. Хотя… когда мы уже бежали, он крикнул, что тот, о ком мы спрашиваем, не человек, а пляшущая крыса.

– И правда бред! – фыркнул Карл. – Какая, к чертям собачьим, крыса?!
Ответа ни у кого из нас не нашлось.

Мы не сговариваясь покинули дом, вышли в полутемный, холодный двор, миновали мертвых тигров. И до Свешрикинга шагали в полном молчании.

Когда я закрыл дверь и зажег свечи, Проповедник поднял голову с подушки:

– Тело Господне! Где тебя полночи носило?

– Были дела, – уклончиво ответил я, чувствуя себя так, будто на мне пару часов танцевали все плотогоны Арэо.

– Оно и видно по твоей роже. Во что мы влипли на этот раз?

– Мне нравится это «мы». Обычно ты шарахаешься от всего более-

менее сомнительного. Но сейчас не пропустил ничего интересного. – Я снял куртку и бросил ее на стул.

– Позволь мне решать, пропустил я или нет! Святые мощи Аброзия! – Он аж подлетел на кровати, когда из шкафа, точно паук, выбралось Пугало. – Что на твоей башке?!

На башке у одушевленного была шляпа. А к шляпе крепился изгвазданный кровью тигриный хвост. Пугало подошло поближе к свечам, изящно крутанулось на тот случай, если Проповедник не рассмотрел трофея.

– Мерзость какая! – в отвращении скривился старый пеликан. – Ты бы еще дохлую шавку к мундиру приколол!

Одушевленный задумчиво прищурился.

– А это был плохой совет. Если он притащит мертвую собаку, выбрасывать ее предоставлю тебе. И чистить помещение тоже.

Проповедник и сам понял, что сболтнул лишнего и решил вернуться к прежней теме:

– Так что стряслось?..

Выслушал меня он молча и обошелся без куриного кудахтанья, что, признаться честно, редко с ним бывало.

Я подвел итог:

– Шуко узнал о каком-то страже то, чего не следовало знать. Затем этот неизвестный решает прикончить меня – так как боится, что цыган все же успел что-то разболтать. А заодно нанимает нескольких человек, чтобы они убрали хагжита, который продал яд.

– Значит, ты еще в опасности, – на всякий случай уточнил старый пеликан. – Ты ведь жив и можешь что-то знать. Людвиг, тебе надо найти этого стража. Кстати, что там насчет пляшущей крысы? И ифрита. Это ведь черт по-хагжитски?

– Ну, чужая мифология такая вещь, что трактовок у нее может быть несколько. Я склонен считать, что речь шла о темной душе, которая подчинялась стражу.

Он издал звук, точно придавленная лягушка.

– Если так, то нечего удивляться, почему убили Шуко! Но отчего никто из других стражей не заметил этого?!

– Он хорошо скрывался.

– Да тут же магистры, и люди... ну... – Он помахал в воздухе рукой, словно пытался придать весомость своим словам. – Опытные. Такие, как ты. Вы ведь носом их чуете.

– Если они не скрываются. И кто будет искать темные сущности в

самом сердце Братства?

– То есть если ты сейчас нарисуешь фигуру...

– То она покажет множественные контакты в округе, – ровным тоном произнес я. – В Свешрикинге, как ты уже знаешь, достаточно темных сущностей, с помощью которых учат детей. Мы ничего не найдем и ничего не докажем. Если он умен, то брал тварь из... назовем это клеткой. А затем просто вернул ее назад.

Проповедник кротко вздохнул:

– Я знаю лишь одно, для тебя непозволительная роскошь находиться в Арденеу. Сколько сейчас здесь стражей?

– С учетом того, что в апреле обычно приезжают многие из тех, кто находится в соседних странах? Человек сорок, думаю. Не считая детей, старших учеников и учителей. И будут прибывать еще.

– Найти среди них душегуба, – он хихикнул над таким каламбуром, – очень тяжело. Знай я тебя чуть хуже, предложил бы сбежать, пока он не повторил попытку.

– Но...

– Но так как я знаю тебя гораздо лучше Мириам, советую пошевеливаться и вывести ублюдка на чистую воду, – сурово отчеканил он и хлопнул себя по лбу. – Дева Всеблагая! Мириам! Я совершенно забыл! Она просила тебя зайти к ней. Срочно!

Я выругался. Проповедник мастер передавать отсроченные важные послания.

– И когда это было?

Он нахмурился, припоминая, произнес неуверенно:

– Часа три назад.

Апартаменты Мириам находились в Гнезде Сойки, на самом верхнем этаже, над спальнями учениц. Они состояли из шести комнат, и, сколько я себя помнил, меня пускали лишь в прихожую да гостиную, по форме похожую на куриное яйцо, заставленную белой мебелью.

Дверь открыл Филхо, старый сухопарый лакей магистра. Он не выглядел заспанным, несмотря на поздний час. Слуга вежливо мне поклонился, хотя я знал, что после моего громкого ухода от Мириам он считает меня едва ли не предателем человечества.

– Вас давно ждут.

Я сделал шаг в сторону гостиной, но он кашлянул, привлекая внимание, и, наклонившись ко мне, попросил:

– Если можно, не сообщайте ей неприятных новостей. Она слишком

устает в последнее время. Не в гостиную. Госпожа примет вас в кабинете.

На секунду я даже не поверил услышанному. Довольно неожиданное изменение традиций. Мириам не считала нужным пускать кого бы то ни было в святая святых своего жилища.

Следуя за слугой, я прошел три комнаты и оказался в просторном помещении, с удивлением разглядывая его, так как ожидал совсем иного: дубовых панелей, книжных шкафов до потолка, забитых уникальными томами, гор бумаги и писем на столе, темной мебели, необычного чучела чудовища в углу, в конце концов.

Здесь же были простые белые стены. Настолько белые, что от них становилось холодно и неуютно. Ореховый стол возле окна. На нем я увидел стеклянную чернильницу с золотой крышкой, полную почти до краев; тяжелое бронзовое пресс-папье в виде орла, прижимавшее стопку дорогой хагжитской бумаги; держатель для конвертов; несколько аккуратно лежащих гусиных перьев; перламутровый ножичек для их заточки. Также там были настольные часы, похоже флотолийской работы – слишком уж миниатюрными, я бы даже сказал, воздушными они казались. Часовщик сделал стенки из хрусталя, скрепил их серебряными плашками, внутри были видны медленно движущиеся золотые шестеренки и скатая большая пружина.

В углу кабинета стоял кожаный диван, на котором валялось несколько маленьких подушек и скомканный плед.

На стенах висели пять небольших картин. Четыре из них были аляповатыми, с зелеными полями и темными мельницами – рисунки, которые забываешь сразу же после того, как перестаешь на них смотреть.

Пятая, напротив стола, была на религиозную тему, что тоже меня удивило – Мириам таким никогда не увлекалась. На деревянной плашке художник изобразил золотоволосого ангела в серых одеждах, который что-то говорил внимательно слушавшей его девушке. Она держала в руках тяжелый кувшин, до краев полный воды, набранной из источника, возле которого стояла эта парочка. Кроме них на картине я нашел еще шесть человек – пастухи, женщины, несшие собранные колосья пшеницы, купец. Все они валялись на земле с искаженными от плача лицами, зажимая руками уши. На заднем плане полыхала деревня.

Мириам, с растрепанными волосами, в простом вишневом платье, вошла в кабинет, кутаясь в шерстяную шаль. Она заметила мой взгляд, скользнувший по ее лицу, и сказала с насмешкой, в которой я почувствовал и вызов, и горечь:

– Теперь будешь знать, как выглядят старухи, которых мучает

бессонница.

Про смертельную болезнь она не упомянула, но эти несказанные слова повисли в воздухе между нами.

– Даже сейчас ты не похожа на старуху.

– Неужели я успела дожить до того дня, когда ты научился льстить? Нравится? – Вопрос был о картине.

– Нет. Удивлен, что ты такое у себя держишь.

– Работа моего самого первого ученика. Его уже давно нет в живых, а полотно не дает мне забыть его. Встреча святой Леонтии с вестником.

– Почему остальные люди выглядят так странно?

– Слова ангела имеют силу, Людвиг. И они не предназначены для чужих ушей. Разве ты не помнишь легенду о двух городах, куда прилетел крылатый вестник, и сказанные им слова оставили лишь руины? – Мириам села за стол, с благодарностью принял от лакея дымящуюся кружку с травяным отваром и снова заметила мой взгляд.

– Все так плохо? – Следуя ее жесту, я сел на диван, сдвинув в сторону шерстяной плед.

– Хуже, чем прошлым летом. Но лучше, чем я рассчитывала. Из-за того, что я торчу в Ардене, нет времени собирать души, а это, как ты понимаешь, сказывается на здоровье. Я позвала тебя так поздно, потому что утром уезжаю. Иначе меня точно закопают к началу июня. – Она говорила таким тоном, словно темой нашего обсуждения была погода, а не ее жизнь. – Принеси ему вина, Филхо, и можешь быть свободен.

– Не стоит. Слишком много вина за одни неполные сутки.

Слуга вышел, плотно закрыв за собой двери. Мириам рассеянно хлебнула целебного напитка, поморщилась от неприятного вкуса:

– Нашел что-нибудь, касающееся смерти Шуко?

– Мы с Карлом и Альбертом начали с того, кто мог купить вино, и вышли на след продавца ядов.

Когда она услышала про Альберта, ее глаза прищурились, но Мириам не сказала ни слова, хотя я ощущал мгновенное напряжение, разлившееся по комнате. Ей не нравилось, что я втянул парня в это дело. Что же, через несколько секунд ей это не понравится еще больше.

– Толком допросить его мы не успели, так как появились наемники и прикончили нашего единственного свидетеля. Но торговец успел обмолвиться, что покупатель яда повелевал ифритом.

– То есть темной душой. – Возможно, ее тело и было больно, но не разум. Моя учительница ловила все на лету.

– Это лишь одна из версий. Услышав про управление душой, сразу

подумал о тебе.

В ее взгляде появилась злость, но она сдержалась:

– Понимаю ход твоих мыслей. В Шоссии мы видели цыгана, способного на такое. А сейчас темный клинок хранится у меня... Но я не стану перед тобой оправдываться.

– Я этого и не прошу. Мне достаточно услышать, что мои предположения ошибочны.

Мириам приглушенно рассмеялась:

– И ты поверишь? Разве поблизости у нас есть еще один страж, у которого имеется проклятый кинжал?!

– Поверю. Как я уже успел убедиться, такой дряни в мире хватает. – Я говорил спокойно, даже дружелюбно.

– Твои предположения ошибочны, – удивительно легко сдалась она. – Я не убивала Шуко, не покупала яд у хагжита и все это время не использовала оружие темного кузнеца.

Я кивнул, принимая ее слова.

– Где он сейчас?

Мириам встала из-за стола, приподняла юбку, с вызовом показывая мне лодыжку, на которой были закреплены новенькие ножны с клинком императора Константина.

– Всегда при мне. Оставлять его без присмотра опасно.

– Ты что-нибудь узнала о нем?

Она скривилась:

– Пока не пустишь в дело, разобраться сложно. А я, как мы помним, несмотря на то что обеими ногами стою в могиле, не использовала его. Не представляю, как и почему он работает.

– Ну, о светлых клинках мы знаем ровно столько же, – ответил я. – Иначе бы давно научились делать их самостоятельно.

– Научимся, – с неожиданной уверенностью сказала Мириам. – Когда Братство найдет кузнецов, которых от нас прячут. Мы убедим... докажем им, что достойны их знаний и хотим лишь одного – сделать мир лучше, чем он сейчас.

Я промолчал и даже не смотрел на нее, суеверно опасаясь, что она прочтет в моем взгляде, что я сделал то, на что моя учительница потратила большую часть своей жизни – нашел светлого кузнеца, которого Церковь прячет в восточном Дорч-ган-Тойне.

Я понимал, каково это, знать, что ты умираешь, не достигнув своей цели. Но также я не забывал о том, что Братство окажется под угрозой, если клирики хотя бы начнут подозревать, что мы в курсе, где живет

светлый кузнец. В лучшем случае они перепрячут его. В худшем... об этом я старался даже не думать. У меня нет никаких сомнений в том, как поступит Риапано, чтобы не возвращать Братство на ту дорогу, по которой стражи шли до печальных событий в Прогансу.

– Ты намерена и дальше возить клинок с собой?

Она склонила голову набок, точно прислушиваясь, и я увидел, как стеклянная дверь балкона за ее спиной медленно и беззвучно раскрывается и появляется долговязый силуэт Пугала.

Прежде чем я открыл рот, чтобы предупредить Мириам о госте, она, не оборачиваясь, резко сказала:

– Только попробуй отмочить прежнюю шутку! У меня дурное настроение, и на этот раз стилет при мне. Клянусь всеми ветрами, я тебя прикончу!

Пугало на мгновение замерло, затем разочарованно ссгутилось, опечаленное тем, что его приход не остался незамеченным.

Оно прошло мимо Мириам, не глядя на нее, хотело коснуться чудесных часов, возможно опрокинуть их на пол, но решило не дергать кошку за усы, поэтому просто уселось на диван рядом со мной, спихнув пару подушек вниз. Моя учительница и бровью не повела.

– Возвращаясь к твоему вопросу – да. Буду возить с собой. Я вплотную занялась историей времен Константина, а он с ней связан, раз уж существовал в то время.

– Что-нибудь узнала?

– В ней довольно много темных пятен. И то, что раньше казалось само собой разумеющимся, при пристальном изучении стало выглядеть... невероятным.

– Например?

Она задумалась, не зная с чего начать.

– Раньше стражей называли Темным легионом, или собирателями. Основателем этой силы был император Август, дед Константина. Он умер весьма странно. Говорят, что в него вселилась темная душа. Одна из тех, с которыми он боролся.

– Души не вселяются в тела живых людей. Это больше похоже на одержимость. Во всяком случае, я так сказал бы до тех пор, пока мы не повстречались с тем цыганом.

– И я о том же думаю, – согласилась Мириам. – Возможно, Августа ткнули темным клинком. И сразу после его смерти власть в империи перешла к Константину. Тогда он был молод.

– А сын Августа, отец Константина?

– Погиб за год до этих событий. Вел Шестой Железный легион через хагжитскую пустыню, чтобы завоевать Милту и выйти к Розовому океану. Умер в месте, которое сейчас носит название Хадабату аззилаль, что означает Каньон теней.

– Не слышал.

– Не удивительно. Это далеко на востоке, где земля плачет солью, и нет никого живого на лиги вокруг. Говорят, армия заблудилась и вместо цветущей долины Милты оказалась в долине смерти, не так уж далеко от открытых адских врат.

– Заблудилась?! Ничего себе. Это тысяча лиг в другую сторону. Да отсюда до Милты ближе, чем от того места, в котором они оказались.

Мириам развела руками:

– Некоторые источники утверждают, что наследник Августа, Аппий, как и многие его солдаты, скончался от болезней. Точнее, от одной болезни, о которой уже не вспоминали почти пятьсот лет.

– Юстирский пот. – Догадаться было не сложно.

– Верно. Несколько десятков уцелевших смогли вернуться обратно, и в Милте, а также в долинах Гипра, Сальве и Брене разразилась эпидемия. Иоанн, последний из оставшихся в живых апостолов Христа, справился с бедствием и спас наш материк. То есть это действительно произошло – появление мора примерно в то же время, когда исчезла армия Аппия, за год до странной смерти Августа. Но... – Она подняла палец, словно, как и в прежние времена, читала мне лекцию. – Насколько верны слухи о гибели полководца, я сказать не могу. Это лишь домыслы.

– Очень интересно. Но пока не понимаю, как все связано с темными кинжалами.

– Ты всегда был нетерпелив, – обвинила меня Мириам. – Дослушай. Другая легенда говорит, что Аппий, как и те, кто шел с ним, сошел с ума и умер от солнца, жажды и ядовитых испарений, которые источала соленая земля. Чему ты улыбаешься?

– Догадке. Ведь соль, лежащая на земле, похожа на снег? Если это нарисовано на фреске. – Я сказал, прежде чем успел подумать, и тут же ощутил себя болтливым Проповедником.

– Да. Наверное. К чему это? – нахмурилась она.

– Просто видел фреску в одной из церквей – земля вокруг адских врат белая, – как можно нейтральнее ответил я, не желая привлекать ее внимание к горному монастырю. – Тогда подумал, что это снег. Но соль на востоке, среди жары, скорее всего ближе к истине.

– Не отвлекайся. Итак, Каньон теней. – Мои слова ее совсем не

заинтересовали. – Туда почти никогда не добираются хагжиты, и за последние полторы тысячи лет там, наверное, побывало лишь несколько заблудившихся караванов. Те, кто выжил после такого перехода, распространили невероятное количество слухов. Нехристи считают, что это земля ифритов и Газир прилетает за каждым вторым, кто осмелится туда прийти.

Пугало пошевелилось на диване, словно услышало нечто забавное.

– Ну, вполне разумно. Сотни людей погибли недалеко друг от друга. Мало того что лежащие на земле скелеты сами по себе источник страшных историй, так еще и шанс того, что там зародились темные души, убивающие живых, очень высок.

– Верно. К тому же, насколько я слышала, стены каньона из особого камня. Глаза серафима.

– Если это правда, люди действительно могли сойти с ума. Он должен сильно влиять на разум.

Мириам кивнула, соглашаясь со мной:

– Как бы то ни было, останки Аппия были доставлены обратно, на континент. И их закопали в Солезино. В святых гротах.

Я напрягся.

– То место, откуда полезла зараза в последний раз.

– Это совпадение, – отмахнулась она. – Мор остался от тех, кто оказался там замурован через шестьсот лет после гибели Константина.

Или же болезнь шестьсот лет назад появилась не просто так. А благодаря костям человека, который так и не стал императором, и которые потревожил кто-то не в меру любопытный.

– Все, что осталось от Аппия, в столицу империи привез чужеземец. Август его наградил, а Константин приблизил к себе. Звали человека, по разным сведениям, или Ивойей, или Ивееном.

– Милтийское имя.

– Да. Но опять не могу сказать, насколько мои слова верны.

– И чем же нам интересен этот человек?

Она испытующе посмотрела на меня:

– Тем, что при загадочных обстоятельствах скончался Август. Тем, что Константин отправил к Каньону теней несколько экспедиций. Якобы для поисков правды о том, как умерли воины, и возвращения золотого орла легиона – ни одна отправленная группа, кстати говоря, так и не вернулась. И тем, что у Константина появилось два темных клинка.

– То есть сейчас мы говорим о загадочном человеке, который принес новому императору необычный дар? Такой, каким, вполне возможно, убили

Августа?

Магистр довольно кивнула.

– Первый темный кузнец, Людвиг. Я уверена, что это был именно он.

По моей спине пробежал холодок. Ее история была настолько невероятна и в то же время так реальна, что у меня возникло ощущение тайны, которая вот-вот окажется разгадана.

– И что случилось с этим Ивойей потом?

Она разверла руками:

– Чтобы добыть то, что я тебе сейчас озвучила, мне потребовалось потратить двадцать лет и посетить сотню частных библиотек. Я собирала историю по крупицам. Находила вырванные страницы, забытые книги, какие-то обрывки. Ивойя предпочитал держаться в тени. А потом он словно исчез. Я не нашла никакой информации о том, что с ним произошло. Следующие десятилетия правления Константина никаких сведений о кузнече. Но уверена, он был первым из тех, кто ковал темные клинки, и, скорее всего, передал свое искусство еще кому-то.

– А вот я в этом не уверен.

Она очень удивилась:

– Отчего же?

– Сотни лет назад появился человек, способный создавать такие клинки. Антипод светлого кузнеца. И что мы видим на протяжении веков? Светлые куют кинжалы стражам, передают знания из поколения в поколение. Но этот... Он исчез еще во времена Константина. И ни о каких темных кузнецах никто не слышал веками. Новый появился совсем недавно. Промежуток между тем, первым, и нынешним – огромный.

Мириам хмыкнула, словно такая мысль ни разу не приходила ей в голову.

– Спорно, Людвиг. Внезапное исчезновение, внезапное появление, – наконец произнесла она. – Гораздо проще думать, что способные создать дьявольский клинок хорошо прятались.

Я невесело рассмеялся:

– Ты действительно в это веришь? Веришь, что есть люди, которые могут так хорошо скрываться? Сотни лет? Чтобы их работа не попадала в большой мир? Чтобы даже Церковь ничего не знала о них? Чтобы мы не подозревали? Никогда не сталкивались? Столетия – это очень много. Ни одна тайна не продержится так долго.

Моя наставница хмурилась:

– Мне гораздо проще поверить, что она просто не выплыла наружу, чем что это два совершенно разных человека, обладающих одинаковыми

талантами.

– Живущие в промежутке в полторы тысячи лет. Хартвиг тому примером. Я знаю только одного, кто обладал такими же способностями, как картограф. Он был современником императора Августа. Работал плотником, и в итоге парня распяли из-за его дара и того, чему он учили людей.

Мириам скривилась, как от зубной боли, а я продолжил:

– Не в человеческой природе скрывать свое могущество. Никто не будет проживать жизнь и умирать, когда может менять ее щелчком пальцев. И не только ее, но и жизни окружающих. В Крусо темный кузнец это продемонстрировал. Он оказался не просто мастером по изготовлению оружия, но и колдуном.

– Знаю, – сварливо ответила она. – Я читала твои письма. Но информации все же слишком мало. Я должна найти больше, чтобы свести нити. Поэтому и уезжаю. Библиотека дожей в Вьеколле единственное место, где я еще не была.

– Есть еще Риапано.

– Там я искала, – отмахнулась Мириам. – Водяная библиотека в городе торгащей хранит часть императорских архивов из прошлого.

– Слышал, что они писались на золотых таблицах. Их давно переплавили в монеты и украшения.

Она улыбнулась:

– Ты прав. Дожи считают, что золото нужно не для того, чтобы делать из него книги. Поэтому морские купцы превратили книги во флорины, но сперва перенесли всю информацию на бумагу. Они непускают в Водянную библиотеку чужаков, но я добилась разрешения.

Я не стал спрашивать, как ей удалось пробиться в личное хранилище дожей, куда позволялось входить лишь клирикам, да и то когда соответствующую просьбу подписывал сам Папа. Подозреваю, что Мириам попадет туда не самым правильным или законным способом. Сказал лишь:

– На юге летом может быть опасно.

Она глянула на меня быстро и внимательно:

– Ты говоришь только одну букву, но умалчиваешь остальные. Я знаю о юстирском поте, который продвигается к северному побережью Хагжита. Пять дней назад пришла такая информация. Еще через неделю это перестанет быть тайной. Откуда ты узнал?

– От Вальтера.

Ее лицо не выражало никаких эмоций. Спросила она холодно и даже равнодушно:

– Он действительно мертв?

– Собственноручно его закопал. Но мне странно, что ты спрашиваешь только о нем.

Мириам устало закрыла глаза:

– Не люблю быть слабой на людях, Людвиг. Думала, хоть это-то ты обо мне знаешь.

Я возразил ей без обиняков:

– Ты никогда не давала себе труда дать мне узнать и понять тебя, Мириам.

Та лишь склонила голову:

– Справедливо. Но теперь уже поздно что-то менять в наших отношениях. Хотя, быть может, я просто не хочу этого делать.

Очень неожиданно и честно. Даже Пугало оценило, заинтересованно повернувшись к ней.

– Мне жаль Кристину. Бедная девочка. – Она казалась айсбергом среди двух десятков свечей, горящих в кабинете. – Бедная глупая девочка. Связаться с компанией шутов, дураков и авантюристов… Я упустила тот момент, когда она сломалась. Иначе, пожерть, остановила бы ее.

– Если на человека слишком долго давить, он ломается.

– Или же обрастает шипами. Как ты. Я возлагала на вас чересчур много надежд и в обоих ошиблась. До сих пор не понимаю, ради чего она оставила Братство? Ради сказки о спасении мира?

– Ради свободы.

Она дернулась, словно ее тело пронзила внезапная боль:

– Свобода это миф, мальчик! Самая большая ложь в мире. Поверь старухе. Страж не может быть свободен. Даже если убежит на край света, ему не спастись от своего дара и проклятия. Пока мы молоды, мы все ошибаемся на счет свободы и лучшей жизни. Я была такой же, как и все, и в молодости тоже пыталась бежать от самой себя. Но меня вернули.

– Вернули? – Я слабо представлял, как вообще можно сбить с пути, а уж тем более развернуть несущийся под горку набитый пороховыми бочонками воз по имени Мириам.

Это что-то новенькое.

– У Павла всегда были подходящие слова для глупых девиц.

Я понял, что мы ступили на тонкий лед прошлого, о котором эти два магистра никогда не говорили, и больше не стал спрашивать. Видел, что она уже жалеет о сказанном.

– Давай вернемся к темному кузнецу. О том первом, как я уже говорила, информации довольно мало. Нигде не упоминается, что у него

была способность к волшебству. И про раскрытие адских врат тоже ни слова. Он явно не умел этого делать. Или не хотел. Или не успел. Или все это полная чушь.

– Не веришь в создание новых врат?

– Не верю. Хотя... Если человек может оказаться сыном Божиим, то почему бы не предположить существование Антихриста, способного устроить ад на земле?

– Не слишком обнадеживающее заявление.

Она кивнула:

– Согласна. Хотя по сравнению с юстирским потом угроза появления легиона чертей под моим окном все еще продолжает казаться мне сказочной.

– Не хочется, чтобы сказка превратилась в реальность. Его следует найти и уничтожить до того, как княжества начнут гнить от мора. Тогда кузнеца некому будет остановить. Все будут заняты лишь бегством от болезни, отпущением грехов и подготовкой к путешествию в рай или в ад. Уж как повезет. Я писал тебе о словах Вальтера. Ты нашла книгу?

Она скривилась:

– Быстрее найти бриллиант в грязном белье Клоповьего рынка, чем этот труд. Яков Тинд «О поздней империи и создании княжеств» довольно редкий экземпляр. Я проверила каталоги библиотекарей. Таких книг хорошо если осталось около десятка во всем мире. Одна точно есть в библиотеке исторического факультета Савранского университета.

– Ну нет. Я больше туда не поеду.

– Есть в Риапано. Есть у дожей. Есть в руках частных коллекционеров и князей. Две или три у инквизиторов. Но ни одного тома не найти ближе чем в тысяче лиг отсюда.

– А я надеялся, что у нас в архивах...

– Ну... часть наследия, как ты помнишь, осталась в Прогансу. Часть ушла в Солезино, Ордену, когда Братство разделилось на хороших и плохих.

У нее не было сомнений, что законники это однозначно плохие, раз они не с нами.

– Хотя слова колдуна, которого ты убил, все же представляются мне лживыми. Книга старая. А кузнец... если только он не живет несколько столетий... В общем, его портрет не может быть на той гравюре.

На это я мог ответить лишь:

– Вальтер сказал, лицо похоже.

– Надеюсь, что его уже едят черви! – в сердцах бросила она, взяла

кружку с давно остывшим отваром, заглянула в нее и, раздумав пить, поставила на место. – Он заманил Кристину во все это...

– Лишь отчасти, – промолвил я, с удивлением отмечая для себя, что защищаю своего врага. – У нее тоже были важные цели.

– Спасение мира. Уже слышала! – не сказала, а выплюнула моя учительница.

– Как оказалось, существовала еще одна причина. Она хотела спасти тебя.

Несколько секунд собеседница вглядывалась в мое лицо, надеясь, что я шучу, и свет свечей играл на ее красивых скулах.

– Ты бредишь? – участливо спросила Мириам.

– Нет, к сожалению. Вот что у нее было.

Не только моя учительница прятала кинжал на ноге. Я задрал штанину и извлек из кожаного чехла короткий волнистый клинок без рукоятки. Положил перед ней.

– Это заготовка. Не рабочая. Не хватает, как ты сама можешь видеть, рукояти, гарды и глаза серафима. Авантуристы, как ты их назвала, планировали собрать полноценный кинжал.

Мириам, ничего не говоря, двумя пальцами, осторожно, чтобы не порезаться, взяла опасный предмет, поднесла к глазам. Помолчала.

– Могу сказать, что он хоть и не закончен, но довольно старый. Я бы назвала его братом того, что ты привез из Прогансу.

– Я тоже это заметил.

– Так что там насчет спасения? Что пришло ей в голову? – слишком уж небрежно поинтересовалась она.

– Кристина знала, что ты больна?

– Я сама ей сказала. Как только старга меня обрадовала. И что с того?

– Ну, как я понимаю, у твоей ученицы родился план. Добыть тебе настоящий клинок темного кузнеца. Чтобы ты больше никогда не имела недостатка в душах, которые можно забрать и добавить себе жизни и здоровья.

И вновь в комнате разлилось тяжелое молчание.

– Она ведь не думала, что я соглашусь!

– Как видно, не исключала такой возможности.

– И я им не воспользовалась! – отчеканила та. – Не надо вновь возвращаться к самому началу нашего разговора, Людвиг! Это утомляет, знаешь ли.

Я пожал плечами, забрал принадлежащее мне:

– Факт состоит в том, что Кристина пыталась спасти тебя, не зная, что

у магистра уже есть рабочий темный клинок.

Глаза у Мириам оставались сухими, но она словно бы постарела на десять лет.

– Что ты намерен делать с этой вещью?

– Без глаза серафима он бесполезен. Просто спрячу.

– Надежно спрячешь? – уточнила она, и я кивнул. – Где Кристина нашла его? Ты знаешь?

– Думал, ты не спросишь. В Солезино. На развалинах Ордена. На теле одного из законников.

Мириам вытянула губы трубочкой, постучала пальцами по столу:

– Ветер и кости! Снова эти ублюдки! И девочка нашла оба кинжала! У нее был какой-то странный дар.

– Везение, которое в итоге привело ее к смерти. Что делала Кристина в Солезино? Она ведь уехала за несколько дней до того, как я туда прибыл?

Мириам погрозила мне пальцем:

– А вот это, Людвиг, уже не твое дело.

– Мне кажется, что оно давно стало моим.

Пугало встало, ему наскучил разговор, и направилось к окну.

– Ну уж нет. – Снежная королева Братства оставалась непреклонна. – Подобная информация доступна лишь магистрам. А ты, насколько я помню, к ним не относишься.

– Хорошо. Я согласен.

Мой ответ поставил в тупик не только ее, но и Пугало. Оно замерло, перекинув ногу через балконные перила и уставившись на меня.

– Прости, согласен на что? – ошарашенно спросила она меня.

– Стать магистром, – все с тем же каменным спокойствием произнес я.

И тут Мириам начала смеяться. Хохотать. Она смеялась одновременно зло и восторженно, глядя куда-то в потолок, словно желала увидеть там лицо бога. Смеялась, пока из ее холодных глаз не потекли слезы, а смех не перешел в надсадный кашель, да такой, что я вскочил, думая, что она задыхается, а в кабинет прибежал перепуганный Филхо.

Мириам остановила его успокаивающим жестом, показала, что с ней все в порядке. Но он проявил инициативу, вышел и тут же вернулся со стаканом воды. На меня слуга посмотрел с укоризной, точно я был причиной ее болезни.

– Хорошая шутка, – отдохнувшись, произнесла она. – Ты застал меня врасплох. Браво.

– Я не шутил.

– Тупоголовый недалекий кретин. – В ее голосе слышалась ненависть

и усталость. – Я столько сил вложила в тебя лишь для того, чтобы разочароваться, когда ты все бросил и ушел. Зная твою упрямство, я перестала докучать тебе своими надеждами, решила использовать резервный план, Кристину, хотя она, в отличие от тебя, щенок, никогда не была готова и не подходила на роль магистра. И что же я вижу теперь, когда я обескровлена? Ты сам согласен встать на эту дорогу. И ради чего?!

– Ради правды, Мириам. Она важна, и я готов заплатить такую цену.

Мгновение она походила на рассерженную гиену, того и гляди вцепится мне в глотку, но спустя секунду улыбнулась и расслабилась.

– Ты всегда был идеалистом. И не скажу, что мне это нравилось.

– Тогда почему из всех претендентов ты выбрала меня?

Казалось, вопрос поставил ее в тупик.

– Того, что я разглядела твой талант, еще когда тебе было четыре года, недостаточно? Не только я желала заполучить тебя. В очереди были еще и Павел со Стененом. Я серьезно подхожу к подбору учеников и, когда называла твое имя, знала, что ты будешь самым сложным из тех двадцати шести, которых я когда-либо учила. Но также и тем, кто может поднять и укрепить Братство. Ну не усмехайся. Ты сам не подозреваешь, на что способен. Все стражи бы выиграли, будь у тебя на пальце кольцо магистра.

– Ну так дай его мне.

Она с сожалением покачала головой:

– Слишком поздно. Со смертью Ирдена здесь все запуталось. Я отказалась занять его место. Глупо становиться королевой на час. Боюсь, я не доживу до конца года. Пока не выберут нового, пускай номинального главу, о приеме в совет следующих магистров не может быть и речи.

– Павел и Николет претендуют на место Ирдена. Каковы их шансы?

– Я не знаю их отношений. И насколько это нужно Павлу. Возможно, они договорятся, возможно... нет. Не думала, что скажу это, но сейчас мне совершенно не интересно, кто возглавит совет. Я хочу разгадать загадку темного кузнеца. Знаешь... к ветру все правила. Раз это для тебя так важно, от Братства не убудет. Ты уже взрослый мальчик, пускай порой и ведешь себя как недалекий тупоголовый кретин. Хартвиг рассказывал тебе о том, как он получил свой дар?

Я тут же нахмурился:

– При чем здесь картограф?

– Давай не будем отвечать вопросом на вопрос!

Я вздохнул:

– Насколько я знаю, способности у него появились после удара молнии. Он не особо распространялся по этому поводу и сводил все к

божественному проявлению.

– Божественному проявлению. – Она скривила губы. – Вот что я тебе скажу, Людвиг. За всю историю человечества лишь Христос являлся божественным проявлением. Но не твой приятель.

Я обдумал ее слова:

– И на чем основываются твои предположения?

– На фактах. Последний такой человек появился за восемьдесят шесть лет до раскола Братства. А еще один жил во времена Константина. Хотя слово «жить»... наверное, неправильное. Они довольно быстро умирали, а все упоминания о них старались извлекать из архивов.

– Как видно, не все, раз ты об этом знаешь. Но я все еще не улавливаю никакой связи.

Она встала и закрыла окно, оставив Пугало стоять на балконе.

– Еще раз. Первый появился во времена Константина. За пару лет до его смерти.

– То есть, грубо говоря, император мог быть знаком с новым Спасителем, появившимся через сотню лет после того, как распяли Христа?

Она одобрительно кивнула:

– Очень даже вероятно. Еще более вероятно, что появление... назовем его... Спасителем для простоты... появление Спасителя связано с кузнецом.

Мне пришлось сдержать себя и обдумать следующие слова:

– Неизвестный, подаривший Константину темные клинки, способный к черной магии и предположительно умеющий открывать адские врата. А теперь он еще может наделять других даром очищения души. Не больно ли круто, Мириам? Кто он такой, раз имеет такие способности? По отдельности это куда ни шло, но все вместе... У нас под боком ходит сам бог?

– Скорее дьявол. Но не думаю, что он появился благодаря темному кузнецу. Просто жил в то же самое время. И даже если кузнец и был связан с появлением Спасителя, то во второй и третий раз – все было сделано без него. – Мириам увидела, что я не понимаю. – Остались записи. Точнее, оставались. Времен Константина, хранились в наших архивах в Прогансу. Как создать человека с подобным даром.

– Создать? Это не носок связать.

– Если тебе что-то кажется невозможным, то это не означает, что так оно и есть. Я нашла бумаги, свидетельствующие о том, что несколько магистров из Братства, основываясь на старых манускриптах Империи,

провели эксперимент. Эксперимент закончился успешно, а... скажем так... испытуемый образец был уничтожен. Магистры боялись, что, если о нем узнают клирики, Братство по голове не погладят.

– И поэтому оставили записи! – фыркнул я.

Она развела руками:

– Не будь их, нам бы не о чем было с тобой поговорить. Но ты не волнуйся, я сожгла все, что смогла найти в Прогансу. Иногда за предками приходится подчищать потомкам. Выводы из сказанного ты сделал?

– Они были идиотами, раз не уничтожили бумаги.

– Хватит!

– Ладно. Сделал. Стражи прошлого могли наделять людей даром снимать грехи с душ получше, чем любое причастие.

– Молодец, – довольно кивнула Мириам. – Еще какие мысли?

– Если в Братстве провели такой эксперимент и не потрудились уничтожить рецепт изготовления Христа, то спешу предположить, что документы пропали в смутное время раскола. Были вывезены из Прогансу в Солезино. В штаб-квартиру законников. Где, скорее всего, лежали как образчик старины, сказка и выдумка. До тех пор, пока кому-то из Ордена Праведности не пришла в голову светлая идея. Ты хочешь сказать, что именно так появился Хартвиг?

– Твой картограф оказался не в то время не в том месте. Для него, быть может, это было не более чем удар молнии. Но когда информаторы доложили мне о человеке, которого ищет маркграф Валентин и законники, и на что он способен...

– Ты начала действовать, – без всякой радости произнес я. – Отправила меня, Карла и Кристину решать надуманную проблему.

– Она была более чем реальной! – отрезала та. – Какой-то законник провел ритуал по старым хроникам Братства, и в мире родился почти мессия. Ты в курсе, что «новый» Хартвиг появился за месяц до вашей с ним встречи? И что он вернулся из Солезино? Именно там его ударила «молния». Рожа у тебя сейчас идиотская. Любо-дорого посмотреть.

– Солезино?

– Ты не оглох.

– Это точные сведения?

Она вроде бы удивилась моей подозрительности:

– Я доверяю своим информаторам. Они ни разу меня не подводили. А что такое?

– Я сегодня выступаю в роли скептика, Мириам. На кой черт столь ценного человека отпустили? Не проще его было держать в глубоком

подвале? Он же спокойно вернулся домой. Его никто не остановил!

– Солезино тряхнуло. Он просто сбежал. Или ушел. Какая сейчас разница, как и в какой момент картограф покинул город? Мы этого уже не узнаем. Он мертв.

Я посмотрел на нее мрачно:

– За это надо благодарить тебя и Кристину.

Она даже не поморщилась:

– Парень был дурнем, раз трепал о том, на что способен. Держи он язык за зубами, на него никто бы не обратил внимания. Возможно, он действительно считал, что его ударила молния и случившееся с ним – Божья воля, а не дело рук людей.

Я поежился. Ощущения от истории, рассказанной ею, были самые неприятные.:

– Со времен Константина в древнем Братстве хранились знания, как создавать людей, по силе равных Христу.

– Не неси чушь! – одернула меня учительница. – Спаситель, слава богу, мог не только очищать души, но и людей лечить. Даже оживлять. Не говоря уже о фокусах с рыбой и вином. Ты все еще выглядишь ошеломленным.

– Ну знаешь... Не каждый день узнаешь такие новости. А что с Кристиной...

– В Солезино ее отправила я. Надеялась на чудо. Что девочка сможет узнать старую тайну, привезет в Братство козырь, которым то владело столько столетий.

Я был с ней не согласен:

– Скорее ядовитую змею, которая рано или поздно укусит даже через подошву сапога. Братству повезло, что Кристина нашла лишь груду камней и трупы законников.

– И тайна создания таких людей, как Хартвиг, канула в вечность. – По виду Мириам было не сказать, что она жалеет об этом.

Моя бывшая наставница замолчала, стала смотреть на золотые шестеренки, крутившиеся в часах. Затем вздохнула:

– Мне надо завершить дела перед отъездом. А ты иди. И постарайся, чтобы тебя не прикончили. Право, потеря двух учеников за один год это слишком. Даже для меня.

Это было нечто вроде прощания. Голова моя была тяжелой, день оказался насыщен событиями, и хотелось спать. Мириам неожиданно отправилась меня провожать, кутаясь в теплую пушистую шаль.

– Хочу поставить точку в истории Хартвига, Людвиг, – сказала она мне

напоследок.

– Разве ты этого не сделала почти два года назад? – Мои слова прозвучали гораздо жестче, чем я сам этого хотел.

– Уверена, что и ты думал о том, что было бы с миром, если бы этот человек остался жив.

– Думал, – не стал отрицать я. – И, представь себе, все еще продолжаю считать, что мы не должны были мешать ему помогать людям.

– Помогать людям. – Она внезапно протянула руку и погладила меня по щеке. Сделала это почти что с нежностью, чем потрясла меня до глубины души. – Я ощущаю себя древней старухой, когда встречаюсь с твоим поколением, Людвиг. Вы все как один идеалисты и пытаетесь сделать мир лучше.

– Что в этом плохого?

– То, что вам всем не хватает опыта, мальчик, – с печалью прошептала Мириам. – Вам тридцать, но вы все еще дети. И лишь те из вас, кто переступит порог ста лет, как я, поймут, что мир нельзя сделать лучше. Это не в человеческой власти. Поверь, я тоже когда-то умела мечтать и хотела сеять добро. Спасать человечество.

– И что же изменилось?

Ее взгляд стал очень серьезным.

– Я. После сотен безуспешных попыток поняла, что нельзя спасти того, кто этого не хочет. Не имеет никакого смысла показывать свиньям солнце, когда их интересует лишь грязь. Иначе они запачкают даже его, лишат света тех немногих, кто этого достоин, но так и не поднимут задницу из лужи. И знаешь, что самое важное в истории с Хартвигом? Что я поняла? Он ни при каких обстоятельствах не должен был делать то, на что способен. Даже не ради того, чтобы существовало Братство.

– Тогда ради чего?

На ее лице появилось выражение, которого я не смог понять.

– Каждый из людей обязан расплачиваться за совершенное, Людвиг. Я, ты, Папа, хагжитский султан и никому неизвестный мельник. Все. Без всяких исключений. Это основа мироздания. Любой должен знать, что за хорошие дела его ждет рай, а за плохие ад. Потому что большинство из нас, даже тех, кто истинно верит, в глубине души подозревает, что ни причастие, ни отходная молитва не спасут от расплаты убийц, воров и мерзавцев.

– А Хартвиг мог...

– Хартвиг мог... – эхом повторила она. – И не имел на это никакого права. Ни один человек не должен лишать грешников искупления. Только через чистилище темные души расплачиваются за грехи, и их принимает

рай. И никак иначе. Он же давал возможность насильникам, ворам и убийцам делать все, что им вздумается, а затем попадать в рай, минуя чертей и сковородки. Наш привычный мир был бы уничтожен. Человечество лишилось бы сдерживающих цепей. Потому что цепями, Людвиг, является страх. Страх расплаты. Подумай об этом на досуге. Быть может, не сейчас, а через сто лет ты поймешь меня гораздо лучше.

Проповедник встречал меня у лестницы, что было само по себе странно. Обычно он не терял возможности поваляться в кровати, пока я его оттуда не прогнал. Пытливо взглянув мне в лицо, негромко сказал:

– Вижу, что прошло не очень удачно.

– Я просто устал. Надо поспать.

– Эм... – Старый пеликан преградил мне дорогу. – С этим некоторая проблема. Ну... в смысле поспать можно, но есть кое-какие... мм... нюансы.

– Ничего не понял, но уже испугался и готов к самому худшему. Валяй. Добей, раз уж у Мириам это не вышло.

– Во-первых, в гости приходил законник. Ну этот, Маркетте. Стучал в дверь, но, когда понял, что тебя нет, убрался. Во-вторых, в твоей постели женщина, но это не Гертруда. – Глаза у него были хитрые.

Я вздохнул. Такой новости сегодня я точно радоваться не стану.

– Прежде чем спросить, кто она такая, я задам вопрос, который терзает меня куда сильнее, друг Проповедник. Как она попала в мою комнату? Кто открыл ей дверь, при условии, что для тебя отомкнуть замок является настоящим подвигом.

– Ну это совсем просто! – всплеснул тот руками. – Ты действительно устал, раз не подумал о таком варианте. Дверь открыло Пугало. Оно было очень гостеприимно. Ну до тех пор, пока Тильда не стала с ним драться.

– Драться?! Тильда?! – Я отодвинул его и направился к своим апартаментам.

Проповедник спешил за мной:

– Ну, она подумала, что на нее напал темный одушевленный. Она ожидала встретить тебя, а оно ее заграбастало и втащило внутрь. Девчонка швырнула знаком и развалила тебе стол. Не волнуйся. Я смог ее убедить, что оно твой друг, прежде чем заявился кто-то из стражей.

Я вошел в помещение. Тильда спала в одежде, но когда хлопнула дверь, она подскочила, и я увидел в ее руке обнаженный кинжал. Красивое лицо несколько мгновений было испугано, затем она разглядела меня в полутьме и вздохнула с нескрываемым облегчением.

– Господи! Я думала, что Калеб все-таки меня нашел.

– Не то что я не рад тебя видеть в своей квартире, Тильда...

– И в постели, – пробормотал Проповедник у меня за спиной.

Я раздраженно поморщился и продолжил:

– Просто сегодня у меня довольно тяжелый день, поэтому ты не могла бы рассказать вкратце, чем я обязан твоему визиту и при чем тут твой бывший учитель?

Я мрачно посмотрел на развороченный стол с обугленными ящиками, в который угодил ее знак. Молча зажег свечи, сел на стул, а она расположилась напротив, сложив руки на коленях, точно примерная девочка. И тут я увидел у нее под глазом нечто напоминающее свежий ушиб.

– Это сделал Калеб?

– Да. Калеб считает, что Стенен его защитит.

Я фыркнул:

– Толстяк любит возить рукой под ковром, но когда речь идет об избиении младшего стража, он не станет прикрывать своего бывшего ученика.

– Прости, что я так бесцеремонно к тебе ворвалась, и за разгром тоже прости, но у меня выбора не было, – сказала девушка. – Павла срочно вызвали на совет...

– Сейчас? Ночью? – удивился я.

Она кивнула:

– Да. И я не знаю, когда он вернется. И как только Павел ушел, появился Калеб. Стал доказывать, что я все еще принадлежу ему.

– Принадлежишь ему? – повторил я. – Он совсем потерял ощущение реальности?! Ты ученица, а не его собственность. К тому же бывшая ученица.

– Калеб никогда не мог принять слово «нет». Всерьез считает, что я валяю дурака, а сама сплю и вижу, как залезть к нему в кровать. Он предполагает, что это обычное поведение для женщины.

– Жаль, что он просто не видит, в чьей кровати в итоге ты очутилась, – вновь пробормотал Проповедник и тихо, совершенно глупо хихикнул себе под нос. По счастью, услышал его только я.

– И он тебя ударил.

– А я распорола ему ладонь до кости, прежде чем он успел опомниться.

Я посмотрел на девушку, которая раньше мне казалась так похожей на Гертруду:

– Ты можешь оставаться здесь до тех пор, пока совет не примет решение или не вернется Павел. Запри дверь изнутри.

– А ты?

– Расположусь в комнатах Шуко. Они рядом. Проповедник останется с тобой и, если что, успеет тебя разбудить. Ты голодная?

– Нет.

– Тогда нам обоим пора спать.

Я так и не понял, что меня разбудило. Прямой солнечный луч, упавший на глаза, или решительный стук в дверь. Впрочем, он почти сразу же прекратился, раздались негромкие голоса. Затем появился Проповедник:

– Там этот золянец. Ворон. Ищет тебя.

Я открыл дверь, впуская стражу.

Тот, все такой же высоченный и заросший бородой как и в нашу последнюю встречу, вошел в комнату, бросив заинтересованный взгляд на большой портрет Рози, висевший на стене.

– Решил сменить обстановку, ван Нормайенн?

Я промычал что-то невнятное и начал одеваться.

– Гляжу, с утра ты не слишком-то дружелюбен, – усмехнулся тот в бороду. – Я по делу. Тебя хочет видеть совет.

– С каких пор они сделали из тебя гонца?

– Рассказывал им о бунте в Клагенфурте. Ну меня и... скажем так, попросили, передать сообщение, что тебя хотят выслушать.

– Когда?

– Прямо сейчас.

Было бы странно, если бы магистры не пригласили меня заглянуть на огонек.

– Хорошо. Через пять минут. Надеюсь, они не стали просить тебя выступить моим провожатым?

Он рассмеялся:

– Мне еще надо найти девчонку Павла.

– Тильду?

– Да. Совет ждет и ее присутствия.

– Я отведу ее. Не волнуйся.

Ворон весело сощурился:

– Знаешь, где она?

– Да.

– Тем лучше для меня. Передай ей приглашение. Сделаешь?

– Не вопрос.

– Ну тогда я вернусь к Агнессе.

– Давно вы в Арденау?

– С неделю, – прикинув, ответил страж. – Привезли дочь колдуна, устроили. Она довольно нелюдима. Часто плачет по ночам. Боюсь, нам придется задержаться здесь на какое-то время, пока малютка не привыкнет к новым лицам. А ты? Скоро в дорогу?

– Надеюсь, что как можно быстрее.

Ворон пожал мне руку и пошел прочь по коридору, взметнув на прощание полами своего плаща витавшую в воздухе пыль.

– Магистры могут задавать неприятные вопросы? – поинтересовался старый пеликан.

– Это из разряда – убивают ли наемники мирное население или ходят ли черти на воскресную мессу. Магистры созданы для того, чтобы задавать неприятные вопросы, когда ты их не ждешь.

– И ты спокоен?

– Мне нечего скрывать.

– Подобное утверждение относится к тому, что ты нашел в монастыре Дорч-Ган-Тойн?

– Заткнись, прежде чем тебя кто-нибудь услышит, – попросил я его, и он прикусил язык. – Скажи Тильде, чтобы она открыла дверь.

Старый пеликан прошел сквозь стену, и почти тут же щелкнул замок.

– Тебя ждут в совете.

Лицо девушки побледнело.

– Они приняли решение?

– Не знаю. Скорее всего, хотят выслушать твоё мнение или версию событий.

– Если только Стенен не настроил их против меня.

– Там Павел. – Я постарался успокоить ее.

Но она лишь повела плечами:

– Черт! Чувствую себя точно на выпускных экзаменах. Если они отдадут меня обратно Калебу, я сбегу куда-нибудь в Хагжит. Уж лучше жить среди неверных, чем рядом с этим недоноском.

– Не гони лошадей. Идем?

Она несколько раз глубоко вздохнула и подняла на меня ярко-голубые, очень встревоженные глаза.

– Идем.

В огромном колонном зале, полутемном и древнем, пронизанном сильным холодным сквознякам, точно старый рыцарский замок, на часах

стояли гвардейцы в полном боевом доспехе. Начищенные до блеска ярко-желтые каски с плюмажами из черных перьев, тяжелые кирасы поверх плотных стеганых серых курток, черные рейтзузы, высокие сапоги. Гизармы, палаши и пистолеты.

Восьмерка воинов почетного караула сторожила маленьющую, неприметную дверь в стене. Старую и обшарпанную, более подходящую какой-нибудь кладовке, чем самому главному помещению в Братстве.

Кроме солдат здесь находился еще один человек. Ниже меня ростом, с густой гривой черных выьющихся волос. Тонкое красивое лицо, живые карие глаза, насупленные брови и перевязанная правая рука.

Увидев нас, он застыл на мгновение, точно голодная старга, пораженная тем, что человек сам желает отдать ей свою кровь, а затем решительно двинулся вперед. Тильда негромко зарычала за моим плечом, и я разобрал пару ругательств, которые сделали бы честь любому портовому грузчику.

– Здорово, что ты нашел ее, ван Нормайенн, – поприветствовал меня Калеб бархатистым баритоном, не спуская глаз с девушки.

– Не для тебя, – сухо ответил я ему.

Мы с Калебом никогда не были дружны. Он младше меня на пару лет, мы частенько пересекались, но не слишком жаловали друг друга и старались общаться как можно реже, чтобы избегать ненужных конфликтов.

– Как ты? – Страж проигнорировал мой ответ, участливо глядя на Тильду. – Ты извини, я просто вспыхнул и... Послушай, быть может, мы все забудем, и ты продолжишь свое обучение?

– С дороги, Калеб, – попросил я его.

– Вообще-то я говорю со своей ученицей.

– Она не твоя ученица. И ты уже «поговорил». Нас ждет совет. – Я навис над ним, и он нехотя сделал шаг в сторону.

– Меня тоже. И он будет отнюдь не на стороне *моей* сбежавшей ученицы. Ты, так или иначе, вернешься ко мне и закончишь обучение, Тильда.

– Меня учит Павел.

– Он старый дурак.

– Скажешь это ему через пару минут. – Я оттеснил его плечом в сторону.

Он скривил недовольную рожу, но пререкаться не стал. Возможно, потому что я был тяжелее и выше его, возможно, потому что не желал устраивать конфликт поблизости от магистров.

Капитан караула с густыми, закрученными по флотолийской моде усами, сверился со списком:

– Вы господин ван Нормайенн?

– Да.

– Вас пригласят. Ждите.

– Простите, капитан, но это невозможно, – мягко, но в то же время настойчиво произнес я. – Девушка находится под моей защитой, и я должен передать ее под опеку магистра Павла лично.

– Это так, – подтвердила Тильда.

Калеб начал возражать, но воин лишь пожал плечами:

– Мне не запрещали вас пускать. Проходите втроем, магистры сами разберутся.

Стены зала Совета были затянуты темным бархатом, пол облицован черным мрамором с золотистыми прожилками, никаких окон, лишь в потолке небольшое синее стекло, через которое в помещение проникал единственный луч, окраивающий лица пришедших в жутковатый мертвенный цвет. Семнадцать кресел магистров стояли по кругу, у стены, купаясь в густых тенях, куда не доходил тусклый свет, и я мог лишь только догадываться, кто где сидит.

Видел лишь, что из семнадцати кресел шесть оставались пустыми. Не все присутствовали.

Этот обычай, сидеть в тени, появился в Братстве в первые годы изгнания из Прогансу. Тогда большинство магистров погибли, появились новые, и им приходилось скрывать свои лица до тех пор, пока буря, что мы устроили, не утихла. На это потребовалось больше пятидесяти лет, и когда все стало как прежде... почти как прежде, в Братстве уже появились новые традиции.

– Ван Нормайенн, какого черта ты не можешь подождать? – спросил один из магистров, и я узнал голос Павла.

– Сопровождаю Тильду. В свете последних обстоятельств я счел это правильным.

– Последних обстоятельств? – произнес сидевший в одиночестве (кресло справа и слева от него оставались пустыми) обладатель густого, сочного баса. Вне всякого сомнения, Димитр.

Тень напротив зашевелилась, и в бледно-синий круг выступила женщина в серо-черном церемониальном балахоне. Худая, чернявая, с острыми скулами. Я узнал Николет, одну из двух соискателей на место Ирдена. Возможно, именно она станет будущей главой Братства.

Магистр, шелестя одеждами, прошла мимо меня, встала перед

Тильдой, и я увидел, что они почти одного роста. Рука Николет, с тонким запястьем, длинными сухими пальцами и острыми ногтями, точно лапа какой-то хищной птицы взяла девушку за подбородок, заставляя поднять лицо к тусклому свету.

– Кто это с тобой сделал, девочка? – Голос у нее был такой же хищный, как и ногти на руке.

– Калеб.

– Это ложь! – горячо возразил тот и показал присутствующим ладонь, затянутую окровавленным бинтом. – Она напала на меня с кинжалом, и я ударил ее машинально, защищаясь!

Тильда задохнулась от возмущения, и, прежде чем успела что-то ответить, Николет положила ей руку на плечо.

– Оставь свое красноречие на потом, девочка. Не надо портить и без того загубленную пьесу.

Ее просьба возымела успех, вот только Павла так просто остановить было нельзя. Он оказался рядом с Калебом, и его сухая рука мелькнула в воздухе с такой скоростью, что я подумал о багомоле, на которого так был похож главный недруг Мириам. Уже через секунду бывший учитель Тильды валялся на полу, выплевывая передние зубы.

– Она напала на тебя, да?! – прорычал Павел. – Ты! Мерзкий червяк...

– Хватит! – со сталью в голосе рявкнула Николет. – Слишком часто в последнее время стражи поднимают руку друг на друга!

Тот оскалился, точно визаган, загнанный в ловушку:

– Никто не будет даже пальцем трогать моих учеников!

– Я подам жалобу! – окровавленным ртом произнес Калеб.

– Подавай! – не сказал, а плонул Павел. – Мы прямо сейчас ее примем.

– Давайте не будем устраивать сцен. – В свет, тяжело ступая, вышел Стенен, опираясь на красивую, парадную трость. – На мой взгляд, все ясно. Этим двоим нельзя быть вместе, иначе дойдет до беды. А если слухи выйдут за пределы Братства...

Калеб посмотрел на него волком, но промолчал, вытирая кровь. На щеках Тильды появился румянец, она не верила своим ушам. Толстяк, который все это время в совете был на стороне своего подопечного, внезапно изменил решение.

Николет обвела взглядом тени в креслах:

– Все согласны? Или голосуем?

Звонкий молодой голос, мне неизвестный, сказал:

– Тильда остается на обучении у Павла. Во всем остальном нам

требуется время, чтобы наложить взыскание на обоих.

– На обоих? – изумилась Тильда.

– Твое слово против слова Калеба, – равнодушно произнесла та же незнакомая мне женщина. – Ни у одного из вас нет никаких доказательств. Оба пристрастны, и доверия вам нет.

– Предлагаю, чтобы Павел сам избрал наказание для девочки, – прозвучал бас Димитра. – Пусть он прочитает ей лекцию о том, как плохо тыкать в братьев кинжалом или еще что-то в этом роде.

– Павла самого стоит наказать, – рассмеялся старик слева. – За недостойное поведение на совете. Но согласен. У нас полно более важных дел для того, чтобы играть в воспитателей. А тебе, Калеб, следует прогуляться. До Витильска. Местные бароны просят Братство о помощи. Поедешь туда как наш представитель. Прямо сегодня. Я вызову тебя, когда понадобишься.

Страж скривился, но больше не спорил. Знал, что отдался довольно легко.

– Ну, значит, решено, – вздохнула Николет. – Вы оба свободны. Ван Нормайенн, останься.

Все вернулись на свои места, Тильда и Калеб вышли.

– Давно тебя здесь не было, страж. – Григорий, старик с хриплым голосом, как я знал, был одним из первых учеников Мириам. – Мы наслышаны о твоих приключениях.

Я вспомнил Хартвига, историю с маркграфом Валентином, когда они, по сути, бросили меня, проблемы в Швейцарии и то, что они решили насчет темного кузнеца, и... промолчал. Нет смысла спорить со стихией. Она все равно ни черта тебя не услышит, но зато без труда размажет о камни.

– Мириам и Гертруда знакомили нас с твоими докладами, – продолжил Григорий. – Они, вне всякого сомнения, были полезны для Братства. Но сейчас мы хотели бы выслушать твое мнение как участника последних событий. Особенно это касается неизвестного, создающего запретные клиники.

– Рассказ предстоит долгий.

– Мы славимся своим терпением. – Я почувствовал в голосе Димитра нечто похожее на улыбку.

Я пожал плечами. Если им интересно послушать историю и на этом я избавлюсь от их внимания, тем лучше. Я даже готов доплатить, лишь бы как можно дольше не появляться в этом зале...

– Что скажешь? – Николет обратилась к Павлу.

- Заниматально, – скupo оценил тот.
- Звучит как сказка, – негромко произнес Григорий.
- Ван Нормайенн, судя по всему, верит в эту сказку. Как и Мириам. Скажи мне, как ее бывший ученик, она склонна терять время на выдумки? – В голосе Павла звучала ирония.
- Нет, – неохотно признал старик. – Только не она. Но все услышанное... не слишком соответствует реальности.
- Это не означает, что мы должны просиживать задницы и ничего не делать, – сказал один из магистров за моей спиной.
- Что ты предлагаешь, Бивой? – с раздражением спросила Николет.
- То, что советовала нам Гертруда. Я и Мириам – единственные, кто поддержали ее предложение полностью.
- Братство не может оставить свою основную задачу – сражаться с темными душами, и заниматься поисками неизвестно кого! – прощедил Павел. – Я признаю реальность угрозы. Не знаю насчет адских врат. Темный клинок – опасен для нас. Но совет не будет посыпать стражей на розыски и отвлекать их от работы. Не ради одного человека.
- Мы снова топчемся на месте, – произнес все тот же неизвестный звонкий голос. – Это обсуждалось не раз и не два. Ван Нормайенн здесь лишь как... будем называть Людвига экспертом. Мы хотели выслушать его мнение и сделали это.
- И угроза усилилась, Милана. – Бивой все еще пытался убедить остальных. – Теперь мы знаем больше.
- А сделать можем столько же. То есть ничего. – Она не изменила своего мнения.
- У Братства много денег, – негромко сказал я, и все взоры направились на меня. – Никто не призывает нас вести поиск неизвестного. Для этого есть наемники. Те же самые, которым мы платим, когда требуется найти убийцу стража.
- Это уже обсуждалось, и не раз, – устало ответила Николет. – Ты не видишь картину в целом, ван Нормайенн. Мы не станем ничего делать. Любое решение совета касательно темного кузнеца ударит по Братству.
- Не понимаю.
- Так пойми уже наконец. – Павел не повышал голоса. – Риапано запретил Братству вмешиваться. Они взяли под контроль это дело, и никто из нас не будет обострять отношения с клириками. Если они сочтут, что мы вставляем им палки в колеса...
- Он не стал продолжать, давая всем возможность самим представить, какие неприятности получит на свою голову Братство, если будет лезть в

дела Церкви.

– Уди Травинно свой интерес. Им есть за что отправить кузнеца на костер, – произнесла Николет. – Но в свете сегодняшнего рассказа, я вынуждена согласиться с Бивоем и отсутствующими магистрами. Мы должны действовать, несмотря на запрет.

– Это опасно. – Стенен повозился в кресле. – Настолько опасно, что риск не стоит игры.

– Поддерживаю, – проронил Павел. – Орден и так шныряет по нашей территории. После того как мы забрали их ученика, им нужен лишь повод, чтобы испортить нам жизнь. А, ослушавшись Риапано, мы поднесем им этот повод на блюде, Николет.

– Я все это время молчала, – произнес бархатистый женский голос с мягким и приятным акцентом уроженки Прогансу. – Но теперь скажу. Вы все правы. Одни в том, что инициатива для Братства может выйти боком, после того, как нам прямым текстом сказали, что с человеком, покушавшимся на кардинала Урбана и заварившим всю ту кашу в Шоссии, разберутся без нашего участия. Другие в том, что нельзя спокойно терпеть возможные кражи клинов или того хуже – убийство стражей ради их кинжалов. И раньше я склонялась к мнению большинства, но...

– Но? – В интонациях звонкой Миланы было слышно неприкрытое удивление. – Консервативнее тебя нет в совете, Луиза. Неужели ван Нормайенн смог растрогать твое сердце, словно ты Гертруда?

Раздались негромкие, вежливые смешки.

– Жаль, что он не растрогал твое, – с насмешкой ответила магистр. – Надеюсь, все признают, что кузнец опасен для Братства?

Луиза подождала несколько мгновений, но ей так никто не ответил. Молчание было красноречивее любых слов.

– Хорошо. Просто прекрасно. А теперь давайте говорить откровенно – мы лишь можем предполагать, что сделают клирики с кузнецом, когда найдут его.

– Если найдут, – внес поправку Стенен.

– Будем исходить из хорошего и думать о плохом. – Луизу не удалось смутить. – Что они с ним сделают? Убьют? И если да, то насколько быстро? Можем ли мы доверять их слову в столь щепетильном вопросе?

– Понимаю, куда ты клонишь, – вздохнул Димитр. – Уверен, что каждый из нас думал об уединенном монастыре на окраине мира, коих у церковников больше, чем гостей в дарохранительнице. Слишком ценный приз, чтобы его так просто уничтожить. По крайней мере, веди я политику Риапано и попадись мне такой человек в руки, я бы выпотрошил его без

остатка. Узнал бы все, что можно. А уж после отправил погреться на огоньке.

– Верно, – одобрительно сказала Луиза. – Гертруда, хотите вы или нет, на прошлом совете была права. Темный кузнец обладает опасными знаниями для Братства. И если эти знания умрут вместе с ним, не доставшись никому другому, кто в будущем способен использовать их против стражей, никто из нас плакать не станет.

– А если бы он попал в руки к нам? – как бы между делом поинтересовалась Милана.

– Я бы прикончил его, – тут же ответил Стенен. – Сразу. Не навлекая риска на Братство. Мы единственные, кому не нужны его тайны. Они нам лишь вредят. И если мы их узнаем, то рано или поздно те выплынут наружу. Не стоит повторять ошибки прошлых магистров.

Я понял, что он намекает на записи, которые во время раскола достались Ордену и привели к появлению Хартвига, но сохранил невозмутимость. Не входящему в круг теней не полагалось знать такие подробности.

– Но! – Мне показалось, что Стенен многозначительно поднял палец. – Все это теория. Потому что мы не будем плевать в чашу с освященной водой.

– Действительно, – согласилась Луиза. – Братство не должно стоять за этим. Мы не будем отдавать приказ стражам. Мы не станем финансировать операцию по поиску и уничтожению неизвестного и привлекать третьих лиц. Но и оставаться в стороне не должны. Мое предложение таково: среди стражей вполне может найтись тот, кто действует по своему усмотрению, игнорируя приказы, даже если это приказы магистров. Самой подходящей кандидатурой мог бы быть человек, который уже ослушался, и об этом известно не только в Братстве, но и в Церкви.

Я бы, пожалуй, расхохотался, но, боюсь, мой смех могли расценить неверно.

– И что бы делал этот человек? – осторожно, точно пробуя слова на вкус, спросил я, все еще не в состоянии решить для себя, хорошо или плохо ее предложение.

– Смотреть, слушать, искать. Не отвлекаясь на свою основную работу. То есть магистры не станут посыпать такого стража в разные части света, отнимая у него время от основного и самого важного задания.

– И когда... если этот человек найдет кузнеца?

– Он пришлет сообщение в Братство. И то в мудрости своей решит, что делать дальше, – произнес Бивой, массивная плечистая фигура в объемном

балахоне-тени.

Это было очень неопределенно. Например, магистры решили бы оставить все как есть. Или захотели сдать кузнеца клирикам. Или отправить наемных убийц. Все зависит исключительно от того, в какую сторону будет дуть ветер в тот момент, когда я пришлю сообщение. Течение политической реки стремительно и совершенно непредсказуемо.

– Чушь. Бред. И глупость, – припечатал Павел. – Даже такой упрямец, как ван Нормайенн, не станет молчать, когда его растянут на дыбе.

– Конечно, – мягко ответила Милана. – Но даже если он признается, мы все будем отрицать и говорить, что он нарушил приказ и совет здесь ни при чем. Люди под пытками сочиняют и более сложные истории. У Риапано не будет прямых доказательств. Но, думается мне, мы очень торопим события. До тех пор пока не найдут темного кузнеца, об этом развитии можно не думать.

– Я вообще не уверена, что его можно найти, – проронила Николет. – Риапано занимается этим уже долгое время, и толку чуть. Там, где уже безрезультатно задействованы сотни, одиночка никогда не справится. Ты ставишь вопрос на голосование, Луиза?

– Да.

– Хорошо, – вздохнула один из самых старейших магистров. – Хорошо. Кто против того, чтобы ван Нормайенн и дальше занимался этим делом?

– Я, – сказал Павел.

– И я, – отозвался Стенен.

– Слишком рискованно. – Григорий сегодня был крайне осторожен.

Его поддержали еще трое магистров, ранее молчавших.

– Результат очевиден, – развела руками Николет. – Шестеро против пяти. Предложение не проходит.

– Отчего же? – Луиза вышла на свет.

Она была полной и миловидной, с пушистыми светлыми ресницами и растрепанными волосами, сейчас бледно-синими из-за падающего света. Она показала два тяжелых кольца, лежащих на ее узкой ладони.

– Мириам и Гертруда голосуют «за».

– Смотри, ты подготовилась, – без всякой злобы или раздражения хмыкнул Павел и подвел итог: – Шестеро против семерых. Хорошо, ван Нормайенн. Можешь развлекаться и продолжать искать ветра в поле. Совет не станет возражать. Просто помни, что Братство не будет оказывать тебе никакой поддержки в этом деле.

– Мы лишь разведем руками, если нас спросят, чем ты занимаешься. И

скажем, что ты уже какое-то время игнорируешь наши приказы. Письма с ними будут приходить тебе регулярно, – добавила Николет. – С этой минуты ты один.

– Все это здорово, уважаемые магистры. Вот только вы снова решили за меня и даже не поинтересовались, согласен я или нет.

– А ты не согласен? – полюбопытствовал Григорий и, видя ответ у меня на лице, невесело рассмеялся. – Так я и думал.

– Могу идти?

– Нет, – остановил меня Стенен. – За кузнецом ты успеешь набегаться. Еще один вопрос. Касательно темного одушевленного, которого порой видят возле тебя. Нам это не нравится.

– Я не нарушаю Кодекс теней.

– Еще бы ты его нарушал, – проворчал Димитр. – Но компания одушевленного тебе не нужна.

– Я сам знаю, что мне нужно.

– Вот. Этот парень мне уже знаком. – Григорий сказал это почти с удовольствием. – Но в данном случае за тебя примет решение совет. Темный одушевленный привлекает к себе внимание. Если его увидят законники...

– Мы все время боимся кого-то. Законников, клириков. Если они узнают, если они увидят. Я устал от этого, Григорий.

– Все устали. – В голосе Николет вновь зазвенел металл. – Но это вопрос выживания Братства. Избавься от одушевленного. Если он не причинял никому зла, просто прогони.

– Пока он рядом, я могу его контролировать. Что будет, если он захочет крови, когда поблизости не будет стражи? – Я постарался сдержать гнев.

– Он кого-нибудь убьет, – равнодушно ответил Бивой. – И тогда с нас будут сняты ограничения, и мы уничтожим его. Приказ совета ты слышал. Избавься от одушевленного. Это ясно?

– Да.

– Тогда все. – Павел хлопнул рукой по подлокотнику кресла и встал. – Прервемся до завтра. Ты можешь быть свободен, ван Нормайенн.

И я ушел.

– Они правда такие полудурки? Думают, что ты скажешь Пугалу «кыш», и оно улетит? – Проповедник был сама язвительность.

– Что-то вроде этого, – рассеянно сказал я.

Мы шли через двор, мимо деревьев с начинающими распускаться листьями, пахнувшими сладкой свежестью весны, под холодным ветром и

мелким противным дождем.

– Такое впечатление, что тебе все равно.

– Ты ошибаешься. Мне не все равно. Пугало странное.

– Иисусе Христе! Какое откровение! Мне ли этого не знать! – фыркнул тот.

– Поэтому я постараюсь как можно дольше держать его при себе. Прежде чем оно нарубит в капусту какую-нибудь деревушку, и по его следу пустятся и стражи, и законники.

Он посмотрел на меня, точно не мог разгадать смысл слов. Дернулся кадыком, усмехнулся:

– Никак не могу понять, Людвиг. Твоих мотивов.

– Будет для тебя откровением, если я скажу, что просто привык к нашему молчаливому другу? Что его темный юмор оценить можем только ты да я?

– И только?

– К тому же оно пару раз спасло мне жизнь. И не стану отрицать – есть еще причина. Я хочу докопаться до истины. Понять, что оно такое. И что ему надо.

Теперь улыбка на лице Проповедника была кислой.

– Угу. За полтора года никто не понял, а ты все не теряешь надежды додуматься, зачем оно за нами таскается. Кстати, ваши магистры как-то спокойно восприняли весть о нем. Я думал, будут кричать и махать руками.

– Ситуация меняется, дружище. Еще месяц назад, возможно, я бы схлопотал по полной. И поехал не в Витильску, как Калеб, а куда-нибудь подальше.

– Куда уж дальше, чем страна кацеров, – проворчал тот.

– Ирден не любил одушевленных. И светлых, и темных. Запрещал с ними любые контакты. Но он умер, в совете сейчас начнутся выборы преемника. К тому же, уверен, они получили информацию о начале эпидемии юстирского пота в Хагжите, их смущают новости о темном кузнецце, убийство стража, произошедшее в стенах Свешрикинга, присутствие законника и скрытое противостояние с Орденом из-за Эрика...

– В общем, ты хочешь сказать, что им сейчас не до тебя, – перебил меня Проповедник.

– Да.

– Но они все же нашли время обратить внимание на нашу дружную семейку. И озвучили свой вердикт. Ты пропустишь его мимо ушей?

Я кивнул:

– Просто буду осторожнее.

– О, Господи! – всплеснул тот руками. – Ты веришь в то, что говоришь? Ты?! И осторожнее?! Не смеши ангелов! Если найдется еще один Шуко, который спьяну расскажет...

– Шуко мертв, – напомнил я ему, и он сразу пошел на попятную:

– Да. Гм. Неловко получилось. Прости. Но я все же скажу, что ни одну тайну не сохранишь достаточно долго. Они станут тебя проверять.

– Не сейчас. Не пока я делаю то, о чем меня попросили.

– Приказали, а не попросили. – Он не собирался давать мне возможность взлетать к небесам. Когда надо, у Проповедника всегда под рукой пара обнадеживающих замечаний.

– В данном случае это не важно. – Мы прошли под аркой к жилым корпусам. – Это соответствует моим целям и интересам.

– Лучше бы не соответствовало. – Вид у моего спутника был такой, словно его заставили выпить ведро желчи. – Я говорил, но с удовольствием повторю, если ты стал туг на ухо или там страдаешь от забывчивости. Встречаться с темным кузнецом смертельно опасно. Видел же, что он устроил в Крусо. Этот парень перемелет тебя, точно два жернова зернышко пшеницы.

– Я буду осторожен.

– И сообщишь магистрам, когда найдешь его?

Я не стал врать:

– Не знаю. Зависит от обстоятельств.

Проповедник безнадежно вздохнул:

– Это значит, если у тебя появится хоть призрачный шанс справиться без помощи Братства – ты прикончишь кузнеца своими силами?

– Ты сама прозорливость. Надеюсь, что угадаешь и причину моего поступка.

Глаза у него сегодня были удивительно лукавые.

– В детстве моя мать, представь, у меня тоже она была, рассказывала мне сказки, о том, как следует поступать с ведьмами, если ты нашел такую. Бить по голове, пока она не ожидает этого. Желательно чем-нибудь очень тяжелым. Потому что, если упустить момент, она вытащит легкие через твой нос.

– Добрые истории рассказывают детям в твоих краях. Но ты прав. Если я его встречу, действовать надо очень быстро. Второго шанса может и не быть.

Он с некоторым раздражением вытер кровь на щеке, отстраненно посмотрел на ладонь, на которой не осталось никаких следов, вздохнул:

– Но это не основная причина. Ты не знаешь, что решит совет.

Боишься, как и я, если честно, что они передумают. Захотят взять его живьем или передадут кузнеца клирикам.

– Проповедник, тебе стоило родиться в какой-нибудь графской семье... где-нибудь на юге Литавии. У тебя неплохо получается в политике.

Бывший сельский священник ухмыльнулся:

– Господь счел, что простолюдином я полезнее. Будь я графом, таскался бы я за тобой по дорогам, горам и лесам? И кто бы напомнил тебе, что убийство это грех, а задуманное убийство – грех вдвойне.

Отвечать я ему не стал, так как увидел, как из-за поворота вышел Клаудио Маркетте и направился ко мне.

– Черт бы его побрал, – проворчал я.

– Господин ван Нормайенн, – поприветствовал меня законник. – Везде вас ищу.

– Что-то стряслось? – Я решил вести себя вежливо.

– Нет. Конечно нет. Но у меня к вам вопрос. – Он покосился на Проповедника, но тот сделал вид, что не понял намека, и остался. – Ходят слухи, что вы знаетесь с темным одушевленным.

Я сохранил учтивое и заинтересованное выражение на лице.

– Кто это говорит? – спросил я спокойно.

– О, господин ван Нормайенн, вы же понимаете, как это бывает с новостями. Они летают сами по себе. – Его глаза улыбались, и он был просто счастлив. – Даже не помню, от кого услышал, но эта информация настолько заинтересовала меня, что я сразу же решил узнать обо всем от вас.

– Это дело прошлое, господин Маркетте. Сейчас никаких темных одушевленных поблизости от меня нет. Если не верите мне, можете спросить у магистров.

– Я рад, что вы не отрицаете. Уверен в правдивости ваших слов. Ведь совет уже разобрался со столь запутанной ситуацией.

– Запутанной? – нахмурился я. – Ни один закон, в том числе и те, за соблюдением которых вы следите, не запрещает стражу общаться с темным одушевленным. Особенно если это не снеговики, которые пытаются его убить.

– Понимаю. Вы все еще злитесь на ту досадную случайность, – смириенно вздохнул он. – Я бы тоже был не рад. Что касается вашего вопроса, то запутанна она не оттого, что страж имел контакты со столь редким и необычным существом, а от того, кто это существо.

Проповедник навострил уши и вытянул шею, точно гриф, стараясь услышать каждое слово.

– Если честно, я не понимаю.

– Возможно, вы просто не в курсе. Орден Праведности давно разыскивает этого одушевленного. Точнее, разыскивал. Потом его следы потерялись, и мы оставили бесплодное занятие. Дело в том, что один из моих коллег был убит одушевленным, похожим на огородное пугало.

Проповедник отвернулся, поступив довольно мудро. Он вообще не умел скрывать эмоций, и все было написано на его потрясенной роже.

– Очень печально. Примите мои искренние соболезнования в связи с гибелью вашего товарища, – официальным тоном заявил я, и он с благодарностью кивнул. Мы играли в игру, значение которой было понятно всем присутствующим. Мне было плевать на его товарища, а ему на мои соболезнования. – Когда это случилось?

– Прошлой зимой. Недалеко от земель маркграфа Валентина. Вы что-нибудь знаете об этом?

Конечно, я помню того ублюдка в алом шапероне, который отдал меня Вальтеру и людям маркграфа. Пугало отправилось за ним через выногу и, уверен, напластало законника на множество маленьких кусочеков.

– Увы, нет.

Я не стал спрашивать, откуда Орден Праведности вообще узнал о случившемся. Узнал. Возможно, законник успел оставить послание. Возможно, поблизости оказался Видящий. Теперь это совершенно не важно.

– Сможете рассказать все, что вам известно об этом одушевленном? Он очень опасен, и любая информация поможет нам найти его и уничтожить как можно скорее.

– Боюсь, мне нечего вам сообщить.

Его глаза больше не улыбались. Клаудио Маркетте произнес вкрадчиво и в то же время твердо, словно считал меня дурачком:

– Господин ван Нормайенн, мы давно знакомы. Я знаю вас. Вы знаете меня. Как говорится, игра в квильчио, пускай и кровавая, объединяет даже врагов.

– Я не считаю вас моим врагом.

– Тем лучше для всех нас. Я пришел как друг. Неофициально. И мне нужны ответы. А так как вы – умный человек, то понимаете, что я их получу. Так или иначе. Зачем вам лишнее внимание Ордена Праведности?

Я улыбнулся ему, глядя сверху вниз:

– Господин Маркетте, я не против внимания Ордена Праведности, поскольку мне нечего скрывать. Если вас что-то интересует, обратитесь

официально. Пришлите мне приглашение на беседу. Не забудьте о трех свидетелях – городском чиновнике, клирике и страже. А также, поскольку я не совершил никаких преступлений, добейтесь разрешения у магистров. Если они прикажут мне побеседовать с вами, я с радостью соглашусь.

Он хмыкнул:

– Всегда приятно видеть человека, который столь сведущ в законах.

Я благосклонно кивнул, принимая эту «похвалу»:

– В таком случае, позвольте откланяться. Меня ждут дела.

Он сделал шаг в сторону, открывая мне путь.

– Мы побеседуем позже, господин ван Нормайенн. – В его голосе мне послышалась угроза. – Мне нужен этот одушевленный.

– Так ищите его сами, – развел я руками и пошел прочь.

Проповедник нагнал меня спустя минуту, и выглядел он не сказать чтобы очень спокойным:

– Плохо, Людвиг. Очень плохо.

– Знаю.

– Он ведь сообщит в Орден?

– Зависит от того, какие цели преследует. И хочет ли делиться этой информацией с другими. Как бы он ни поступил, внимание законников для меня сейчас крайне нежелательно. Поэтому прошу тебя, вернись в комнаты и, если Пугало там, расскажи ему свежие новости. Но только о законнике.

Старый пеликан быстро глянул на меня:

– Но не о приказе совета?

– Об этом я с ним позже поговорю. Пусть страшила никуда не выходит и дождется меня. Если его сейчас заметят, мы хлебнем неприятностей.

– Угу. А чтобы их не хлебнуть, надо бы уехать из Арденau.

– Как только найду убийцу Шуко.

Он скорчил раздраженную рожу и, развернувшись, поспешил прочь.

Разговор с Карлом получился таким, как я ожидал. Страж не выглядел довольным моим планом, но пообещал сделать все, что нужно.

Я постучал в дверь Стенена, и ее сразу же открыл дородный слуга в лиловой ливрее.

– Людвиг ван Нормайенн, – представился я. – Хочу поговорить с магистром.

– Простите, страж, – вежливо, но непреклонно сказал лакей. – Но мастер совсем недавно вернулся с совета и очень устал. Сегодня он не принимает. Желаете ему что-то передать?

– Скажи, что дело касается случившегося в моих комнатах.

– Простите?

– Передай. Он поймет. Я подожду здесь.

Слуга поколебался, но решил, что ничего страшного от его вопроса не случится, и ушел. Я с равнодушным видом прислонился к стене, слушая, как усилившийся дождь колотит по подоконникам. Возможно, мне не стоило приходить сюда, но иного пути я не видел. Рассчитывать на поддержку других членов совета в сложившейся ситуации не имело никакого смысла. Сейчас мне нужен лишь этот магистр.

Вернулся донельзя удивленный слуга:

– Он вас примет.

Коридор оказался прямой и белый, как мысли праведника. Мы миновали девять закрытых дверей, прежде чем я столкнулся с Калебом, выскочившим из полутемной залы. Лицо у него было красным от гнева, руки тряслись.

– С дороги, ван Нормайенн! – прорычал он.

Я не видел смысла упираться рогом и отступил в сторону, давая ему пройти. У человека дурное настроение, и его можно понять. С Тильдой не получилось, его самого сослали в Витильску, да еще и учитель, на которого он так надеялся, не поддержал на совете.

В большой комнате с двенадцатью высоченными окнами, половина которых была закрыта тяжелыми портьерами, царил полумрак, особенно сильно сгущавшийся в дальнем конце, там, где находилась еще одна дверь, ведущая в следующее помещение. Я увидел клетку с желтой заморской певчей птицей, дремавшей на жердочке, громоздкий, похожий на носорога стол и массивные закрытые шкафы, стоявшие вдоль стены. На специальной стойке покоились разнообразные трости.

Стенен встретил меня, сидя в кресле и опустив голые, отекшие ноги в таз с горячей водой. Выглядел толстяк не то чтобы очень довольным. Отправив слугу, он без всякого дружелюбия сказал:

– Если и есть неудобный момент, то он наступил прямо сейчас. Ты совершенно не вовремя, ван Нормайенн.

– Но ты все же нашел возможность выслушать меня.

Тот неприятно щелкнул пальцами:

– Любопытство. Раньше ты не удостаивал меня своими визитами. Что-то насчет убийства Шуко? Есть подвижки?

– Полагаю, что да.

Магистр повозился в кресле:

– И ты пришел ко мне.

– Мириам уехала. А с Павлом мы никогда особо не ладили. Ты

нейтрален, так что мой выбор очевиден.

Он глянул на меня задумчиво, оценивая слова.

– И что ты узнал?

– Мы с Карлом вышли на продавца яда. Он кое-что сказал.

– Превосходно, – оживился тот. – Уже отправили за ним кого-нибудь из гвардейцев?

Я подошел к стойке с тростями:

– К сожалению, нет. Его убили прямо у нас на глазах.

– Кто?! – впившись в подлокотники, спросил толстяк.

– Сообщники убийцы, я полагаю.

– Плохо. Значит, у нас нет никаких зацепок. Эй!

– Я всего лишь посмотрю, – успокоил я его, взяв с подставки трость, которую я увидел на совете. – Великолепная работа.

– Золянская береза, кость буйвола и янтарь. Быть может, мы вернемся к обсуждению того, ради чего ты пришел?

– Да, конечно, – охотно сказал я, но тяжелую трость из рук не выпустил, проверяя баланс. – На чем мы остановились?

– Ты собирался рассказать, что узнал от продавца яда.

– Он назвал имя убийцы, – равнодушно пожал я плечами, словно речь шла о чем-то совершенно незначительном, и вновь стал разглядывать трость.

Мастер, конечно, поработал на славу. Красивая вещь, и чудеснейшая резьба по дереву – пляшущие горностаи. В Золяне эти животные считаются вестниками, приносящими сообщения от мертвых. В Хагжите, где их никто никогда не видел, вполне могут перепутать с крысами.

– Я могу его услышать? – Стенен терял терпение.

– И даже увидеть. – Я заозирался. – У тебя есть где-нибудь зеркало?

Несколько секунд он не понимал, на что я намекаю, затем его лицо окаменело, а взгляд стал злым.

– Ты пьян?

– Нет.

– В таком случае, это не смешно.

– Разве похоже, что я шучу?

– Вижу, ты не в своем уме. Убирайся прежде, чем я разозлюсь!

Я сделал несколько шагов к нему:

– А что же будет, когда ты разозлишься, Стенен? Неужели расскажешь магистрам о том, что я обвинил тебя в убийстве Шуко?

– Конечно, – хладнокровно произнес тот. – У тебя нет никаких доказательств. Твое слово против моего. Ради бога, пусть они проведут

расследование, препятствовать не стану. Мы все зря потратим время. И после совет спросит с тебя. Так что лучше уйди сам, и я обо всем забуду.

– Если честно, Стенен, я одного не понимаю. Зачем было самостоятельно покупать яд? С таким же успехом ты мог прокричать о содеянном с балкона. Такой глупости я от тебя не ожидал.

– Мое терпение лопнуло! – Он оперся руками о подлокотники кресла, резко встал, хотя его ноги все еще оставались в тазу с остывающей водой. – Убирайся!

Сперва я хотел ударить его палкой в лицо, но побоялся сломать челюсть до того, как он признается, так что со всей силы заехал ему в бок. Он, не ожидавший такого, охнул от боли, покачнулся и всей своей тушей грохнулся на пол. Таз перевернулся, вода хлынула по полу, лизнув мне ботинки и замочив одежду магистра.

– Мои ребра, сукин ты сын! – взвыл Стенен, как только смог отдышаться.

– Всего лишь сломаны. Ну, я надеюсь на такое приятное развитие событий, – вежливо сказал я, крутанув трость в руке.

– Тебе конец! – прохрипел он, садясь.

Вид у него был потрясенный.

– Возможно, – не стал отрицать я, больше не улыбаясь. – Но, боюсь, ты его уже не увидишь, магистр.

– Я этого не делал, сумасшедший идиот! Мне вообще нет никакого дела до этого чертового цыгана!

– Я бы поверил тебе, не приди ты на совет с этой замечательной палкой. – Я ткнул ею ему в грудь, и Стенен упал на спину.

Надо сказать, мне это не доставляло удовольствия. Почти не доставляло. Будь моя воля, я просто бы сразу прикончил его, без всяких избиений.

– Ты! – поперхнулся тот. – Тебя распнут! Нет никаких доказательств! Тебе никто не поверит! Николо! Николо!

Я понял, что он зовет слугу, и не слишком сильно огrel его по плечу.

– Твой лакей не появится, магистр. И ты, кажется, не понял всю серьезность ситуации. Мне плевать на доказательства. Главное во всем этом – я знаю, что ты подсыпал отправу в вино и подсунул бутылку Шуко. Все остальное не важно. И знаешь почему? Потому, что я не пойду к магистрам или городским властям. Я сам свершу суд над тобой.

– Ты не мож...

Я ударил его по голени, и он взвыл.

– Ну-ка, еще раз скажи, что я могу, а чего нет.

– Я ничего не делал! Я невиновен!

– Не старайся. И не ори. Сюда никто не придет. И тебя никто не услышит. За смерть Шуко ты ответишь. Передо мной. И прежде, чем ты умрешь, я постараюсь сломать тебе все кости. Превращу их в порошок, а тебя в отбивную.

Он попытался отползти:

– Зачем ты это делаешь?!

Я с удивлением поднял брови:

– Быть может, мы с цыганом и не были близкими друзьями, но сражались плечом к плечу. Мы довольно многое пережили вместе, а теперь он в могиле. А ты жив. Я считаю это несправедливостью.

– Хорошо! Хорошо! – Он явно счел, что говорит с умалишенным. – Я признаюсь!

Я расхохотался, размахнулся, и трость прошелестела в опасной близости от его лица, так что он вззвизгнул.

– Ты меня не слушаешь! Мне плевать, признаешься ты или нет. Не будет никакого суда, магистров и прочей ерунды. Я не дам тебе шанса выкрутиться.

– Ты сумасшедший! – Теперь на его лице появился ужас.

– Рад, что ты это понял, – отвесил я поклон.

– Если ты убьешь меня, тебе не спрятаться! Рано или поздно тебя найдут! И даже Гертруда больше не спасет.

– А мне плевать. Пожалуй, для начала я раздроблю тебе пальцы на руках, – сказал я, занося трость для нового удара.

Он оскалился и наконец-то крикнул:

– Убей его! Чего ты ждешь?!

Дверь в темной половине комнаты лопнула точно мыльный пузырь, разлетелась на лучины, и размытый силуэт ринулся на меня. Я был готов к этому, так что швырнул фигуру и отшатнулся назад, сбрасывая с пальцев дремлющий знак.

Я не попал ни в первый, ни во второй раз, но темная сущность, чтобы избежать гибели, невероятно быстро отклонилась в сторону, прекратив атаку, замедлилась и встала у выхода из комнаты так, чтобы я не смог убежать. Это был худой, изможденный мужчина с серым пористым лицом и глубокими складками вокруг рта. Ничем не примечательная душа, если бы не пальцы, заканчивающиеся восьмидюймовыми когтями, сотканными из тьмы.

– Окулл, – сказал я, переложив трость в левую руку и выставляя перед собой кинжал. – Как ты убедил его сотрудничать?

Стенен лишь зло рассмеялся, и я краем глаза увидел, что он вновь пытается сесть. Я, используя опыт Мириам, окружил себя тремя крутящимися знаками. Пускай они не были такими мощными, как у моей учительницы, но заставили окулла не спешить.

– Ты все равно покойник, – произнес магистр.

Душа прыгнула, но до меня так и не добралась. С десяток знаков ударили со всех сторон, оплели окулла коконом из жгучих стальных сетей, прижали его, воющего, к полу, и в комнату стали входить магистры. Павел, Николет, Григорий, Луиза и Рикард.

– Слава богу, вы успели! – крикнул Стенен. – Вяжите его! Он натравил на меня своего ручного окулла!

– Заткнись, Стенен, – мрачно бросила Николет. Вид у нее был такой, словно ее вот-вот стошнит от отвращения.

Тот осекся, побледнел и последовал ее совету. Заткнулся.

– Ван Нормайенн, ты не возражаешь? – спросила Луиза, вооруженная широким кордом, набалдашник которого был украшен ярко-синим звездчатым сапфиром.

– Будь так любезна, – улыбнулся я. – В конце концов, не я его обездвижил.

Магистр благодарно улыбнулась мне в ответ и прикончила окулла.

– Откройте окно. Здесь смердит падалью, – попросила Николет, и Григорий исполнил ее просьбу, впуская в помещение свежий, пахнущий дождем воздух.

Павел подошел ко мне, забрал трость:

– Дальше мы сами, ван Нормайенн.

Я понял намек, кивнул на прощание глядящему на меня с ненавистью Стенену и отправился восвояси.

Карл ждал меня в прихожей, сидя на стуле и вытянув ноги в начищенных сапогах.:

– Ты выглядишь довольным.

– Есть немного, – пришлось признать мне. – Теперь могу с чистой совестью уехать из Арденау.

– Не ты один, – хмыкнул он. – Меня отправляют в Чергий. Оттуда пришли горячие новости.

– Что? Князь Горловиц освободил страну от захватчиков?

– Князь Горловиц упал с лошади и умер через четыре дня, так и не приходя в сознание.

– Экая печаль, – пробормотал я, вспоминая разговор с отцом Мартом. – И кто теперь претендует на корону? Жиротинец?

– Этого я не знаю.

Мы спустились на улицу. Дождь все так же шел, он даже усилился, и Карл, ворча, словно медведь, натянул на черные волосы капюшон. Я же думал о том, что, возможно, среди благородных чергийцев вновь начнется резня из-за неожиданной смерти князя. Конечно, если церковь не возьмет ситуацию под контроль.

Мы шли от одного корпуса Крылатого дворца к другому, когда у нас над головой раздался звон разбивающегося стекла и на землю, вместе с тусклыми осколками, рухнул человек.

– Ничего себе! – задрал голову Карл.

Он смотрел на разбитое окно. Надо сказать, мое окно.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что выпал из него представитель Ордена Праведности, влиятельный законник Клаудио Маркетте.

Он все еще дышал, хотя бело-алые осколки ребер пробили его одежду, как, несомненно, и легкие, в нескольких местах.

Увидев меня, он скривил рот и прошептал:

– Одушевленный... Вы... заносчивые идиоты. И не видите ничего... дальше... свое... носа... – Его дыхание оборвалось.

– Это очень плохо, друг, – тихо сказал мне Карл, глядя на тело.

К нам уже бежали гвардейцы с алебардами. Прежде чем они что-то сделали, я отдал им приказ:

– Стоять здесь. Никого, кроме магистров, не подпускать. В здание не входить.

Я не был их начальником, но являлся стражем, так что у них не возникло сомнений в моем праве командовать ими.

Я поспешил к лестнице, и Карл неотступно следовал за мной. Когда мы оказались в коридоре пятого этажа, я увидел сидевшую на полу у стены женщину. Голова у нее отсутствовала и валялась ярдах в двадцати от тела, все вокруг было забрызгано кровью. По платью и кольцам на руках я узнал спутницу Маркетте, госпожу Бладенхофт, бывшую наставницу Эрика.

Дверь в мою комнату оказалась выбита. Карл вошел первым, но, зная, что там его ждет, я положил ему руку на плечо, потянув на себя:

– Я сам.

И он уступил, давая мне возможность разобраться с ситуацией.

Пугало, мрачное, раздраженное, я бы даже сказал, взбешенное, с окровавленным серпом, стояло возле разбитого окна. Не требовалось много ума, чтобы понять, что здесь случилось. Проповедник, увидев у меня в руке обнаженный кинжал и мое лицо, тоже все быстро понял и неожиданно

вышел вперед, раскинул руки крестом, закрыв собой одушевленного, точно заботливая мать-наседка, защищающая своего птенца:

– Людвиг, стой! Он не виноват! Он только защищался!

Я посмотрел в алые, загадочные глаза Пугала, и оно выдержало мой взгляд, хотя уже понимало, что может произойти дальше.

– Они вломились к тебе в комнаты и рассчитывали его обуздить... или... не знаю, как это называется! Оно пыталось не проливать крови! Как вы и договаривались! Честно! – тараторил Проповедник. – Хотело уйти через шкаф, но ему не дали. Законники...

– Карл, выйди, – попросил я.

– Уверен? – на всякий случай спросил тот, дождался кивка и только после этого оставил нас.

– Слушай, я не вру, – продолжал старый пеликан, в отчаянии глотая окончания слов. – Они...

Я поднял руку, и он замолчал, напряженно глядя на меня. Я убрал кинжал обратно в ножны и сказал Пугалу:

– Ты даже представить себе не можешь, в какие неприятности втянуло меня и Братство. Тебе лучше уйти. Прямо сейчас и как можно дальше. Прежде, чем явятся другие стражи.

Его взгляд не выражал ничего. Пугало забралось в распахнутый шкаф и захлопнуло за собой противно скрипнувшую, рассохшуюся дверцу. А еще спустя секунду я перестал чувствовать его присутствие.

Оно ушло.

– Не понимаю, – произнес Эрик, забавно хмурясь. – Почему одни светлые души спокойно могут отправиться в рай, когда желают, в то время, как другим требуется наша помощь?

– Некоторые из сущностей крепко связаны с миром и не могут разорвать нити без нашей помощи. Других держат страдания. Или несправедливость, которая произошла с ними или с их близкими. Тогда страж может помочь, если они хотят этого.

– Страдания? – еще сильнее нахмурился Эрик.

– Да. Перед смертью или во время ее. Например, если люди болеют юстирским потом. Во время эпидемий многие светлые души не могут отыскать путь.

– Ясно. А куда мы идем?

– Скоро увидишь, – улыбнулся я.

Был первый теплый день в Альбаланде, солнце наконец-то становилось похожим на весеннее, и в высоком небе кричали чайки. Я

вместе с мальчишкой шел через Свешрикинг, когда нас окликнул Павел.

– Ого! Магистр, – удивился паренек. – А эта девушка с ним? Она немного похожа на Гертруду.

– Это его ученица.

– Привет, – с улыбкой поздоровалась Тильда и протянула моему спутнику руку. – Я Тильда.

– Я Эрик.

– Много о тебе слышала. Людвиг рассказывал тебе, как на нас напал черт?

Она увела его в сторону, болтая о наших приключениях в Чергии, и мы с Павлом остались наедине.

– Законники прибудут через три дня, ван Нормайенн, – сказал магистр. – К этому времени я хочу, чтобы ты уже мчался к границе Альбалаんだ. У тебя полно дел.

– Быть может, ты посвятишь меня в подробности происходящего?

– Если тебе это угодно. – Он неспешно пошел по дорожке, предлагая присоединиться к нему. – Очень печальные новости, если честно. Господин Маркетте и госпожа Бладенхофт, как оказалось, вели расследование, связанное с одним из магистров. И пришли к определенным выводам. Они допросили его, предъявили доказательства, сказали, что знают о том, что он сделал. И тогда Стенен их убил.

Я несколько мгновений молчал, прокручивая в голове эту версию.

– Ловко. Но почему он совершил преступление именно в моей комнате?

– Ты любезно предоставил ее законникам для того, чтобы они вежливо поговорили с магистром, не привлекая внимания посторонних.

– Неповоротливый толстяк прикончил двоих? Один из которых вполне себе хорошо играл в квильчио.

Павел на такой факт лишь отмахнулся:

– В жизни всякое случается. Возможно, они боролись, а тушу Стенена не так уж и просто вышвырнуть из окна.

– Шито белыми нитками.

– Так пусть попробуют их разрезать.

– А что скажет сам преступник?

Глаза у Павла оставались равнодушными.

– Теперь уже ничего.

Надеюсь, Шуко порадуется в лучшем из миров, что его убийца довольно споро отправился в ад.

– Ну, а в чем состояло преступление покойного магистра?

– Здесь все просто. Законники прибыли в тот момент, когда таинственным образом был отравлен один из стражей. Господин Маркетте предложил магистрам помочь, и те с благодарностью согласились. В итоге представители Ордена Праведности выяснили, что страж, выпивая с магистром Стененом, увидел у того второй кинжал, которым, как известно, строжайше запрещено пользоваться.

– Серьезно? – Мои брови поползли вверх.

– Он сам отдал нам клинок. И мы обязательно предъявим его законникам, чтобы те провели глубокую проверку и узнали, сколько светлых душ собрал этот человек, недостойный звания магистра.

Я только покачал головой:

– Такого давно не случалось.

– Толстяк подпитывался на стороне. Бывает. – Павел не выглядел удивленным. – Когда его раскрыли, он запаниковал. Подсыпал яд в бутылку и подсунул ее цыгану. Кстати говоря, ты тогда задал Стенену вопрос. Он не скрывался при покупке, потому что покупал яд для себя.

– Для себя? – эхом отозвался я.

– Его мучили боли в ногах. Так что какое-то время Стенен подумывал, что, если ему станет хуже, он напьется хорошего вина со... специями. – Павел, прищурившись, смотрел на солнце, и его плоское немолодое лицо совершенно ничего не выражало. – Но в итоге отрава пригодилась для другого.

– А окулл? Как он с ним договорился?

– Этого мы уже никогда не узнаем. Короче, ван Нормайенн. Когда законники увидят запрещенный кинжал, они займутся только им и не станут особо разбираться, как преступник кого убил.

Я вздохнул:

– Но они зададут вопросы, почему он умер.

– Потому, что это оскорбление для Братства. И внутренний вопрос. Мы сами вершим суд над такими преступниками. Без помощи и вмешательства чужаков.

– Дополнительный клинок у стража. У магистра. Законники будут землю носом рыть.

– И мы будем полностью сотрудничать. Паршивые овцы есть везде. Письма уже ушли в Риапано. Гертруда в курсе и работает на месте, смягчая мнение клириков. Хочешь что-то спросить? – поинтересовался Павел.

– Если бы законники остались живы? Что тогда?

– Сам знаешь ответ. Мы бы замяли это дело и не дали ему хода. Но твой одушевленный... В общем, лучше ему не встречаться со мной. Хотя

если подумать, то мы довольно легко вышли из щекотливой ситуации. Мое мнение – совету случившееся на пользу. Нам давно надо было устроить встряску. С этой проблемой Братство разберется. И, кстати, меня интересует вопрос – что бы ты стал делать, если бы Стенен не сломался и не спустил на тебя окулла?

– Ну он же это сделал, – невинно заметил я.

Павел рассмеялся:

– Ван Нормайенн, ты поразительно ловко умеешь класть голову на плаху и отдергивать ее, когда топор уже должен перерубить тебе шею. Карл мне потом все рассказал. Если бы я знал, что твои подозрения строятся на словах обкуренного хагжита и трости с дурацкой резьбой, я бы никогда не согласился на такую авантюру. И ты бы даже не успел коснуться магистра палкой, как тебя бы уже отправили в самый глубокий подвал Свешрикинга лечиться от полоумия.

– Ну что же. Я рад, что до этого не дошло. После посещения подвалов маркграфа Валентина, я их как-то недолюблюваю.

Внезапно он протянул руку и крепко пожал мою.:

– Когда-нибудь такой риск доведет тебя до беды, ван Нормайенн. Или до совета. Благо в нем освободилось еще одно место. Удачи тебе в поисках темного кузнеца.

Он позвал Тильду, и они вместе ушли. Эрик снова был рядом.

– Она милая, – сообщил он мне. – А правда, что ты убил черта?

– Нет. Это сделал инквизитор.

– Все равно здорово. Я вот чертей пока не видел.

– Надеюсь, что и не увидишь. Против нечисти мы такие же бессильные воины, как и обычные люди.

Мальчишка подумал над этим, внезапно потянул носом воздух и наконец понял, куда мы идем:

– Конюшни крепости?

– Верно. Умеешь ездить верхом?

– Ну... – протянул он. – Не так хорошо, как хотелось бы, но нас учат. А куда мы отправимся?

– Никуда. – Мой ответ несколько разочаровал его. – Просто хочу познакомить тебя с одним другом.

– И твой друг живет в конюшне? – удивился тот.

– Сейчас сам все увидишь.

Я подвел его к знакомому стойлу, тихо свистнул, и огромный жеребец потянул ко мне шею.

– Ух ты, какой красивый!

– Его зовут Вьюн. На. Угости его яблоком.

Мальчишка, прежде чем я успел отреагировать, уже был внутри, протягивая плод. Конь посмотрел удивленно, он давно привык, что его боятся, а тут какая-то мелочь сама лезет под копыта.

– Это друг, Вьюн, – спокойным голосом сказал я, оставаясь наготове на тот случай, если знакомство пойдет не так, как я рассчитывал.

Тот фыркнул, подумал, но угощение принял. Затем пихнул Эрика мордой в грудь, так что тот отшатнулся и едва не упал.

– Кажется, он просит еще.

Я кинул ему второе яблоко, мальчик ловко поймал, откусил сам, остальное отдал жеребцу и, не удержавшись, привстав на цыпочки, погладил его по шее. Вьюн не возражал.

– А он чей?

Я посмотрел на них обоих и ответил:

– Думаю, что с сегодняшнего дня он твой.

История третья

Пожиратели плоти

– Весна, – со странной грустью произнес Проповедник. – Последняя весна.

– Почему последняя? – удивился я, поворачиваясь в седле.

Он шагал рядом с лошадью, похожий на аиста в клерикальной одежде, и лишь развел руками:

– Такое чувство, Людвиг.

– Последняя для тебя?

– Бог его знает. Вообще-то я имел в виду человечество. Юстирский пот не дает мне покоя. Как ты думаешь, есть шанс, что он не перепрыгнет через Южный океан на наш материк?

– Нет шансов. Можно мечтать и надеяться, но зараза всегда приходит, как ни закрывай от нее порты.

– Но ведь тогда, в Солезино, благодаря кордонам кондотьеров удалось остановить ее распространение в Ветецию и Литавию.

– Исключительно из-за удачного географического положения Каварзере. На юге герцогство закрыто горами, на всех перевалах и смотровых площадках находились колдуны, прибывшие из соседних государств. Вспомни-ка, как полтора года назад они боролись с теми, кто пытался уйти из страны?

Проповедник неохотно ответил:

– Они сжигали их. И зараженных, и здоровых. Если бы я мог спать, мне бы снились одни обугленные трупы. Сотни погибших.

– И десятки тысяч уцелевших.

– Жалкое оправдание грехов. Погубленная душа – это погубленная душа.

– К сожалению, во время мора теологические вопросы идут побоку. – Я придержал лошадь, чтобы она не повредила ноги, вся дорога была в ямах. – Но, возвращаясь к ситуации в Каварзере и нынешним проблемам, хочу сказать, что теперь гор, как естественной преграды, не существует.

– Но есть море. Вполне себе преграда, – возразил он мне.

– О да. Море. – Я небрежно указал рукой налево, где солнечные блики сверкали на ярко-синих волнах, бьющихся об высокий золотистый берег. – На востоке береговая линия изрезана и безгранична. Сотни лиг, друг

Проповедник. И это не бесконечные заснеженные хребты, в которых всего лишь нужно перекрыть перевалы. Здесь же – нельзя поставить через каждые пятьсот ярдов по колдуну или аркебузеру. Слишком много людей потребуется. Тут не только мышь, тут стая драконов пройдет, и никто ее не заметит.

– В Каварзере тоже море имеется. И, как ты помнишь, зараза не пошла дальше. Не в При, не в Хунгу и даже не в Ветецию, которая под боком.

– В Каварзере, всего пять пригодных для судоходства портов в природных гаванях. Во всех остальных местах течения, мели, камни и скалистые берега. Говорят, когда в Солезино появился первый заболевший, герцог отдал приказ, и его кавальери уничтожили все суда в портах, включая утлыя рыбакские лодки.

Проповедник вздохнул:

– Тем самым он обрек сотни своих подданных на бессмысленную гибель.

– И спас тысячи в соседних странах. – Мы снова столкнулись лбами на той же теме, что и несколько минут назад. – И умер сам, хотя мог бы попытаться сбежать от мора на собственном корабле.

Я вспомнил, как встретил герцога ди Сорца с его свитой на мертвый ночной дороге, ведущей из Солезино.

– Думаешь, кто-нибудь об этом припомнит через сто лет? – с какой-то печалью поинтересовался старый пеликан. – Что сильный мира сего поступил как правитель, а не как обычный человек? О нем забудут, как и обо всех нас.

– Такова жизнь.

Он с досадой махнул рукой:

– Какая это, к чертям, жизнь? Здесь даже молитва не поможет, хотя многие истово молятся в храмах, чтобы болезнь их не коснулась.

Тайны в том, что в Хагжите разразилась эпидемия, больше не было. Правители окрестных стран уже выпустили запрет на отправку кораблей на юг, а также прием судов с товарами из этих регионов.

Море только-только успокаивалось после холодных мартовских и апрельских штормов, начался сезон судоходства, и военные патрульные корабли курсировали вдоль торговых маршрутов, разворачивая подозрительные суда. Но я понимал, что остановить всех невозможно. Безлунной ночью любое корыто может пройти на расстоянии вытянутой руки от корабельного носа, и его никто не заметит. А такое обязательно произойдет. Потому что разум людей часто пожирает жадность или страх.

Первая причина – заставляет продолжать торговлю и искать любой

способ провезти товары в страну. А вместе с ними – и болезнь. Она может спрятаться в мешке зерна, выюке шерсти или фруктах, на шкуре лошади или в ящиках с пряностями.

Вторая – еще более опасна. Люди бегут подальше от мора, спасая себя и свои семьи, тем самым разнося заразу во все стороны.

Так было раньше. Так случится и сейчас.

– Истово молятся? – озадаченно спросил я, пропуская вперед себя карету с золотым орлами на дверцах. В полдень тракт, ведущий в Барисету, был забит путниками, и продвигался я довольно медленно. – Что-то не заметил. Слухи ходят, но здесь, на западе, считают, что Хагжит далеко. И зараза им не страшна. Крестьяне уткнулись в поля, купцы еще не добрались до юго-востока, горожане и ремесленники заняты своими делами, а князья и герцоги ждут более точной информации. Если кто и суетится, то лишь Сарон да Ветеция, ближайшие соседи страны пустынь. Остальные не желают доверять молве.

– Потом будет уже поздно.

– Мне ли этого не знать? Но слухи о юстирском поте возникают каждый год. Раньше на них хорошо зарабатывал тот же Лавендузский торговый союз, играя на разнице цен на специи, пшеницу и дальние перевозки морем. В прошлые времена одни так часто кричали «ругару», а другие так часто на этом накалывались, теряя состояния, что теперь в подобные новости верят с трудом.

Проповедник чертыхнулся, когда сквозь него проехала телега, на которой крестьяне везли из города клети с курицами.

– И уравняет мор всех в правах... И князья станут землею, а нищие правителями. И богатые обретут гробы, а бедные золото. Но немного будет последних, ибо грядет Страшный суд, и ангелы уже готовятся спуститься с небес, чтобы подготовить приход Его.

Я нахмурился, напрягая память:

– Это откуда? Не помню цитаты.

– Это из моей головы, – радостно хихикнул он. – Еще скажи, что я не прав.

– Спорить не буду. Но за всю историю было лишь две больших эпидемии юстирского пота, захвативших весь материк. Они проредили человечество так, что города стояли пустыми. Но кроме них было еще по меньшей мере шесть локальных вспышек, которые ограничились одной-двумя странами. А порой и просто одним городом, как это было в Ардене во времена моего детства.

Он потрясенно остановился, и потом ему пришлось меня нагонять.

– Так что? Конец света вполне может и не состояться?

– Мне показалось, или я слышу в твоем голосе разочарование?

Впереди показались холмы, за которые поворачивал тракт.

– Надо было сразу понять, что твой Вальтер соврал. Он говорил, в начале мая хворь будет в Сароне, – проворчал тот. – А между тем, сейчас середина, а о болезни лишь болтают.

– Зима в этом году была долгой, море штормило так, что никто не решался отойти от берега. Апокалипсис отодвинулся на более поздний срок.

– Ты все шутишь.

– Мне больше ничего не остается.

Я свернулся с тракта, уходящего от берега, на узкую проселочную дорогу, держащуюся, как и раньше, побережья, и поехал мимо старых апельсиновых садов, уже успевших отцвести. В Нааре, кто бы что ни говорил, царила поздняя весна.

– Разве нам не в Барисету? – удивился Проповедник.

– Нет.

– Ты почти месяц добирался сюда из Арденау, а теперь говоришь «нет»! Разве не в том твоя цель?

Отара черноголовых овец, за которым присматривали два белых лохматых пса и старый загорелый пастух, паслись на обочине. Собаки обляяли меня, лошадь занервничала, но старик резко свистнул, отзывая помощников.

– Моя цель не изменилась, – ответил я, миновав стадо и слыша, как кричат чайки, паря в безоблачном небе. – Мне надо сесть на корабль в Барисете и отправиться через Золотое море в Билеско. Но появилось еще одно дело.

Проповедник подозрительно прищурился:

– Что-то ты темнишь, Людвиг. Какое, к чертям, дело? – Он хлопнул себя по лбу. – Ну конечно же! Позавчера в Эстамриаре ты заходил в «Фабьен Клеменз и сыновья»! То письмо! Это оно спутало мои планы погулять по кафедральному собору?!

– Ты как всегда зришь в корень. Не волнуйся, мы вернемся в этот город. Нам все так же требуется корабль для путешествия.

– После истории об Ионе и рыбе я не слишком доверяю такому путешествию. В бездне морской таятся страшные чудовища, дети дьявола, – предупредил он меня. – Не считая пиратов Илиаты.

– Корабль – самый быстрый способ добраться до Дискульте. Иначе мне придется путешествовать через два горных хребта и Литавию. Если

повезет, я потеряю всего лишь две недели. А если нет, то целый месяц. – Я снял куртку, так как солнце припекало все сильнее, и положил ее перед собой.

– Зато мог бы пересечься в Ливетте со своей ненаглядной. Если она еще там.

Я вдохнул воздух, пахнущий одновременно и морем, и свежей зеленью:

– Ты не собьешь меня с пути.

– А ты меня с вопроса. Что было в письме? Магистры тебе прислали задание? Но они ведь обещали, что не станут нагружать своими делишками и отпустят вожжи, чтобы ты занимался исключительно поисками следов темного кузнеца.

– Письмо не от магистров, а от инквизиции.

Вид у него стал такой, как будто он проглотил черенок от лопаты.

– Спаси тебя Господь! Чего им надо?!

– Ему. Письмо от моего старого... хм... друга отца Марта. Он просит проконсультировать его по одному вопросу.

Старый пеликан озадаченно пробормотал:

– Бич и гонитель демонов просит помощи? Нет, я не удивляюсь, ты не подумай. Всем людям время от времени требуется помочь других людей. Но вот что меня поражает, как он узнал, что ты будешь поблизости?

– Разве ты не слышал, что у Псов Господних везде глаза и уши?

Он просунул язык между губ и издал неприличный звук:

– Ты, наверное, единственный человек на земле, который самостоятельно и в охотку спешит на встречу с инквизицией, забыв о собственных делаах. И это при том что клирик в последнюю вашу встречу обвел тебя вокруг пальца и заставил вытащить из осажденного города князя Млишека Жиротинца.

Я не удержался, чтобы не поддеть его:

– Следую твоим советам и учусь прощать.

– Ага, – кисло протянул тот. – Народная мудрость гласит, что инквизитор как черт. И с тем и с этим связываться опасно для здоровья. Ты еще вспомнишь мои слова.

Я сохранил серьезное выражение на лице. Проповедник, как деревенская бабка, которая лишь строит из себя колдуны, предрекая мор и град из-за скисшего поутру молока.

Городок Барко-де-Калаорра раскинулся в сердце чудесной зеленой долины, среди низких холмов, на которых возделывали виноградники и

хмель. До моря отсюда было почти пол-лиги. Дорога, петляющая между вилл богатых землевладельцев, тянулась вдоль апельсиновых, лимонных и мандариновых садов. Затем по древнему каменному мосту, оставшемуся еще со времен императоров, перепрыгивала полноводную тягучую реку с прозрачной водой.

Несколько деревень – красные пятна крыш на ярко-зеленом ковре злаков, всходящих на полях, где работали крестьяне. Вдалеке располагался погост и мрачная часовня еще тех веков, когда воины надевали на себя тяжелые латы и долбили по ним секирами. Сам город оказался окружен серо-желтой стеной, достаточно высокой, но давно уже не вмещавшей всех жителей, поэтому у ее подножия выросли постройки, занимавшие площадь ничуть не меньшую, чем сам Барко-де-Калаорра.

Я свернул к холмам, проехав через оливковые рощи, мимо апельсиновых садов и возделываемых полей к большому поместью, стоящему на пологом пригорке. Троє вооруженных конных, одетые точно фермеры – в жилетах, широкополых соломенных шляпах, черных платках на шеях, преградили мне путь.

– Вы по приглашению, сеньор? – спросил один из них. Немолодой, очень высокий и по глаза заросший бородой.

– Ищу инквизитора. Он здесь?

– Да, – односложно отозвался тот, развернулся коня, поманив меня за собой, к дому.

Двое его товарищей оставили нас и отправились вдоль кромки поля, продолжая охранять границу поместья.

Вилла оказалась прекрасным белым четырехэтажным зданием с покатой крышей, маленькой башенкой и часовней. При всей своей красоте и аккуратности, она напоминала крепость. Толстые стены, тяжелые ставни на окнах, узкие бойницы, которые, казалось, были сделаны исключительно для декора, позволяли дать отпор нападавшим.

– Кто здесь живет? – спросил я.

Бородач обернулся в седле:

– Сеньор Фердинанд де Армаго, барон Рето, член городского собрания Барисеты.

Мне это имя ничего не говорило, и как видно он это понял, так как усмехнулся, но промолчал.

Дом стоял в окружении старых мандариновых деревьев, купаясь в их тени, словно пловец в высоких волнах. Услышав стук копыт, из подсобного помещения вышел очередной широкоплечий слуга в черном фартуке поверх фермерской одежды. Он молча забрал у нас лошадей, кивком указал

на крыльце.

Внутри царила прохлада, стояли большие каменные вазы с букетами свежих цветов, стены были голые и почти без украшений, что необычно – в домах у благородных как правило все завешано знаменами, картинами, доспехами, оружием и головами убитого зверя.

Идти пришлось недалеко, всего лишь три зала, в которых гулким эхом отражались наши шаги, затем одна новая, все еще пахнущая кедром лестница на второй этаж. Слуга показал мне на распахнутую дверь. Через нее в мрачноватый коридор лился теплый солнечный свет, и, не прощаясь, отправился назад.

На открытой террасе я увидел отца Марта, сидящего за столом и негромко беседовавшего с седовласым пожилым человеком.

Инквизитор, к моему удивлению, был не в своей серой рясе, а в мирской одежде дворянина. При шпаге, пистолете, золотой цепи на шее. Крайне непривычный вид. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы узнать его.

Он выглядел уставшим. Возможно, из-за того, что обычно короткие волосы отросли и пребывали в беспорядке, возможно, из-за сильной небритости, покрывающей впалые щеки, а быть может, от того, что под глазами залегли тени.

Увидев меня он, приветливо улыбнулся, сгоняя со лба глубокие морщины.

– Здравствуйте, Людвиг. Я рад, что вы откликнулись на мою просьбу. – Он привстал с тяжелого трехногого табурета. – Позвольте вам представить сеньора Фердинандо де Армаго, владельца этого чудесного дома и одного из членов городского совета Барисеты. Фердинанд, это Людвиг ван Нормайенн, страж Братства.

Де Армаго был мощным, низкорослым стариком с неприятным, загорелым лицом. Тяжелая челюсть, которую не скрывала аккуратная бородка, маленькие запавшие глазки, сильные залысины и тонкие бледные губы – он привык командовать, распоряжаться и делать все по-своему. Я счел его довольно жестоким и даже опасным человеком, хотя, возможно, обманывался в своих впечатлениях. Просто не любил такой тип людей.

Повел он себя вежливо, тоже встал, протянул руку – здоровенную медвежью лапу. Рукопожатие у него было соответствующим. Все так же ничего не говоря, он без помощи слуг изволил налить мне холодного белого вина из большого пузатого кувшина, стоявшего на столе.

– Март сказал, что вы можете помочь. Снять вопросы, – пророкотал старик, и мои брови полезли вверх от того, как он называет легата Риапано.

Де Армago словно бы этого не заметил. – Сперва я противился, дело у нас семейное, но, если это облегчит ему работу и ускорит ее, почему бы и не позвать стражу? Хуже уже все равно не станет.

– Семейное? – пробормотал Проповедник, облокотившийся на перила балкона.

– Вы родственники? – Я пригубил вина, которое оказалось превосходным.

Барон хмуро ответил:

– Что уж тут удивительного? У всех они есть. Даже у тех, кто выбрал дорогу инквизитора. Все мы по-разному служим Господу. А дело действительно семейное. Кто-то разорил фамильное кладбище, господин ван Нормайенн. И выкрад тело.

Он ждал моей реакции, я же сделал еще один глоток, прежде чем сказать:

– Воровство мертвых – дело плохое. Но этой проблемой обычно занимаются городские власти. Не инквизиторы вашего ранга, отец Март.

– Семейное дело... – снова начал де Армago, но клирик поднял руку, обрывая родственника.

– Я предупреждал тебя, что если он приедет, то мы не будем играть в недомолвки. Обещаю, это останется между нами.

Тот проворчал, точно медведь, неохотно кивнул.

– Ладно. Тогда проще показать. Я останусь здесь. – Де Армago налил себе вина. – И напьюсь.

– Людвиг, составите мне компанию? – Отец Март встал из-за стола. – Только хочу предупредить, зрелище не слишком приятное...

Старый барон вновь нахмурился, отвернулся и стал смотреть на шелестящие кроны мандариновых деревьев.

– Я несколько удивлен вашему наряду. Не представлял вас в мирской одежде, – сказал я инквизитору, когда мы спускались по лестнице.

– Служение Господу требует разных жертв, – уклончиво ответил тот, не желая вдаваться в подробности.

Он прекрасно ориентировался в доме и быстро привел меня к задней двери, ведущей в сад с каменистой дорожкой, которая терялась в густой зелени.

– Вы не похожи на наарца. – Я отметил про себя, что сад хоть и старый, но очень ухоженный. – Всегда считал вас уроженцем Лезерберга.

– Так и есть, – не стал отрицать инквизитор. – Но с дворянскими фамилиями всегда так – дочерей порой выдают за тех, кто живет далеко от отчего дома. С родом де Армago у меня общая прабабка, и мы продолжаем

поддерживать отношения.

В ветвях звонко перекликались птицы, от земли парило, было душно и влажно. Возможно к вечеру соберется гроза. За долгую холодную осень и зиму я сильно соскучился по лету и теперь наслаждался множеством запахов, витавших здесь и говорящих, что до июня осталось всего ничего.

– Родич вызвал вас из-за случившегося?

– Отчасти. Я был в Крусо по делам, когда получил от него письмо с просьбой прислать кого-нибудь. Решил заехать сам. Сыпал о том, что вы тоже посетили этот чудесный город. – Клирик нес шпагу непринужденно, словно родился вместе с ней. – Соболезную по поводу гибели вашей коллеги. Кардинал Урбан писал мне о случившемся. Не знал, что вы знакомы с Романом.

– Мир вообще мал.

Он кивнул, соглашаясь с этим:

– Я знаю Романа не первый год. У него крайне мало друзей. А вас он таковым считает.

– Приятно слышать.

Инквизитор помолчал.

– Вас выгодно держать в друзьях, Людвиг. Мало того что вы довольно интересный человек редкой профессии, так еще вокруг вас происходят занимательные вещи. И лучше всегда быть поблизости, если не хочешь упустить нечто неординарное. Впрочем, речь сейчас не о ваших, вне всякого сомнения, потрясающих талантах. Я завел разговор о Крусо, чтобы поблагодарить вас еще раз за то, что вы сделали в этом городе.

– Моя роль была не так уж велика.

– Слова воистину скромного человека.

– Не я остановил золотое пламя.

– Не вы, – не стал спорить инквизитор. – Это сделало перо архангела Уриила, которое кардинал Урбан привез из Риапано.

Проповедник всплеснул руками и завопил:

– Господи! Там была настоящая святая реликвия, не жалкая подделка, которой Вальтер провел простаков! А я к ней даже не прикоснулся!

Я прищурился из-за того, что солнечный луч пробил листву и упал мне на глаза.

– Святая реликвия такой силы могла остановить и удар Вельзевула.

– Не могу поручиться за это, – тут же откликнулся отец Март. – Боюсь, второго удара перо бы уже не выдержало. И сгорело вместе со всеми.

– Инквизиция напала на след преступника?

– Вы имеете в виду реального преступника, а не того дурака Вальтера,

которого им выставили? Если честно, не знаю. Этим занимается Роман и другие. У меня свои задачи.

Мы остановились возле кованой ограды, за которой начиналось маленькое фамильное кладбище – увитый дикими розами склеп, а за ним несколько обычных могил с простыми надгробными плитами.

Ярко-красные бутоны роз только-только распустились, но приятный, свежий цветочный аромат витал над погостом, отчего хотелось дышать полной грудью, несмотря на место, где мы находились.

Отец Март распахнул калитку, открываясь, та даже не скрипнула, и сделал приглашающий жест рукой. Я с некоторой долей изумления изучил скульптуру, венчавшую усыпальницу, – скорбящую Деву Марию, сложившую руки в молитве об умерших.

– Это ведь кто-то из флотолийцев? – Я придирчиво изучал прекрасное, выполненное печали лицо молодой девушки, матери Иисуса. – Диванкони?

– Ого! Меня трудно удивить, Людвиг! Но вы каждый раз с этим прекрасно справляетесь! Да. Это Джоэтто Диванкони. Когда он работал над ней, то был еще молод и не так известен, как сейчас, являясь придворным скульптором ветецких дожей и достраивая самую красивую церковь города. Мы учились с ним у одного наставника. – И, увидев мой взгляд, инквизитор с некоторой печалью улыбнулся. – Я не сразу посвятил себя служению Господу. Будущее аристократа, в отличие от вашего, оказалось не столь кристально ясным. Скульптура была моим увлечением. Какое-то время. И когда родственнику потребовался мастер для создания склепа его покойной жены, я посоветовал Джоэтто. Он уже в свои девятнадцать считался гением. Но давайте оставим прошлое в прошлом. Вернемся к настоящему, которое, к сожалению, не столь яркое, как наша юность.

Отец Март поднял с земли небольшой ломик с плоским концом, вставил его под стальную дверь, нажал, поддев одну из незапертых створок. Та, неприятно лязгнув, распахнулась, и в нос мне ударил ощутимый запах мертвчины.

Свет проникал в помещение через окошки в верхней части стен, сделанные в виде узорчатых крестов. Было довольно светло, так что я разглядел четыре ниши под каменными арками украшенными резными веточками плюща и мяты.

Четыре гроба.

Два стояли пустыми, не закрытыми, все еще ожидая новых и пока еще не умерших жильцов, два уже обрели свое содержимое. Один из них оказался с простой крышкой, временной заменой, пока резчик по камню не создаст оригинальную, с изображением усопшего на ней.

Последняя усыпальница, хотя на ней не было ни пылинки, ни паутинки, казалась самой старой. На крышке лежала каменная женщина, миниатюрная, совсем еще молодая, в простом платье, со сложенными на груди руками и лилиями, вплетенными в мраморные волосы. Даже слепому было видно, что над ней работал тот же мастер, что и над Девой Марией, украшавшей склеп.

— Это жена барона?

— Да.

— А здесь? — Я указал на недоделанный гроб, от которого пахло разложением.

— Его дочь. Симонетта. Она скончалась две недели назад от чахотки. И я хотел бы, чтобы вы взглянули на тело.

— Странное желание. Я ушел, — сообщил Проповедник, ящерицей юркнув из склепа на открытый воздух.

— Хорошо, — сказал я сразу обоим.

Я решил не удивляться действиям инквизитора, понимая, что человек он серьезный и ничего не делает без причины.

— Тогда помогите мне.

Мы с двух сторон взялись за крышку, немного сдвинули ее, из-за чего она страшно проскружетала, затем, напрягая руки, сняли и положили на чистый пол. Запах смерти теперь властвовал в этом помещении безраздельно.

Без всякого трепета я заглянул внутрь, уже представляя, что увижу.

Как оказалось — не представлял.

Помешкав несколько мгновений, я довольно недальновидно помянул черта при инквизиторе.

— Не стоит, — тут же одернул он меня, нисколько не повысив голоса. — Здесь его, конечно, не бывало, но примите мой совет, Людвиг. В вашем положении, когда каждое полнолунье вы рискуете привлечь к себе всякую нечисть, любое упоминание адских созданий может привести к беде. Возьмите себе в привычку говорить о них как можно реже. Что думаете?

— О ваших словах? Они разумны. Об этом? Даже не знаю.

Лежавшая в гробу девушка напоминала куклу, которую хорошо потрясли в коробке. Спутанные черные волосы, впалые щеки, мертвая кожа, приоткрытый рот, так что были видны зубы. Удар саблей, а может и мечом, расколол ее череп на две части, запачкав левую половину лица темной кровью. Погребальное фиолетовое платье порвано в лоскуты, один рукав отсутствует. Я видел, как сквозь дыру в одежде, зияют бело-красно-коричневые ребра, на которых почти не осталось плоти. Также она

отсутствовала на правой руке от плеча до локтя и на ногах.

– Она выглядит так безобразно, потому что я попросил ничего не трогать до моего, а потом уже до вашего приезда, – решил пояснить отец Март.

– Вы уверены, что причиной смерти была болезнь?

– Насколько может быть уверен человек, не присутствующий при этом. Но я позвал вас именно для того, чтобы узнать мнение стражи, который повидал на своем веку много необычного.

Задержав дыхание, я склонился над трупом. Изучил лицо, губы, затем части, где отсутствовала плоть. Выпрямился, сказав:

– Впечатление, что эти... повреждения, скажем так, нанесли уже когда она была мертва. Это похоже на работу анатома. Чтобы удалить мышцы, использовали нож, и делали это весьма аккуратно.

Он кивнул, явно довольный тем, что услышал:

– Скорее мясника, Людвиг. Мясник тоже может работать аккуратно.

Мы вышли на свежий воздух и яркое солнце. Здесь нас уже ждали две женщины и двое мужчин в крестьянских одеждах.

– Мы закончили, приступайте, – бросил инквизитор.

Ничего не говоря, они вошли в прохладу склепа, и я увидел, что, собравшись у гроба, стали приводить захоронение в надлежащее состояние.

– Теперь, когда вы все видели своими глазами, я расскажу, что здесь случилось. – Отец Март неспешно шел от кладбища к маленькой кованой скамейке, примостившейся в тени лохматой оливы. – Спустя неделю после похорон Симонетты слуги заметили, что дверь в склеп приоткрыта и кто-то украл тело.

– Даже так? – Я слушал, как поет скворец. – У барона столь серьезный враг, что он так надругался над его мертвой дочерью и вернул оставшееся назад?

– Вернул? Увы, нет. – Отец Март сел на лавочку, скрестив ноги в начищенных сапогах. – Барон поднял слуг, но Симонетту не нашли, хотя искали тщательно. Она сама вернулась на следующую ночь.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы правильно понять его слова.

– Продолжайте.

– Ее увидел один из работников. В парке. Она бесцельно бродила по саду, врезаясь в деревья. Позвали барона. Когда ее окружили люди, Симонетта... попыталась броситься на них, но из-за того, что мышц на ногах почти не было, проворством она не отличалась. Барон сильно любил

свою дочь, но тут не колебался, раскроил ей голову клинком. Это ее разом успокоило.

– Что случилось дальше?

– Да, собственно, ничего. Ее положили обратно в усыпальницу, вызвали городского священника, одновременно послав за мной.

– Больше никаких смертей в ту ночь? – Я был сбит с толку.

– Нет. – Инквизитор устало потер красные глаза. – Я не слишком понимаю, что происходит. Здесь поработал либо сильный демон, либо темная душа.

– Поблизости нет никаких душ. Ни темных, ни светлых. Кладбище чистое.

Инквизитор кивнул, словно был рад это слышать:

– Значит, все-таки гость из ада. Хотя за ним стоят люди. Они выкрали тело, срезали мясо, вырезали сердце, почки и печень.

– Люди? И в то же время демон, раз не темная душа. Какой-то культ?

– У меня возникла догадка, и я прошелся по трем погостам за городскими стенами и по двум в Барко-де-Калаорра. Некто заинтересовался свежими могилами. Тела из них похищены. Как минимум из тридцати захоронений за последние пять месяцев.

Я обдумал полученную информацию:

– Некто систематически крадет тела, и, судя по тому, что не разразилась паника, а кругом не рыщут городские службы и инквизиторы, ему удавалось удачно скрывать свои кражи. Здесь же неизвестный совершил ошибку, был достаточно небрежен, для того, чтобы оставить склеп незапертым, а затем упустил вернувшееся назад тело. Правильно ли я понимаю?

– Не упустил. Полагаю, он просто безалаберно выбросил покойницу, забрав плоть. Решил, что ее не найдут. Возможно, спрятал. Но она восстала и вернулась туда, где была похоронена.

– Неужели преступник не учел этот вариант?

– Я подозреваю, что тот, кто это сделал – лишь исполнитель. Труп для него всего лишь труп. Он даже не думал, что мертвые могут вновь оживать. До этого момента все следы хорошенъко прятали, чтобы не возникло подобных эксцессов.

– То есть преступник вскрывает тела, добывает плоть и отдает кому-то? И в результате ритуалов или колдовства случилось возвращение мертвой девушки. В этих чудесных краях появился каннибал, предпочитающий мертвичину? Некромант?

Инквизитор сделал жест рукой, что могло означать и «да» и «нет».

– Трупоеды встречаются, Людвиг. Но обычно после их пиршества мертвые не встают. Здесь все чуточку иначе. Вы в Нараре, а у жителей южных областей остались свои легенды и мифы со времен глубокой древности, когда Темнолесье было куда ближе, чем сейчас, варвары не ушли на Волчьи острова и сражались с молодыми легионами рождающейся Империи. Люди, жившие среди этих холмов, отличались мрачными предрассудками. Самые плохие из них поедали плоть мертвых, считая, что это даст им власть над темными силами, наделит их, если хотите, сверхспособностями.

Я усмехнулся:

– Какими, например?

– Да какими угодно, – небрежно ответил тот. – Придумывали кто во что горазд. Скорость, невидимость, возможно, даже умение летать. Подобные верования сошли на нет, когда легионы императора Марка захватили земли, на которых мы с вами находимся, и вырезали тех, кто не желал поклоняться их богам.

– Но убеждения остались.

– Конечно, остались. В большинстве своем в виде страшных сказок на ночь. Но время от времени находится дурак, который в них верит и поедает плоть себе подобных. Чаще всего его ловят. Если ему повезет, убивают сразу. Если нет – сжигают.

За свою жизнь я несколько раз сталкивался с людоедством. Обычно это случалось зимой, в голодные месяцы. Или во время войн, когда не хватало продуктов. Я не встречался с самими каннибалами, но видел остатки их ужинов на дорогах, в полях и маленьких деревнях.

– Выходит, вы не верите в легенды о получении дьявольской силы посредством поедания себе подобных?

Он повернул голову в ту сторону, где послышалось лошадиное ржание, и, убедившись, что поблизости никого нет, ответил:

– Человечина тоже является мясом, Людвиг. Мы всего лишь мясо. Оно набивает желудок, но не дает возможность ускорять время или снимать с неба луну. Это не контракт с демоном, не ночь с инкубом и даже не жертвоприношение вола на Лысой горе.

– А как же кровь человека, отец Март? Велефам она дает страшную силу. Отчего бы плоти не делать того же самого?

В его глазах появилось одобрение.

– Отлично поставленный вопрос, Людвиг. Вопрос достойный инквизитора. Кровь – иная субстанция. Ей присуща сила, или то, что алхимики привыкли называть энергией. Инквизиция проводила

исследования, и авторитетные мужи официально заявили, что пожирание людей не дает никаких возможностей, кроме ощущения сытости.

– Авторитетным мужам не впервой ошибаться.

– Да вы скептик, Людвиг, – рассмеялся мой собеседник.

– Скептика всего лишь беспокоит один вопрос, отец Март. Как ощущение сытости способствует тому, чтобы мертвая девушка встала на свои обглоданные ноги и вернулась в отчий дом?

Он тут же стал серьезным:

– Меня это тоже беспокоит, Людвиг. Я не нашел этому никакого логического объяснения. Колдовство мне неизвестное. И в какой-то степени надеялся, что вы прольете свет на случившееся. Думал, дело здесь в темной душе.

– Сожалею, что ничем не смог вам помочь. Это культ, а в них я не силен.

– Вообще-то ваша помощь все еще актуальна. – Он встал. – Все дело в том, Людвиг, что сегодня утром я узнал, кто поедает мертвых.

Ветви деревьев тихо шелестели надо мной, закрывая яркие звезды. Я сидел на траве, подогнув под себя ноги, слушая звенящий стрекот цикад. Было довольно темно, но все же я видел белеющий участок тропинки, проходящей в пятнадцати ярдах от того места, где я прятался, и старался не слушать ворчание Проповедника.

– Инквизитор использует тебя.

– Знаю.

– И все же помогаешь ему? Он уже один раз подставил твою голову.

– Но в итоге я получил то, чего хотел.

Тот скривился, прошипев:

– А результат? Ты бросился к Франческе, где тебя чуть не прикончил демон. Затем ты отправился в Крусо, погибла Кристина. Потом дочь колдуна, и Вион. Теперь ты едешь вообще на самый юг, пытаясь схватить темного кузнеца! А все потому, что отец Март навел тебя на след! Поверь! Сейчас будет то же самое. Станешь расхлебывать последствия сотрудничества с инквизитором до конца жизни.

Я, как водится, пропустил его слова мимо ушей, и Проповедник, поворчав еще немного, спросил:

– Как ты думаешь, оно появится?

Не было никаких сомнений, кто это «оно». Я честно ответил:

– Не знаю. Надеюсь на это.

– Но надежда, как я понимаю по твоему тону, не слишком велика.

Прошло больше месяца, как оно ушло.

Я развел руками:

– Мне нечего тебе сказать, Проповедник. Честно. Пугало странное создание, и оно вполне может не вернуться. Расстались мы не то чтобы очень хорошо. И оно должно понимать, что стражи теперь будут пытаться выследить его. Во всяком случае, некоторые из них.

– Но не ты, – с нажимом произнес тот.

– Не я.

Он поерзal, точно в зад ему воткнули несколько иголок, и решил про Пугало больше не спрашивать:

– Вообще, я тебе удивляюсь, Людвиг. Ты слепо последовал за Псом Господним, не получив от него ровным счетом никаких объяснений.

– Он обещал все объяснить сегодня.

– Такой занятой человек, – закатил глаза старый пеликан. – Кинул тебе приманку, сказал, что знает, кто жрет покойников, и ускакал по неотложному делу. Кстати говоря, лучшего места для разговора, чем эта опушка, он конечно же не нашел.

– Ш-ш-ш! – остановил я его, увидев человека, шедшего по тропинке.

Он остановился недалеко от меня, покрутил головой, словно ища кого-то, и я негромко свистнул, привлекая его внимание.

Отец Март быстро оказался рядом, одобрительно разглядывая мое укрытие:

– Неплохо вы здесь устроились, Людвиг. С тропы вас совсем не видно.

– Вы пришли раньше, чем я рассчитывал. Еще нет полуночи. Теперь-то у вас есть время рассказать о своих подозрениях и о том, какого рода помощь вам требуется от меня?

Инквизитор кивнул, отстегнул шпагу, положил ее между нами, сел, прислонившись к древесному стволу.

– Когда я обнаружил, что некто интересуется свежими трупами, то организовал несколько наблюдательных пунктов на кладбищах, рядом с новыми и пока еще нетронутыми могилами. Позавчера мне повезло – одна из моих ловушек сработала. Я прибыл как раз к тому времени, когда четверо молодцов грузили труп в крытую повозку.

– И вы их не остановили. – Я не спрашивал. Утверждал.

– С чего бы мне вести себя столь недальновидно? Муравьев можно раздавить в любое время, и если поторопишься с этим, то более крупные жуки разбегутся и спрячутся под самые дальние камни. Вытащить их оттуда не получится. Господь наделил меня терпением, так что я просто проследил за ними до Барисеты. Было интересно, кому они передадут

товар. Представьте себе мое удивление, когда это оказался анатомический театр Барисетской академии.

— Действительно... странно, — протянул я. — Это, конечно, не Савранский университет, но довольно уважаемое заведение. Разве Церковь не является одним из его попечителей?

— Является. Епископ Роше, насколько я помню, куратор академии и входит в ученый совет.

— Быть может, стоит спросить с епископа.

— Только не мне, — мягко возразил отец Март.

— Разве легат кардинала и известный инквизитор не имеет таких прав?

— Имеет, — не стал отрицать тот. — Но, как вы уже поняли, я не привык кидать камни в тихую заводь и распугивать рыбу. К тому же велика вероятность, что епископ Роше не знает о творящемся под его носом.

Я нахмурился:

— У меня создается впечатление, что, кроме нас с вами, барона, да его слуг, никто не имеет ни малейшего понятия о том, что случилось. Псы Господни, как я понимаю, также пребывают в неведении. Ведь в Барисете же есть представительство инквизиции?

— Довольно большое. И очень деятельное. На них можно положиться.

— Так отчего вы действуете не с ними, а один, да еще и под прикрытием костюма дворянина? Какую игру вы затеяли, отец Март?

Он погрозил мне пальцем:

— Один? Я все же тешу себя надеждой, что нас двое, Людвиг. Причина такой скрытности...

— Скрытности не будет, — весьма невежливо перебил я его. — Слуги барона не немые слепцы.

— Они верны ему до мозга костей. И умеют держать язык за зубами. Вот уж в ком я абсолютно не сомневаюсь.

— Какая вера в человечество! — театрально возопил Проповедник.

— Так вот. Причина такой скрытности в том, что, если я подниму волну прежде, чем найду убедительные доказательства, у Нарары с Риапано возникнут серьезные осложнения. Главным попечителем Барисетской академии является отнюдь не Церковь, а правящая семья этой страны. Если точнее, то герцогиня Изабель Доменика де Грэсир, единокровная сестра короля. По случайному совпадению, сейчас она как раз в Барисете, в доме, который когда-то принадлежал ее матери.

— Теперь я понимаю вашу осторожность, — задумчиво протянул я. — Существует прямая связь между госпожой де Грэсир и каннибалом?

— Это она и есть. Или кто-то из ее ближайшего окружения.

Выпотрошенное тело вывезли из анатомического театра, где в тот час не было ни одного студента, на кладбище для бедняков, в общее захоронение, предварительно проломив череп. А один из доверенных лиц ее светлости отвез ей в особняк кедровый ларец. Довольно вместительный, чтобы туда поместились несвежая вырезка, печень и сердце.

– И она еще не в допросной Псов Господних, потому что...

– Сестра короля. Схвати я ее человека, она всего лишь свалила бы все преступления на него. Риапано не одобрит поспешных действий. Только не с королевской фамилией. Мне надо поймать ее за руку и только после этого раскручивать шестеренки часов. Никак не раньше.

Мы с Проповедником переглянулись. Осторожность инквизитора была оправдана. Прошли те времена, когда дознаватели хватали людей вне зависимости от их положения в обществе. Теперь все слишком сложно и запутано. Поспешные действия, даже верные, могут повлечь за собой такую политическую бурю, что князья Церкви будут расхлебывать ее не один день. А отец Март конечно же не желает становиться тем виноватым, которого разорвут на клочья обе стороны, если появится хоть какой-то повод.

– Значит, вам нужны доказательства, – веско заметил я. – И моя роль во всем этом мне пока еще не очевидна.

– Мне нужна поддержка человека, которому я всецело могу доверять. Человека, который уже бывал в сложных ситуациях и не терял голову. Тот, кто прикроет мне спину, если все пойдет не так, как я спланировал. Грубо говоря, сегодня мне нужен не ваш дар, а ваш клинок и голова. Что скажете?

Проповедник всплеснул руками:

– Святые Иоанн, Стефан и Пантелеимон! В мире тысячи наемников, а выбирают тебя! По мне, так это недооценка твоих способностей! Ты не обязан делать грязную работу. Так и скажи этому сероряснику!

Заухал филин, отец Март терпеливо ждал моего решения.

– Вы хотите все сделать этой ночью?

– Не вижу смысла тянуть. Сейчас один из трупов как раз везут на разделку. После мясо отправится заказчику. Завтра герцогиня возвращается в Крусо, и там все будет гораздо сложнее. Возможно, она вообще... умерит свои аппетиты на долгое время.

– У вас есть план?

– Да. Я посвящу вас в него по пути. Разумеется, если вы поедете со мной.

– Поеду.

Инквизитор улыбнулся:

– Ни мгновения не сомневался в вас, Людвиг.

– Я помогаю вам не только по доброте душевной и как человек, желающий наказать преступника. Мне тоже кое-что от вас нужно.

Пес Господень нисколько не возмутился, лишь признал уместность моего условия:

– Сделка? Вполне честно. Если это в моих силах, я выполню вашу просьбу.

– Просьбы.

Он негромко рассмеялся:

– Огласите их.

– Вы слышали, какие новости приходят с востока? – Я дождался кивка и продолжил: – Если болезнь поползет на запад, начнется паника. И первым делом закроют порты. В море будут лишь сторожевые корабли. Мне требуется бумага, подписанная легатом инквизиции, чтобы меня взяли на такое судно, если не найдется другого транспорта.

– Отличная предусмотрительность, Людвиг. Во время мора суда не берут даже стражей, хоть те и не могут заболеть. Но капитанам запрещено отказывать человеку, уполномоченному Инквизицией. Будет вам такая бумага, но только с разрешением на проезд. От имени Инквизиции вы действовать не сможете. А вторая просьба?

– У вас везде есть связи и знакомства. Я ищу одну книгу. Она довольно редкая, но не скажу, что ценная. И конечно же не запретная. В Святом Официуме такая точно есть. Яков Тинд «О поздней империи и создании княжеств».

– Интересуетесь историей? – Отец Март выглянул из-за ветвей на тропу. – Не слышал о таком труде. И не могу вам обещать, что добуду его. Но если найду, то передам.

– Меня устраивает. Кто-то едет.

– Не волнуйтесь. Это мои люди.

– Выходит, что в дом к герцогине мы отправимся не в одиночку.

– Я не всегда работаю один. – Он вышел на тропу, и спустя минуту появились двое всадников. Каждый вел за собой оседланную запасную лошадь.

Одного я узнал, это был человек барона, встретивший меня на границе его владений. Второй оказался иным существом. Он был невысок, мне по грудь, весь покрыт коричневой шелковистой шерстью, с большими медвежьими ушами и золотистыми круглыми глазами с вертикальными зрачками. Две ноги, четыре руки, суставчатый хвост скорпиона.

Я впервые видел подобное создание и даже не представлял, кто это.

– С Лупе вы уже виделись, – представил мне бородача отец Март. – А это Сиокко, он вьеф и работает на Инквизицию.

Золотоглазое существо наклонилось в седле, протянуло мне все четыре руки. Пожать пришлось каждую.

– Кровь Темнолесья, – свистящим шепотом поздоровался он. – Клянусь Господом, чего только не встретишь в людях. Ты не говорил, что у тебя такой друг, Март.

Инквизитор одним движением взлетел в седло:

– Спаситель с тобой, Сиокко. Ты же любишь сюрпризы.

Блеснула острозубая улыбка, и мы тронулись по тропе в сторону Барисеты.

Барисета была крупным городом, находящимся под защитой не только крепостных стен, но и четырех отдельно стоящих бастионов, перекрывавших подходы к нему.

Мы ехали по ночным гулким улицам, пробираясь к большой парковой зоне, возле которой находились особняки знати.

Двенадцать раз нас останавливали патрули стражников. С ними негромко беседовал отец Март, и золото из его кошелька меняло владельца. Сиокко предусмотрительно закутался в объемный плащ и не привлекал к себе взглядов.

Возле дорогостоящего дворца нас ожидали еще двое наемников.

Чернявый молодой паренек с едва проклюнувшимися усами молча принял лошадей, больше ни на что не отвлекаясь. Его товарищ, мужик при шпаге и пистолетах, с кудлатой бородой и срезанным чьим-то клином кончиком носа, присоединился к нам, бросив на меня заинтересованный взгляд, спросив на языке Дискульте:

– Тоже служишь инквизиции?

– Он страж, Чоро, – буркнул Лупе, поправляя перевязь с тяжелым палашом. – Как обстановка?

– Как в могиле. Они прошли минут десять назад. Рихар следит за ними.

– Двинулись, – приказал инквизитор.

Белый каменный забор, который венчали железные шипы, выделялся в этом квартале среди всех остальных построек. За ним находился особняк величиной с небольшой летний дворец. Когда мы подошли к калитке, из мрака выскоцила тонкая тень и Чоро, дернувшись, схватился за шпагу, но узнал своего и лишь негромко сплюнул, попав себе на сапог.

– Отец Март, они пришли десять минут назад, – довольно

подобострастно поклонился наблюдатель, совсем еще мальчишка с яркими глазами и загорелым, не по годам серьезным лицом. – Четверо стражников патрулируют территорию, трое на воротах, двое у калитки. Еще четверо – в доме. Людей внутри много. Там какой-то прием или поздний ужин.

– Молодец, – похвалил парня клирик. – Черо, Лупе, Рихар. Идете через садовую калитку, далее оранжерея. Лазутчик проникает внутрь, дает сигнал, когда придет время. Мы входим в особняк с разных концов. Сиокко, Людвиг – вы со мной. Без крови, если это возможно. Наша задача арест, а никак не драка.

Лупе мрачно ухмыльнулся и повел свою тройку вдоль забора к деревьям. Проповедник переминался с ноги на ногу, затем проявил инициативу и сказал, что разведает все сам. Прошел сквозь стену и исчез.

– Мы постараемся все сделать как можно тише, Людвиг. – Отец Март шагал широко, и ноздри его раздувались. – Застанем герцогиню врасплох, за ужином. Этого будет достаточно, чтобы отвести ее на допрос в подвалы.

– А люди, которые с ней? Они вряд ли позволят так просто ее забрать.

– Поверьте, Людвиг, лучше бы они позволили мне это сделать.

– А если она вообще не виновна? Если это все же кто-то из ее окружения?

Сиокко заикался и лишь через мгновение я понял, что это такой смех. Отец Март сурово сказал мне:

– Понимаю и принимаю ваши сомнения. Вы больше общаетесь с душами, чем с людьми, и, допускаю такую возможность, знаете их чуть похуже, чем я. Инквизитор не испытывает никаких колебаний. Я уверен в ее виновности, иначе бы никогда не зашел так далеко. Хотя у меня и нет доказательств. Пока.

– А если их не будет и впредь? Если она не станет есть то, что ей принесли прямо сейчас? Вам нечего будет ей предъявить. Мы ведь не можем круглосуточно находиться рядом. Рано или поздно охрана нас обнаружит.

Он остановился, показывая Сиокко, что тот может идти дальше и мы его догоним.

– Я не хочу, чтобы вы считали, что я с вами не откровенен. Мне было бы очень грустно и совершенно неприятно вас обманывать и водить вслепую. Думаю, будет честно, если вы наконец поймете. Когда мы преодолеем эту стену, все окажется в руках Господа, а я всего лишь орудие Его. И если доказательств не найдется, это ровным счетом ничего не меняет. Она виновна. И просто не отправится на суд. Все решится здесь и сейчас.

Я прищурился:

– То есть вы убьете ее.

– Да. Убью. Потому что я уверен. А этого, Людвиг, достаточно.

Я понял намек, но все же спросил:

– Означают ли ваши слова, что ночная прогулка санкционирована Риапано?

– Я не говорил этого.

– Но и отрицать не спешите.

Отец Март кротко вздохнул:

– Если вам будет легче, то это не убийство беззащитной женщины, Людвиг. Она отнюдь не беззащитна. У нас и раньше были подозрения в том, что она замешана в темном волшебстве. Сейчас мы просто доводим дело до логического конца. Понимаю, как это выглядит со стороны. Но повторюсь – доказательства есть. В этом доме. Сейчас. И я буду не я, если их не добуду. Но мне нужна помощь.

Сиокко сбросил свой плащ, и теперь легкий ветерок шевелил его бурую шерсть.

– Я чую их, Март, – негромко ответил он на невысказанный вопрос, дождался кивка и взвился пружиной вверх, с легкостью преодолев четырехъядровую стену и бесшумно приземлившись на той стороне.

– Где вы его нашли? – спросил я у инквизитора.

– Вытащил из костра, когда только начинал служение Господу. Затем, с помощью протекции тогда еще епископа Урбана, выправил Сиокко патент. В некоторых делах он просто незаменим.

Звякнул засов, распахнулась калитка, и я первым проскользнул на территорию усадьбы. Вьеф вязал руки двум оглушенным стражникам.

– Догоняй, – сказал ему отец Март, двигаясь по теневой стороне дороги к дому с освещенными окнами.

Там никто не собирался спать, несмотря на поздний час. Один раз мы спрятались, ожидая, когда мимо пройдет немолодой покашливающий охранник. Инквизитор покачал головой, и Сиокко остался на месте, не став трогать человека.

Когда мы оказались возле флигеля, Пес Господень сообщил мне:

– Апартаменты герцогини на третьем этаже. Будьте рядом, Людвиг, и прикройте мне спину. Сиокко, ты не должен дать охране подняться наверх. Держи лестницу.

Иной молча растворился в тенях. Из-за угла появился Чоро, в руках у которого откуда-то взялся арбалет:

– С одним вышла проблема, инквизитор, – отчитался он. – Мужик

хотел поднять шум. Пришлось вогнать ему болт в горло.

– Я же просил без крови, – поморщился, точно от зубной боли, Пес Господень.

– Вы платите мне не за то, чтобы я спасал жизни. Я наемник, а не монашка.

– Я плачу тебе за то, чтобы ты никого не убивал без моего приказа! – отрезал тот, и голос его стал столь холоден, что Чоро был не рад, что вообще здесь находится, но все же нашел в себе силы возразить:

– Гладко только на бумаге, инквизитор. В жизни все иначе. Я заботился об исходе операции и, если вам угодно, беру ответственность на себя. Я уверен в правильности своего поступка.

– Не только ответственность, но и грех. – Отец Март остановился перед дверью, ведущей в крыло слуг, приложил руку к замку и прочитал молитву.

Теплый свет, льющийся с его пальцев, распространял вокруг благоухание персиков. Спустя мгновение сложный замок щелкнул и дверь приоткрылась. Чоро поймал мой взгляд и потрясенно покачал головой. Было видно, о чем думает наемник – ему бы такие способности, и он бы живо разбогател, вскрывая сундуки в богатых домах.

В этот момент на улице грохнул выстрел.

Мы вздрогнули от неожиданности, а в следующее мгновение отец Март бросился внутрь.

Весь продуманный план полетел к черту.

Охраны в доме было куда больше, чем мы рассчитывали, и этих людей не останавливал фраза «Именем Инквизиции и святой матери Церкви сложите оружие». Они дрались отчаянно, и мы увязли в районе второго этажа. Наша троица кружила по темному бальному залу, сражаясь против шести мордоворотов. Еще двое лежали на черно-белых плитах, истекая кровью.

Одного ранил болтом наемник, другого пронзил шпагой инквизитор.

Чоро, наплевав на всех, дрался в одиночку в другом конце зала против двоих, и я слышал лишь звон стали да негромкую ругань. Я, вооруженный палашом, прикрывал спину отца Марта, который в данном случае служил главной движущей силой.

У меня не было времени удивляться, но фехтовал он отменно, хотя не столь красочно и красиво, как это делал тот же Натан.

Никаких лишних движений. Каменное лицо. Закрытая стойка. Скупые, едва заметные движения кистью, каждое из которых заканчивалось

опасным уколом. Он легко блокировал, парировал, делал репосты после каждой вражеской атаки, двигался мягко, достаточно проворно, но так, чтобы я все время успевал за ним, удерживая тыл и правый фланг, не защищенный стеной.

После того как мой палаш отбил удар корда, инквизитор сказал мне:

– Теперь можете не жалеть их, Людвиг. Тот, кто не сложил оружие после предупреждения инквизиции, приравнивается к еретикам. Таких ждет костер.

Один из четверых нападавших на нас заколебался от этих слов и тут же пропустил укол в сердце.

– Спаси, Господи, душу глупого раба Твоего, – пробормотал отец Март.

Взвыл тот, кто сражался с Чоро, и внезапно наемник оказался уже рядом, атаковав наших противников со спины. Прикончил одного, рубанул по плечу второго. Я поставил клинок под секущий удар третьего, который должен был разрубить бедро инквизитора. Грязнуло пение, с ладони клирика сорвался свет, угодивший человеку в грудь. Тот, отшатнувшись, врезался в окно и вместе с осколками стекла, улетел вниз.

– А сразу нельзя было так сделать? – поинтересовался тяжело дышащий Чоро.

– Тогда зачем мне платить тебе? – поднял брови инквизитор. – На лестницу. Живо!

На третьем этаже мы столкнулись с перепуганной служанкой. Она вжалась в угол, закрыв лицо руками, и наемник, взяв женщину за плечо, грубо поднял ее на ноги.

– Твоя хозяйка? Где она?!

– В спальне! – пролепетала та. – Они все заперлись в спальне и поют!

– Сколько еще охраны в доме?

– Я не знаю. Пожалуйста...

– Оставь ее. Она бесполезна. Мы все равно уже разворошили осиное гнездо. – Клирик спешил.

Откуда-то издалека доносился шум боя – вторая часть отряда пробивалась наверх по другой лестнице.

Чоро теперь шел первым, и слуги, встречающиеся нам по пути, шарахались в стороны, видя его окровавленный клинок. Двое из них попытались нам препятствовать, и наемник их довольно быстро успокоил.

В большой столовой, украшенной зеркалами, на укрытом белой скатертью столе в серебряных подсвечниках горело множество свечей. Стулья были отодвинуты, некоторые опрокинуты. Люди уходили в спешке.

Черо, проходя, подхватил дорогой фужер из хрусталия, влил в себя вино. Отца Марта заинтересовало нечто иное – накрытые серебряными колпаками с инкрустацией из золота блюда. Он поднял один, и Черо негромко присвистнул, оценивая «кулинарный шедевр» – несколько полосок черно-бордовой, отвратительно смердящей плоти.

– Вот о чём я говорил, Людвиг. – Инквизитор отступил от стола, и на его усталом лице не было ни капли отвращения.

– Одного не понимаю. С ее властью и возможностями, она могла есть и свежее мясо, – пробормотал наемник, намекая на то, что убить человека и приготовить его ногу себе на ужин для герцогов не так чтобы очень сложно. – С радостью увижу их горящими на костре.

Черо распахнул дверь в следующий зал.

– Постараюсь предоставить тебе такое удовольствие, – пообещал отец Март.

Здесь нас встретили двое в темной одежде, вооруженные рапирами. Они собирались сражаться, защищая вход в спальню, но появление в дальней части приемного зала Рихара и Сиокко, в каждой из четырех рук которого было по маленькому топору, заставили их сложить оружие. Пятеро против двоих – не слишком хороший расклад.

– Вы пожалеете, что пришли сюда, – пообещал один из охранников, седовласый, с пушистыми бакенбардами, когда вьеф ловко связывал их очередным куском веревки. – Это дом сестры короля!

– Инквизиция объяснит его величеству мой визит, когда придет время, – равнодушно ответил отец Март и попросил иного: – Ноги тоже вяжи. Где Лупе, Рихар?

– Ранен. Они здорово дрались, отец Март. Мы отдали ему все пистолеты и оставили на лестнице на тот случай, если кто-то прячется в саду и решит вернуться. – У мальчишки тоже была легкая рана на левом плече, но держался он молодцом.

– Почему стреляли?

– Стражник нас заметил. Простите, что не получилось без шума.

– Черо, что там с дверью?

– Разумеется, заперта, инквизитор, – спустя мгновение ответил наемник, дернув ручку.

Клирик подошел к преграде, крикнув:

– Именем Инквизиции, откройте, и я обещаю вам снисхождение!

Разумеется, никто не только не открыл, но и не ответил.

– Сиокко, будь любезен, – попросил отец Март, отходя прочь, и вьеф начал рубить преграду четырьмя топорами с такой скоростью, что во все

стороны полетели длинные белые щепки.

Дверь была хлипкой и не предназначалась для того, чтобы выдерживать осаду. За пару минут створки оказались изрублены настолько, что одна из них рухнула. Еще полминуты потребовалось нам для того, чтобы пробраться через баррикаду из перевернутого стола и комода.

В спальне никого не было, горело лишь две свечи, и Рихар сбежал в зал, вернувшись с двумя тяжеленными подсвечниками, разогнавшими мрак.

Пахло здесь странно и неприятно. Запах казался незнакомым, едким, и Чоро недолго думая разбил оконное стекло, впуская свежий воздух. Сиокко быстро все осмотрел, даже заглянул под одеяло на кровати с балдахином, и отрицательно покачал лохматой головой задумчивому отцу Марту.

– Сбежала, курва! – со злостью озвучил и так всем понятный факт наемник.

– Выход здесь только один, – произнес я. – Он был завален изнутри. Из окна она не прыгнула бы, если только не умеет летать. И, кроме того, запирать его из комнаты, находясь при этом снаружи. Дом большой. Возможно, где-то есть тайный ход.

– Хорошее предположение, Людвиг, – одобрил инквизитор. – Сиокко, осмотри комнату еще раз. Внимательнее.

В этот момент появился Проповедник и сообщил мне прямо с порога:

– Эта баба – ведьма!

– Ты знаешь, куда она делась? – спросил я, привлекая к себе внимание этим неожиданным вопросом в пространство.

– Еще бы мне не знать! – подбоченился старый пеликан. – Она ж на моих глазах это делала, и Господь отчего-то ее не покарал огнем и молнией!

– Может быть, ты сразу перейдешь к сути и скажешь, что увидел? – с раздражением спросил я, видя, как Рихар недоверчиво вертит головой, пытаясь определить местонахождение моего невидимого собеседника.

– Разговариваете с душой, Людвиг? – Отец Март почти сразу понял, в чем дело.

– Да. И она видела, куда спряталась герцогиня.

– А также люди, которые были с ней. Поднимите ковер, – предложил Проповедник, так и не решившись войти в комнату и околачиваясь на пороге. – Там какой-то бесовский рисунок.

– Под ковром, – сказал я инквизитору.

Рихар и Чоро быстро скатали его и откинули в сторону, обнажив пол. На белом паркете была выписана геометрическая фигура – тетраэдр.

Четыре треугольника в нем оказались исписаны странными символами, похожими на хагжитскую вязь.

– Проповедник, можно еще более подробно? – теряя терпение, попросил я. – Время уходит.

– Да я мало что понял, Людвиг. Они тут собирались, как только начался шум, заперли дверь. Затем баба проколола палец, провела кровью по линиям, они засветились в воздухе, налились красным, и появилось как будто окно куда-то еще. В другое место. Она всю эту мазню спрятала под ковром, затем люди ушли туда, и спустя мгновение окно погасло.

Я передал слова отцу Марту, и он неохотно сказал:

– Герцогиня может открывать порталы. Однако это сюрприз.

Он встал на колени, ведя пальцем по одной из линий.

– Порталы? – не понял Рихар.

– Двери в другие места. – Черо был удивительно понятлив для наемника. – Но что-то мне не хочется идти туда, куда ушла ведьма.

– Вы все еще настаиваете, что человеческая плоть не дает никаких способностей, отец Март? – От чертежа на полу попросту несло темным волшебством.

– В вашем тоне слышится плохо скрываемая ирония, Людвиг. Я не могу понять природу этой магии – здесь больше от науки, чем от волшебства. Геометрия, астрология и неизвестный язык. Но давайте пока оставим мясо мертвецов в покое. Это может быть лишь частью какого-нибудь ритуала. Черо, мне нужна кровь.

Наемник выскользнул в зал и вернулся лишь через две минуты, неся отрубленную руку одного из убитых стражников.

– Не приведи Господь, кто узнает, с какими мясниками мне приходится драться плечом к плечу, – закатил золотистые глаза Сиокко.

Черо с усмешкой протянул инквизитору трофей, тот хладнокровно окунул палец в капавшую на пол кровь.

– Что вы собираетесь делать? – полюбопытствовал я.

– Еретичка сбежала. Я планирую отправиться за ней.

– То есть открыть портал?

– Если вы обратите внимание, то увидите, что линии очень старые. Их оставил кто-то из живших здесь ранее. Подозреваю, что это так называемая техническая магия – колдун создает ворота, но, чтобы активировать их, другим людям не требуются способности.

– Надо всего лишь провести ритуал, – поддержал инквизитора вьеф. – Он прав, кровь Темнолесья. Это вполне может сработать.

Но не сработало. Ничего не получилось, и Черо, судя по его

довольному виду, был счастлив подобному обстоятельству. Рихар заметил это, буркнув:

– Чему ты радуешься? Мы не взяли бабу, а значит, получим меньше оговоренной суммы.

– Ты хоть и щенок, но соображаешь, – не остался в долгу опытный наемник. – Но я слишком не люблю темное колдовство. Так что к черту деньги.

– Помолчите оба, – негромко попросил инквизитор, и тут же наступила тишина. – Это не весь механизм, Людвиг. Возможно, ваша душа о чем-то умолчала?

– Проповедник? – повернулся я к старому пеликану.

Тот в раздражении всплеснул руками:

– Я, по-твоему, должен был следить за всем, что делали эти христопродацы?! Она возила пальцем по линиям и ничего не говорила. Ну... потом, кажется, достала зеркальце.

– Зеркальце, – мягко произнес я. – Очень здорово, что ты все-таки вспомнил.

– Слушай, Людвиг. Я вообще жалею, что рассказал об этом. Ты, надеюсь, не собираешься идти ни в какие порталы?

Сиокко кулаком разбил висящее на стене дорогое флотолийское зеркало, подхватил длинный треугольный, похожий на нож осколок, вложил его в протянутую руку инквизитора. Отец Март мгновение подумал, затем приложил его к одной из линий. Нахмурился, вздохнул и пристроил на другом конце рисунка.

В воздухе появилось отраженное изображение с пола, и Черо шарахнулся назад, крестясь и бормоча молитву. В центре призрачного тетраэдра простило темное пятно, как будто кто-то поднес бумагу к пламени свечи. Наконец «жар» «прожег» воздух, и в нем появилось неровная, чуть подрагивающая дыра, ведущая в точно такую же комнату.

– Уф! – Рихар закрыл нос рукавом куртки. – Что за вонь?

Это было то, что я почувствовал, когда мы выбили дверь, только в несколько раз сильнее. Запах влажного, жаркого леса вперемешку со сладким ароматом гнилого мяса.

– Осмотрительно ли лезть в эту бесовскую нору, инквизитор? – Всем своим видом Черо отвечал на собственный вопрос.

– Если я оставлю еретичку безнаказанной, Господь спросит с меня. Как и с тебя, мой друг. – Отец Март встал с колен. – Но, конечно, служение Господу у нас с тобой разное. Поэтому иду я, а ты остаешься здесь и никого не подпускаешь к порталу. Мне нужно, чтобы никто не смог его

закрыть с этой стороны. Понимаешь?

– Да, инквизитор. Никто не пройдет. – У наемника сразу же прибавилось уверенности.

– Рихар, останься с ним. Не спорь. Здесь ты справишься лучше. Со мной пойдет Сиокко. Людвиг, вас я ни о чем не прошу. Вы и ваша душа и так сделали больше, чем я ожидал. Когда вернусь, то выполню все наши договоренности.

– Не так быстро. – Я закрыл ему дорогу. – Я привык доводить дела до конца, отец Март. Не люблю все бросать на половине.

– Господи! Заставь его одуматься! – возопил Проповедник в пространство.

Пес Господень переглянулся с вьефом и принял решение:

– Вы взрослый человек, Людвиг. Я не тот, кто станет вас останавливать.

Поначалу все шло неплохо. Мы оказались в зеркальной копии особняка герцогини, с той лишь разницей, что огонь здесь горел белым и совершенно холодным пламенем. Шли пустыми коридорами, залами, заглядывая в комнаты. Слой пыли и паутины на полу и вещах говорил, что тут давно никого нет. А возможно, никогда и не было.

– Что это за место? – спросил я, пока вьеф, точно охотничья собака, метался впереди, заглядывая в каждый угол.

– У меня лишь теория. Мы в кроличьей норе, Людвиг. Перед нами лаз для того, чтобы всегда имелась возможность сбежать быстро и далеко. Дабы такие, как я, их никогда не поймали.

– Но все же вы сюда пробрались.

Он лишь развел руками:

– Мне просто повезло. Шанс не открыть портал был куда выше. По сути я попал сюда лишь благодаря вашей помощи.

Затем мы услышали звук, словно капли воды срывались с потолка подземной пещеры, бились о камни, и звонкое эхо разлеталось во все стороны, двоясь, троясь, превращаясь в странный шепчущий гул, точно какой-то безумец неразборчиво шептал во мраке.

На острых ржавых перилах, похожих на разросшийся терн, лежало тело с тремя десятками ран. Кровь темным зловещим ручьем стекала по ступеням и исчезала в намокшем ковре, постеленном на полу.

Отец Март хладнокровно изучил мертвеца, у которого отсутствовала правая нога.

– Вот, Людвиг, – сказал он мне, сделав шаг в сторону. – Полюбуйтесь.

Когда отсутствует мертвчина, они не гнушаются питаться и свежей плотью.

– Ты так в этом уверен? – Сиокко не нравилось увиденное, и бурая шерсть у него на загривке стояла дыбом.

– По-твоему, он оставил ногу у портала, приковылял сюда на одной и решил отдохнуть?

– Работал мясник-недоучка. Расчленял, точнее, кромсал по бедренному суставу, но очень неаккуратно. – Я обратил их внимание на этот штрих.

– Может, недоучка, а может, и женщина. Покойник одет в платье слуг герцогини. – Инквизитора перестал интересовать труп, но я все же продолжил:

– Тот, кто делал это, торопился. Но он не мог знать, что мы идем за ним. Беглецы уверены, что портал закрыт и никто сюда не попадет.

– На что вы намекаете, Людвиг? – Инквизитор все еще не понимал.

– Подумайте сами. Неужели люди были так голодны, что убили и расчленили одного из своих прямо в пути? Не думаю. Но им требовалось мясо. И, как я уже сказал, они спешили.

Он сложил руки на груди, произнес, глядя куда-то вниз, во мрак:

– Мясо – это плата за проход. И они желали отдать ее как можно быстрее.

– Озвучиваете мои мысли. Давайте и мы не станем задерживаться.

Иллюзорный дом оказался куда просторнее дома настоящего. Комнаты, коридоры, залы сменяли друг друга до бесконечности. Мы больше не плутали, дорога была одна, и ее отмечали следы тех, кто прошел здесь раньше, оставленные в густой пыли. Вся мебель оказалась гнилой, серебро потемнело, бронза стала темно-зеленой, ткань распадалась на глазах, стоило лишь коснуться ее.

Свечей, а значит и света, с каждой комнатой становилось все меньше, и отец Март в итоге взял с подоконника подсвечник в виде аиста, неся его перед собой, не пожелав остаться во мраке.

Сиокко продвигался в двадцати – тридцати шагах впереди, разведывая дорогу в густом полумраке, и я только и видел, что его тень да редкие золотые огоньки, когда в глазах отражалось пламя свечей.

– Все еще не имеете никакого представления о том, где мы оказались? – спросил я у инквизитора.

– Вам знакома теория Рейхарда де Либера, профессора кафедры математики Савранского университета? Теория о множественности миров?

– Не довелось слышать о таком.

– Он жил двести лет назад, во времена Арионских гражданских войн.

Уважаемого профессора за его мысли объявили еретиком и в один неудачный для него день сожгли на костре.

– Печально.

– Не то слово, – серьезно согласился со мной инквизитор и поднял подсвечник повыше, чтобы рассмотреть, что скрывается в смежной комнате. – В то время Церковь была не такой прогрессивной как сейчас, а нечисть правила не только в землях, но и в умах людей. Сжигали всех подряд. И правых и виноватых.

– Извините, отец Март, но мне думается, что с тех пор мало что изменилось. Эта теория и спустя два века приравнивается к ереси. В Библии ничего не сказано о сотворении других миров.

– Вы правы, Людвиг. Но я склонен полагать, что не все можно вместить в объем книги, даже такой великой и мудрой, как Святое Писание.

Я тихо рассмеялся, поинтересовавшись:

– Вы уверены, что являетесь инквизитором?

– О да. И я не могу спорить с очевидной реальностью. – Он рукой с подсвечником обвел пространство вокруг нас. – К тому же еще до рождения месье де Либера, когда были гонения на иных существ, некоторые из нас полагали, что они уходят в Темнолесье как раз с помощью тайных троп. Так вот, профессор математики считал, что наш мир, хоть и является основой для вселенной, все же не единственный. И у него есть сопряжение с иными мирами. И иногда в них можно найти двери. Порой люди попадают в них. Но лишь некоторые возвращаются. Вам, должно быть, известны крестьянские сказки об иных существах, которые приглашают путников на пир, а когда те под утро оказываются в родной деревне – вокруг все изменилось и прошло семьдесят лет?

– Я слышал о таком, – произнес я, переступая через рассыпанные по полу книги, названия которых не мог прочитать из-за толстого слоя грязи, покрывавшего обложки. А может, это была не грязь, а запекшаяся кровь, я разбираться не стал. – Но очень надеюсь, что реальность отличается от сказки, и это не наш случай. Мне не хотелось бы вернуться домой и узнать, что все, что я знал и любил, уже исчезло.

– Представьте себе, Людвиг, я тоже не горю подобным желанием. Что такое, Сиокко?

– Еще один мертвец. – По всему облику вьефа было видно, что он напряжен до предела. – Другой мертвец.

Я понял, что он имел в виду, когда мы подошли к телу. Хотя телом это назвать можно было только из вежливости. Сплошной мясной фарш с осколками торчащих костей и обрывками одежды.

– Спаси Господи его душу, – пробормотал Сиокко.

– Его душу спасет лишь чистилище. – Отец Март был куда более жесток, чем иное существо. – Те, кто связываются с темным искусством, обычно редко попадают в рай. Судя по всему, это сделали не его друзья. Каннибализмом здесь и не пахнет.

– Тогда кто? – спросил я, и в ту же секунду в боку у меня взорвалась ледяная бочка пороха.

В глазах потемнело, и я бы упал, если бы под рукой не оказалось плеча инквизитора.

– Я-то все думал, когда же вы ощутите это на своей шкуре, Людвиг. Присядьте на минуту. Да не в кровь. Вот здесь. Дышите глубже, сейчас все пройдет. Ну же! Дышите, я вам говорю!

Его металлический тон не оставлял мне выбора, и я с огромным усилием сделал глубокий вдох, вгоняя в легкие ставший неожиданно-тягучим воздух. Боль уходила, зрение прояснилось, и я увидел, как задумчиво смотрит на меня вьеф, сложив на груди все четыре руки.

– Темнолесье сильно его изменило, Март. Гораздо сильнее, чем он думает.

– Знаю. – Инквизитор пощелкал пальцами у меня перед лицом, и я отстранился. – Пришли в себя?

– Какого че... – Мои губы слиплись и больше не могли издавать звуков.

– Я же просил, – вкрадчиво, как к маленькому ребенку, обратился ко мне клирик. – Не надо. Не здесь – это точно. Пообещайте, что сможете держать себя в руках.

Я кивнул, все еще растерянный и отходящий от боли, которая медленно растворялась в мышцах. Губы вновь стали меня слушаться, и я сказал на этот раз с осторожностью:

– Неприятный сюрприз. Моя старая рана еще ни разу так себя не вела. Где мы?

– О, Людвиг, вам крупно повезло. Точнее, не повезло. Редкий смертный может похвастаться тем, что оказался в аду при жизни.

Отчего-то у меня даже не возникло сомнений в его словах. Он явно не шутил.

– Ад? – Я смотрел на выцветшие картины в тяжелых золотых рамках, на пыль, испачкавшую мои ботинки, на паутину, застрявшую в шерсти вьефа. – Довольно унылое местечко.

– Воистину, стоит воздать хвалу Господу, что он сотворил стражей. Вас нельзя выбить из колеи даже столь гадкой новостью. Большинство моих

знакомых уже бы бились в истерике или попытались убедить меня, что этого не может быть.

– Мне бы сперва услышать ваше мнение об этом месте.

Инквизитор кивнул Сиокко, и тот опять начал разведывать, спеша темным коридором вперед, в поисках следов беглецов. Мы, чуть обождав, двинулись за ним.

– Мнение? Извольте. Я вновь вспомню сожженного профессора математики. В его теории о множественности миров был и пунктik об этом месте. Де Либер искренне считал, что рай и ад – это отдельные миры, ничуть не меньшие, чем наш с вами. Не берусь доказывать его неправоту, на самом деле все куда более сложно и сопряжения между этими пространствами реальностей хаотичны... Простите, я не слишком сложно говорю?

Я мотнул головой, показывая, что он может продолжать.

– Не хочу углубляться в науку и теологию. Во всяком случае, не здесь и не сейчас. Давайте считать, что ад это другой мир. Что из него к нам приходят демоны, и туда после смерти отправляются темные души. А врата на востоке своего рода портал, связывающий два мира. Так будет гораздо проще, быстрее, хоть и не совсем правильно. – Отец Март дождался очередного моего кивка, а также вопроса:

– Когда вы поняли, где мы находимся?

– Сразу как только увидел рисунок активации портала и письмена. Это так называемый алфавит демонов. Что написано – не знаю. Читать подобную дрянь могут только настоящие грешники. Я себя к таковым не причисляю.

– Алфавит демонов? Не думал, что такое существует.

– Отчего же? Раз письменность есть у ангелов, которую они передали людям, и на основе которой появились наши языки, то отчего бы нечисти не иметь свою? Простите, что не предупредил вас сразу, Людвиг.

– Это вряд ли изменило бы мое решение.

Он остановился, прислушиваясь:

– Охотно верю. Но, если бы я сказал сразу, это напугало бы господ наемников. А я не хотел бы пытаться открывать портал с этой стороны.

– Не так я себе представлял ад.

– Ну, поверьте, чистилище, жар, пламя и много острых предметов существуют. Но, по счастью, сие место предназначено не для пыток грешников.

Свечей в коридорах больше не наблюдалось, и у нас был лишь один источник света да круглая бледно-голубая луна, заглядывающая в окна.

Поэтому мы пошли медленнее, так как вокруг оказалось много перевернутой мебели и приходилось смотреть, куда ставить ноги.

– Тогда что это?

– Дом, – коротко произнес инквизитор. – Или логовище. Представьте себе, даже демоны предпочитают иметь собственную берлогу. Ад похож на ячейки сот, и мы где-то на самых верхних этажах.

Новость меня не порадовала. Я вспомнил логово окулла, в которое я как-то забрался, и откуда меня вынесло Пугало.

– И что за демон?

– Не имею ни малейшего понятия. Но судя по огромному пространству – довольно серьезной иерархии. Серьезнее, чем тот, которого мы встретили на мосту. Если честно, Людвиг, я несколько не рассчитал свои силы. Точнее, не думал, что мы окажемся в гостях у столь... внушительного хозяина.

Отец Март умел «утешить». Хотя я понимал его. Он дал мне осознать, что не стоит надеяться на тот же исход, что выдался на Чертовом мосту, если произойдет схватка. Я прочистил горло:

– В прошлый раз ваша вера, отец инквизитор, отправила того демона прямиком в ад. С этим будет сложнее?

– Моя вера крепка и сияет чистыми помыслами. Но мы в аду, и изгнать эту сущность дальше преисподней не получится. Грубо говоря, мне некуда ее закинуть. Это первая причина. Вторая... в общем, если я все правильно понимаю, то здесь живет демон из первых легионов Тьмы. А с таким справится лишь ангел, а не раб Божий.

Я негромко рассмеялся:

– Мы с вами два сапога пара, отец Март. Любим сунуть голову в пасть голодного и злого льва.

Он рассмеялся в ответ:

– Еще не поздно повернуть назад. Всего лишь час, и вы дома.

– Предпочитаю не бродить один во мраке, а быть поближе к инквизитору, обладающему магией.

– Тоже разумно, – одобрил он, останавливаясь возле очередной кровавой котлеты. Сиокко больше не задерживался у трупов. – Еще один сторонник герцогини останется навсегда там, где ему самое место.

– Это сделал демон?

– Не думаю. Возможно, тела – лишь способ отвлечь его от основной группы незваных гостей.

– Так почему же он еще не тут?

Инквизитор скривился:

— Людвиг, не будите то, что спит. А может, просто отсутствует в логове. Радуйтесь такому обстоятельству. Не исключаю возможности, что он где-то здесь. Наблюдает и не торопится. Но есть шанс, что вообще не знает о некоторых дураках, пришедших сюда без его приглашения.

— И такое возможно?

— Демоны не всесильны. Если искать аналогию, то ведь князь тоже не в курсе, что в его дворец попала пара комаров, и, пока они не пролетят у него перед глазами или не укусят в нос, он на них даже внимания не обратит.

Мы вышли в огромный зал, пол которого застипал туман, медленно скользящий вдоль замшелых могильных памятников и утекавший в пещеру, находящуюся на противоположной стороне.

Здесь было светло. То ли от серебристых стен, то ли от белого мха.

— Ну вот. Хоть какие-то изменения. Но, воистину, мы в доме какого-то демона уныния и меланхолии. — Сиокко темным бесом вырос перед нами. — Там пещера, а за ней часовня. Точнее, целый кафедральный собор. Посмотрим?

— Нашел следы беглецов?

— Да, Март. — Золотые глаза, казалось, отражали туман, охватывавший наши ноги до лодыжек. — Они отмечают свой путь трупами. Хотел бы я знать, как люди превращают своих спутников в мясные лепешки. И отчего остальные не сопротивляются, ведь должны понимать, что потом настанет и их черед.

Через кладбище мы шли в полной тишине. Я пытался прочесть на памятниках имена, но язык был все тот же — странные закорючки, чем-то напоминающие хагжитскую вязь.

В укутанной мраком пещере было влажно и пахло гнилым луком. Звонко капала вода, откуда-то издалека слышалось мерное басовитое гудение, точно нас ждали пчелы, живущие в улье.

— Вы инквизитор и обязаны знать о нечисти то, чего не знают другие, — озвучил я мысли, появившиеся у меня в последние несколько минут. — Но ад, берлоги демонов... Как добыть такую информацию, отец Март?

— В книгах, Людвиг. Тех, что пишут каликвецы. Раньше этот орден был куда многочисленнее, чем сейчас. Из пяти монастырей осталось лишь два. В прежние времена монахи сражались с Тьмой не только в нашем мире. Они захаживали и сюда.

Я присвистнул, и он, неловко улыбнувшись, пожал плечами:

— Превентивная мера. Любой стратег скажет, что войну надо переносить на территорию противника.

– Теперь я понимаю, почему уцелело всего два монастыря.

– Вы как всегда зорите в корень. – В его тоне слышалась грусть. – Папа, который одобрил эту авантюру, был не слишком дальновидным, считая, что боевой монашеский орден справится со всеми легионами тьмы.

– Который из Пап?

– Пий Второй.

– Он плохо кончил. Броде бы утонул во время переправы.

– Это официальная версия. – Его тон не выражал ничего, но этого и не требовалось.

Никому не нравятся безумные правители, призывающие делать безумные вещи. Рано или поздно от таких избавляются. Например... топят. Даже если ты Папа.

– Ого, – негромко сказал я, когда мы миновали пещеру и вошли в анфиладу комнат.

Прямо из стен вырастали скульптуры, выточенные из материала, очень напоминающего раухтопаз. Все как один – не человеческие. Все как один – скорбные, сонные и невероятно отталкивающие. Это были демоны совершенно разных видов и размеров.

– Сюда бы наших специалистов, – с некоторой долей сожаления произнес отец Март. – Можно было бы составить превосходный бестиарий. Где твой собор, Сиокко?

– Через шесть комнат, направо.

Мы шли мимо зловеще нависающих над нами отродий, и наши шаги звучали, точно чья-то песня на непонятном языке.

– Странное место. Звуки сходят с ума.

– Люди тоже, Людвиг. – Инквизитор кивнул на очередные мясные останки, лежавшие возле колена гигантской рогатой твари, которая почти целиком вылезла из стены. – Иначе как сумасшествием я череду таких убийств не назову.

Храм был наполнен голубым светом полной луны, проникавшим сюда через синие витражи. Колонны – берцовые кости, потолок высотой почти в тридцать ярдов, скрепленный контрфорсами-позвоночниками, залитые воском подсвечники с угасшим пламенем, чаша, в которой вместо освященной воды была темная жидкость, без всякого сомнения кровь.

Едва ощутимо пахло серой.

Сиокко хотел пройти к алтарной части по центральному нефу, но клирик остановил его, указав на левый, боковой.

– К средокрестию пройдем здесь. За хорами должен быть выход.

Мы так и сделали. И преодолели почти половину пути, когда я

услышал тихий шепот, а затем увидел парящие под потолком фигуры в бледном лунной свете.

– Стойте! – сказал я, и они сразу остановились. – Темные души...

В этот момент сверху на нас упала целая стая смрадных, сипящих созданий. Польхнула церковная магия, громом отзававшаяся в этом мрачном месте, во все стороны брызнули витражи – синие капли крови взывшей церкви.

Я швырнул знак вверх и тут же кинул фигуру под ноги моим спутникам, защищая их. Но не успел обезопасить себя. Одна из тварей врезалась в меня, протащила по полу, села на грудь и плонула в лицо прежде, чем я успел скинуть ее.

Что-то сладкое забило мне рот и ноздри, в глазах помутилось, а затем купол собора лопнул и втянул меня в себя, точно в жадную, голодную пасть демона.

Какое-то время я слышал отдаленные крики Сиокко. Крики боли и гнева, словно кричал кот, которого засунули в мешок. Было понятно, что он пытается сопротивляться, вырваться на волю, но безуспешно.

Я вяло подумал, что стоило бы встать и помочь ему, но апатия, охватившая меня, мягкой рукой уничтожила это желание. Крики отдалились, стихли, и лишь шепот колыбельной, витавшей в зале грез, осенними листьями шелестел у меня в ушах.

Где-то на краю сознания еще продолжала биться в силках мысль, что все это неправильно, что надо бороться. Не дать поглотить себя в чрево вечной дремоты, липкой как паутина. Но я был неспособен разорвать эти нити и остался лежать на полу, до тех пор пока моя одежда не сгнила, плоть не ссохлась, а затем не исчезла, а неведомые серебристые сорняки не проросли между ребер, оплетя их, словно плющ кладбищенскую ограду.

Я лежал тысячи лет, в мире, где не было времени, и вечная полная луна превращала мои кости в дымчатый раухтопаз. Но и на это мне было плевать. Я слышал лишь шепот колыбельной. Они пели мне ее отовсюду, пели с той невероятной лаской, что может быть лишь у близких, родных существ.

Тот, что объяснил мне, как это – слышать Песню, всегда был рядом, свернувшись в ногах, словно верный сторожевой пес. Он стал частью меня, и я был им. А мои братья, похожие на прекрасных морских скатов, неспешно парили под высоким куполом странного собора, сверкая белесыми, никогда не знавшими солнечного света телами.

Порой они превращались в звезды, водя надо мной хороводы, порой

становились птицами с опалесцирующими крыльями, оставляющими после себя свет в воздухе.

Я смотрел на их безмятежный полет, думая о том, что останусь здесь навсегда, среди теней, чужих песен, разбитых стекол витражей, окровавленного алтаря и расколотого распятия.

Не знаю, сколько это продолжалось, но резкий, скрежещущий звук, внезапно раздавшийся по соседству, вывел меня из транса. Он был столь неприятен, столь чужероден в лакуне сна, что я волей-неволей повернулся, череп, мертвыми глазницами уставившись на чужака.

Он стоял, прислонившись плечом к костяной колонне. Долговязый, нескладный и зловещий. Было в нем что-то смутно знакомое, словно я знал кого-то, похожего на него. В другой, прежней, пустой и совершенно неинтересной жизни. Той, в которой никогда не было такого всеобъемлющего покоя.

Затем он сделал шаг в полосу лунного света, и я его узнал. По соломенной шляпе, рваному мундиру и серпу.

Пугало.

Оно было раздраженным и смотрело на меня с такой невероятной злостью, что я захотел отползти, предупредить моих друзей-птиц, моего пса-охранника, что дремал и не ведал об опасности.

Но кости не могут кричать. Поэтому я лишь смотрел, как оно, широко шагая, приближается, нависает надо мной и хватает когтистой лапой за грудки.

От рывка у меня клацнули зубы, мотнулась голова, и я ощутил, что сижу. Увидел, что белесое создание, сбившее меня, плюнувшее мне в лицо и до этого спящее в клубке, разворачивается, зло шипит, оскаливая сотни острых игл-зубов. Я с ужасом понял, что мы с ним единое целое, что оно присосалось к моей руке своим бледным отростком крыла, точно какая-то мерзкая пиявка, но все еще был неспособен бороться.

За меня это сделало Пугало.

Когда тварь прыгнула на него, вереща будто сотня взбешенных ведьм, Пугало встретило ее ударом ноги. Сверкнул серп, взвыл ветер, и отвратительная пуповина, соединяющая меня с темной душой, лопнула, хлестанув по стенам черной кровью. Я заорал, словно новорожденный.

От страха. От боли. От отсутствия гипнотизирующей колыбельной. От внезапной свободы, с которой не знал что теперь делать.

Свободы сражаться, принимать решения, жить.

Пугало крутанулось на каблуках, на обратном движении разрубая серпом ската на две половины. И в тот же миг его товарищи, испуганными

летучими мышами носившиеся под куполом, вспыхнули и упали вниз огненными кометами, разя колонны, стены, алтарь, орган, сложенный из человеческих ребер, и пол.

Во все стороны вновь брызнули осколки, и я инстинктивно закрыл лицо. А когда вновь решился посмотреть на мир, который мне вернули, Пугало уже ушло.

И я остался один.

Меня немного пошатывало, но я не падая добрался до хоров. Там вповалку, в озере крови, лежал почти десяток трупов. Все те же спутники герцогини, которым, в отличие от меня, не удалось избавиться от назойливого внимания темных душ, живших в соборе.

Я не знал, что это были за создания, и подозревал, что в нашем мире у них даже имени нет. Братство никогда не сталкивалось ни с чем подобным. Я посмотрел назад, на анфиладу, теперь казавшуюся такой уютной и безопасной. Там было начало пути обратно, дорога к дому. Но я не вернулся. Толкнул гнилую деревянную дверь и вошел в небольшую часовню.

В скобах висели факелы, горевшие, как и все в этом дьявольском мире, белым пламенем. Я увидел лестницу, уходящую вниз, и стал спускаться. Следовало найти отца Марта и вьефа.

Идя вперед, я думал о Пугале и о том, как оно здесь оказалось. Одушевленный постоянно преподносит сюрпризы. То оживляет тыкву, то без труда проходит защиту каликвецев, то, точно блоха, прыгает в ад, лишь для того, чтобы отыскать меня. Об этой темной сущности уже пора писать книги, так как с подобными созданиями Братство никогда не сталкивалось. По сути дела, мы вообще мало знаем об одушевленных, а о уж том, что они могут перемещаться между мирами, даже не подозревали.

Сиокко я нашел в веретенообразной комнате, из которой открывался вид на дикий сад. Вьеф лежал на полу, рядом с четырьмя человеческими трупами. Вокруг валялось брошенное оружие. Я подошел к помощнику инквизитора, заглянул в потускневшие золотистые глаза, только чтобы убедиться, что тот мертв. Прежде чем погибнуть, ему удалось забрать с собой нескольких нападавших.

Задерживаться я не стал. Иному, в отличие от инквизитора, который, надеюсь, еще жив, помочь уже нельзя.

Впереди начинался настоящий лабиринт из балконов, галерей и лестниц. Я довольно быстро понял это, вернулся назад, думая, каким образом отметить свой путь, когда увидел в смежном коридоре темную

душу. Она походила на старика с жиценькой бороденкой – сухого, узкоглазого и суетливого. Затаившись, сущность наблюдала за мной, и я дал себе труд подыграть ей. Пошел в ее направлении, делая вид, что не замечаю опасности, корча из себя обычного человека.

Старик радостно потер ладошки, протянул ко мне руки и тут же схлопотал в зубы. Удар моего кулака повалил его на пол, и, прежде, чем он хоть что-то успел сделать, я вдавил каблук ботинка ему в кадык, извлекая из-под куртки кинжал.

– Страж! – взвыл он. – Невозможно!

Впрочем, душа сразу же заткнулась, когда острое жало клинка оказалось рядом с ее лицом.

– Мне нужен провожатый через лабиринт. Я ищу инквизитора.

– Не видел таких.

– Одет как благородный. Был с четырехруким иным существом.

– А-а-а... Этот. Да. Их тащили от собора. Оглушенных. Твой четырехрукий очухался, и его прибили. А второго унесли в зал Поклонения.

– Проводи меня.

– Черта с два. Ты мне ничего не сделаешь. Я и так уже в аду!

– Ты пока не в самом плохом месте. Что, если я отправлю тебя на пару этажей ниже? – По его глазам я понял, что моя угроза попала в цель. – Проводи меня к человеку, которого я ищу, затем покажи дорогу назад, и будем считать, что этот ад тебе подходит.

– Договорились, – сдался тот, и я отошел, давая ему возможность встать, одновременно создавая знак, материализовавшийся у темной души на руке.

– Эй! Ты! – тут же взвился он, отчего вокруг его головы пошли серые искажения. – Что это?!

– Защита от твоих глупостей. Обманешь меня, он взорвется. Попробуешь сбежать, он взорвется. Нападешь, он взорвется. Предупредишь кого-нибудь...

– Ладно! Я понял! Понял!

– И ты отправишься вниз, – закончил я. – А теперь вперед, и побыстрее.

Мне казалось, что он водит меня по кругу. Все было одинаковым, словно зеркало, которое отражает другое зеркало, отчего находящиеся в них предметы множатся до бесконечности...

Но затем я понял, что в том, как мы идем, есть какая-то система, благо

по пути мы наткнулись еще на одно тело.

– Это для демона? – спросил я.

– Нет. Это откуп тем, кто живет в соборе и останавливает чужаков.

Я понял, что он говорит о «скатах», обездвиживших нас.

– Почему ты не напал на людей ведьмы?

Тот глянул на меня как на безумного:

– Они поклоняются ему. Если бы я кого-нибудь тронул, он бы скинул меня на самое дно. Ни один смертный такого не стоит.

– Ты очень разумен для темной души.

Тот равнодушно пожал плечами и зашаркал дальше, поднимаясь по винтовой лестнице.

– Кто здесь живет?

– Я не произнесу его имени. Иначе он придет. А я не хочу, чтобы эта штука на руке взорвалась.

– Женщина уже здесь была?

– Трижды. В компании с герцогиней всегда много тех, кто готов отдать жизнь ради нее.

– Чего она хочет?

– Спроси у нее.

– Я спрашиваю у тебя.

Старик злобно посмотрел на меня через плечо, внезапно оскалив острые зубы, но нападать не решился. Подавил свое раздражение, буркнув:

– Она приносит ему жертвы. А затем открывает дверь и уходит. Так делала ее мать. И мать ее матери. И остальные. Все бабы в ее роду приходили сюда последние восемь сотен лет.

– И демон их не трогает?

– Ты вообще слушаешь меня? Они поклоняются этому ленивому ничтожеству! Жрут мертвцев, что дает ему силу. Если он их прикончит, то кто будет приносить ему радость? Я, что ли?

Несколько минут мы шли в молчании. Стены здесь источали черную, блестящую как зеркало кровь. Она струилась по полу, утекала по лестницам вниз, лилась с балконов, собираясь внизу смрадным озером.

– Далеко еще?

– Близко.

– Много здесь таких, как ты?

– Только я. – Тема ему была неприятна.

Зал Поклонения был окольцован балконом с высокими алебастровыми перилами, которые через каждые двадцать ярдов украшала гаргулья с булавой. Внизу горели факелы и стояли люди. Пятеро мужчин. Двое в

платьях благородных, трое одеты как слуги. И одна бледная женщина в темно-синем плаще.

На полу был начертан рисунок, похожий на тот, что я видел в спальне герцогини. Только этот был гораздо больше, и в центре лежал отец Март. На его груди дремал белый «скат», и поблизости не было друга-Пугала, который мог бы спасти инквизитора, как спас меня.

Герцогиня нараспев что-то говорила, покачиваясь из стороны в сторону, пребывая в трансе. Ее люди нервничали, это было видно по их лицам, пока они осторожно обрисовывали собственной кровью линии на полу. Я не сбирался спускаться, здраво полагая, что слишком неравны шансы одиночки против пятерых вооруженных мужчин и женщины, которая соображает в темных искусствах.

Поэтому я поступил единственным возможным образом – стал создавать знаки. Увидев это, темная душа шарахнулась от меня подальше.

Пришлось импровизировать, чтобы первым же броском не убить Марта. Знак, слабый и более всего напоминающий иглу, угодил в «ската», поработившего сознание инквизитора. Тварь вскрикнула от неожиданности, резко взлетела в воздух, натягивая белую пуповину.

И я сразу же швырнул второй знак, черный бритвенно-острый диск. Он без труда перерубил нить-пуповину, связывающую инквизитора и паразита, пролетел дальше и развалил одного из приспешников герцогини на две неравные части.

Наверное, для постороннего взора это выглядело крайне эффектно и совершенно неожиданно. Внезапно человек раздаивается без особых на то причин, брызжет кровью, даже не поняв, что уже мертв.

Отец Март закричал от боли, изогнувшись дугой, а я тем временем третьим знаком-копьем пробил «ската», пригвоздив того к стене. Сторонники темного культа не поняли, что происходит, но кинулись к клирику, хватая его за руки и за ноги, прижимая к полу, чтобы он не шевелился.

Церковная магия прогремела гласом божьих колоколов. Молотом долбанула по стенам, обвалила одну из двух лестниц, ведущих вниз, вдребезги разнесла пол, подняв людей в воздух. Я на мгновение ослеп, упал на четвереньки, затем откатился под прикрытие колонны, ощущая приступ молитвенного экстаза.

Сверкнуло рубиновым, в ответ полыхнул солнечный свет. Темная душа рядом со мной визжала от ужаса, хотя ей-то это все повредить никак не могло.

Наконец, я рискнул выглянуть из своего укрытия. Вокруг валялись

изуродованные тела. Отец Март, которого еще немного пошатывало, держал за волосы пытающуюся вырваться герцогиню.

– Людвиг, вы очень вовремя, – поприветствовал он меня. – Что это было?

Я понял, клирик спрашивает о мороке.

– Темная душа.

– Воистину славен Господь своими помыслами. Он послал мне вас не случайно. Сиокко?

– Не выжил. – Я уже сбежал по лестнице, а старикан плелся за мной, злобно зыркая по сторонам. Присутствие инквизитора его пугало.

– Жаль. Он был настоящим воином Господним. Да перестаньте вы уже, ваша светлость! – с некоторым раздражением попросил он шипящую герцогиню и, когда та не подчинилась, ударил ее по лицу раскрытой ладонью левой, свободной руки.

От оплеухи ее голова дернулась, герцогиня охнула, разом потеряв весь свой боевой задор:

– Как вы смеете! Я сестра короля!

– Тем хуже для его величества. Когда вы будете гореть на костре, к нему тоже возникнут вопросы. У Церкви, у дворянства, у народа. Люди не любят властителей, родственники которых занимаются темной магией, едят мертвых и поклоняются демонам. Обычно такие правители не долго сидят на троне. Ведите себя хорошо. Право, я не хочу причинять вам боль, но сделаю это, если вы дадите мне хотя бы малейший повод.

– Я женщина!

– Вы ведьма, и у вас нет патента, – жестко ответил он, наконец-то отпуская ее растрепанные волосы.

– Она не опасна? – Мне не нравилось, что он дал ей свободу.

Герцогиня зыркнула на меня со злостью. Если бы взгляд мог убивать, я был бы уже мертв.

– Сейчас не опаснее змеи, у которой сцедили яд. Нам следует убираться, Людвиг. Моя магия для демона все равно что пинок в брюхо. Теперь он знает.

Герцогиня горько рассмеялась, и ее миловидное лицо исказилось.:

– Вы глупцы! Убили всех моих людей! Тех, кто добровольно отдал бы себя в жертву! Без нее портал не откроешь! Прикончи стража, инквизитор. И тогда у тебя есть шанс избежать гнева моего повелителя.

Она хотела стравить нас друг с другом, посеять недоверие, разобщить.

– У меня есть куда более интересный вариант. – Клирик легко поднял ее с пола. – Вернемся назад. Портал, через который мы пришли за вами, все

еще открыт, ваша светлость. Людвиг, к сожалению, я мало что соображал в последний час. Вы хорошо запомнили дорогу?

– Здесь настоящий лабиринт. Но у меня есть провожатый.

– Тем лучше. Ей доверия нет. – Инквизитор положил руку на плечо герцогини, и та вздрогнула. – Идемте, ваша светлость. Обсудим поедание мертвых, когда вернемся в наш мир.

– Мы не вернемся. Он не позволит нам. Даже такой, как ты, не сможет ему противостоять. Его слуги уже в пути. Так что трясишь от страха, инквизитор!

– Я боюсь лишь гнева Господа, – ответил тот.

– Но все же бежишь от того, кто сильнее тебя.

– Вы явно спутали меня с фанатиком, ваша светлость. А теперь проявите благородство. Идите вперед, или я буду вынужден вас тащить.

– Теперь отпусти меня, – сказала темная душа, когда мы оказались недалеко от собора. – Выполню свою часть сделки, страж. Я не хочу быть рядом, когда он будет рвать вас на части.

– Можешь идти, – разрешил я, и инквизитор с пленницей обернулись на мои слова.

Я мог бы отправить его ниже, но это не моя работа. Я занимаюсь тем, что очищаю мир от темных сущностей и защищаю людей, а не тем, чтобы пинками распределять грешников по секторам ада.

– А это? – Старик потряс рукой, на которой сиял знак.

– Исчезнет, когда я вернусь в свой мир.

Он грязно выругался и юркнул в темный коридор, не смея настаивать.

– Стойте! – уперлась ногами герцогиня. – Дальше нельзя! Требуется жертва. Невидимые охранники в церкви нас не пропустят!

– Людвиг? Мнение эксперта, пожалуйста, – попросил отец Март, сильнее сжимая пальцы на плече ведьмы.

– Опасности больше нет.

– Что бы мир делал без стражей, – усмехнулся инквизитор.

Церковь после того, что здесь случилось, казалась разоренной бандой наемников. В боку закололо, и я предупредил:

– Демон близко.

– Еще нет. Это всего лишь его гончие. Поспешим.

Мы то и дело переходили на бег. Воняющая луком пещера, затянутое туманом странное кладбище и, наконец, зеркальное отражение особняка. Герцогиня спотыкалась, не успевая за нами, но отец Март был безжалостен и волок ее за собой, вцепившись в женщину, точно мастиф в кость.

Они настигли нас в танцевальном зале, ворвавшись снаружи, разбив стекла. Троє демонов с собачими головами, на которых чудовищно разрослись малиновые опухоли. Поджарые, с выпирающими через серую кожу ребрами. Каждый из них был выше меня по меньшей мере на ярд, двигался на полусогнутых коротких ногах, помогая себе свободной рукой, точно обезьяна. В другой руке у них были широкие полосы металла с изогнутыми рукоятками.

Инквизитор толкнул герцогиню мне:

– К стене, Людвиг!

Я схватил пленницу за руку, безропотно выполняя приказ, отступил назад. Одно из отродий тут же ринулось мне наперерез, но споткнулось и растянулось на полу, когда Пес Господень ударил в него солнечным распятием. Огромный меч с противным звяканьем, крутясь, проехал по гладким плиткам и канул во мраке.

Две другие твари кинулись на легата Риапано. Одна взвилась в прыжке, рухнула на то место, где только что стоял отец Март, выбивая клинком из камня искры. Вторая попыталась подрубить клирику ноги, но оружие столкнулось с его ладонью и разлетелось расплавленными каплями, каждая из которых сияла, точно бриллиант, насыщенный божественным светом.

На первый взгляд инквизитор двигался не так проворно, как свора, которая на него нападала. Он ступал аккуратно, мелкими шагами, не делая никаких лишних движений и не сгибая спины, но отчего-то демонические воины не могли задеть его ни мечами, ни когтистыми лапами, ни зубами.

С каждым шагом он отводил их все дальше от нас, в противоположную часть зала. Слово, произнесенное им, грянувшее многоголосым эхом, точно пушка, раскололо голову одного из демонов, отшвырнув другого.

– Идите, Людвиг! – крикнул он, вскидывая сияющие ладони, и мне почудилось, что за его спиной собирается все небесное воинство.

Я потащил за собой наполовину ослепшую, ошеломленную герцогиню, слыша, как за спиной вовсю поют хоры и гремят колокола. В ход пошла тяжелая церковная магия, которая могла если не повредить, то ввести в экстаз обычного человека на несколько часов.

Дорогу я помнил. Оставалось совсем чуть-чуть.

– Послушайте! – Герцогиня попыталась вырваться. – Помогите мне!

– Не останавливайтесь.

– Вам не надо ничего делать! Просто дайте мне закрыть портал.

– С чего бы мне так поступать? – Мы начали подниматься по лестнице,

где на перилах висело тело, проткнутое стальными шипами.

– Вы будете богаты!

– Я и так достаточно богат, – усмехнулся я.

Она хотела привести еще один аргумент, но нас нагнал отец Март, и женщина замолчала.

– Со слугами покончено. Однако хозяин наступает нам на пятки. Слышите?

Я слышал. Хруст, треск, грохот падающих стен. Что-то огромное шагало напролом, не разбирая дороги.

Мы больше не шли. Безостановочно бежали. И герцогиня быстрее всех. Она была в ужасе от того, что привела в дом своего повелителя инквизитора, и теперь встреча с демоном казалась ей куда худшим вариантом, чем костер.

Низко, протяжно заревели десяток глоток.

Я, не удержавшись, на мгновение обернулся. Нечто огромное, занимавшее все пространство, боком протискивалось по коридору, пытаясь нагнать нас. Я увидел множество голов и сотни алых глаз.

– Людвиг, быстрее! – поторопил меня отец Март, волоча на себе рыдающую герцогиню.

Мы буквально ввалились в спальню, и я с облегчением увидел, что портал все еще открыт и с той стороны стоят встревоженные наемники. Инквизитор пропустил меня вперед, сам оставшись на месте, крепко держа извивающуюся пленницу.

– Что вы делаете?! – крикнул я, находясь уже в нашем мире.

Он повернулся ко мне решительное лицо:

– Планы изменились, Людвиг. Если ее сжигать, то это затронет слишком многих людей. Я вызову бурю. И в стране, и в политике. Погибнут невинные люди. А она этого не стоит! Оставайтесь на месте! – рявкнул он, когда я хотел вернуться к нему. – Вы достаточно рисковали сегодня! Думаю, ее светлость вполне готова расплатиться здесь и сейчас.

Я понял. И она поняла. Завыла, попыталась вцепиться ему в лицо и оказалась на полу.

– Вы не пройдете очищающее пламя. Вы уже в чистилище. Пора взглянуть в глаза вашему ложному богу.

– Нет! Умоляю! Я сестра короля!

– Молите Бога о прощении. И Он, а не я, когда-нибудь дарует его. Даже такая грешница, как вы, рано или поздно будет прощена.

В дверном проеме показалась зловещая масса. Головы выли, голосили, щелкали зубами, и клирик с силой толкнул женщину к демону. Она заорала,

отчаянно и обреченно, врезаясь в смрадную плоть.

Когда ее тело начали рвать на части, я не стал отворачиваться. Продолжал смотреть. И смотрел до тех пор, пока инквизитор не оказался рядом и каблуком не разбил зеркало, закрывая портал.

В самый южный город Литавии – Бъенцо-Лево – я попал после того, как недалеко от Сигизии наш корабль едва не взяли на абордаж хагжитские пираты. Капитану пришлось сильно забирать к востоку. Там нас догнал запоздавший весенний шторм. Последний и самый сильный в этом году.

Наше торговое судно изрядно потрепало и побросало по волнам, отнеся еще восточнее. Так что оставшееся расстояние до Билеско мне предстояло добираться по сухе, и Бъенцо-Лево вполне годился для начала следующего этапа путешествия. Я намеревался найти подходящий дилижанс и достичь точки назначения меньше чем за неделю.

Место было так себе. Неуклюжие дома, состоящие из множества пристроек, громоздящихся друг на друге, словно кубики, с помощью которых ребенок хочет достать до неба. Получающиеся башни казались совершенно ненадежными, словно вот-вот собирались упасть мне на голову. Застройка была такой плотной, что темно-бордовые, точно голубиная кровь, черепичные кровли сходились друг с другом, как два пьяных товарища, оставляя от небесной лазури лишь узкую щель, через которую на улицы едва-едва проникал свет.

Здесь всегда царили сумерки, было сыро и грязно. Запах тоже не предполагал приятного времяпровождения, особенно если учесть, что в соседнем квартале находились красильни, в которых обрабатывали свиные, лошадиные и бычьи кожи. Ветер то и дело доносил тошнотворные ароматы из чанов, где выдерживались шкуры, а по сточной канаве тек разноцветный ручеек из краски.

Проповедник скалился, словно Пугало. Он, в отличие от меня, был избавлен от вони. И не переставая радовался, что шторм не поглотил корабль, что наконец-то наступило лето, что история с инквизитором закончилась для меня хорошо. Старый пеликан был настроен до того благодушно, что я даже начал думать, что его подменили.

Внутренняя часть города была огорожена дополнительной, очень старой и низкой стеной. Имелись и ворота – две арки, одна из которых служила для входа, другая для выхода. Двое стражников взяли положенную мзду за проезд и, не задав мне никаких вопросов, отпустили.

Внешне улицы здесь мало чем отличались от тех, по которым я ехал несколько минут назад, – такие же темные, узкие, хаотично

расположенные. Но, к счастью, не воняли красильней, и от этого из глаз не текли слезы.

Мне несколько раз пришлось крикнуть, чтобы дали дорогу. И раз двадцать прижаться к лошадиной шее, дабы не разбить голову о низкие выступы, балконы и щиты с гербами ремесленных кланов да названиями постоянных дворов. Дорога оказалась мощена широким, плоским камнем, и эхо от ударов конских копыт, металось вокруг меня, отражаясь от сдвинутых друг к другу стен.

Главная улица, заканчивающаяся ратушей с часовой башней и чумным столбом, посвященным Деве Марии, была отдана под ярмарку. Тут торговали в основном фруктами, мешками с зерном и солью, которую привозили с юга.

Контора «Фабьен Клеменз и сыновья» располагалась в башне, возвышающейся над другими домами этого района на целых два этажа.

– Странные постройки. – Проповедник, задрав голову, оценил увиденное.

– Сто лет назад прибрежные поселения страдали от пиратов, и если разбойники брали внешний периметр укреплений, то жители прятались здесь.

– Но времена изменились. Теперь это уже не крепости. Я вижу, что прорубили окна и разобрали стены во многих местах.

Я передал лошадь на попечение слуги, вошел внутрь. Почти сразу же появился предупредительный клерк с совершенно незапоминающимся лицом. Взял ивовый прутик, изучил данные с моей руки.

– Господин ван Нормайенн, рады видеть вас в нашем заведении.

– Есть для меня корреспонденция?

– Одну минуту. Я проверю.

Ждать пришлось не минуту. И не две. Но он вернулся, вручая мне несколько конвертов и перетянутый бечевкой небольшой сверток. Три письма были от Гертруды, одно от Львенка. Я отложил их на потом.

– Вы позволите? – спросил я у клерка, кивая на сверток.

– Для наших клиентов все что угодно.

Я сел в кресло, кинжалом разрезал веревку, развернул вощеную, все еще холодную после магии пересылки бумагу. Книга в темно-зеленой обложке и записка: «Выполняю свое обещание».

Я прочитал тисненные на телячьей коже буквы:

Яков Тинд «О поздней империи и создании княжеств».

Чувствуя, что Проповедник заглядывает мне через плечо, открыл шестую страницу и посмотрел на рисунок, где был изображен портрет

темного кузнеца.

Этот человек чем-то походил на меня. Судя по всему, высокий и сильный, светловолосый, с густой бородой, синеглазый. Вот только смотрел он прямо и грозно. Я опустил глаза вниз и прочитал всего лишь два слова: Император Константин.

История четвертая

Проклятый горн

Несмотря на сильный дождь, густой запах сосновой смолы витал в воздухе. Я шел через намокший бор, закинув сумку с закрепленным на ней палашом себе за спину, и влажная мягкая хвоя глушала мои шаги. Какуюто птаху не смущала непогода, и она, не заботясь о воде, льющейся с неба, пыталась петь.

Было жарко, и я парился в плаще, затем и вовсе снял его, рассудив, что нет разницы, каким способом стать мокрым. Проповедник отсутствовал. Вчера мы с ним крепко поспорили по теологическим вопросам, в частности о пребывании человека в аду, его возвращении и чем это грозит его душе. Когда после долгой дискуссии я привел вполне разумный аргумент, что мне, как стражу, этот факт биографии абсолютно ничем не может грозить, он вспылил и «хлопнул» дверью. Теперь небось остывает да накапливает новую порцию брюзжания.

Так что я шел в полном одиночестве, ни о чем особо не думая и поглядывая по сторонам. За редкими можжевеловыми кустами заметил шалаш, пристроенный к золотистому стволу столетней сосны. Он был весь усыпан старыми, пожелтевшими иглами и казался давно заброшенными. Что и не удивительно. Места тут довольно безлюдные.

Я заглянул в него, ощущая тяжелый, пряный запах, и увидел под потолком сущающиеся вязанки трав.

– Могу помочь? – спросил голос у меня за спиной.

Я неспешно повернулся для того, чтобы столкнуться с совершенно голым лиршем. Он стоял, уперев руки в бока, и глядел мрачно. Ростом с меня, весь покрыт золотистой чешуей, издали ничем не отличимой от коры сосен, с темными ореховыми глазами, прямой линией рта и зелеными волнистыми кудрями, находящимися в совершенном беспорядке.

– Возможно. Я ищу заброшенную деревню, на берегу реки.

– Про помочь это была ирония. Вроде так у вас, людей, говорят, – буркнул тот. – Хотя ты не человек. Впервые вижу такого.

Он чувствовал Темнолесье в моей крови, но, в отличие от других иных существ, не понимал, что это такое.

– Я страж.

– К чему тебе эта деревня? – помолчав, спросил он. – Одни замшелые

развалины.

— Два года назад там было наводнение, река подмыла берег и обнажила могилы. После этого недалеко от поселения погибли несколько охотников. Город попросил меня проверить это место.

— Город? То есть приор. Он та еще шельма и любитель промискуитета^[9]. Охота тебе на него работать?!

— Смотрю, ты довольно много знаешь о нем.

— Приходилось сталкиваться с этой паскудой. Он меня из городского парка выгнал, нечистью назвал и адской курвою. Я ему, твари похотливой, за это все овощи на монастырских грядках сгноил. Теперь из-за него, чтобы с травниками встречаться, надо лишних два часа идти. Вино у тебя есть? — неожиданно спросил он.

— Нет у меня вина.

— Ну тогда проваливай. — Он махнул ветвейобразной рукой. — Там твоя деревня. Только душ никаких нет. Визаган твоих охотников прикончил. Я своими глазами видел.

Он потеснил меня и забрался в шалаш, показывая, что беседа завершена.

Я пошел своей дорогой, добрался до речного берега. Высокого, обрывистого и песчаного, в котором было множество стрижиных гнезд. Из-за дождя над неспокойной водой летало лишь несколько птиц, то и дело пронзительно кричавших «сквииииир».

Двигаясь вдоль реки, я думал о том, что задерживаюсь уже на сутки, хотя давно должен был быть в Билеско, где меня ждет Гертруда. Но и проигнорировать сообщение о темных душах тоже не мог, оставляя незаконченное дело на другого стража, который, возможно, окажется в этой дыре через год, а то и два.

Заброшенная деревня, а точнее, то, что в северных княжествах называлось хутором, была сильно поглощена молодым лесом. Двенадцать изб с провалившимися крышами, одичавшие огороды, замшелые бревна. Люди давно оставили это место.

Кладбище тоже оказалось скромным. Я с трудом различил среди дикого шиповника с десяток могил. Раньше их было больше, но подмытый после половодья берег рухнул вниз, увлекая за собой останки.

Я расчистил кинжалом место для работы, убрав высокие заросли и подготовив площадку для фигуры. Нарисовав ее, увидел, что ни одна из граней не загорелась. И это подтверждало слова лирша. Темных душ здесь не было, но все же я не спешил уходить.

За фундаментами сараев нашел более-менее подходящий спуск к реке.

По счастью, почва здесь песчаная, так что мне не грозило поскользнуться и свернуть себе шею.

От воды пахло свежей рыбой, от земли – едва уловимо тленом. Я прошел по сухой полоске до кладбища, осмотрел фрагменты темных костей, которые пока еще не утащило на дно. Задрав голову, изучил берег, увидел «срез» кладбища – ниши могил, наполовину висящие над обрывом гробы. Три целых, четыре раздавленных, с торчащими из них черными останками.

Зловещее место. Темная душа здесь вряд ли зародится, все сроки уже прошли, а вот злобный одушевленный спустя пару десятков лет запросто. И не важно, что кладбищу осталось просуществовать не больше года, до следующего разлива реки, которая заберет в себя уцелевшие захоронения. Они все равно будут здесь, пусть и скрытые водой. Работу я закончил быстро: резервная фигура для проверки на наличие темных душ и еще пара рисунков, блокирующих любую вероятность, что здесь заведется нечто злобное и опасное для человека.

Поднявшись обратно, я увидел на краю, перед обрывом, огромные следы кабаньих копыт. Вне всякого сомнения обитающий неподалеку визаган наблюдал за мной, пока я работал, и уехал так же незаметно, как и появился. Печать Софии, живущая в моей крови, остановила его от желания попробовать мое мясо.

Возвращался я тем же путем, что и пришел. Дождь и не думал переставать, шуршал среди сосен успокаивающе и сонно. Вокруг звенело комарье. Лирш валялся в своем шалаше, наружу торчали лишь золотистые пятки. Он очень удивился, увидев меня снова, и крикнул в спину:

– Скажи этому евнуху приору, что, если хочет снова жрать свежие овощи, пусть разрешит мне жить где прежде! Скажешь?

– Скажу.

Я выполнил свое обещание, но приор, совсем еще не старый мрачный мужик, услышав об ином, помрачнел еще больше с тех пор, как узнал, что дело не в темных душах, а в визагане.

– Может, убьешь эту тварь, раз не нашел душ?

Я так и не понял, о ком он просит, о лирше или же о всаднике на кабане.

– Сожалею, но это не моя сфера деятельности.

Он не стал настаивать и, чтобы избавиться от меня, спросил, сколько мне должен город, ожидая, что я обдеру их казну как липку. Я взял с него номинальную плату за стандартную проверку территории и уехал первым же дилижансом.

Уж не знаю, кто меня разбудил на рассвете. Проповедник или тряска. Мы въезжали в Билеско по Атейскому тракту. Я открыл глаза, затем потянулся, пытаясь хоть как-то прийти в себя после неудобной ночевки.

На соседней лавке спал уже старый, неразговорчивый художник, ехавший в столицу Дискульте расписывать церковь Санта Энграсия. Подложив толстую руку под небритую щеку, он негромко посапывал, несмотря на то что дилижанс подпрыгивает на каждой ямке.

Проповедник сидел напротив, глядя в маленькое, забрызганное грязью окошко. Из-за гор поднималось солнце, и небо было алым, летним, адским. В уже начинавшем дрожать мареве угадывалась жара, пришедшая на смену прохладным дождливым дням. Июнь, как и все летние месяцы на юге, обещал быть ничуть не более комфортным, чем чистилище. Во всяком случае, для северного человека, предпочитавшего зону княжеств и редко бывавшего в столь далеких областях нашего христианского мира. В отличие от Натана и Львенка, я не слишком люблю и знаю этот регион, хотя мне и случалось здесь бывать.

Проповедник же, остыvший после нашего спора, был весь в предвкушении. Он никогда не забирался так далеко от своей родины, слышал, что женщины города, в который мы скоро попадем, самые красивые в мире, что сокровищ в церквях больше только у флотолийцев, что Билеско это почти что рай на земле, и поклониться мощам апостола Луки обязан всякий верующий, даже если он уже мертв.

Дилижанс остановился на временной почтовой станции, в пригороде, расположеннном на небольшом холме, с которого открывался вид на город. Я выбрался наружу, вытащив из-под лавки клинок и сумку, слыша как возница с руганью пытается растолкать не желающего просыпаться художника.

Город, обнесенный светло-желтыми стенами, возвышался на отвесном алебастровом берегу Золотого моря, имея лишь одну пригодную гавань для захода кораблей, расположенную гораздо ниже укреплений. Отчего большую часть грузов, доставляемых по воде, поднимали вверх или на мулах или с помощью новейшего изобретения флотолийских инженеров – канатной дороги. Ее приводили в движение огромные колеса, которые крутили волы в Приморском бастионе.

На тракте был нескончаемый поток всадников, телег и пеших путников. Я влился в эту разношерстную толпу, слушая обрывки разговоров, пересуды и ругань. Мимо прошли два десятка монахов из нищенствующего ордена отшельников Святого Августина, они распевали

гимны, прося защитить всех путников, что оказались вместе с ними на дороге. В кружку, которую нес один из них, постоянно кидали монеты.

– Красиво поют, – оценил Проповедник. – Слышал, что говорят люди?

– Юстирский пот пришел в южный Сарон. И вроде бы появился даже в пригородах Виоретто. Это рано или поздно должно было случиться.

– Порой меня просто поражает твой фатализм! – фыркнул тот, но тему продолжать не стал, отвлекся на драку двух купцов.

Проехала кавалькада богато одетых всадников при оружии, и все расступились, давая им дорогу. Поднялась пыль, какой-то ремесленник закашлялся, послал проклятье вслед благородным.

На Масленичных воротах стояли усиленные патрули, проверяли каждого, поэтому я застрял в очереди на полтора часа. Проповедник злился и спрашивал, почему я не воспользуюсь своим правом, как любой страж, входить в столицы без всякого ожидания.

Но я не желал привлекать лишнего внимания. Свое пребывание в Билеско я хотел сохранить в тайне, насколько это только возможно. В моих планах было отыскать законника Сисэрино Руджеролло, который может вывести меня на темного кузнеца. Я собирался представиться вымышленным именем.

Недалеко от рва, сухого, сильно заросшего кустарником, стояло несколько виселиц. На них болтались трупы разной степени свежести, и у каждого на груди висела обязательная табличка, говорившая любопытным, за какое преступление шея человека оказалась в петле. Любопытных вокруг было много, но умеющих читать слишком мало. Какой-то молодой человек, судя по берету, студент одного литавийского университета, начал декламировать всем желающим причину казни, но быстро понял, что его знания довольно сильно раздражают простых людей и ему вот-вот намнут бока. Чтобы не умничал. Так что паренек затерялся среди толпы, смекнув, что не стоит злить народ.

– Богородица, спаси, – вздыхала толстая прыщавая тетка передо мной. – Чего так долго-то? Вымокнем все.

С севера, со стороны Золотого моря, медленно приближались грозовые облака. Когда дошла очередь до меня, я попал к одной из семи троек стражи, расспрашивающих вновь прибывших.

– Кто, откуда и зачем? – наверное, в тысячный раз за день поинтересовался загорелый мужик, поправляя ремешок мориона, впивающийся ему в подбородок.

– Переплетчик. В данный момент прибыл из Ливетты по персональному приглашению кавальери Лоренцо Риннучини.

– Бумаги есть?

Я вытащил из сумки письмо, которое мне переслала Гертруда, протянул солдату. Он, несмотря на то что не был офицером, умел читать. Но больше внимания уделил печати на конверте – алому быку.

– Клинок у тебя зачем? – между делом поинтересовался он.

– На дорогах бывает опасно.

– Ремесленникам в городской черте можно носить кинжалы и корды. Дойдешь до дома, оставишь, или будут неприятности.

– Хорошо.

– Два сenterima.

– Почему два? – для дела удивился я.

– Потому, что ты на работу пришел, а не в гости.

Уже не споря, я бросил в прорезь закрытого на замок ящика две мелкие серебряные монеты и вошел в густую тень воротной арки. Сразу за ними, примыкая к стене, начиналась караулка и небольшой двор, превращавшийся в узкую улочку, эдакое бутылочное горлышко, способное устроить настоящую давку для тех, кто пойдет на штурм и все-таки прорвется в Билеско этой дорогой.

– Эй, переплетчик! – окликнули меня. – Подойди.

Офицер с плюмажем на легком шлеме стоял возле караулки. С ним были двое в одежде городских жителей, но при оружии. По их выправке я понял, что они явно не из тех, кто не умеет постоять за себя.

– Что случилось? – закудахтал Проповедник. – Чего им надо?!

– Без паники.

Я не видел причин упираться, подошел, и солдат с раздражением скривил губы:

– У этих господ к тебе пара вопросов.

Сказав это, он развернулся на каблуках и направился к воротам. Я получше рассмотрел двух неизвестных. Один приземистый, плотно сбитый, с короткой прической-ежиком на массивной голове, выглядел расслабленно и улыбался. Второй, начавший лысеть, со свежими порезами от бритвы на впалых щеках, казался куда более серьезным.

– Нам лучше поговорить внутри. – Порезанный распахнул дверь.

Я не собирался никуда идти с теми, кого видел впервые, и они поняли это.

– Мы настаиваем.

– Вы не можете настаивать, сеньоры. Если я только не увижу доказательств, что у вас есть право действовать подобным образом в пределах городских стен.

В том, что какое-то право у них точно есть, я был уверен. Потому что редко лейтенант стражи подчиняется двум гражданским. Весь вопрос лишь в том, кто они такие.

Порезанный с раздражением положил руку на висевшую у него на поясе широкую чивону, но его товарищ с улыбкой попросил:

– Не надо злить волков, Джанкарло. Разумные люди всегда договорятся друг с другом. В каком-то кармане у меня была эта хрень...

Он зашарил по куртке, и его неспешный, обстоятельный поиск вызвал еще большее раздражение у приятеля. Наконец тот не выдержал, буркнув:

– Бога ради, Эспозито! – и протянул мне на ладони золотую медаль, диск на котором был выбит спящий под деревом единорог. – Тайная служба короля Альфонсо, переплетчик.

Тайная служба есть у всякого уважающего себя короля, князя и герцога. Я редко сталкивался с этими людьми, но прекрасно знал, что они частенько наделены серьезными полномочиями. Еще чаще их методы были беспринципными, а паранойя огромной.

– Думаю, мне стоит предупредить твою ведьму, – пробормотал Проповедник, которого порой довольно быстро осеняют очень хорошие, по цене бриллиантов идеи.

Он исчез, точно утренний туман, оставив меня наедине с этой парочкой.

– Еще какие-нибудь доказательства, или этого хватит? – Джанкарло убрал жетон обратно в карман.

– Я мог бы сказать, что нездешний и, возможно, у каждого афериста есть такая штуковина, не будь она сделана из чистого золота.

– Соображаешь, – довольно улыбнулся Эспозито, и я увидел, что в его зубах настоящая просека, такими редкими они были.

Джанкарло снова указал мне на дверь, злясь, потому что на нас то и дело поглядывали проходящие мимо люди, но я и с места не двинулся.

– Все еще не вижу причин куда-то идти, – возразил я, видя как улыбка пропадает с широкого лица Эспозито. – Чем тайную службу заинтересовал скромный переплетчик? Вы, ребята, явно не ведете беседы с каждым приходящим в ваш город.

– Нагл ты для переплетчика. – Приземистый вновь остановил своего друга. – Но вполне обычен для стража.

– Вы не менее чванливые ублудки, чем законники. Да, мы знаем, кто ты такой на самом деле! – У Джанкарло дернулась щека. Было видно, что он сдерживает себя из последних сил. Удивительно нервный парень.

– Мы просто хотим поговорить, ван Нормайенн. Не трать попусту

время ни свое, ни чужое. Так что заходи, или начнем безобразную драку на глазах у зевак. Уверен, тебе и нам она нужна меньше всего.

В караулке пахло супом, было душно, несмотря на открытые окошки, в дальнем углу стояли сколоченные в два яруса грубые кровати. За столом несколько стражников без кирас, в намокших от пота темных рубахах играли в кости. Еще один облизывал тарелку после завтрака.

Кубики со стуком били о доску, катились, останавливались. Слышался тихий разговор.

– Пошли вон, – сказал солдатам Джанкарло.

А куда более тактичный Эспозито улыбнулся, сглаживая ситуацию:

– Погуляйте пару минут на улице, ребята. С меня вино.

Они безропотно встали со своих мест, тот, что был с тарелкой, забрал ее с собой. Судя по всему, эту парочку стражники видели не в первый раз, и у них не возникало вопросов, почему они обязаны подчиняться.

– Откуда вам известно мое имя? – спросил я, садясь так, чтобы за спиной у меня оказалась стена с выцветшей штукатуркой.

– Приор сообщил о твоем визите в Филесто и что ты уехал на дилижансе в Билеско. Нам всего лишь оставалось правильно выбрать ворота и дождаться тебя. – Эспозито взял стул, повернул его и тоже сел, положив руки на спинку.

– Я под колпаком у тайной службы короля? Довольно странно, учитывая, что я не был в вашей стране лет двенадцать.

– Мы всего лишь наблюдаем, – поднял крепыш руку, успокаивая меня, хотя я в этом не нуждался. – Король хочет знать, сколько в его столице стражей, а сколько законников. Он научен горьким опытом, что, когда людей из Братства и Ордена собирается много, случаются вещи вредные для государства.

– Вы о Садоском кризисе? Его величество так волнует прошлое? Уже семь лет минуло.

Тогда Орден Праведности ловил в Дискульте стража, нарушившего законы, по которым мы работаем. Преступление было серьезное и, к сожалению, реальное, молодой дурак собрал кинжалом несколько светлых душ, отказался от глубокой проверки клинка, убил двоих и бросился в бега. Его обложили как медведя, король, следуя правилам, дал законникам всю полноту власти для решения вопроса.

И те наломали дров не меньше мальчишки. Перенервничали настолько, что по ошибке прикончили маркиза из Садоса, западного региона Дискульте, перепутав его со стражем. Взвешенные вассалы маркиза собрались и перебили почти сорок человек орденцев и тех, кто им

служил. На всеобщую беду, в свите законников оказались три фаворита короля, решивших, что будет забавно на этот раз поучаствовать в охоте не на лису, а на человека из Братства.

Фавориты, как того и следовало ждать, были из знатных фамилий, и родственники решили отомстить за их смерть. В итоге в стране едва не разразилась гражданская война. Отделались сотнями трупов, чередой сгоревших деревень и мельниц и мятежом в двух провинциях.

– Но осадочек-то после того случая остался. Вы как искорки в сухой соломе. Зазеваешься, и вот уже вокруг все пылает. Мы здесь для того, чтобы избежать пламени. Ответите на несколько вопросов?

– Не вижу причин отказываться.

Будь тут Проповедник, он бы сказал, что нечего мне было помогать приору, тогда никто бы не узнал о моем приезде в город. Он конечно же прав, никто не узнал бы, но стражи не отказывают в помощи, если дело касается темных душ. Иначе города просто перестанут платить Братству положенные суммы.

– Уш! – негромко позвал Эспозито, и с верхней кровати бесшумно спрыгнул иной.

У него была черная кожа, редкие белые волосы и светло-голубые узкие глаза. Руки тонкие, точно веточки, с изящными длинными пальцами.

Я знал этих существ, их называли вестниками правды, и прозвище настолько прижилось, что за ним давно забылось оригинальное имя.

– Не возражаете, если Уш поприсутствует при разговоре? – вежливо спросил Эспозито.

По лицу Джанкарло было видно, что он бы был не против, если бы я возражал. Тогда можно было бы сказать, что мне есть чего скрывать, и продолжить беседу уже не так цивилизованно.

– Нисколько.

Уш сел напротив, я закатал рукава, положил руки на стол, и тот опустил горячие, шершавые пальцы мне на запястья.

– Простите мою назойливость, – прошелестел он.

– Вы приехали под чужим именем. Вам было что скрывать?

– Да.

Искатель правды не шелохнулся, а Эспозито, понимая, что я не склонен говорить лишнее, уточнил:

– Озвучьте причину своей маскировки. Пожалуйста.

И здесь я тоже не стал врать:

– Не желаю, чтобы Орден Праведности знал о моем присутствии. Выражаясь вашими словами, мне совсем не нужен пожар. Законники лишь

путаются под ногами и мешают нормальной работе. Я не люблю их внимание.

Я и вправду не желаю, чтобы Сисэрино Руджеролло знал о моем приезде.

– Вы в городе по личной инициативе?

Оставалось порадоваться тому, что совет одобрил мои действия.

– Нет. По заданию Братства.

– Каково это задание?

Тут я мгновение подумал над более точной формулировкой:

– Как всегда: поиск и уничтожение тех, кто опасен для нашего мира. –

На мой взгляд, это вполне подходило под розыск темного колдуна.

Уш и глазом не моргнул.

– Бумаги, которые вы предъявили на входе, настоящие?

Я этого не знал, но верил, что они не фальшивка.

– Да.

– Вы знакомы с кавальери Лоренцо Риннучини?

С учетом что такого человека не существует, ответ был очевиден:

– Нет.

Джанкарло удивился:

– И вместе с тем у вас бумага от него.

– Да.

Агент тайной службы нахмурился, видя, что я не собираюсь облегчать ему жизнь:

– Почему у вас приглашение от Риннучини, если вы незнакомы?

– Полагаю, потому, что мне его прислали из Братства.

– Какие дела у вас будут с кавальери?

– Надеюсь, что никаких. Это был всего лишь пропуск.

– Вы собирались с ним встречаться?

– Нет.

– Где вы планировали остановиться?

– В трактире.

– Господин ван Нормайенн! – вспылил Джанкарло. – Отвечайте более подробно!

– Вы что-то путаете, – нехорошо усмехнулся я. – Я здесь по доброй воле, господа. И отвечаю как хочу на вопрос, который мне был задан. Если вам что-то не нравится, спрашивайте лучше.

– Название трактира, где вы планировали остановиться! – чуть ли не прорычал Порезанный.

– «Кубок и ковш».

– Знаете ли вы о замыслах Риннучини против короля Дискульте? – внезапно спросил Эспозито.

– Нет.

– Замышляете ли вы против короля Дискульте?

– Нет.

– Повлекут ли ваши действия угрозу для короля, города Билеско или государства?

– Нет.

Искатель правды вел себя как и прежде, смотрел в одну точку.

– Расскажите, что конкретно вы собираетесь делать в нашем городе.

– Выполнить задание Братства.

– В чем оно заключается?

Опасный вопрос.

– Простите. Это вас не касается. Я не имею права разглашать эту информацию. Если она вас интересует, отправьте запрос в Арденау от имени его величества. Уверен, вам ответят.

– Вам есть что скрывать? – тут же ухватился за шанс Джанкарло.

– Конечно. – Было бы глупо отрицать такое. – Я вижу вас впервые, господа. И не исключаю вероятности, что вы передаете услышанное от стражей законникам. А как мы уже выяснили, я не желаю лишних проблем от Ордена Праведности во время своей работы.

– Но ведь законники не трогают стражей, пока те не нарушают правила? – Эспозито улыбался, хотя вопрос он задал хороший.

Я рассмеялся, и Уш чуть сильнее прижал пальцы к моему пульсу.

– Сеньоры. Мы же с вами не первый день живем на этом свете. Между моей организацией и той, что якобы следит за нами, издавна существуют трения. Вы же понимаете, что для того, чтобы причинить друг другу неудобства, не требуется ждать каких-либо нарушений. Вообще, я не понимаю, что мы здесь делаем. Вы выяснили, что я не представляю никакой угрозы для короля или государства.

Через дверь проскочил Проповедник, сказав мне:

– Тебе следует задержать дыхание, когда все начнется.

Я мало что понял, но склонил голову, показывая, что услышал его.

– Еще несколько вопросов, и вы будете свободны, – попросил Эспозито. – О скольких стражах в городе вам известно?

Я знал, что Гертруда здесь. Так же как и Львенок. А еще мне всегда было интересно, как действуют существа, подобные Ушу. Так что я улыбнулся и произнес:

– Ни об одном.

Чужие пальцы на моей коже на мгновение стали обжигающе-горячими, и иной прошелестел все тем же спокойным голосом:

– Ложь.

Дверь приоткрылась, что-то со стуком упало на пол и покатилось в нашем направлении. Я сделал глубокий вдох, набрав в легкие весь возможный воздух. Джанкарло оторвался от стены, подошел к круглому комку листьев, с недоумением нахмурился.

Взрыв был беззвучный и невидимый глазу. Просто внезапно человек подлетел в воздух на ярд, затем грохнулся на пол, среди разлетающейся сухой трухи.

– Какого?!.. – Эспозито приподнялся на стуле, закатил глаза и потерял сознание.

Уш, в отличие от людей, остался в добром здравии и убрал руки от меня подальше.

– Если вам надо идти, я не стану мешать, – прошелестел он. – Только не бейте меня.

Бить его было страшно. Он казался таким хрупким, что любой удар моего кулака гарантированно раздробил бы ему кости. Впрочем, у меня и в мыслях такого не было.

На улице меня ждал ухмыляющийся Львенок.

– Привет, дружище. Пойдем отсюда, пока эти дурни не очнулись или стражники не вернулись.

Мы так и сделали.

Пугало восседало на высоченном табурете, ловило то и дело залетавших в окно мух, с болезненным удовольствием отрывало им крыльшки, лапки, а оставшееся выбрасывало на улицу. Его серп торчал из-за пояса, точно клык какого-то дракона, опасный и как всегда бритвенно-острый.

Проповедник, гордившийся тем, как он ловко мне помог, теперь отсутствовал, отправившись глязеть на старые церкви, расположенные в северной части города, недалеко от берега. Чувствую, после того как он обманулся с ангельским следом в Крусо, старый пеликан засунет голову в каждый табернакль^[10] и реликварий^[11], чтобы убедиться в реальности их содержимого.

Гертруда писала письмо в Братство, и снежно-белое, остро заточенное перо выводило на бумаге ровные, аккуратные буквы. Я не видел девушку с зимы и теперь любовался белыми завитками волос, лежащими на ее изящной шее. Она покосилась на меня, чуть улыбнулась, но ничего не

сказала, продолжая работать. На пальце колдуны все еще было костяное кольцо, которое я подарил ей в лесной избушке. Я сам себе с удивлением признался, что мне приятно видеть его.

– Давно Пугало с тобой? – спросил я.

– Пришло неделю назад. Сперва сильно меня перепугало, я думала, с тобой что-то случилось. Из него же слова не выжмешь.

– Я рад, что оно вернулось.

– Ну... не сомневалась, что рано или поздно это случится. – Гера витиевато расписалась под письмом, дунула на него, и буквы поползли по бумаге, изменяясь, путаясь местами, складываясь в сложный шифр. – Оно привязано к тебе не меньше, чем ты к нему.

Мы с Пугалом одновременно возмущенно посмотрели на нее, но не стали отрицать очевидное.

– Что совет по поводу него делает?

– Если честно, то ничего. Кроме магистров, никто не знает настоящей причины смерти законника. Они оставили бревно плыть по течению, надеясь, что оно рано или поздно само утонет. Никто специально не станет гоняться за твоим одушевленным. Из-за событий, творящихся на востоке, Братство занимается более важными делами. Меньше чем через год, если мор не остановится и начнет шествие по странам, мы с ног съемся, отлавливая темные души и отправляя в рай светлые. Говорят, в этот раз будет ускоренный выпуск.

Я нахмурился:

– Выбрасывать к темным душам недообученных детей глупо. Они не заткнут дыры, а лягут в первом же сражении.

– Ну я за это не голосовала, если тебе так легче. – Девушка изящным движением сложила бумагу пополам, убрала в конверт и начала шептать заклинание, создавая магическую печать, которая уничтожала запись, если письмо открывал человек, которому не было предназначено послание. – Утешает то, что одних юнцов никто не отпустит. Они будут действовать в паре с более опытными стражами. Людвиг...

Гертруда помолчала:

– Я рада, что ты вывел Стенена на чистую воду. Очень жалко Шуко.

Я кивнул. Говорить тут было не о чем.

– В совете магистров еще никогда не было такого кризиса. – Она села рядом со мной. – Несколько кресел до сих пор пустуют, Мириам добровольно отказалась от власти, Павел сделал то же самое и отдал бразды правления Николет.

– Уж она-то справится. Я уверен.

– Справится. Но мы теряем время, а Орден после гибели своих в Арденау наседает на нас. Повезло, что я в тот момент была в Риапано и успела поговорить с ди Травинно раньше законников.

Я приобнял ее:

– Он на нашей стороне?

– Кто может сказать такое о кардинале? – невесело ответила та. – Он на стороне Церкви и собственных интересов. Сейчас ему невыгодно ослаблять нас, ди Травинно прекрасно понимает, что в ближайшее время мы будем единственной сдерживающей силой для многочисленных темных душ, которые всегда появляются во время эпидемий. Рубить нас под корень – это обречь на гибель сотни беззащитных людей. Тем более мы самостоятельно решили проблему со Стененом и не выносili сор во двор.

– Но Орден не в восторге.

Ее красивые губы стали жесткими, а голос ядовитым:

– Ты даже себе не представляешь насколько. Хоть на словах все чисто, но они всегда отличались паранойей. Напрямую стражей никто не трогает, но на северо-востоке, где власть Риапано далеко, нам то и дело вставляют палки в колеса. Что? – Она по моим глазам поняла, что я хочу о чем-то спросить, но не решаюсь.

– Кристина. Ведь ты знала, что это она стоит за смертью Хартвига.

Колдунья вздохнула, и в ее глазах появилась искренняя печаль.

– Почему, ты думаешь, я не хотела говорить тебе? Все случилось настолько быстро... Мириам действовала, ни с кем особо не советуясь. Она вечно гребет жар чужими руками.

– Твоими руками она тоже загребла достаточно. Я ведь только недавно понял, почему ты стала магистром. Могла бы рассказать мне.

Гертруда ничего не уточнила, лишь пожала плечами:

– Я знала, что рано или поздно ты поймешь. Не хотела тебя расстраивать еще сильнее.

– Прости меня.

– За что? – удивилась она, и Пугало пуще прежнего начало прислушиваться к нашему разговору.

– Из-за меня ты навесила на себя все это. Я ведь помню наши разговоры. Ты никогда не желала кресла в совете.

– Ну, это скорее всего была мечта моего отца, – усмехнулась та. – Раз уж у него не получилось сделать меня герцогиней. Но извиняться тебе не за что. Я не жалею, что так все случилось.

– Мириам вынудила тебя войти в совет, просто поставила перед фактом. Ей было выгодно это. У твоего дяди имелся шанс стать Папой, и

ты, как его племянница, укрепила бы авторитет Братства, усилила наши позиции в Риапано. И моя учительница разыграла беспроигрышную комбинацию. Обещала, что меня не тронут, если ты согласишься вступить в совет. Вот почему тебя вызвали в Арденau из Солезино.

– Да. Все верно. Только мое служение Братству взамен на твою жизнь это такая малость. Как я уже сказала, ни о чем не жалею. – Она прижалась лбом к моему лбу. – Не самое худшее, что могло случиться.

В дверь громко постучали, и раздался голос Львенка:

– Эй! Вы там готовы к делам?

Я отпер замок, впуская его.

– А где старая заноза? – огляделся мой товарищ.

– Гуляет по городу.

– Магистр, мне понравился тот клубок листьев. Не одолжишь парочку? Буду глушить плохих людей, как рыбу.

– Ты вообще не должен был использовать листья сна. Я же просила поберечь их, если только не останется никаких других вариантов.

– Твое недовольство убивает меня! – делано возмутился тот. – Вестник правды уличил Людвига во лжи. Разве я должен ждать, когда тайная служба начнет отрезать ему пальцы? К тому же я не мог принести эту штуку тебе обратно, уж больно было любопытно посмотреть, что случится.

– В этом я как раз не сомневаюсь.

Он пристроился на подоконнике, рядом с Пугалом, которое недовольно отодвинулось в сторону, оторвав крыльышко очередной несчастной мухи.

– Итак? Какие планы? – Вильгельм в предвкушении потер руки. – Ждут ли нас приключения?

– А сам-то ты как считаешь?

– Гера! В кой-то веки мы с Людвигом можем не думать своими светлыми головами, а положиться на еще более светлую. – Он довольно ухмыльнулся, оценив получившийся каламбур. – Доставь мне такую радость, подчиняться красивой женщине.

– Эй-эй! – напомнил я ему.

– Дружище, это всего лишь комплимент. Но я действительно готов исполнять приказы магистра, потому что идеи у меня закончились. К тому же теперь, когда одного стража разыскивают... хм... некие службы, продвижение по городу может быть сопряжено с некоторыми трудностями. Для тебя. О нас они пока не знают.

– Зачем им меня искать? Угрозы для короля я не представляю. Конечно, понимаю, что мой внезапный эффектный уход мог задеть их

ранимые чувства, но, уверен, у службы его величества есть дела и поважнее, – возразил я. – Однако даже если они решат снова побеседовать, то с этим возникнут трудности. Билеско один из самых больших городов обитаемого мира. Найти в нем кого-то, особенно если он того не хочет, довольно сложно.

– Вот с этим я совершенно согласен, – горько отозвался Львенок. – Обнаружить здесь того, кто этого не хочет, невозможно.

– Значит, вы не нашли законника? – спросил я.

Гера неохотно кивнула:

– Я здесь двое суток, Вильгельм гораздо дольше. Никто из нас не пришел ни к какому результату. Сисэрино Руджеролло в Билеско нет.

Я помолчал, оценивая услышанное.

– Не думаю, что Вальтер врал мне. Он был уверен, что этот человек может навести нас на след кузнеца. Законник с таким именем должен существовать.

– Он существует, Людвиг. Я накопала некоторую информацию после того, как получила от тебя письмо. Руджеролло действительно жил здесь, хотя не слишком понятно, какие конкретно обязанности он исполнял в Ордене. Он был хранителем библиотеки и архивов и подчинялся господину Александру, которого прикончил твой друг.

Тут Пугало приложило руку к шляпе, на всякий случай показывая всем присутствующим, о каком друге идет речь.

– Руджеролло всегда держался в тени и практически не имел контактов с Братством. Четыре года назад он вообще исчез с горизонта. – Гера кивнула на немой вопрос Львенка, может ли тот налить себе вина. – Несколько раз уезжал на север, однажды его видели в свите маркграфа Валентина, все остальное время сидел тихо. А с конца прошлой весны как в воду канул. Дом, где он жил, пустует с тех пор. Соседи ничего не знают. У других законников, как ты понимаешь, мы спросить не можем.

Тут меня словно молнией ударило.

– Постойте! Но мы ведь можем спросить у кое-кого другого. После Садосского кризиса тайная служба должна что-то знать о представителе Ордена, так долго проживающем в Билеско.

– Дружище, это не слишком хорошая идея. Работают они из рук вон плохо. Я тут частый гость, но они обо мне до сих пор вообще не знают.

– Ты так в этом уверен? – мягко спросила Гертруда. – Если они тебя не беспокоили, то это не значит, что не в курсе твоего присутствия. Ты в Билеско частый гость. Зачем им тебя допрашивать без причины?

– Да ладно, – отмахнулся Львенок, хотя в его голубых глазах появилась

некоторая настороженность. – Тебя они и вовсе не заметили, а Людвига остановили лишь потому, что ждали. Ну давайте начнем с этого варианта, раз вы настаиваете. Я не против.

– Боюсь, ты в этот раз будешь занят другим делом. – Она протянула ему конверт. – В Фильдиене, в военном лагере, возникли проблемы возле пороховых складов. Некто убивает людей, подозревают темную душу. Братство отправляет тебя на работу.

– Ты шутишь? – возмутился он. – Я же пропущу все интересное.

– Ты – единственный страж, которого сейчас может использовать Братство в этом регионе.

Мой друг вздохнул:

– Чую, что приключение пройдет без меня. Ладно, ничего не попишешь. Работа есть работа. Когда мне отправляться?

– Вчера.

– Ясно. – Он спрыгнул с подоконника и взял письмо из ее рук. – Тогда поеду через полчаса и потороплюсь.

– Спасибо.

– Удачи вам.

– Смотри в оба. И привет Франческе, – сказал я ему на прощанье.

Гера недоуменно подняла брови, не понимая, о ком я говорю, но расспрашивать сочла невежливым.

– Но вы все равно тут поосторожнее, – попросил он. – У тайной полиции теперь на Людвига зуб.

– Не волнуйся, – улыбнулась колдунья. – Уверена, что с этим-то как раз проблем у нас не будет.

Было полвторого ночи, сырно-желтая луна, уже начинавшая идти на убыль, светила в окно. Рассерженно гремел отдаленный гром так и не случившийся за день грозы. Было жарко и душно, на столе горела одинокая свеча.

Проповедник до сих пор не вернулся, словно его черти забрали. Пугало, внезапно оказавшись удивительно тактичным, скрылось в сумерках и сейчас шастало среди абрикосовых деревьев во внутреннем дворике, слушая, как периодически лают собаки в соседних домах на окраине Билеско.

Я провел пальцем по обнаженной спине Геры, чувствуя тепло ее кожи. Затем поднял руку выше, ощущая остроту лопатки. Она сильно похудела с тех пор, как мы не виделись, хотя оставалась все такой же живой и стремительной. Говорила, это из-за того, что она постоянно в дороге, но я

не слишком верил в такую причину. Было видно, что Гертруда устала, что переживает из-за смертей наших знакомых, что так же, как и я, волнуется из-за странного человека, который охотится за кинжалами стражей. Кроме того, с тех пор, как она стала магистром, на нее навалилась масса дополнительной работы.

— Ты словно людоед, который решает, стоит ли сунуть меня в печь или все же сперва откормить получше, — хмыкнула она, продолжая лежать на животе, положив голову на скрещенные руки и глядя на низкую луну. — ... Проповедник сказал, что ты успел побывать в аду. Звучит невероятно.

Я про себя помянул старого болтливого дятла не самым добрым словом.

— Сейчас я воспринимаю эту ситуацию... несколько обыденно. И даже немного сомневаюсь, что очутился там, куда мало кто стремится.

— Я бы тоже сомневалась. Решила бы, что это всего лишь магия, игра волшебства, возможно, морок. Но с авторитетом Молота Ведьм шутить не приходится. Он в таких делах не ошибается. Меня беспокоит, что ты с ним общаешься.

— Почему? — Я лег рядом.

Гертруда помолчала и наконец призналась:

— Рационального объяснения у меня нет, Синеглазый. Это всего лишь инстинкт. Инстинкт ведьмы, если тебе угодно, которая несмотря на все защиты, что у нее есть, социальное положение и власть ее семьи, все так же... боится и не доверяет инквизиции. А на моей памяти, отец Март один из самых опытных и опасных Псов Господних. Он всегда соблюдает свои интересы. Точнее, интересы Церкви.

— Это я уже понял.

— Тогда пойми и другое. В тот день, когда он решит... если ему даже покажется, что ты нарушил законы веры, вся его благосклонность мгновенно исчезнет. Он забудет о том, что вы сражались бок о бок. И тебя никто не вырвет из его лап.

— Значит, следует вести себя осмотрительнее.

Она рассмеялась:

— Здорово, что ты меня понял. Просто будь с ним осторожен, ладно? Не стоит класть голову в пасть дракону. Особенно если это умный дракон.

— Обещаю.

Где-то завыла и тут же смолкла собака. Ветер шелестел в кронах деревьев, и луна медленно меркла, скрываясь за облаками.

— От Мириам не было известий? — Она дала понять, что больше об инквизиторе говорить не намерена.

– Нет.

– Меня снедает любопытство, удалось ли магистру проникнуть в библиотеку дожей. Хотя, если честно, сильнее волнует, нашла ли она еще что-то о прошлом Братства и Константина. Удивляюсь ей. Твоя учительница стала довольно откровенной на старости лет, рассказав тебе многое. – Гера положила мне голову на плечо, обвила руками. – Этих историй об императоре я не знала.

– А о Хартвиге знала? – усмехнулся я.

– То, что рассказала Мириам? Нет. Я думаю об этом весь день и кажусь себе чудовищем. Ведь раньше я считала землетрясение в Солезино ужасной катастрофой. А теперь выходит, что оно едва ли не благословение. Стихийное бедствие уничтожило законников, умеющих создавать людей со способностями, как у Хартвига.

Я понимал ее отношение. Позицию магистра. Но не преминул напомнить:

– Превращать людей в ключи от рая – является наследием Братства.

– Которое оно получило от Константина, зарвавшегося в игре в бога. – Она не дала себя смутить.

– По словам Мириам, мы лишь раз использовали это знание и после зарыли его так глубоко, что оно всплыло только сейчас. Причем у тех, кто откололся от нас.

Гертруда приподнялась на локте, и ее глаза сверкнули в пламени свечи.

– Константин – фигура мифическая, Людвиг. Мы о нем мало что знаем, потому что, когда северные племена, предки нынешних фирмальденцев, альбрандцев и бьюргорнцев разграбили Ливетту, пострадали имперские архивы.

– Те самые, послужившие основой для архивов Риапано и Водяной библиотеки дожей. После Великого пожара, который разожгли варвары, уцелело совсем немного старых книг. Человечество лишилось множества знаний по науке, магии и конечно же истории. Потеряв знания, факты. И остались лишь домыслы об императоре.

– Ну, Мириам раскрыла для нас нечто новое.

– Пусть так. Но чтобы понять правду, реальное положение вещей, нужно отправиться в прошлое. А на такое никто не способен.

Я поежился:

– Боюсь, что теперь прошлое оказалось в настоящем и ходит по дорогам, создавая темные кинжалы.

Она заглянула мне в глаза, и я почувствовал ее дыхание на своей щеке.

– Людвиг, иногда ты пугаешь меня тем, что так веришь другим. – Она

сказала это мягко, не желая меня обидеть. – Вальтер врал. Или заблуждался. Или решил подшутить над тобой напоследок своей дрянной жизни. Быть может, он и видел кого-то, похожего на Константина, но это точно не тот человек, что правил миром и владел двумя темными кинжалами.

– Почему?

Ее голова упала мне обратно на плечо.

– Потому, что ни один человек не может прожить полторы тысячи лет. Даже если у него есть светлый и темный кинжалы, и он каждую минуту будет тыкать ими в людей и души. Поверь, такое нельзя, невозможно скрыть. Чтобы поддерживать свою жизнь так долго, нужны тысячи человеческих жизней. Когда я получила от тебя письмо, я провела некоторые расчеты. Усыпальницу Константина разорили девятьсот лет назад, его останки вышвырнули из гроба в реку. От него осталась лишь память. Я как никто другой верю в мистицизм и волшебство, но всему должны быть разумные пределы.

– И объяснения, – подхватил я. – Друг Проповедник высказал одно.

Она негромко и сомнением хмыкнула.

– Он может лишь ворчать, ныть да читать при виде меня молитвы. Хотя в последнее время делает это гораздо реже, чем раньше. Ну же, пролей свет на его открытие.

– Старый пеликан считает, что Константина могли выпустить из ада, чтобы тот, создавая кинжалы, открыл врата для демонов. Пришлось разрушить его теорию, сказав, что даже если некоторые души и вырываются порой из ада, то они все же остаются душами, а не людьми из плоти и крови. А если и могут добыть себе тело, то оно вряд ли будет как две капли воды похоже на прежнее.

– Разумно, – поразмыслив, произнесла девушка. – Но у меня есть два объяснения. Оба совершенно рациональные и приземленные. Первое – этот человек просто похож на изображение, которое создал художник. Двойники в нашем мире встречаются.

– Двойник? Нет, Гертруда, он самый настоящий доппельгангер^[12].

– Быть может, ты и прав, – согласилась она. – Вторая версия такая: кузнец – колдун. После событий в Крусо это неоспоримо. А многие владеющие темным искусством умеют создавать личины. Предположим, тот, кого мы ищем, без ума от императора Константина и решил стать им.

– Как бы то ни было, теперь мы хотя бы знаем, как он выглядит.

Она не спеша стала заплетать в короткую косу успевшие отрасти с зимы светлые волосы.

– Стран много. Сейчас он может скрываться в любой из них. В каком угодно городишке, поселке, лесном хуторе. Его внешность не упрощает поиск. К моему сожалению. Если бы у меня было хотя бы что-то, принадлежавшее ему... я бы попробовала найти его. – Гера вздохнула. – Слишком много «бы». Я мечтаю о том, чего не случится. А мечтами, как известно, реальные дела не делаются.

В открытое окно влетел небольшой филин, описал бесшумный круг по комнате и выпорхнул в ночь. Все произошло так быстро, что я не мог поклясться в реальности происходящего. Колдунья соскользнула на пол, босой подошла к стулу и начала одеваться.

– Что ты делаешь? – удивился я.

– Пора нанести визит главе тайной службы, – сказала она, натягивая белую рубашку с воротником-стойкой. – А затем еще в одно место.

– Сейчас? В середине ночи?!

– Ну, он большой оригинал и предпочитает работать в это время суток. Ты со мной?

– Конечно. – Я тоже слез с кровати, пытаясь в густом мраке разобраться в валяющейся на полу одежде, выудил жилет, отбросил в сторону. – Что за вторая встреча?

Она помешкала.

– Надо убить кое-кого. – Гертруда резко дунула на свечу, но та вопреки моим ожиданиям не погасла, а загорелась еще ярче, заполняя всю комнату теплым и уютным желтым светом. – С этим я справлюсь без тебя.

Она стала затягивать шнуровку на сапоге в тот момент, когда я застегивал пояс с висящим на нем кинжалом.

– Спасибо, – произнесла Гера. – Ты никогда не наседаешь и ждешь, чтобы я все сама рассказала.

– Наседать? За меня это обычно делает Проповедник. Но я не прочь узнать подробности. Всегда следует быть в курсе, в какие неприятности влипает тот, кто тебе дорог.

– Что ты знаешь о Конclave? – внезапно спросила она.

– Лишь слухи. Сообщество магов старается не афишировать свое присутствие. О Конclave слышали все, но каждый говорит разное. Вплоть до того, что такой организации и вовсе не существует. Мол, Церковь ее уничтожила давным-давно.

Гертруда провела в воздухе волнистую линию:

– Волшебство как река. Она протекает через наш мир, и, даже если ты поставишь плотину, которой сейчас является Риапано, оно найдет другой путь. Конclave объединяет всех носителей дара. И диких волшебников, не

подчинившихся вере, и тех, кто получил патент, официально защищающий от костра.

– Риапано о Конclave не знает?

– Знает. Пытается контролировать, во всяком случае, официальную, светлую часть. Ту, которая на виду. Но у дерева глубокие корни. Клирики могли бы перерубить многие из них.

– Но, при всей их власти, не делают этого.

– Не делают, – эхом ответила белая колдунья, надевая берет с фазаным пером. – Они довольно быстро поняли, что, уничтожив тайную часть Конclave, обретут лишь уйму работы.

– В смысле? – Я приладил палаш, проверил, как он выходит из ножен, делая себе мысленную зарубку, что завтра стоит пройтись по клинку точильным камнем.

Гертруда закрыла окно, привстав на цыпочки, подняла щеколду:

– У всех есть амбиции, Людвиг. И порой они заводят не туда. Магам, как и другим людям, требуется контроль. В первую очередь своих же... скажем так... коллег. И, поверь мне, контроль этот жесткий. Потому что сейчас создалась такая ситуация, когда ни официальные, ни дикие мастера волшебства не особо желают, чтобы среди них появился какой-нибудь... кретин. Тот, кто начнет волновать уже застоявшуюся воду в нашем тихом болоте, привлекая к людям со способностями внимание извне. Шести веков костров хватило всем обладателям дара, неважно какого мнения они придерживаются насчет подчинения Церкви, свободы магии и прочего. Конclave решает эту проблему, как только она появляется. Своими силами. Быстро и порой... жестоко. Часто нанося превентивные удары. Мы избавляемся от оступившихся, как их у нас называют. Тех, кто решил устроить проклятье в церкви или прилюдную порчу. Тех, кто заставит обычное население обратить свой гнев на ближайших носителей дара, которые ни в чем не виноваты.

– И инквизиция, зная о том, что Конclave выслеживает и режет паршивых овец, не приходит с огнем и мечом.

– Да.

– Но не всех Конclave находит. И не все ему подчиняются. Иначе колдуны и ведьмы не творили бы то, что творят. И их бы не сжигали на кострах ежегодно.

Гертруда достала из-под кровати свою рапиру, пристегнула к поясу.

– Конечно. В мире довольно много неучтенных колдунов и ведьм. Которые сами по себе. Они не собираются на шабаши, ведут себя скрытно. Получают умения обычно от родственников, или и вовсе самоучки. Эти

самые опасные. Нарушая правила, которых они не знают, порой создают разрушительное волшебство. Они не ведают законов нашего сообщества, им плевать на всех, кроме себя. И действуют они только в своих интересах, привлекая к себе и к нам внимание инквизиции.

Я вспомнил рыжую монашку, которую поймал инквизитор Себастьян.

– Понимаю.

– Помнишь Ночь Ведьм? Как мы летели на карете, и нас едва не прикончил тип, который путешествовал верхом на трупе?

– Угу.

Урод в пластинчатом доспехе, чуть не задевший нас булавой. Гертруда поджарила его молнией и отправила на встречу с землей.

– За год до этого мне по жребию выпало осуществить приговор Конклава. От такого, к сожалению, нельзя отказаться. И я прикончила одного чернокнижника в Лонне. Он собирался заразить проказой весь Ветошный рынок. Короче, я напоила его его же зельем. Но, как оказалось, у этого очаровательно господина было трое братьев. Один из них как раз тот рыцарь.

– По меньшей мере двое еще живы. – Я быстро понял, куда она клонит.

– И наконец-то мы встретились в Билеско. Они знают, что я здесь. Мне надо нанести удар первой, прежде чем это сделают они.

– Можешь рассчитывать на мою помощь.

Она с благодарностью кивнула.

Билеско – город кремовых домов и морковных крыш. Каскадный, зеленый, с бесконечными каштанами, кипарисами и пальмами. Ночами он становился разноцветным из-за красочных фонарей на центральных улицах, а также светильников, которые по городским законам обязаны носить с собой жители с наступлением ночи.

Штраф за нарушение этого закона был огромным, поэтому правило неукоснительно соблюдалось, и в темное время суток Билеско напоминал волшебный луг, по которому летают сотни разноцветных светлячков.

Сейчас время было совсем позднее, людей на улицах раз-два и обчелся. Порой мы шли в полном одиночестве кварталами, по которым гулял горячий, влажный ветер, пахнущий цветущим шиповником и морем. Благодаря освещению разница с северными городами оказалась колossalной. Не надо было идти на ощупь, не надо бояться упасть в сточную канаву, наступить в лошадиный навоз или еще хуже – споткнуться о труп какого-нибудь бедняги, зарезанного во мраке. Здесь мрака не было.

А все душегубы и грабители держались подальше от хорошо освещенных кварталов и стражников, патрулирующих их.

Я держал фонарь с оранжевыми стеклами и нес довольно тяжелую сумку, так что ремень впивался в мое плечо. Гертруда шла рядом, шагая как всегда легко и свободно, точно гуляла по собственному замку. Шествие замыкало увязавшееся за нами Пугало.

– Что думаешь о магических способностях темного кузнеца? – спросил я.

– В смысле о его потенциале? Я могу основываться только на твоих рассказах. Золотое пламя – незнакомое мне волшебство. Подозреваю, что кузнец как раз из тех самоучек, о которых я говорила. И он очень силен.

– Я вот что подумал...

– Почему бы Конклаву тоже не заняться его поисками? – Она опережала мои мысли. – Наверное, они его ищут. Ну, я надеюсь на это.

– Но ты не знаешь?

Она скорчила смешную рожицу:

– Я стараюсь держаться от них подальше, насколько это возможно. Сообщество колдунов – не самая приятная организация. Вот уж в какой омут я не хочу нырять как можно дольше. Уверена, они знают о том, что произошло в Крусо, и уже сотрудничают с Церковью. Но не хотела бы идти к ним на поклон с вопросом, что они смогли выяснить. Мы пришли.

– Здесь?! – Я не ожидал увидеть пряничный домик из старой лезербергской сказки.

С фиалками в цветочных ящиках, висящих под окнами, с кустами белого шиповника за ярко-голубой оградой, с зелено-красными фонариками возле ворот. Жилище скорее подходило для милой старушки, а не для главы тайной службы короля.

– Я же говорю, он большой оригинал.

– Дом довольно сильно бросается в глаза. Как это соответствует слову «тайная»?

Гера лишь пожала плечами, показывая, что не особо вдавалась в подробности этого парадокса. Пугало уже хозяйничало за оградой, топчась в шиповнике с таким видом, будто его сейчас вот-вот стошнит от этого сладкого благолепия. Наверное, мы сильно упали в его глазах, раз притащились в такое место. Оно бы предпочло ночную экскурсию в застенки палача или на худой конец на кладбище. Поэтому решило показать свое отношение к ситуации единственным способом – начало срубать кусты.

– Ты его остановишь? – скосила глаза Гертруда.

– Нет.

– Отчего-то я так и подумала.

Впрочем, после пяти взмахов серпом оно угомонилось и, опрокинув цветочный горшок, направилось в самую темную часть улицы. Переваривать увиденную славасть.

Несмотря на поздний час, ворота нам открыли двое слуг. Ничего не спрашивая, проводили к домику.

– Вам на второй этаж, сеньор и сеньора. Я провожу, – сказал один из них.

Внутри был полумрак, так что я не слишком хорошо рассмотрел интерьер. Отметил про себя лишь, что много позолоты, завитушек и все тех же цветочных горшков. Также возле лестницы стояла высоченная, в мой рост, птичья клетка, накрытая темной тканью.

В зале мы встретились с моими знакомцами – господами Эспозито и Джанкарло. Крепыш сидел за столом, кинжалом нарезал окорок и насвистывал «Пляску смерти». Увидев меня, он приветливо улыбнулся и стал с огромным удовольствием разглядывать Гертруду. Ему явно понравились ее ретарские рейтзузы и короткая, выше бедер, курточка.

Хмурый Джанкарло листал при свечах книгу. В его взгляде не было и намека на дружелюбие. Одна лишь злость.

– Сукин сын. Ты еще посмел вернуться, – негромко произнес он, закладывая страницы пальцем.

– Как можно, друг. Здесь же дама! – укорил Эспозито.

Напускная вежливость шпика не могла меня обмануть. По всем повадкам именно крепыш здесь самый опасный, и, уверен, когда надо, лоск мгновенно с него сходит, и ты остаешься один на один с разъяренным кабаном.

– Мастер Венутто заинтригован и заждался вас, – между тем продолжил он. – Вон та дверка, будьте любезны.

В глаза Джанкарло читалось, что если их начальник не будет добряком, то после выхода из его кабинета, он с радостью снимет с нас шкуру.

Помещение сломало все мои рамки восприятия. Я надеялся увидеть все тот же помпезный лоск внезапно разбогатевшего купца, а оказался в какой-то оранжерее, среди необычных, мягко сияющих цветов с мясистыми лепестками, пахнущих, несмотря на свою странную тигровую окраску, свежо и нежно.

В цветнике, у окна, стоял письменный стол, стул с высокой и, на мой взгляд, неудобной спинкой, а также маленький глобус, все материки на

котором были выточены из слоновой кости.

За столом никого не было. Мы с Гертрудой недоуменно переглянулись, когда из ближайших зарослей раздалось:

– Проходите сюда.

Мы обошли каскадные грядки, сформированные из странных глиняных горшков, разного уровня и высоты. Человек, позвавший нас, был среднего роста, жилистый и сутулый. Его волосы – соль с перцем – торчали вертикально вверх, точно какой-то куст, спутанные и беспорядочные. А увеличительные линзы на большом, похожем на баклажан носу вкупе с короткими усиками и бородкой наводили на мысль о безумном алхимике, потратившем жизнь на поиски философского камня.

– Здравствуйте, сеньор Венутто.

Он в ответ глянул на Гертруду из-под очков, отставил помятую лейку и вытер руки о белый фартук.

– Знаете, как называются эти цветы?

Я пожал плечами, так как видел их впервые, а моя спутница негромко ответила:

– Светочи. Силах-ай, если на языке восточных торговцев. Люкс сангвинум флорем, если вас интересует университетское определение.

– О. – Он сделал вид, что изумлен. – Приятно встретить специалиста. Впрочем, ведьма должна разбираться в травах. На то она и ведьма.

– Предпочитаю, чтобы меня называли колдуньей.

– А я хочу именоваться не меньше чем императором всего сущего. Но это ничего не меняет ни во мне, ни в вас, сеньора фон Рюдигер. Ваш друг в курсе, что означает имя этих занимательных крошек?

– Кровавые цветки света, – ответил я, переведя фразу Геры.

– Двое образованных стражей в одном месте, – кисло скривился глава тайной службы. – Впору загадывать желание.

– Предвосхищая ваш следующий вопрос: я понятия не имею, почему их так прозвали.

Он развязал фартук, снял его через голову, бросил в ящик с садовыми инструментами:

– Ботаники не совсем точно систематизировали его, и название не соответствует действительности. Кровью питаются лишь ростки. А растения цветут, когда растут на мертвый плоти. Чем лучше плоть, тем ярче они сияют. Будь в горшках человечина, можно было бы обходиться без свечей. Говорят, во дворце хагжитского султана есть несколько комнат с такими цветами. Я предлагал нашему королю перенять столь интересное нововведение, благо преступников и заговорщиков в государстве всегда с

избытком, но он отказался. Считает, что лучше сажать их на галеры или скармливать старгам под патентом. Его величество их ненавидит. Светочи, я имею в виду.

– Неудивительно. – Запах перестал казаться мне приятным. – Разве тайная служба не должна угоджать королю? Он их не любит, но вы продолжаете выращивать.

– Тайная служба обязана защищать короля. Мое маленькое хобби никак не влияет на безопасность его величества. В противовес двум стражам, которые несут в себе потенциальную опасность. Один из них и вовсе оказал сопротивление моим сотрудникам, одурманил их каким-то зельем и сбежал. Это, по меньшей мере, тянет на пять лет каторжных работ на рудниках, где добывают серу. – Господин Венутто с любовью, осторожно отрезал один из засохших листочеков. – Я несколько поражен вашей наглостью, храбростью и глупостью. Не знаю, чего у вас побольше, сеньор ван Нормайенн. Вы не арестованы лишь благодаря репутации этой дамы.

– Моя слава бежит впереди меня?

– Бежит? – Глава тайной службы снял очки с носа, и вся его кажущаяся мягкость разом улетучилась. Без увеличительных стекол он уже не выглядел рассеянным алхимиком. – Простите за эту аналогию, сеньора фон Рюдигер, но она несется галопом, точно единорог от девы, которая теперь уже не дева. Наш город, возможно, и находится на окраинах цивилизованного мира, но я по роду службы интересуюсь политикой и новостями. Чем вы усыпили моих людей?

Вопрос прозвучал внезапно, но Гера лишь мило улынулась:

– Маленькая хитрость, мастер Венутто.

– Моим людям могли бы пригодиться подобные хитрости. Кругом полно заговорщиков и бунтовщиков. К сожалению, они не любят сдаваться живыми, предпочитая смерть дроблению голеней и дыбе. Не могу их осуждать. Не могу. Но с их смертью вопросы остаются нерешенными.

Гертруда не ответила, хотя по ее вежливому лицу было понятно, что она не собирается делиться колдовскими снадобьями. И начальник тайной службы, прекрасно знающий правила игры в недомолвки, не стал настаивать. Лишь недовольно нахмурился, показывая, что мы отвлекаем его от важных дел.

– Зачем вы здесь?

– В первую очередь чтобы принести извинения из-за возникшего недопонимания, – сказал я.

– О. Такие мелочи. – По его тону было понятно, что это совсем не

мелочи. – Вы устроили кавардак весьма кстати. Моим людям нужна встряска. Что-то они расслабились в последнее время, думая, что любой приезжий будет считаться с их должностями. Да и соглядатаи мои, признаюсь, ни к черту. Постоянно упускают из виду стражей, которые появляются в моем городе.

Он многозначительно посмотрел на Гертруду, которая по прибытии с легкостью избежала беседы с тайной службой. По сути о ее присутствии в Билеско стало известно лишь после того, как она отправила письмо сеньору Венутто с просьбой о встрече.

– Это все? Только извинения? – В его голосе сквозило нетерпение.

– Нет. – Гертруда продолжала очаровательно улыбаться. – Мы пришли попросить вас о помощи.

– Вы вгоняете меня в краску, – шутливо всплеснул он руками. – Чем такой мелкий чиновник, как я, может помочь доблестным стражам, один из которых ведьма и племянница самого Папы?

– Поиском человека.

– Вот как? Поиски людей? Мы занимаемся несколько иным. Защищаем короля и государство.

– Но вы стараетесь держать в поле зрения стражей и законников, находящихся в Билеско, – возразил я.

Он поднял на меня тяжелый взгляд.

– Стаемся. Но, как видите, это не всегда удается. Мы знаем лишь о тех, кто постоянно курирует наш регион. К примеру, о вашем друге, господине Вильгельме дер Клюре.

– Нас интересует как раз тот, кто живет в Билеско.

Господин Венутто вновь надел на нос увеличительные стекла:

– Пропал кто-то из стражей?

– Нет. Речь идет о законнике.

– Пф! Сеньор ван Нормайенн. Вы меня все больше разочаровываете, раз считаете, что я стану собакой-ищейкой для Братства. Почему я должен вам помогать? Меня не интересуют разногласия между Орденом и вашей организацией. И я даже начинаю думать, что вас все-таки следует арестовать прямо сейчас, а затем выдворить из города. Или даже из страны, дабы здесь не случилось ничего неприятного, что могло бы привлечь внимание короля и вызвать его недовольство. Так что давайте забудем о вашей просьбе и расстанемся добрыми друзьями. До наступления утра мне еще надо закончить с цветами.

Он бесцеремонно отвернулся от нас, показывая, что разговор закончен.

– Уверен, что вы передумаете. – Я не собирался уступать.

– Надо сказать, что ваша настойчивость меня потрясает, – не обернувшись, сказал тот, снова берясь за лейку. – Я всегда с интересом выслушиваю аргументы. Особенно если те звучат невероятно. Приводите свои доводы, сеньор ван Нормайенн. Или, еще лучше, проваливайте сразу.

– Думаю, вы слышали о событиях в Крусо. Тех, что стали причиной гибели людей на одной из центральных площадей.

– Конечно. Огонь пожрал их, словно над городом пролетел дракон. Повинен в этом, не дай бог соврать, колдун по имени Вальтер. Мы получили ориентировку на него, а также словесный портрет. Как это относится к вашей просьбе? Да, кстати, прежде чем начать рассказывать, не забывайте, что я всегда могу позвать иного, который сможет проверить, говорите ли вы правду.

– Не слишком-то вы доверяете гостям. – Только я видел, насколько Гере не нравится наш собеседник.

– Это лежит в основе моей профессии, и я не планирую извиняться, сеньора фон Рюдигер. Итак?

– Человек, который устроил пламя в Крусо, возможно сейчас находится в Билеско. Он доставил неприятности Братству, убив нескольких стражей. Так что мы также ищем его. И подозреваем, что Оден... точнее, некоторые из его представителей помогают колдуну. Один из таких законников должен быть в городе. Его имя Сисэрино Руджеролло. К сожалению, своими силами мы не можем его найти и допросить, поэтому и обращаемся к вам за помощью. Ваша же выгода состоит в том, что если колдун в Билеско, то его можно устраниć прежде, чем он станет жечь людей золотым огнем и здесь. Подумайте, к примеру, что будет, если он начнет, скажем... с королевского дворца.

Венутто нахмурился:

– Довольно неприятная перспектива, надо сказать. Но пока вы меня не убедили. У Братства могут быть свои интересы, и помогать вам найти законника – не думаю, что это разумно. У меня хорошее воображение, и я представляю, что вы можете сделать с ним.

– О, мы всего лишь поговорим. – Гертруда была сама невинность, но старика это не тронуло.

– Как же. Как же. Знаю, чем часто завершаются такие беседы. Колдуна ищет инквизиция. Могу дать вам адрес, где находится их представительство. Ищите помощи у них.

– Мы предпочли бы разобраться с этим, не привлекая внимания посторонних.

– Вы уже его привлекли! Какие у преступника есть причины разжигать

огонь в Билеско?

– Никаких, – не стал врать я. – Мы совершенно не знаем, чем он руководствуется.

– Правильно. Не знаете. Уверен, что после Крусо он успел побывать еще в десятке других городов. И, как вы видите, больше нигде подобного не случилось.

– А если случится?

Он раздраженно пожал плечами:

– «Если» – невысокий риск перед вероятностью угодить в ваши отношения с Орденом. Вот это – то, что может привести к самым невероятным и плачевным результатам. Для меня. Для моей службы, города и короля. Так что коль скоро у вас нет иных аргументов...

Я молча достал из сумки увесистый мешок и бросил его на стол. Тот упал тяжело, с глухим металлическим звуком.

– Деньги, – усмехнулся сеньор Венутто. – И за сколько же Братство хочет купить мои услуги?

– Не ваши, – отрезала Гертруда. – Думаю, вы стоите больше семидесяти золотых дукатов, которые находятся в кошельке.

Тот степенно скрестил руки на груди:

– Интересный поворот. Если это не неуклюжая взятка, то что же тогда?

– Оплата, и, как видите, довольно щедрая, для ваших людей. Чтобы они нашли то, что нам нужно.

– Положим, мои ребята будут рады монетам. Что же получу я?

Она играла на его тщеславии, сказав, что деньги ему не предназначены. Теперь Венутто было просто интересно узнать, что же приготовили для него.

– Раз вам мало спокойствия в Билеско, то как насчет зелий, от которых люди теряют сознание? Вы интересовались ими несколько минут назад.

– Интересовался, – признал тот. – Но опять это не для меня. Для службы и города.

– Вам – я предлагаю сорт светоча, которого не вижу здесь. Не знаю его научного названия, но у нас его привыкли называть Черным облаком.

Его точно молнией ударили, так он был поражен услышанным. Однако, быстро справившись, произнес небрежным тоном:

– Нельзя так зло шутить, сеньора. Это довольно редкий цветок. Он есть у хагжитского султана, но в нашем климате прижиться не может.

– Нужно лишь правильно ухаживать, сеньор. У одного кардинала, который должен мне услугу, есть несколько таких цветков. Совсем недавно я узнала, что он посадил луковицы и те только-только взошли. Уверена, мне

его высокопреосвященство не откажет и пришлет этот воистину чудесный и редкий экземпляр. А также подробную инструкцию, как за ним ухаживать, — голосом искусителя промурлыкала она.

Венутто, который теперь был весь наш, с потрохами, поддался чувствам и нервно облизал губы.

— И как скоро Атра Нурбес будет у меня?

— Думаю, вечером следующего дня. «Фабьен Клеменз и сыновья» быстро доставляет посылки.

Наш собеседник, сложив руки за спиной, рявкнул неожиданно зычно голосом:

— Эспозито!

Через мгновение в комнату вошел не только Эспозито, но и Джанкарло.

— Законник Сисэрино Руджеролло. Что вам о нем известно?

— Живет в Билеско уже лет девять. Периодически выезжает. Ничего не слышали о нем последние года два. Он не сторонник публичности. — Эспозито, кажется, совсем не удивил вопрос.

— Проверьте его. Найдите, где находится. Доложите. Но не привлекайте к себе лишнего внимания.

— Это может занять время, — сказал Джанкарло. — К тому же вы дали нам другое задание.

— Теперь у вас это. Занимайтесь только им.

— Эм... — Эспозито почесал нос. — Конечно, мы с радостью. Не сомневайтесь. Но если поиск законника связан со стражами, не вступаем ли мы в конфликт интересов, патрон?

Венутто ничуть не разозлился прозвучавшему вопросу:

— На столе кошелек. Возьмите по пять... нет, по десять дукатов каждый. Это отобьет у вас желание думать о возможных проблемах. Помните, что все делается в интересах короля. И можете приступать.

Джанкарло сделал что приказали. Отсчитал двадцать монет. Десять ссыпал себе в карман, десять протянул товарищу.

— С вами приятно работать, патрон, — церемонно поклонился тот, убирай деньги. — Мы приступим прямо сейчас.

— Докладывайте мне каждый день.

Когда они ушли, Венутто сказал:

— Лучше бы ваш цветок приехал сегодня вечером, сеньора фон Рюдигер. Где мне вас искать, когда появится информация?

— Постоялый двор «Благословение».

— Как вы понимаете, полностью доверять вам я не могу. Поэтому к

законнику вы пойдете не одни.

Я принял его условие:

– Мы не против.

– Вот и славно. И да. Пожалуйста. Не присылайте больше сову. В конце-концов мы живем в цивилизованном мире. Есть обычные посыльные, чтобы разносить письма. Ненавижу пернатых тварей.

Гроза все-таки разразилась. Под утро. С громом, от которого дрожала земля, и молниями, несколько раз бившими в колокольни. Проливной ливень, шумевший точно водопад, упруго бил в мостовую, разлетаясь сотнями мелких капель во все стороны, заполнял сточные канавы, смывая с дорог лошадиный навоз и солому.

Мы не вымокли лишь оттого, что Гера создала над нами невидимый, но вполне действенный купол. Пугало, ненавидящее подобную погоду даже больше, чем благочестивое поведение, тут же к нам присоединилось. Теперь оно шло за мной, «дыши» мне в затылок, вертя головой и не понимая, куда мы бредем по пустынным улицам. Из-за ливня даже патрули стражи исчезли, не говоря уже о грабителях.

Проповедник встретил нас под липами, не забыв пожурить:

– Шляетесь вместо того, чтобы отдыхать. Едва вас нашел в этом лабиринте.

Быстро светлело, мир на несколько минут стал свинцовым и каким-то мертвым. Гера молчала, сосредоточенно думая о чем-то своем. Я держал ее под руку, следя за ней, прекрасно ориентировавшейся среди кремовых домов с ободранными стенами, спускаясь по сотням коротких ступеней, все ниже и ниже к морю, к кварталам, в которых жили отнюдь не благополучные горожане.

– Ты когда-нибудь думал, какая ответственность лежит на нас? – внезапно спросила колдунья, повысив голос, чтобы заглушить шум дождя. – Понимаешь, что будет с тобой и мной, с Братством и миром, если не получится остановить кузнеца?

– Понимаю.

– Его следовало начинать ловить сразу после Шоссии, а не год спустя. Мы упустили время.

– Но ада на земле пока нет. У нас еще есть возможность остановить его, хотя срок очень мал. Уверен, кузнец не станет слушать уговоров.

– Ты прав, Синеглазый. Его придется убить. Нелепо, правда? Для того чтобы сделать что-то хорошее, приходится оставлять за собой трупы. Почему мы не можем иначе?

– Мы? – не понял я.

– Люди. Жить в свое удовольствие, не мешать другим, не судить, не осуждать и не делать зла ближнему своему. Он ведь Всемогущий. Какого черта создавать столь бракованную тварь, как человек?! В нас слишком много изъянов, для того чтобы мы имели право существовать.

– Вообще-то циник – это я. Но придется мне выступить на другом поле. Не все в нас плохо. Есть хорошее.

– Да ну? – Она перепрыгнула лужу одновременно со мной, и Пугало едва в нас не врезалось, раскинув руки, точно журавль крылья, чтобы сохранить равновесие.

– Конечно, есть. Иначе зачем ты пытаешься спасти этот мир?

Она нахмурилась:

– Потому, что человечество лучше чертей, которым откроется прямая дорога сюда, если темному кузнецу будет сопутствовать удача. Вряд ли с неба прилетит парочка ангелов, которые согласятся следующую вечность охранять новые врата, как это делают на востоке. Ты прав. Пока еще есть за что бороться. Да и могу ли я судить других, когда сама сейчас иду убивать?

– Мы можем вернуться домой.

Она с сожалением вздохнула:

– Очень хочется проявить эту слабость. Но... Нельзя оставлять таких врагов у себя за спиной. Мне придется все время оглядываться. Они мешкали целый год лишь потому, что я подолгу не сидела на месте и меня тяжело было выследить. Но теперь, когда я в их городе, мы встретимся.

Из водосточных труб хлестали водопады, вливаясь в стремительный поток маленькой речушки, которая неслась по мостовой, бурлила на поворотах и скатывалась с лестниц каскадами, собираясь между трех домов, стоявших в «низине» улицы, уже превратившейся в маленькое озеро. Вода через подвальные окошки, затопляя здания.

Пришлось искать обходной путь. Мы прошли через какую-то узкую клоаку и выбрались гораздо ниже, чем было надо.

– Уверена, что они знают о твоем присутствии? – на всякий случай спросил я.

– Вчера вызвали меня на дуэль!

– Что?!

Она серьезно взглянула на меня:

– Придурки. Еще бы со знаменем на лошади въехали ко мне в спальню. И впереди пустили герольдов с трубами и барабанами. Приходится признать, они куда более щепетильны, чем их двое мертвых братцев. Те били, не мешкая.

– И ты приняла вызов?

Гертруда скривилась:

– Не ответила им. Считаешь, я не права, что без предупреждения?

– Позволь мне не судить тебя, Гера.

Она резко, решительно кивнула, сжав губы.

– Конечно не права, – тут же встрял Проповедник, до этого момента отмалчивающийся. – Надо возлюбить врагов своих. Бог не простит подлого удара.

– Людвиг! Заткни его, или я за себя не ручаюсь! – взвилась моя спутница.

– Проповедник, погуляй где-нибудь.

Тот поднял руки в миролюбивом жесте.

– Молчу. Молчу. Я знаю, что правда не популяр... – Пеликан и вправду заткнулся, когда колдунья ожгла его взбешенным взглядом, и умерил шаг, отстал, держась в отдалении, не желая попадать под горячую руку.

Через несколько минут купол, защищающий нас от непогоды, пропал. Пугало шарахнулось в сторону, точно ящерица прыгнуло под ближайший навес, который едва его скрыл. Одушевленный смотрел зло, словно ему в лицо плонули.

– Близко подошли, – сказала мне Гера. – Волшебство может меня выдать. Прости.

– Мне мокнуть не впервой. Какой дом?

Она кивнула на одноэтажную развалюху с маленькими, грязными окнами, сломанным крыльцом и довольно хлипкой дверью.

– По меньшей мере странное место для двух колдунов. К тому же, насколько я понял, они из богатого сословия.

Гертруда вытерла рукавом мокрое лицо:

– Лучше бы ты все же подождал здесь.

– Я с тобой.

– Тогда не лезь вперед.

Она быстро оглядела улицу, убедилась, что здесь никого, кроме нас, нет, и ее радужка мгновенно почернела.

– Сними дверь.

Я сделал, что она просила, с удивлением увидев, что петли превратились в ржавую труху. Потянул на себя, осторожно приставил к стенке, тогда как Гертруда проскользнула мимо меня в полумрак.

Ярко-голубая вспышка заставила меня зажмуриться. Обнажив палаш, я ринулся внутрь и пораженно остановился в центре бедной комнаты с

одной кроватью.

— Просто чудесно, — сказал я.

— Просто твою мать как здорово! — выругалась она, и молнии, бегающие по ее пальцам, тихо обвились вокруг запястий ловкими змейками, а затем погасли.

Двое мальчишек, одному из которых было лет двенадцать, а другому не больше четырнадцати, смотрели на нас с ужасом. Старший, тем не менее, закрыл собой младшего. Выглядели они не грозно, а жалко.

— Выйди, — попросила меня Гертруда и прочла в моих глазах сомнение. — Доверься мне.

Я сел на крыльце, прямо под дождем, который мне уже не мог повредить — я и так был насквозь мокрый. Проповедник было сунулся в дом, но тут же вернулся. Он был не настолько смел, как Пугало, которое теперь хозяйничало на темной, грязной кухне.

— Дела... — протянул старый пеликан, усаживаясь рядом. — И что? Она убьет детей?

— Ты-то сам как думаешь?

Он вздохнул:

— Хочется верить, что твоя ведьма не настолько жестока. Господь сохрани, да я и вправду в это верю.

Дождь мельчал, тучи уходили к холмам, время тянулось невыносимо долго. Старый пеликан ерзal, нервно оглядывался, но, по счастью, не просил меня вмешаться и разрушить тишину.

Наконец я услышал тихий голос Гертруды:

— Людвиг.

Я встал и вошел в дом.

Дети все так же сидели на кровати, смотрели на нас как маленькие волчата.

— Есть пара дукатов? — спросила она.

Я достал из кошелька все, что было, положил на стол.

Она собралась уходить, когда старший сказал:

— Это не вернет наших братьев.

— Не вернет, — согласилась та. — Но и не даст вам отправиться за ними.

— Ты не будешь нас убивать?

— Я не убиваю детей. Обычно, — помолчав, закончила она.

— Когда-нибудь мы вырастем и...

— И надеюсь, у вас хватит мозгов понять, что ваш старший брат собирался совершить преступление, и приговор ему вынес Конclave, а не я. А другой ваш брат был настолько глуп, что напал на меня, и я всего лишь

защищалась. Но, впрочем, вы вольны поступать как считаете правильным. Однако сперва сумейте вырасти. А пока купите себе еды. И найдите место поприличнее. Я сообщу о вас Конклаву прежде, чем вас обнаружит инквизиция.

На улице она тряхнула головой, словно все еще сомневаясь, что поступила правильно.

– А ведь ты говорила, что нельзя оставлять колдунов у себя за спиной. – Проповедник так и не научился контролировать свой язык.

– Я не предполагала, что колдуны только-только вылезли из пеленок. Их дар практически не развит.

– Теперь тебе придется все время оглядываться. – Он никак не мог угомониться и не поддеть ее.

– Отправляйся в ад, Проповедник! И без тебя тошно.

Он сразу стал серьезным, кротко вздохнул:

– На самом деле я очень горжусь тобой. Господь тебя возблагодарит за твое милосердие.

Гера ничего не сказала, лишь отвернулась от него на мгновение, справившись со своим лицом.

Я никогда не спрошу у нее, насколько близко она подошла к той грани, когда больше не надо думать о том, чтобы оглядываться.

Прошло восемь дней, прежде чем появились люди мессэре Венутто. Время тянулось неспешно, но не из-за ожидания или от скуки, а оттого, что я был с Гертрудой. В наших отношениях, когда мы слетались на пару суток, а затем разлетались на полгода, оказываясь в разных странах, – восемь дней было вполне долгим, можно сказать, что бесконечным сроком.

Проповедник же просто извелся. Он внезапно понял, что ему решительно нечего делать, и уже пару раз намекнул мне, что хорошо бы наконец отправиться в путь.

– Ты хоть сам это замечаешь? – с интересом спросил я у него.

– Замечаю что? – Он косился на расчесывающую волосы Гертруду, стараясь делать вид, будто ему совсем-совсем не любопытно.

– Что тебя тянет в дорогу.

– Ничего подобного! – горячо возразил тот.

– Ну не хочешь признаться мне, признайся хотя бы себе. Ты любишь это не меньше меня.

Он фыркнул и ушел. Вечером же, когда я сидел на маленьком балкончике, приканчивая черешню, Проповедник неохотно произнес:

– Пока я был жив, то не уезжал дальше шести лиг от своей деревни.

По сути за шестьдесят три года я ничего не видел, Людвиг. А потом появился ты, и Господь дал мне новый шанс. Я познал мир, и он оказался чудесным творением. – Старый пеликан замешкался. – Ну в большинстве своем, если не касаться живущих в лесу тварей, скрывающихся на дорогах грабителей и прочих мерзостей. Белые горы, огромные города с прекрасными женщинами. А океан! Если бы мне только могли сниться сны, думаю, я бы видел его каждую ночь. Так что да... ты приучил меня к путешествиям, и, пожалуй, мне это нравится. Спасибо тебе, что ты не оставил меня на том пожарище.

– Не за что благодарить.

– Здесь, конечно, тоже неплохо. Просто у меня в последнее время дурное настроение. Что-то надвигается. Впрочем... все это глупости старого мертвеца. Не обращай внимания.

– Сходи развейся, – предложила ему Гертруда. – Сегодня Ночь Фонарей. Городской праздник в гавани. Будет очень красиво.

– Что-то не хочется, – кисло ответил тот.

– Моряки выберут королеву залива. Самую красивую шлюху из всех публичных домов Билеско. И прокатят ее голой по улицам на белом воле.

– Уже интереснее. Пожалуй, гляну одним глазом на такое диво. – Старый пеликан заметно оживился. – Хотел тут у вас узнать, что насчет венчания. Вы же вроде собирались сделать это в Ардене.

Мы с Гертрудой переглянулись, и я сказал ему:

– Иди, Проповедник. Веселись. Поверь, ты первый из приглашенных на свадьбу.

– Но она явно не случится в ближайшие дни.

– Но в этом году. Октябрь тебе подходит? – спросила Гертруда.

– Ну, я отложу все дела и встречи ради такого случая. – Он довольно потер руки. – Хотя постойте! Октябрь? А в какое время?

– Ближе к концу месяца. – Я выбрал самый нейтральный из всех возможных вариантов ответа.

Проповедник подозрительно прищурился:

– Как я понимаю, последний день октября. Ночь Ведьм. Что же вы за люди-то такие? Даже свадьбу по-человечески справить не можете. Обязательно в какой-нибудь католический праздник. Небось еще на Лысой горе?

– Отчего же сразу на Лысой? – Гера сделала вид, что обиделась. – Всегда это моя свадьба, и она пройдет по меньшей мере в замке.

– Если раньше вы не найдете темного кузнеца и он вас не прикончит. Позвольте на этой пессимистичной ноте откланяться и отправиться

смотреть на голых шлюх.

Распевая «Тебя, Бога, славим», старый пеликан удалился и до середины следующего дня мы его не видели.

Эспозито и Джанкарло пришли в душный полдень, когда горячий воздух стоял в комнатах, превращая их в раскаленную печь. Крепыш в легкой, распахнутой на волосатой груди рубахе и тонких коротких бриджах. В противоположность ему, худой мрачный товарищ был застегнут на все пуговицы, словно находился не на юге, а на севере, среди только что выпавшего снега.

– Сеньор ван Нормайенн. Сеньора. – Эспозито изобразил нечто вроде поклона, едва не задев шпагой вазу с подвявшими цветами. – Мы нашли законника, и скажу, что это было непросто. Он отлично скрывается.

– Прекрасная работа, сеньоры.

– Джанкарло постарался, – скромно признал Эспозито. – Он предложил поискать не в городе, а в окрестностях. Человек живет в Прато-Эмилия.

– Маленький городок в девяти лигах от Билеско, – объяснила мне Гертруда, достав из своей сумки склянку и высыпая порошок в графин с теплой водой. – Покровитель поселения – святой Просперо. Там известная титулярная церковь, Санта-Мария-ди-Монсератто, где покоятся останки двух Пап, причисленных к лику святых.

– Еще там есть караулка, отхожее место и виселица. Это никак не влияет на то, что вы собираетесь сделать, – довольно грубо произнес Джанкарло. – Вы едете?

– Едем. Он знает, что его нашли?

– Нет. Мы поговорили с доверенными людьми. Руджеролло точно не спешит никому сообщать, что он законник. Занимается продажей редких безделиц. Он выкупил лавку на окраине.

Гертруда протянула мне стакан с водой из графина:

– Выпей, пожалуйста.

Вкус, как и прошлый раз, был бесподобным. Я вспоминал его с зимы и не думал, что второй раз доведется попробовать.

– Господи спаси! – отшатнулся Эспозито, хватаясь за оружие.

Каменная маска на лице Джанкарло дала трещину, и он перекрестился, глядя на меня с таким суеверным ужасом, словно перед ним возник дьявол. Я знал, что он увидел – парня с рыжинкой в волосах, с закрученными на чергийский манер усами, красноватым носом и бледно-розовым шрамом на правой щеке. Виктор Фетш, сержант второго полка наемного отряда «Желтые псы» снова вернулся.

— Успокойтесь, сеньоры, — попросила их Гертруда с дружелюбной улыбкой. — Право, ничего страшного не происходит.

— Темное колдовство! — возразил Эспозито, все еще раздумывая, не проткнуть ли меня шпагой. — Какого черта вы делаете?!

Я увидел, как быстро темнеют глаза у Геры, она пробудила магию на тот случай, если они со страху все же бросятся на нас и их придется остановить. Но говорить она продолжала все так же дружелюбно и с улыбкой:

— Мы ведь условились с сеньором Венутто, что только поговорим с законником, вы помните? А если мы будем вести лишь разговоры, то нам нужно, чтобы на вопросы были получены ответы. Руджеролло вполне может знать господина ван Нормайенна по описанию. Тот — личность в Братстве известная, и, если законник поймет, что перед ним страж, никакой беседы не получится. И тогда нам придется действовать иначе, нарушив слово, данное сеньору Венутто. Мы ведь не хотим расстраивать вашего начальника, правда?

Эспозито выругался, с силой загнал шпагу обратно в ножны.

— Чертова магия! Я на такое не подписывался!

Сейчас они оба оказались очень испуганными.

— Вы можете остаться в городе. Мы сами доберемся до Прато-Эмилия, — предложил я им.

— Овечьему дерму можешь такое предлагать. У нас приказ. — Джанкарло всем своим видом показывал, что он останется здесь, если только его убить.

— Ну, тогда не будем оттягивать встречу, которую мы так долго ждали. — Я взял лежащий на кровати палаш и первым направился к выходу.

Прато-Эмилия оказался небольшим городком, коих во множестве раскидано по Дискульте. Город полностью занимал высокий холм, начинаясь у его основания с крепостной стены и серпантином единственной улицы, забирающейся наверх между домов. Те оказались выложены из известняка, с коричневой черепицей и ярко-голубыми дверьми и ставнями. Титулярная церковь Санта-Мария-ди-Монсератто стояла на самой вершине, стиснутая со всех сторон зданиями, и ее купол с алыми полосами было видно издалека.

Мы ехали по тракту, заросшему с двух по обочинам кипарисами, когда несколько раз слабо ударили колокол. Звук пришел не со стороны города, а откуда-то с севера, из-за низких лесистых утесов, тянущихся до самого моря.

– Еще одно поселение? – прислушалась Гера.

– Нет. Монастырь кармелиток. – Эспозито больше не косился на нас и перестал ждать, что на моей голове вот-вот вырастут рога. – Сестрица Джанкарло приняла там постриг.

– Заткнись! – встял тот. – Какого хрена ты мелешь языком, Эспозито? Кой черт им это надо знать?

– Расслабься, друг, – миролюбиво попросил товарищ. – Ничего страшного...

– Что ведьма теперь знает о моей сестре?! Ты совсем ума лишился? Она же монашка, лучшее лакомство для ведьмы!

– Между прочим, я все слышу, – сухо произнесла Гертруда. – Для вашего успокоения, сеньор Джанкарло, спешу сообщить, что не интересуюсь ни монашками, ни женщинами вообще.

– Про вас, ведьм, совсем иное говорят.

– Также, исключительно по своей душевной доброте, предупреждаю вас, что, если еще раз назовете меня ведьмой, я вырву вам гортань и скормлю чертям. – Ее улыбка была любезной, а взгляд холодным.

Впалые щеки Джанкарло стали бледными, он отвернулся, беззвучно произнеся проклятие.

– Чужаки привлекут к себе внимание? – спросил я, когда до городских ворот было ярдов восемьсот. – Местечко небольшое, все на виду.

– Нет. В церковь приезжает довольно много людей. И в трех тавернах, что здесь имеются, всегда постояльцы. – Эспозито надвинул шляпу с узкими полями пониже на лоб, из-за солнца, светившего теперь прямо в глаза.

– Где лавка Руджеролло?

– На первом витке, второй переулок налево.

– Название у нее есть?

– Я покажу.

– Нет. Пойду один.

– Так мы не договаривались! – резко возразил Джанкарло.

– Я не узнаю то, что мне надо, если меня будет сопровождать пара опекунов с замашками агентов тайной службы короля. Вы блаженного не обманете, не говоря уже о законнике. Останетесь с сеньорой фон Рюдигер. К тому же это может занять не час и не два. Возможно, Руджеролло понадобится время, чтобы проверить меня. Какой из трех постоянных дворов не самый дорогой, но и не клоповник?

– «Яростный бык».

– Тогда нам стоит разделиться прямо сейчас.

Джанкарло вновь попытался раздражать, но натолкнулся на взгляд Гертруды и лишь скрежетнул зубами. Мы отъехали с ней в сторону на пару слов, понимая, что эта парочка наблюдает за нами.

– Не хочу оставлять тебя с ними.

– Я знаю, что они опасные люди. Не беспокойся.

– Если их страх возобладает над разумом, сеньоры могут всадить тебе кинжал промеж лопаток. Гляди в оба.

– Делай свое дело, Синеглазый. И тоже будь осторожен. А о себе я позабочусь. Когда придет время, их рядом с нами не будет. Обещаю.

На этом мы и расстались. Они придержали коней, давая мне первым въехать в город. На воротах стоял лишь один толстый стражник без кирасы. Он, прислоняясь к стене, проводил меня безучастным взглядом, ничуть не интересуясь, кто я и откуда.

Я пустил лошадь шагом, так как подъем вверх был крутым, а мостовая – разбитой. Затем, сняв комнату в зачуханной дыре с претензией на постоянный двор, отправился по нужному адресу.

Возле лавки я увидел Пугало, которое, прилипну к грязному стеклу, пыталось высмотреть, что происходит внутри. Меня оно конечно же узнало, несмотря на маскарад, и гулко постучало в дверь, прежде чем я даже успел к ней подойти. По счастью, в округе никого не было, и никто не мог задаться вопросом, отчего внезапно раздался грохот.

– Сваливай! – резко сказал я ему. – Мне не надо, чтобы тебя увидел законник. Будь в Билеско, как и Проповедник.

Оно помрачнело, заколебалось, но все же уступило и, ссгутившись, быстро пошло прочь. Я покачал головой. Вот черт! А если бы Руджеролло уже открыл дверь?! Это была бы самая дурная из всех шуток Пугала.

Выждав несколько секунд, я постучал снова, затем, увидев, что не заперто, распахнул скрипнувшую дверь. Внутри было довольно пыльно, а из-за грязных окон еще и сумрачно. Товары, какая-то хагжитская дрянь, в основном медная посуда, кувшины с узким горльшком и круглые блюда с чеканкой оказались тусклыми и запыленными. Как видно, торговля шла не бойко. Хотя, подозреваю, лавка не больше чем прикрытие.

Из темного коридора появилась немолодая, чуть полноватая женщина с сальными волосами, собранными в неопрятный пучок, поддерживающий бронзовой заколкой в виде грубо сделанной цапли.

– Мы закрыты. – Глазки у нее были проворные, блестящие и все примечающие.

Она сделала выводы насчет посетителя и решила, что ему тут совсем не место.

– Я похож на покупателя, мать?

– Ты похож на головореза, парень. Сразу скажу, что брать у меня нечего, кроме этого медного деръма. – Тетка была не робкого десятка. – Так что просто иди куда шел. Думаю, ты ошибся адресом. Вино наливают через два дома, шлюхи через переулок.

– Я ищу кой-кого.

– Кого же? – насупилась та.

– Хозяина этой пыльной дыры.

– Сеньора Луке?

– Сисэрино Руджеролло.

На ее творожистом лице не дрогнул ни один мускул.

– Говорю же, ты ошибся, парень.

– Скажи, наш общий друг рекомендовал обратиться к нему, если появится интересный товар из Хагжита.

– Не знаю я такого. Тут хозяин сеньор Луке, и он еще неделю назад уехал в Велуччо. У него невестка рожает.

– Ну, значит, я и вправду ошибся, мать. Не беда. Найду другого покупателя.

Я неспешно ушел и, закрывая за собой, чувствовал ее подозрительный взгляд.

Я покрутился по городку, зашел в церковь, лишь для того, чтобы убить время и заметить, что за мной следит какой-то тип в грязной одежде. Церковь была богатой, особенно для такой маленькой провинциальной дыры, и забита паломниками.

Я вернулся на постоянный двор и взялся за пиво. Оно, надо сказать, было гадким, невероятно горьким и воняло старым хмелем.

Тот, кто следил за мной, угнездился в самом дальнем углу, заказал той же дряни, что и я, но спустя час, так и не допив ее, ушел, кинув мелкую монетку в руку расторопного трактирщика. Я продолжил терпеливо ждать, понимая, что, возможно, проверки все еще не кончились.

И лишь вечером, когда зажгли свечи, а с кухни понесло жареным свиным салом, отчего хотелось выскочить на улицу, к моему столу подошел черноволосый, горбоносый тип с одышкой и изъеденным осинами лицом.

– Могу присесть?

– Предпочитаю пить один.

– Ты меня вроде как искал.

– Ты Руджеролло?

– Допустим.

– А может, и нет. В лицо-то я тебя не знаю.

– Придется тебе поверить на слово. – Он расположился напротив, хотя я его так и не пригласил.

– Жетон покажи.

Он удивленно поднял лохматые брови:

– Это еще зачем?

– Ты мариновал меня целый день, дядя. Я хочу быть уверен, что передо мной законник, а не очередной клоун.

– Не здесь.

– Тогда идем в мою комнату.

Человек, представившийся Руджеролло, усмехнулся:

– Не раньше чем ты скажешь, кто ты, кто тебя направил и что у тебя есть на продажу.

– Не раньше чем ты покажешь мне свой жетон. Или оба упремся рогами и будем топтаться на месте.

В его карих глазах все еще было сомнение, но он решил рискнуть.

– Твоя взяла, незнакомец.

– Меня зовут Виктор. – Я встал из-за стола.

– Наёмник и купец в одном лице?

– А ты не знал, что наёмникам часто перепадают разные интересные вещицы? Мы же любим погулять по чужим городам и иногда заглядываем в чужие сундуки.

Я грубо рассмеялся. Он – нет.

В комнате я зажег несколько свечей, так как уже стемнело, протянул руку и взял у него серебряный жетон. Без всякого сомнения, тот был настоящим и горячим, хотя последнее мог понять лишь человек с даром. Подделки холодные, как обычный металл, а украденный у владельца жетон быстро покрывается темным нестираемым налетом.

Разумеется, наёмник Виктор Фетш этого знать не мог, поэтому придилично рассмотрел безделушку, даже хотел попробовать ее на зуб, но в последний момент передумал и кинул законнику.

– Вроде как убедил. К чему все это представление на целый день?

Разве представитель Ордена Праведности кого-то опасается?

– На наши возможные дела это никак не влияет.

– Хорошо если так. У нас общий знакомый. Его зовут Вальтер, и он служил одному благородному кретину, которого сейчас забрала могила. Этот Вальтер еще порой показывает фокусы, которые не одобряют клирики.

– Я слышал о нем. Но лично не знаком.

– Но, как я знаю, знаком был с другом его хозяина.

– Жильбером?

Он специально назвал не то имя, проверяя меня, но я не клюнул на эту глупую ловушку, как и не стал произносить имя Александра, которого вполне мог и не знать.

– Понятия не имею. Вальтер сказал, что, если кой-чего попадется, можно поискать тебя, и что труды окупятся. А кто уж ему сказал, врать не буду. Со мной он такими подробностями не делился.

– Как ты с ним познакомился?

– Оказал ему одну услугу. Лет десять назад.

– Хорошо. Это можно проверить и позже. – Руджеролло все еще стоял у двери, не собираясь присаживаться и хоть сколько-то мне доверять. – Что конкретно ты продаешь?

– Он говорил, что ты можешь свести меня с покупателем, который заинтересован в черных камнях. Тех, что иногда привозят из Хагжита.

Он помедлил несколько мгновений, не веря своим ушам.

– Ты о глазах серафима?

– Хрен знает как они называются. Черные булыжники, внутри которых белый дым.

Он сразу стал заинтересованным:

– И у тебя есть такой камень?

– Есть парочка.

– Парочка?!

– Ну, может, и побольше. Смотря как договоримся с покупателем. – Я делал вид, что не подозреваю об истинной стоимости минералов.

– Что-то не очень верится.

Я достал из-за пазухи один из двух камней, попавших ко мне из коллекции бургграфа Бризена.

– Как теперь? Веры прибавилось? – Я позволил ему рассмотреть лежащую на ладони драгоценность.

– Где ты их добыл?

– Это так важно?

– Никто не станет покупать вещь, украденную у какого-нибудь князя с туалетного столика. Себе дороже. Ты же понимаешь.

Уверен, он купил бы его, даже если бы я притащил булыжник, лежащий на туалетном столике, в который впивалась бы отрубленная рука князя, но конечно же кивнул и рассказал, «боясь», что клиент уйдет.

– Мы с моей ротой накрыли торговое судно хагжитов в устье Весели. Мне при разделе добычи достались в том числе и эти четыре крошки.

Сперва хотел выбросить или продать какому-нибудь дураку, но решил, что запас карман не тянет. Сохранил. А лет через пять после этого Вальтер обмолвился о таких штуках. И вот я у тебя.

– Могу я?.. – Он протянул руку, и я отдал ему камень, предупредив:

– Только без глупостей, друг.

Он не смог скрыть свою алчность. Придирчиво изучил товар при свете свечей, с видимой неохотой вернул обратно.

– Камень настоящий.

– Так как насчет того, чтобы свести меня с покупателем?

– Я и есть покупатель. Сколько ты за него хочешь?

Вот только этого мне не хватало.

– Э, нет-нет! – погрозил я ему пальцем. – За дурня меня держишь? Вальтер сказал, что ты посредник и приведешь меня к продавцу. Что все дела решать с ним. Я не продам товар тебе только для того, чтобы ты перепродал его дороже. Или встреча с покупателем, или никаких сделок!

В углах его рта залегли недовольные складки. Но говорил он терпеливо, точно с глупым зверем:

– Мой клиент ни с кем не встречается. Все сделки проходят через меня.

Я наступился и упрямо выдвинул челюсть, надеясь, что не переигрываю, сказал раздраженно:

– Я не знаю тебя, так же как и ты меня. Но знаю Вальтера и помню его совет. План таков – ищу законника, показываю товар, он ведет к тому, кому нужен камушек. Я получаю деньги, и все страшно довольны.

– Не кипятись, наемник. Подумай сам. Какая тебе разница, от кого получать монеты? Ты же приехал сюда заработать, да? Так я и предлагаю это. Если тебя устроит цена.

Разумеется, все это было более чем логично. Но я упрямо гнул свою линию:

– А если твой друг даст больше?

– Ты сам назовешь сумму. Если она приемлема, мы договоримся. Если нет, тебе больше меня никто не даст. Моего клиента все равно нет поблизости, и тебе придется иметь дело со мной. Или ждать, когда он вернется. Неделю. Месяц. Год.

– Скажи, где он и как его зовут. Я поеду к нему.

Тот с печалью развел руками:

– У меня нет такой информации.

Примерно, так я и думал. И, конечно же, не рассчитывал, что он мне поможет. Попытаться стоило, надеясь, что он идиот, но, как и оказалось,

это не так. Значит, перейдем к тому варианту, который мы изначально запланировали с Гертрудой.

Для начала я выругался. Помянув Вальтера, Руджеролло и неизвестного покупателя. Законник посмотрел на меня с некоторой долей раздражения, спросив:

– Полегчало?

– Черта с два полегчало! Надо было продать это дермо еще в Фирвальдене первому же алхимику!

– Вряд ли там дали бы тебе хорошую цену. Продай мне, – в который раз предложил он. – Внакладе не останешься.

Я задумался, и на лице у меня было написано, что я стараюсь не продешевить. Затем назвал сумму:

– Пятьдесят флоринов.

– Дорого, – возразил законник. – Ты столько за пару лет не зарабатываешь.

– Откуда тебе знать, сколько я зарабатываю! – окрысился я. – Пятьдесят монет!

– Скинь пятерку, и я куплю все четыре камня. Сто восемьдесят флоринов. Прикинь сам. Целое состояние. Тебе больше никогда не придется заниматься тем, чем ты занимаешься, чтобы заработать на хлеб и пиво. Осядешь в тихом местечке, купишь себе постоянный двор, получше этого.

Я мрачно смотрел на него, затем опустил плечи:

– Черт с тобой. Сорок пять за камень.

– Все четыре при тебе?

– Нет. Только этот. За остальными надо ехать.

– Далеко? – невинно поинтересовался он.

– Не твоего ума дело.

– Просто пытаюсь понять, успею ли я собрать деньги, – постарался разрядить обстановку законник.

– Успеешь. Я теперь сюда приеду не раньше осени.

– Но этот камень продашь сейчас?

– Давай деньги, и он твой.

Руджеролло достал из кошелька золотую монету, положил на край стола.

– Это аванс. Остальное будет завтра к вечеру.

В отличие от Билеско, улицы здесь не освещались. Накрапывал мелкий дождик, даря свежесть и усиливая запах уже отцветающих лип. Я прятался

возле городского колодца, и поблизости была лишь блохастая псина, осторожная и брехливая, наблюдавшая за мной из укрытия ближайшей подворотни. Рядом находилось маленькое кладбище, и хоть оно и скрывалось за высокой стеной, я слышал тихие шепотки – кто-то из иных существ не спал нынешней ночью.

Шаги человека, который и не думал скрываться, раздались со стороны центральной улицы. Я увидел изящный белый силуэт, и Гертруда оказалась рядом.

– Как прошло?

– Как мы и предполагали. Он готов купить камень, но не показать нам того, кто похож Константина.

– Законник сам виноват. Ему давали шанс отойти в сторону, – с меланхолическим равнодушием произнесла она. – Идем до конца?

– Спрашиваешь. Что с нашими друзьями?

– Спят безмятежным сном. Раньше следующего вечера в себя не придут.

Я представил рожу Джанкарло:

– Они будут чертовски злы.

– Пусть злятся. Мы уже будем далеко.

К дому Руджеролло мы подошли через пять минут, так никого и не встретив по дороге. На первом этаже была лавка, на втором – жилые помещения. Гера на несколько мгновений прижалась лбом к дощатой двери, закрыла глаза. Я поглядывал по сторонам, надеясь различить в чернильном мраке хоть какое-то движение, но все было тихо, если не считать легкого шелеста дождя по крышам и мостовой.

– Там трое, – наконец сказала Гертруда. – Два человека и собака. Все спят.

– С псиной возникнут проблемы?

– Только не когда с тобой колдунья. Дверь крепкая. Будет много шума.

– На окнах первого этажа ставни. Но не на втором. Погоди. Я залезу наверх. Там должно быть легче.

Металл водосточной трубы холодил кожу, лезть было невысоко, так что я быстро оказался на выступе, свесился вниз, протягивая моей спутнице руку. Она легко подпрыгнула, наши пальцы переплелись, и я одним движением поднял ее к себе.

Она мягко подула на стекло, и то выгнулось пузырем, точно было сделано из мыльной воды, а затем беззвучно лопнуло, превратившись в мелкий белый песок, осевший на пол. Я просунул руку в получившееся отверстие, повернул щеколду и распахнул раму.

Гертруда остановила меня и отправилась первой.

В соседней комнате горел тусклый свет. Снизу раздавался негромкий храп.

– Жди здесь, – приказала мне Гера, легко сбежав по ступенькам во мрак.

Она вернулась через минуту, храп звучал так же, как и прежде.

– Женщина. Теперь не проснется. За мной.

Чувствовала она себя совершенно уверенно, как будто каждую ночь вламывалась в чужие дома.

Свет в спальне Руджеролло давала стоявшая на столе свеча. Гертруда громко хлопнула в ладоши, заставляя огонь подпрыгнуть к потолку, освещая каждый темный уголок в комнате, с интересом глядящего на нас пса йонмерской породы, и законника, спавшего на узкой кровати.

Я выдвинул стул, сел на него, видя, как человек просыпается и пока мало что понимает. Впрочем, надо отдать ему должное, соображал он очень быстро. Маленький пистолет с колесцовым замком, прятавшийся под подушкой, оказался в его пухлой руке. Щелкнул спусковой крючок, ударила искра, из дула пошел жалкий сизый дымок.

– Какой конфуз. – Я огорченно цокнул языком.

Руджеролло, вооруженный дагой, уже был готов к бою.

– Не надо горячиться, дорогой, – попросила его Гера. – Острые предметы куда опаснее, чем вы думаете.

Он, видя, что я даже не делаю попытки встать, чтобы защитить ее, бросился на девушку. Мелькнула тень, с рычанием сбила его с ног, вцепилась в руку. Законник заорал от неожиданности и боли. А сторожевой пес, обученный убивать, по одному слову Геры отпрыгнул в сторону, садясь у ее ног, довольно скаля окровавленные клыки.

– На кровати будет удобнее, – сказал я человеку.

Тот послушно сел, зажимая левой рукой рваную рану на правой. Кровь стекала по локтю и капала на простыню.

– Виктор, ты играешь грязно, – сказал мне Руджеролло. – Денег в доме все равно нет.

Я бросил флорин, который он мне дал, ему на колени:

– Кто говорит о деньгах, Сисэрино?

Он уставился на меня, затем перевел взгляд на Гертруду:

– Я знаю тебя. Магистр Братства! Ведьма! Значит, он выполняет твои приказы!

– Мое настоящее имя Людвиг ван Нормайенн, – поклонился я ему и увидел, как стекленеет его взгляд. – О. Слышали обо мне? Польщен.

– Ты был в Вионе. Когда погиб мой друг Александр.

– Как я понимаю, ты там тоже был. Маркграф Валентин также относился к твоим друзьям?

Он зло выплюнул слова:

– Нападение на законника! Вам это с рук не сойдет!

– Сойдет, – безучастно возразила Гертруда и тут же сменила тон на деловой: – И лучше вам понять это как можно скорее, сеньор. Подобная широта взглядов облегчит жизнь всем нам.

– Иди к черту, шлюха!

Пес вскочил на четыре лапы, оскалившись. В горле у него клокотало.

– У вас милый зверь, господин Руджеролло. Настоящий убийца. Вы отлично его вымуштровали, и сейчас между его зубами и вашей плотью стою лишь я. Так что, будьте любезны, оставьте свои грязные мечты при себе. Я сегодня не в настроении.

Он облизал губы, выдавил из себя:

– Могу я перевязать рану?

– Если избежите глупостей и оскорблений.

Законник разорвал наволочку на несколько лоскутов, занялся разодранной рукой.

– Чертов пес! Мне обещали, что он отличный сторож.

– Вас забыли предупредить, что колдуны легко управляются с собаками. Против таких, как мы, это не защита. Не волнуйтесь. Я заберу его с собой, когда мы поговорим. Вас он теперь вряд ли будет слушаться.

– Мне все равно. Хоть продайте его на мясо нищим. Так что вам надо?

Я чуть отодвинул от себя свечу, пламя было чересчур ярким:

– То же самое, что и раньше. Имя покупателя, как его найти, кто он такой, где вы познакомились. И еще несколько вопросов.

Он сложил губы трубочкой:

– Вот оно что. Вы убедились, что я тот, кто вам нужен, когда я согласился купить глаз серафима. Вальтер сдал меня.

– Вальтер мертв.

Эта новость его не слишком опечалила.

– Я не буду отвечать на ваши вопросы. Хоть режьте.

– Ну зачем вы так? – укорила его Гертруда. – В вас говорят чувства. А мне бы очень хотелось, чтобы в вас проснулся разум, сеньор Руджеролло. Оцените ситуацию логически. Вы здесь один. Рядом с вами колдунья. Никто вас не услышит. Никто не придет на помощь. Скажу даже больше. Я не планирую вырывать вам ногти и дробить колени. Никакой боли, сеньор. Но, несмотря на это, я все же развязжу вам язык. У меня есть способы. И вы

будете рыдать от счастья, рассказывая мне все, что я хочу знать. Ну неужели вам этого хочется? Становиться таким же послушным и преданным, как ваша милая собачка?

Законник содрогнулся, но не стал сдаваться сразу:

– Вы не выпустите меня живым. Иначе Орден начнет охоту на вас.

Она звонко рассмеялась:

– Кто вам такое сказал? Вы ничего не вспомните. Ни нас, ни то, о чем говорили. Я и это могу. Мне нет никакого резона вас убивать и привлекать к себе внимание ваших коллег. Хотя, если быть честной, мне кажется, что вы скрываетесь даже от них.

– Не от них. От клириков, – внезапно процедил тот.

– Вижу, ты все же решил поговорить, – усмехнулся я. – Браво! Разум победил эмоции. На кой черт ты сдался клирикам?

– Я был с Александром в Вионе. Они с маркграфом придумали покушение на епископа Урбана. И, когда дело провалилось, Ордену пришлось откупаться.

– Тобой. Так как маркграф Валентин был слишком серьезной фигурой, чтобы к нему подступиться.

– Верно. Они отказались от меня и продали церковникам! – зло произнес он. – Поэтому приходилось прятаться.

– Значит, ты теперь не законник, не сообщишь о нас своим товарищам, так как рискуешь не меньше нашего. Вот видишь, – вкрадчиво сказала Гертруда. – Нам нет нужды тебя убивать. Ты не представляешь угрозы.

– Как ты познакомился с кузнецом?

– Вы мне все равно не поверите, – помолчав, буркнул Руджеролло.

– Попытайся сделать так, чтобы мы поверили.

Он пробормотал ругательство, но ответил:

– Встретились в Солезино. Его... Александр вытащил его из гроба.

Я присвистнул, переглянулся с Гертрудой.

– Это как?

– А вот так! Александр довольно долго отвечал за архивы Ордена, я ему помогал время от времени. В подвалах Солезино хранилось много барахла, которое мы перевезли из Руже после раскола Братства. Этот мусор лежал веками, пока мой друг не стал его разбирать и систематизировать. Я не знаю подробностей. Александр лишь обмолвился, что ему наконец-то удалось вскрыть ящик, который мы нашли восемь лет назад. Я не присутствовал при этом, был в Хунге. Просто знаю из рассказа, что там лежал парень, который словно попал внутрь пять минут назад, а не провалялся в саркофаге черт знает сколько времени. Они с Александром

спелись. Вроде бы собирались изменять мир. Оба не в своем уме.

– Ты веришь, что он восстал из гроба? – осторожно спросила Гера.

Тот пожал плечами:

– Александр верил, а мне было как-то все равно.

– И почему ты ему помогал?

– Потому, что он чертов колдун и страшный человек. Лучше быть с ним, чем против него. А еще он платил и обещал власть. И да, мы ему верили. Такому нельзя не поверить.

– Кто он такой? – спросил я.

– Он не вдавался в подробности. Мы называли его господин Ивойя.

Я вздрогнул.

– Ивойя?!

– Да.

– Милтиец, – кивнула Гера, и мы оба вспомнили, как звали человека, привезшего в столицу останки отца императора Константина.

– Опиши его, – попросил я.

– Высокий, сильный. Светловолосый и светлобородый. Глаза голубые. Смазливый. Для мужика.

– А акцент у него южный?

– Немой он.

– Что?

– Что слышал. Он на бумажке писал все. Говорить не говорил. Проблемы у него с этим большие. Язык ему, что ли, когда-то отрезали, или он забыл, как это делается. Не знаю. Слушайте, я его видел всего четыре раза. В Солезино, в замке Валентина, и здесь, в Билеско, когда он приезжал за товаром. Поэтому мало чем могу помочь.

– За каким товаром? – быстро спросила Гертруда.

Законник замешкался и отвел глаза.

– За всяkim.

– Кинжалы стражей, – зло произнес я. – Этот сукин сын сдавал ему кинжалы стражей!

– Я всего лишь был посредником! – окрысился тот. – Ваших ненаглядных братьев и пальцем не трогал! Просто получал кинжалы и отдавал ему. Он появлялся, когда я отправлял ему сообщение, и тут же исчезал. Просил поискать для него камни. У меня связи среди ювелиров княжеств, но глаз серафима ни у кого не было. Так что я не видел Ивойю уже больше года.

– Как нам с ним связаться?

– Он убьет вас. А потом и меня.

– И все же мы рискнем.

Руджеролло вздохнул, со злобой покосился на пса:

– Я уже написал ему. Через «Фабьен Клеменз и сыновья». Сообщил, что будет камень. А потом еще несколько.

– Просто письмо на его имя?

– Да, – неохотно подтвердил тот. – Ивойя из Солезино, так он себя называет.

– Когда он приедет?

Вновь пауза.

– Не разочаровывай меня, законник, – с угрозой в голосе предупредила Гера.

– Завтра. Или послезавтра. Он где-то неподалеку сейчас.

Мы снова переглянулись. Нам везло.

– Где вы назначили встречу? Давай, Руджеролло. Ты и так уже запел. Не останавливайся на половине куплета.

– В холмах, в шести лигах от Кампо ди Карне, есть заброшенный монастырь конгрегации молчальников. Там его кузница.

– Как найти монастырь?

– Ехать на юг. По Исернийскому тракту. В холмах дорог нет, но, думаю, не заблудитесь. Если ты считаешь, что справишься с ним, ведьма, то я посмеюсь над твоими обугленными костями. Когда он добьется своего, я буду рядом с ним, а не там, где вы – в могиле.

– Значит, ты тоже веришь в то, что он сможет распахнуть адские врата?

– Да, ведьма. Верю. И ты бы поверила, если бы увидела, на что он способен! Этот чертов ублюдок без труда расправился с верхушкой Ордена, как только они перешли ему дорогу!

Повисла тяжелая тишина.

– Землетрясение в Солезино – его рук дело? – спросил я, не веря в собственную догадку.

– Маркграф Валентин подтвердил это. Сказал, что законники хотели остановить Ивойю, когда поняли, что тот может устроить. Но в итоге он остановил их. С тех пор я не в Ордене, а из кожи лезу, чтобы угодить ему. И есть еще несколько человек.

Не знаю, замечала ли Гера, но за время нашей беседы Руджеролло довольно сильно сместился на кровати, добравшись до изголовья. Я видел, что матрас в этом месте чуть выше, и подозревал еще один спрятанный нож. Так что я теперь больше следил за его руками, чем слушал.

– Сколько темных клинков ему осталось создать?

– Не знаю.

– Ты врешь.

– Один, – неохотно прощедил он. – Ему не хватает только камня. Он ищет его уже год. Поэтому он обязательно придет, чтобы закончить дело.

– Один? – не поверил я. – Для девяти других требуется много клинов стражей. У Братства столько не пропадало и за сто лет!

– Александр сказал, что у Ивойи уже имелось какое-то количество, когда они... познакомились. Он ездил за ними в горы, на юг Литавии. После возвращения кузнец сделал один, у него был материал, но кинжал не работал. Не знаю уж почему.

– Для ковки вы давали ему материал – наши клинки, которые следовало уничтожать.

– Я здесь ни при чем. Занимался вообще другими делами.

Гертруда сделала шаг к нему, и пес повторил это движение, не спуская с Руджеролло глаз.

– Ты был в этом замешан по уши. От кого получал наши клинки?

Он помялся, размышляя, говорить или нет.

– От Джонаса де Смета. Он из глав Ордена. Именно ему достался рабочий темный клинок и заготовка. Это была плата кузнеца за помощь.

Надо думать, заготовку, которая теперь хранится у меня, нашла в Солезино Кристина. А тот клинок, рабочий, попал в руки каких-то помощников этого де Смета, и его тоже нашла Криста. Только раньше. Когда за ней погнались убийцы Ганса. После этого кинжал оказался у Франчески, затем у цыгана из Шоссии. Вроде все сходится.

– Людвиг, знаешь что-нибудь об этом господине? – поинтересовалась Гера.

– Никогда не слышал.

– Руководитель Ордена Праведности. Неофициальный. Он погиб во время землетрясения.

– Ивойя прихлопнул даже своего сторонника. Чем вы ему успели так насолить, Руджеролло?

– Маркграф писал, что наши руководители пытались остановить кузнеца. Но как... я не знаю. Уже был здесь. После смерти де Смета наша политика изменилась, и новые главы сдали меня святошам.

– Сколько кинжалов стражей ты отдал Ивойе?

– Это так важно?

– Если я спрашиваю, то да.

– Лично я – всего два. Должно было быть больше. Не знаю, сколько переслали ему де Смет и Александр. После их гибели оставались клинки из коллекции маркграфа Валентина. Но они пропали после того, как

благородный испустил дух. Расслабьтесь. Кузнеца уже не интересуют ваши расчудесные железки. У него их полный набор, и скоро на земле воцарится ад.

– И ты этому рад? – Он меня порядком поражал.

Руджеролло искренне удивился:

– А почему бы и нет? Разве большинство людей его не заслуживают?

– Но себя ты к таким не причисляешь?

– Конечно. А теперь давай, ведьма. Стирай мне память, и проваливайте. Я сказал все, что вы хотели знать. Можете ехать в холмы и стать кормом для коршунов.

Гера покачала головой:

– Я обманула вас, сеньор. Никогда не умела насытить на людей забывчивость.

Он понял все мгновенно. Его рука змеей нырнула под матрас, и пес, так долго ждавший этого момента, прыгнул.

Пугало было довольно.

После разговора с законником я никак не мог уснуть, хотел обсудить с Герой услышанное, но она решительно пресекла эту попытку, мягко поцеловав меня в лоб.

– Спи, Синеглазый. Все остальное позже.

И я провалился во мрак до полудня.

– Все гораздо сложнее, чем я считала, – сказала мне белая колдунья, когда мы выехали за городские ворота, без всяких угрызений совести оставив Эспозито и Джанкарло видеть тридцатый сон. – Много непонятных моментов.

– Может, ты поспешила его убить?

Ее глаза были жесткими.

– Только не говори, что он этого не заслуживал.

– Я о том, что он мог бы рассказать еще что-то.

– Не было времени, Людвиг. Да и в живых оставлять Руджеролло нельзя. Быть может, он и не побежал бы в Орден, раз те сдали его Церкви, но к кузнецу пошел бы обязательно. Я не могла так рисковать.

– Интересно складывается ситуация. – Я решил уйти от щекотливой темы. – На свете существует человек, как две капли похожий на императора Константина. Он настолько похож на него, что пытался убить Вальтера, когда тот понял, кто перед ним. Имя у темного кузнеца тоже довольно странное.

– Ивойя. Человек, привезший в столицу останки Апния, сына

императора Августа и отца императора Константина. Август умирает, власть оказывается в руках Константина, и какое-то время рядом с ним видят человека по имени Ивойя. Затем он исчезает по неизвестным причинам. За свою жизнь Константин увеличивает империю в три раза, укрепляет Братство, продолжая дело бывшего почившего деда. И живет долго-долго.

— Как мы предполагаем, это из-за того, что тыкает темным кинжалом в людей, а затем убивает появившуюся темную душу светлым клинком, накапливая жизнь. В итоге стражи об этом узнают и приканчивают собственного благодетеля.

— Да. Все верно, — подтвердила она.

— Но теперь у нас есть человек по имени Ивойя. Да-да... я знаю, что людей с подобным именем в Мильте не меньше, чем Людвигов и Гертруд в северных княжествах. Но внешняя схожесть кузнеца с Константином и странные слова Александра о том, что он пробудил Ивойю, который спал в саркофаге, доставшемся законникам в наследие от прежнего Братства... — Я развел руками. — Звучит как бред. Не может же человек пролежать в гробу полторы тысячи лет, а затем внезапно воскреснуть.

— Человек и вправду так не может, — согласилась Гертруда. — Поэтому я, как большой скептик, подвергаю сомнению эту часть истории Руджеролло.

— А я, как человек знакомый с магией лишь понаслышке, видевший демонов и даже угодивший в преддверие ада, не исключаю такой возможности.

Она посмотрела на меня серьезно, затем улыбнулась:

— Ах, Синеглазый. Мне бы твою веру в сказки. Но даже если это так — заметь, я говорю «если», — мы не узнаем истину. Разве что темный кузнец вдруг решит нам рассказать правду.

— Не думаю.

— Я тоже.

— А землетрясение? В то, что его устроил Ивойя, ты тоже не веришь?

— Как раз наоборот. В мире есть существа, способные на такое. Некоторых из них с большой натяжкой можно назвать людьми.

— Кто, например?

Она склонила голову, словно к чему-то прислушиваясь:

— Например, София. Как ты мог убедиться, она даже мертвых может возвращать с того света. Если хорошенъко попросить об этом.

Я вспомнил магию сребровласой пророчицы, признавая справедливость слов Геры.

– Возможно, Ивойя такой же, как она. Хорошо бы спросить у нее.

– Уже сделано. Я отправила ей сегодня утром письмо с попутным ветром. Но сомневаюсь, что Софи знакома с кузнецом. Она последняя из своего племени. На наше счастье. Или на беду. Это уж как посмотреть.

– Давай предположим следующее – Орден знал об Ивойе. Некоторые с ним сотрудничали и продолжают сотрудничать, несмотря на смену власти в своей организации. Законники обменивали кинжалы стражей на обещания будущего благополучия или деньги. Затем руководители, поняв, куда их приведет столь опасный союз, предприняли попытку остановить кузнеца. Они собрались в Солезино, и Ивойя щелкнула пальцами, обрушив потолок им на голову.

– Из этого следует, что законники знали, как справиться с ним. Главы Ордена представляли для него реальную угрозу, раз темный кузнец устроил локальный апокалипсис.

– Довольно внушительное проявление силы, Гера. Это даже не золотое пламя. Это чуть ли не божественный гнев. О таком только в Библии писали.

Она задумалась, и ее светлые брови сошлись у переносицы.

– Огонь субстанция капризная, Людвиг. Чтобы ею пользоваться, следует видеть цель перед собой. Нельзя находиться в Арденау и спалить, к примеру, Ливетту. А то, что сделал он с Солезино, это удар дубиной вслепую. Он торопился и, не побоюсь этого предположения, запаниковал. Вот и шарахнул самым сильным из того, что было в его колдовском арсенале. Грубо, но гарантированно эффективно. У каждого из нас есть нечто подобное на самый крайний случай.

– Даже не буду спрашивать, что ты прячешь в рукаве. До сих пор не понимаю, отчего, имея такую силу, он не завершил дело в Крусо.

Она помедлила, прежде чем ответить:

– Не думаю. Хотя и не исключаю такой возможности. Мне кажется, что он просто поддался эмоциям. Не рассчитывал на отпор, а когда его получил, возможно, счел, что ловушка, которую подготовили против Вальтера, гораздо сильнее, и он завязнет, выдаст свое инкогнито. Темный кузнец отступил на время, но, уверена, когда представится случай, он еще раз попробует добраться до Урбана.

– Ты ведь отдаешь себе отчет, как сильно мы рискуем, отправляясь туда без поддержки?

– Конечно. Но нам не у кого просить помощи. Братство, если повезет, среагирует не сразу. Из ближайших стражей здесь только Львенок, а мне не хочется подставлять его голову.

– Как и мне, – поддержал я ее.

– Можно было пригласить клириков.

– Но у нас с тобой нет стопроцентной уверенности, что они не попытаются взять кузнеца живым. Большинство умных людей сперва вытянули бы из него все, что он знает, и лишь потом уничтожили.

– Людвиг. – Она серьезно посмотрела мне в глаза. – Человека, способного разрушить четверть города и заставляющего землю содрогаться, невозможно взять живым и тем более запереть в отдаленном монастыре. Его можно только убить. Сразу. Очень быстро. Иначе ты уже проиграл. Если нам удастся остановить его, то увидим конец истории, а начало… – Гертруда пожала плечами. – Черт с ним, с началом, Синеглазый. Я смогу побороть свое любопытство, если темный кузнец больше не причинит вреда никому из живущих.

Черно-коричневый пес носился по кустам жимолости, то и дело шугая светло-золотистых зайцев.

– Что ты собираешься с ним делать?

Гертруда кончиком пера рассеянно коснулась щеки, отвлекаясь от письма, которое она составляла прямо в седле, и ответила:

– Отдам его одной лесной ведьме. Она любит собак.

В бледно-голубом ослепительном небе наматывал круги пернатый хищник в поисках добычи. Вокруг стрекотали кузнечики, и их звон не прерывался ни на секунду. Мы двигались по узкой каменистой тропке, вьющейся между низких холмов, голых, сильно выгоревших на жарком июньском солнце. Дорожка пересекала русла высохших ручьев, ныряла в рощицы невысоких искореженных деревьев. Черных, с ветвями, усеянными мелкими колючками, чтобы избежать которых приходилось пригибаться к лошадиной шее.

Мы искали монастырь уже полтора дня, рыская по безлюдной местности, все дальше и дальше уезжая от тракта и хватаясь за любую тропку, оказавшуюся на нашем пути. Но каждый путь заводил в никуда, теряясь среди дикотравья и каменистых оврагов.

Я был мокрым от пота, который давно пропитал всю одежду. Воды оставалось мало, а источников вокруг – еще меньше. Дважды мы находили заброшенные пастушки хижины и один раз видели вдалеке, на холме, несколько искровиков, наблюдавших за чужаками. Иные существа следовали за нами около получаса, до тех пор пока мы, судя по всему, не отдалились от их логова и не перестали представлять для них угрозу.

Жара выматывала куда сильнее, чем дорога, и спрятаться от нее было негде. Лишь с наступлением сумерек наступало облегчение. Лошади

выбивались из сил, то и дело приходилось устраивать привал. Лишь йонмерский пес кругами носился по окрестностям, выискивая опасность.

Ни Проповедник, ни Пугало так и не появились, следя моей просьбе не попадаться на глаза законнику, и я радовался этому. Сейчас как-то не до них. Я все больше утверждался в мысли, что мы сами загоняем себя в ловушку, но не видел никаких способов остановиться. Темный кузнец слишком занимал мои мысли, чтобы отступать на последнем этапе.

К вечеру второго дня, вновь ошибившись с тропой, мы заночевали в неглубоком овраге, среди колючих зарослей, возле тонкой нитки ручья, который манил лошадей. Ночь прошла в тревоге. Мы оба понимали, что уже опаздываем, и Ивойя, вполне возможно, не станет тянуть так долго, ожидая приезда Руджеролло.

Утром мы продолжили поиск заброшенного монастыря в безлюдном kraю.

Нас выручил ветер, гнавший с юга редкие дождевые облака. Он принес с собой едва слышный звук, который заставил Гертруду вскинуть руку.

— Гром? — спросил я.

— Ш-ш-ш! Слушай!

Даже пес навострил треугольные уши.

Нет. Не гром.

— Забери меня тьма! — прошептал я. — Это кузнечный молот! Чертов кузнечный молот, Гера! Мы нашли его!

Она устало улыбнулась и развернула лошадь в нужном направлении, приказав собаке идти рядом.

Молот то смолкал, то вновь заводил свою мерную песнь, и мне казалось, что с каждым ударом вздрагивает земля. Лошади начали нервничать, а шерсть на загривке собаки встала дыбом.

— Дальше пойдем пешком. — Гера легко покинула седло. — Скоро от них не будет никакого толку.

Я снял длинный сверток, притороченный к седельным сумкам, взвалил его на плечо. Он был довольно тяжелым и громоздким.

— Охраняй, — приказала Гертруда псу, и тот послушно улегся рядом с лошадьми.

— Не лучше ли взять его с собой?

— Рискованно. Ивойя сильнее меня и легко обратит собаку против нас. К чему нам лишние проблемы?

Это была разумная предосторожность. Я отстегнул с пояса кинжал, отдал его ей:

– Спрячь вместе со своим, пожалуйста. Если с нами что-то случится, он хотя бы не использует наши клинки.

Она кивнула и ушла в заросли, подальше от тропы. Вернулась уже без оружия, взяла меня за руку, и я ощутил, как холодны ее пальцы.

– Быть может, останешься?

– Не говори ерунды. Я тебя одну туда не отпущу.

До монастыря мы добирались целый час, продираясь через высокий колючий чертополох и благоухающий, стелющийся чуть ли не по земле можжевельник. Было особенно жарко и пыльно. Поднявшись на холм с западным отвесным склоном, мы увидели развалины старого монастыря.

Он был совсем небольшим. Разрушенная внешняя стена угадывалась по нескольким выступам, колокольня лежала в руинах, и от нее осталось только квадратное основание из светло-желтого камня. Уцелела лишь церковь с выбитыми окнами и рухнувшим внутрь куполом да трапезная, стоявшая на краю серповидного оврага. Вокруг росли зонтичные сосны, высокие, с широкой, тенистой кроной. Над двумя деревьями, из-за трапезной, вился бледный дымок, единственное, что указывало – в монастыре кто-то есть.

Молот больше не стучал, мы спрятались за камнями, окруженные звоном кузнечиков, выжида и наблюдая. Наконец он появился – слишком далеко от нас, чтобы я мог хорошо его рассмотреть. Зато убедился, что человек высок ростом и светловолос.

– Ну, пора, – сквозь зубы прошептала Гера.

– Отсюда я его не достану, – предупредил я. – Спущусь к колокольне, там хорошо просматривается весь двор. И он меня не заметит, пока не станет поздно.

– Я обойду со стороны оврага. Буду возле трапезной, вон за тем деревом. Жду твоего сигнала. Стреляй, лишь когда будешь уверен.

Она помешкала, поцеловала меня в губы, шепнув:

– Пожалуйста, будь осторожен.

И начала спускаться по пыльному склону, придерживая рапиру. Я несколько мгновений смотрел на ее гибкую фигуру, ощущая себя ничуть не лучше, чем в тот раз, когда мы с братом Курвусом и двумя законниками собирались вступить в сражение с велефом. Очень некстати я вспомнил о том, как все закончилось. Победа была горькой. Надеюсь, что в этот раз такого не произойдет.

Только не с ней.

Я раскрыл чехол, извлек из него тяжеленную аркебузу с длинным граненым стволом. Дорогая вещь, с новой системой стрельбы.

Дальнобойная и мощная. Гера сразу сказала, что, если Ивойя действительно так силен, как мы думаем, пуля его может не остановить, если только сразу не снести голову. Так что промахиваться мне нельзя.

Я быстро зарядил аркебузу, затем проверил пистолеты. Когда все было готово, положил оружие на плечо, сунув рогатину, на которой оно должно удерживаться, под мышку, и начал спуск.

Из-под ног то и дело срывались мелкие камушки, катились вниз, и мне казалось, что их стук столь громок, что он обязательно привлечет ко мне внимание кузнеца. Но обошлось.

Монастырский двор оставался пустым и заброшенным. Ивойя больше не появлялся. Я с силой воткнул рогатину в землю, провернул ее, поставил аркебузу на упор и поджег фитиль. Вытер потные ладони и стал ждать.

Уголком глаза почувствовал движение, повернул голову и увидел, как за сосной шевельнулась тень. Гера тоже была готова.

Пот тек у меня по спине. Кузнечики неистовствовали, и сейчас я ненавидел их звон всем сердцем. Пахло нагретым на солнце камнем, сухой травой, догорающим в горне древесным углем, странно-горьким дымом и скорым дождем.

От меня до угла трапезной, за которой скорей всего находилась монастырская кузница, было шагов восемьдесят. Вполне нормальное расстояние для стрельбы. Прошло минуты три. Внезапно дважды ударил молот, и в моей голове взорвалась боль.

Я был слишком близко, поэтому на своей шкуре ощущил волшебство. По счастью, несмотря на внезапную дурноту, я не грохнулся оземь. Только из глаз потекли слезы, да в висках ломило.

Проморгавшись, я увидел Геру, которую выворачивало наизнанку. Судя по всему, человеку с колдовским даром приходилось куда хуже, чем такому, как я. Я понял, что высидеть в засаде не получится – если кузнец снова начнет работу, мы можем просто не пережить ударов его молота на таком близком расстоянии. Следовало не ждать, а идти к нему.

Я снял аркебузу с упора и вздрогнул.

Он стоял на открытом пространстве и смотрел прямо на меня. Я успел подумать, что мы с ним невероятно похожи и его можно было бы принять за альбатранца. Человек с лицом императора Константина не казался опасным. Скорее удивленным этой внезапной встречей. Он не понимал, кто я, и его яркие голубые глаза глядели на меня с живым интересом.

Мой палец нажал на спусковой крючок, фитиль опустился, и аркебуза, промедлив всего лишь секунду, грохнула, изрыгая из себя сизый дым и искры. Отдача отбросила меня назад, приклад едва не раздробило плечо. Я

не удержался на ногах, упал на камни, чувствуя спиной их острые, горячие ребра. Тут же приподнялся, в одном лишь желании убедиться, что я не промахнулся.

Не промахнулся.

Но и не попал туда, куда хотел. В отсутствие упора ствол пошел ниже, и пуля угодила Ивойе под грудину. Он тоже упал, но теперь сел и с некоторым изумлением изучал окровавленные пальцы. По-прежнему не издав ни звука, посмотрел на меня, и в его взгляде больше не было ни капли удивления.

Я содрогнулся от того, что он залез ко мне в голову, листает мои мысли и воспоминания, точно книгу. Увидел, как земля вокруг него начинает дымиться.

В этот момент из укрытия выскочила колдунья, отвлекая его на себя, и одна из сосен лопнула, с треском рухнув.

Золотое пламя, словно из чрева ада, сорвалось с его ладоней, ударило в грудь Геры, охватило ее всесжирающим коконом и отбросило в овраг, по пути перепрыгивая на сосны, камни и кустарник.

Я заорал от отчаяния, выхватил пистолет, прицелился – и в этот момент он взорвался. Огненный песок ударил по лицу, попав в глаза, на руке вспыхнуло пламя, а затем что-то со всей силы врезалось в мою голову.

Я чувствовал влагу на щеках и лбу, горячее дыхание и странные звуки. Шелест и скрежет. Было больно, точно к руке приложили огненный прут, голова пульсировала, лицо продолжало пылать.

Скрежет не смолкал. Кто-то, кажется, облизал меня, а когда это не подействовало, в куртку, на уровне плеча, впились зубы, и меня потащило по камням и земле. Хочешь не хочешь, а придешь в себя.

Для начала я издал звук, нечто среднее между стоном и ругательством. Волочить сразу же перестали, над ухом звонко гавкнули. Я поднял веки, понимая, что зрение не потеряно.

Пес смотрел на меня, подпрыгивая от нетерпения, затем снова тявкнул и умчался в сторону оврага, даже не оглянувшись.

Был поздний вечер, небо затянули серые облака, вокруг шелестел теплый, летний дождь. Я осторожно сел и тихо взывал, когда оперся на правую руку. Поднес ее к глазам, тупо изучая окровавленное нечто, бывшее когда-то моими пальцами. Кровь уже успела запечься, но зрешище было... жалким. Магия чертова кузнеца взорвала пистолет, и вот что из этого вышло.

Полное поражение.

С трудом встав, я ощутил, что, несмотря на теплую погоду, меня колотит озноб. Пока я лежал, золотое пламя додорело, сожрав сосны, расплавив камень трапезной и обуглив землю, которая, даже напитавшись влагой, продолжала дымиться.

Я брел к оврагу, уже зная, что увижу на дне, и страшась этого. Мне бы остановиться, упасть прямо здесь, но я упрямо перебирал ногами, видя перед глазами обугленное тело Кристины. На краю я не удержался, рухнул вниз, покатился по пахнущему гарью склону, попытался затормозить, направочь забыв об искалеченной руке. Притупившаяся боль вспыхнула с новой силой, обожгла сознание кровавой вспышкой, заставив меня почти на минуту превратиться в безвольное растение, не понимающее, на каком свете оно находится.

Когда боль начала отступать, я обнаружил себя на дне, валяющимся в раздобревшем от дождя буро-коричневом ручье.

Снова звонко залаял пес, и я увидел, что он сидит в ногах лежащей навзничь Гертруды. Она была ослепительно-белым пятном среди черной земли. Я, шатаясь, поспешил к ней, упал на колени, с изумлением разглядывая светлую, без пятнышка сажи одежду, чистую кожу и мокрые пряди растрепавшихся волос.

Никаких ожогов. Никаких ран.

Белая колдунья спала, и ее грудь мерно вздымалась. Она была столь безмятежна и спокойна, что я лег с ней рядом, как пес, ожидая, когда Гера вернется из грез. И сам не заметил, как уснул.

Дождь все еще шел. Несколько редких капель упали мне на лицо, одна попала на губы и оказалась соленой, словно небо плакало морем.

Гертруда склонилась надо мной, по ее щекам текли слезы. Увидев, что я проснулся, радостно улыбнулась.

– Тихо, Синеглазый. Молчи.

Я подчинился, слушая быстрый наговор, который та шептала. С каждым ее словом боль покидала мою руку, холод разливался по лицу, и вот я уже мог дышать полной грудью, ощущая летнюю ночь, что властвовала сейчас над миром, пряча нас на дне безымянного оврага возле заброшенного монастыря.

– Надо спать до утра, – попросила она.

Я почувствовал ее губы на своем лбу и снова заснул. Снился мне молот кузнеца, огненное дерево, растущее в мире, где земля до горизонта покрыта солью. Пугало гонялось за псом, а Проповедник хохотал, наблюдая за ними, и наигрывал на лютне «Тебя славим, Господи!»,

безбожно фальшивя из-за того, что пальцев на его правой руке больше не было.

Я проснулся, когда солнце уже было высоко, и Гера тут же оказалась рядом, решительно положив прохладную ладонь на мой лоб.

– Что-нибудь болит? – с тревогой спросила она, опередив меня с моими вопросами.

Я прислушался к себе.

– Чертовски чешется лицо.

– Частицы пороха и металла попали на кожу. Некоторые прожгли плоть до костей. Тебе очень повезло, что уцелели глаза.

Я хотел коснуться зудящего места, но она шикнула на меня.

– Все уже заживает. Останется несколько мелких шрамов, но основные последствия я убрала за ночь. Через две недели практически ничего не будет заметно.

– Спасибо, – поблагодарил я ее и только теперь понял, что правая рука крепко-накрепко привязана к телу и я не могу пошевелить ею. – Все так плохо?

Она нервно куснула губы.

– Слушай, перестань, – как можно мягче произнес я. – Я уже видел кусок мяса, который остался. Меня поздно пугать. Говори как есть. Я готов это принять. Знал ведь, на что шел.

– Здесь все не так хорошо, как с лицом, Людвиг, – осторожно произнесла Гера, не сводя с меня пронзительных и совершенно беспомощных глаз. – У тебя полностью раздроблена кисть, сломаны пальцы, порваны связки. Запястье тоже сломано, в предплечье застрял кусок металла. Кожа сожжена. Я восстановила все, что смогла. Вправила вывернутый большой палец. Безымянный висел на лоскуте кожи, мне удалось поставить его на место, и он уже приживается. Но вот мизинец... Его оторвало. Я не могу ничего с этим поделать. Прости.

Я глубоко вздохнул. Мизинец. Не вся рука, как мне приснилось.

– Всего лишь один из пяти. Ерунда.

– Ерунда?

– Некоторые стражи вообще живут без руки. Не слишком большая потеря. Главное, что ты жива.

Она невесело рассмеялась, села рядом:

– Должна пройти по меньшей мере неделя, прежде чем все срастется и я сниму колодки. И еще две, чтобы ты вновь смог пользоваться рукой в полную силу. Я сварю пару зелий, будешь пить каждый день.

Я кивнул, думая совсем о другом:

– Почему он нас не убил?

Ее лицо мгновенно стало злым.

– Он нас убил. Во всяком случае, так считает. У тебя в руках взорвалось оружие, словно в него забили бочонок пороха. За такое заклинание половина князей отдала бы большую часть своих сокровищ. Ты ему не интересен. Меня же... поглотило золотое пламя. И он уверен, что после такого не выживают. Ивойе больше нечего было здесь делать.

Она, видя, что я хочу сесть, помогла.

– Значит, ты нашла способ избежать огня?

– Нет. Не нашла. Меня спас твой подарок. – Гертруда показала костяное кольцо тонкой резьбы на своем безымянном пальце. – Воистину, можно только радоваться, что ты позвал меня замуж.

– Теперь ты оценила свое счастье? – неловко пошутил я. – Чертово Пугало не перестает меня удивлять.

– Дай только время. Я загоню его в угол и выверну наизнанку соломенную голову.

– Не уверен, что оно обрадуется.

Ее задор сразу пропал.

– Ты прав. Одушевленный хранит секреты и прячет таланты куда лучше, чем вся курия Риапано. Но благодаря ему у нас есть защита от магии Ивойи. Вот только нет его самого. – Гертруда рассеянно погладила пса по лобастой голове. – Я потеряла кузнеца час назад.

– Час назад? – нахмурился я. – Не понимаю.

– Повесила на него метку, еще когда мы столкнулись. То ли он ее заметил, то ли переместился на несколько сотен лиг. Он исчез где-то в районе Билеско.

– Билеско? Как он так быстро туда добрался?

– Синеглазый. Ничего-то ты не понял, – покачала она головой. – Четыре дня прошло.

– Черт меня подери! – только и сказал я. – Чертовский черт и все его племя! Четыре дня! Четыре дня ты знала, где он, а я...

– А ты должен выздоравливать. Или считаешь, что мне следовало бросить тебя и гнаться за ним? Я сделала выбор, Людвиг, и совершенно не жалею об этом. Ты для меня важнее всех кузнецов мира. Ну и после той взбучки, которую он мне устроил... Скажу честно, у нас нет шансов его одолеть.

Я кивнул, не став продолжать разговор. Ежу понятно, мы упустили Ивойю, потеряли единственную возможность остановить его. Теперь найти

темного кузнеца будет очень непросто.

Точнее, невозможнo.

С одной рукой я сейчас был бесполезен, и с лошадиной упряжью возилась Гертруда. Пес поймал зайца и теперь приканчивал его в одиночестве. Когда я проходил мимо, он негромко рыкнул, предупреждая на тот случай, если я планирую отобрать у него законную добычу.

Я обогнул трапезную и остановился возле открытой монастырской кузницы. Место было неприятным, и мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, что меня смущает.

Запах. К легкой горчинке угля и едкой металлической вони примешивался сладковатый аромат разложения. Тянуло от маленького горна. Простого. Обычного. Ничем не примечательного. Такой есть в любой деревенской кузнице.

Сложеный из серого камня, приземистый и неухоженный, он казался мне живым существом, смотрящим на меня с затаенной злобой.

– Гера! – позвал я.

Она подошла, звеня шпорами, остановилась в десяти шагах от меня.

– Видела?

– Да. Мерзкая вещь. Я не смогла к нему подойти.

– Вот как?

– Дальше того места, где я сейчас стою, не могу и шагу ступить. Он сделал это, чтобы люди с колдовским даром не покушались на его собственность. Пойдем.

– Погоди, – попросил я и, преодолевая вязкое сопротивление воздуха, подошел к печи, в которой переплавлялись клинки стражей, превращаясь в нечто другое, извращенное, больное и опасное для мира. – Он похож на одушевленного.

– Да. Есть что-то такое. Людвиг, оставь его. Мне не нравится эта вещь.

– Мне тоже. И я не хочу, чтобы ее кто-нибудь нашел. Или кузнец им снова воспользовался.

– И как же ты его уничтожишь? – хмуро спросила она. – Я уже пробовала два заклинания. Он их просто вобрал в себя. Кувалды рядом нет. Пороха тоже.

Я обошел собственность темного кузнеца по кругу, чувствуя, как в ней клокочет сила темных душ, впитавшихся в камень. Гадкая вещь. И в будущем она способна принести большие беды.

– Есть идея, – сказал я, левой рукой вытаскивая кинжал, и прежде, чем сердце ударило дважды, с силой воткнул его в камни.

Клинок вошел в горн, точно тот был сделан из мяса. Резкий визг ударила по ушам, поднялся горячий ветер, согнувший сосны, понесший по земле иголки и золу. Творение Ивойи начало трескаться и, внезапно обратившись в темную жижу, растеклось по земле, стараясь дотянуться до моих ботинок.

Я отпрянул, видя, как жидкость пузырится, лопается и на ней проступают чьи-то ужасные, гротескные лица. А затем она постепенно застыла, превратившись в странное мутное зеркало.

– Не смотри туда! – предупредила меня Гертруда, вскинув руки и начав шептать наговор.

Восточная стена трапезной накренилась, и груда камней похоронила под собой кузницу. Поднялась пыль, и мы отошли подальше.

– Адское искусство! Никогда не видела ничего подобного! Он сам дьявол, раз придумал такое!

– Больше кузнец не воспользуется этой штукой. И кажется я знаю, куда он теперь направится, – со злой улыбкой произнес я. – Кардинал Урбан владеет глазом серафима, и Ивойе это известно. Александр пытался добить камень еще в Вионе, для этого и придумал Ведьмин яр. Затем кузнец потерпел фиаско в Крусо. Уверен, что он попытается еще раз добить желаемое. Без камня кинжал не закончен. Нам следует опередить его.

Гертруда посмотрела на меня долгим взглядом и прошептала:

– Так сделаем это.

История пятая

У перекрестка эпох

– Интересно, твое письмо дошло? – Проповедник косился, наблюдая, как я машинально потираю обрубок мизинца на правой руке.

Я отстраненно подумал, что за последний месяц это действие начинает превращаться в дурную привычку и пора уже от нее избавляться. Но отсутствующий палец порой болел, и я ничего не мог с этим поделать. Рука все еще ныла, чаще всего ночами или в те дни, когда менялась погода. Сейчас как раз наступило такое время. Всю неделю было тепло, но стоило мне оказаться на севере Литавии, недалеко от предгорий Кантонских гор, пришел холод, да такой, словно была не середина июля, а конец осени. Стало промозгло, дождливо и туманно, особенно по утрам. Иногда мне приходилось ждать, когда молочная дымка рассосется по ложбинам и лесам, опустится к земле, чтобы можно было продолжить путь, не страшась заблудиться в трех соснах.

– Людвиг! – потерял терпение Проповедник. – Ты вообще слышал, что я спросил?

– Извини. Задумался. Полагаю, Роман получил сообщение. «Фабьен Клеменз и сыновья» всегда доставляет корреспонденцию адресату. Если адресат, конечно, жив и заходит в контору.

– А если он все же не получил предупреждения?

Подобное было маловероятно, но я не стал его в этом убеждаться.

– То у нас есть резервный вариант.

– Угу. Твоя ведьма. На нее можно положиться примерно так же, как и на тебя. Подумать только, я до сих пор не верю, что вам хватило мозгов сунуться к темному кузнецу. Вот честно, потеря мизинца воспринимается мной как милость Божья. Ты мог бы остаться вообще без головы. Просто повезло, что ему не было до вас никакого дела.

Я рассеянно погладил конскую морду:

– Ты злишься на Геру потому, что она устроила тебе трепку напоследок.

Он не стал отнекиваться:

– Разумеется! А я всего лишь сказал правду!

– Какую правду? Ты обвинил ее в том, что она бросает меня, раз сбегает по воздуху, тогда как нам, точнее мне, придется преодолевать все

кордоны на своих двоих. Довольно невежливо, учитывая обстоятельства.

Старый пеликан равнодушно пожал плечами:

– Ну, я же не знал, что это была твоя идея. Разделить силы.

– Она быстрее меня окажется рядом с кардиналом Урбаном. Ей проще получить у него аудиенцию, и у нее есть защита от темного кузнеца. А метла, которую ей предложила за собаку ведьма, живущая в курганах, могла нести лишь одного. Так что ты получил от Гертруды то, на что давно напрашивался.

– Проявлю кротость и не буду говорить, что я думаю о твоем бесчеловечном злорадстве. Ну так чего там?

– Пока ничего.

– Может, пора уже двигаться?

– Вот сам и двигайся. Ты-то уже умереть не можешь. А я, с твоего позволения, еще немного понаблюдаю и сохраню свою шкуру.

Он посмотрел на меня с некоторой долей раздражения, не удержавшись от язвительного комментария:

– Да уж. В последнее время ты ее что-то сильно подпортил.

Я пропустил эту шпильку мимо ушей.

Мы стояли под шелестящим по осинам дождем, скрываясь за деревьями. Со своего места я видел темные дома с желтыми крышами, стога уже собранного сена, колодец на окраине хутора, огороды и все тот же чертов туман, делавший это раннее утро призрачным отражением сна.

После встречи с темным кузнецом прошел месяц, и за это время мир необратимо изменился. И, к сожалению, не в лучшую сторону. Натиск юстирского пота не смогли сдержать ни кордоны, ни магия. Болезнь, точно кувалда, с легкостью проломила преграды и начала стихийно распространяться по югу.

Сарон и Флотолийская республика полностью утонули в заразе, и оттуда не было вестей уже две с лишним недели. Ветеция еще худо-бедно держалась, но вспышки пота отмечались во многих городах. В Каварзере, прореженном прошлой эпидемией, было зафиксировано пока всего несколько случаев, из-за небольшого количества населения.

Но скоро, если князья не найдут сдерживающих мер, юстирский пот распространится дальше, на юг Литавии и восток Дискульте, поднимаясь все выше и выше. С наступлением холодов скорость замедлится, зимой все, возможно, затихнет, а весной начнется новый этап смертельной жатвы, и она доберется до северных княжеств.

Люди, как всегда, разделились на несколько групп. Кто-то не верил ни в мор, ни в новости о нем, и не будет верить до тех пор, пока их

собственная кожа не посинает, а лицо не исказится застывшей маской ужаса. Кто-то уже сходил с ума от страха перед реальной угрозой смерти. Кто-то безумел от власти, внезапно свалившейся на него среди возникшей анархии и кошмара, растекающегося по трактам. А кто-то потерял всякую нить реальности из-за безнаказанности, так как с эпидемией исчезали суды, стража, палачи, городские чиновники и все те социальные силы сдерживания, которые не давали людям превратиться в бросающихся друг на друга животных.

Жулики, воры, насильники, убийцы, мошенники, аферисты, лжепророки, религиозные секты и прочие представители худшей части человечества появлялись будто грибы после дождя. Это происходило как в странах, где уже свирепствовала болезнь, так и в местах, где она еще не появится несколько месяцев.

Проповедник называл это смутное время эпохой беззакония. И он был совершенно прав. За последнюю неделю, пока мы пробирались через провинцию Суерветто, успели на многое насмотреться.

Например, на карательные отряды религиозных безумцев, называющих себя Святыми братьями очищения. Облаченные в белые балахоны, ловящие любого, кто попадется им на глаза, и сжигающие жертву во славу господа.

В большинстве своем это были фанатики, разбавленные преступниками, сбежавшими из окрестных тюрем. Одни хотели заслужить прощение небес, другие пограбить. Шайки бандитов, убивающих тех, кто пытался убежать от мора.

Но они не являлись самыми свирепыми из волков, вышедших на охоту. Не лучше были те, кто считал, что поедание человечины избавит их от всех проблем. Порой такие собирались в стаю и нападали на людей, точно голодные ругару. Два дня назад я пристрелил людоеда, прыгнувшего на меня с дерева в надежде добыть на обед кусок свежей вырезки.

Были и просто убийцы. Уничтожающие других без особых на то причин. Исключительно ради удовольствия. В них не находилось и капли сострадания, и они не являлись сумасшедшими. Подобное обстоятельство делало их еще более опасными, так как убивали они с омерзительной жестокостью.

К вечеру прошлого дня мы наткнулись на последствия работы нелюдей. На лесной дороге лежала перевернутая набок повозка. Путников, прежде чем убить, долго мучили, а после надругались над трупами, развесив останки на деревьях.

— Меня бы уже стошило от этого зверства, будь я жив, —

отворачиваясь, простонал Проповедник.

Пугало же ходило от дерева к дереву, словно зритель по коллекции уродов музея Савранского университета.

Провинция, через которую я проезжал, управлялась бургграфом. Его милость решил урвать себе кусок от соседних земель, пока остальные пребывают в панике, запасаются продовольствием и пытаются понять, куда девать беженцев с юга.

Но везло бургграфу как зараженному юстирским потом, и он в первой же пограничной стычке получил пулю в лицо, отправился в мир иной, а в его провинции начался настоящий ад. За неделю здесь воцарилась анархия, и вышедшие из-под контроля бароны рвали друг друга на части, понимая, что никто их не остановит и не пришлет войска из метрополии, занятой куда более важными проблемами. Крестьяне не отставали от благородных, подались в леса, сводили счеты с соседними деревнями и хуторами и даже устраивали рейды против слабых замков.

Надо сказать, не без успеха. Тут же появлялись новые владетели, которые раньше стояли у сохи и плуга, заключались альянсы, и конечно же снова лилась кровь. И к отрядам благородных, и к черни то и дело присоединялись бежавшие от наступающего мора из соседних провинций и даже стран.

Тут не было ни правды, ни закона, ни долга, не говоря уже о таких понятиях, как справедливость и любовь. Существовало лишь право самого сильного, жестокого и быстрого.

Убийство чужаков стало обыденностью, и делали это без причины и, разумеется, во славу господа, который отчего-то «именно с ними», а не с теми, кого они грабили, насиловали, резали, вешали, сжигали, топили.

Проповедник с нетерпением ждал, когда же бог нашлет молнии на головы отбросов человечества, и по вечерам искренне молился об этом.

— Скорее бы они все сдохли, — с ненавистью цедил он, когда мы вновь натыкались на обезображеные, изрубленные или сожженные тела. — Скорее бы все сдохли. Никто и не заметит такой «потери». Господь, сделай так, как я прошу. Они вконец охренели.

В кои-то веки я и Пугало присоединились к его молитвам. И хотя у каждого из нас имелись свои причины, но мы были как никогда солидарны в одном — желании увидеть конечный результат гнева создателя.

В свете творящегося вокруг меня безумства я ехал очень медленно, так как проявлял большую осторожность. Надо сказать, вполне разумную. Однажды я разминулся со Святыми братьями очищения, и только лишь потому, что они были слишком заворожены огнем сжигаемой ими деревни,

чтобы смотреть по сторонам. В другой раз едва не попался сорвавшимся с цепи наемникам, возомнившим себя хозяевами этой земли. В третий лишь чудом вырвался из засады, организованной на меня какими-то смердами, гнавшимися за лошадью с вилами да цепами и требующими немедленно остановиться, «катова худова те будет!».

Сейчас было то самое редкое время, когда не играло никакой роли, что я страж. Уверен – человека из Братства прикончили бы с куда большим удовольствием, чем многих других. Хотя бы потому, что я не могу заболеть юстирским потом. Несомненно, нашлись бы и другие причины. Людей многое раздражает.

Так что я старался не искушать судьбу. И пытался покинуть провинцию окольными путями, лесными трактами и пустынными рощами. Но даже здесь постоянно сталкивался с делами рук моего племени.

И делами крайне неприятными.

Поэтому встреченный на пути большой хутор вызывал у меня заметные опасения, и я не спешил въезжать в него в открытую. По идею лучшим вариантом стало бы обехать его лесом, но прошлым утром я здорово запутал в тумане и с тех пор слабо понимал, где нахожусь и как далеко отсюда до Кантонских земель. Дорогу я мог бы узнать здесь – в первом целом поселении, на которое наткнулся за последние пять дней.

Пытаясь понять, безопасно ли здесь, я мешкал. И ждал гласа с небес, который сделает за меня выбор.

– Слушай. Я двадцать минут бродил по этой дыре, выискивая людей с оружием. Там лишь крестьяне. – Проповедник начал терять терпение из-за моей осторожности.

– Я очень благодарен тебе за помощь, старый друг. Но давай признаем, что разведчик из тебя примерно такой же, как из меня священник. Ты много раз прокалывался. И я допускаю, что кое-какие вещи могли ускользнуть от твоих внимательных глаз.

Он громко фыркнул, но не обиделся, признавая мою правоту:

– И все же повторюсь, что в деревне мирные люди, большинство из которых сидит по домам. Не веришь мне, спроси у Пугала.

Пугало бродило в легком тумане, среди утренней мороси, раздраженное и невеселое. Оно злилось на непогоду и что отсутствуют развлечения. Сейчас одушевленный присматривался к ближайшей копне сена, и оставалось лишь догадываться, какая каверза рождается в его больном воображении.

Разумеется, после случая под Билеско и я, и Гертруда попытались вытащить из него хоть что-то о том, каким образом оно вложило в кольцо

из кости ругару силу, способную защитить от золотого пламени. Но оно лишь непонимающе таращилось на нас, словно кот, пойманный за воровством сливок, а затем и вовсе смылось на пару дней, когда его достали вопросы. Теперь страшила пребывал в дурном расположении духа, страшно бесясь, что пропустил события возле заброшенного монастыря молчальников, послушавших моей просьбы и оставшись в Билеско.

– Смотри! – внезапно встрепенулся Проповедник.

Из ближайшего к лесу дома появилась женщина. Полная, крепкая, с белой косынкой на волосах и в темном крестьянском платье. Она постояла возле ограды, прислушиваясь. Ее не смущала ни морось, ни холодное утро. Убедившись, что все спокойно, прошла к низеньким хозяйственным пристройкам и вернулась с черной курицей под мышкой.

Она равнодушно и очень умело свернула птице шею, бросила на влажную землю, среди растущей свеклы и капусты. Взяла небольшую лопату и начала быстро рыть яму возле крыльца.

– Что она делает? – привстал на цыпочки Проповедник.

Пугало тоже заинтересовалось происходящим, подошло к плетню, оперлось на него, возвышаясь чудовищем из кошмара над ничего не подозревающей женщиной. Та кинула птицу в яму, закидала землей.

– Зачем же так переводить мясо, глупая ведьма!

– Она не ведьма. И это не колдовство.

– А что же такое? Будь тут инквизитор, он бы клонул на подобное, точно рыба на червяка.

– Ритуал.

Он всплеснул руками:

– В чем разница?! Ритуал. Колдовство. Чертова магия. Итог-то один.

Дьявольское искусство.

– Это способ обезопасить свой дом от темной души.

– Ха-ха!

– Зря смеешься, – одернул я его.

– Людвиг. Я, конечно, вырос в деревне и не так учен, как ты. Но впервые слышу о подобной ерунде. Всем известно, что от темной души защищают стражи, а не дохлые курицы.

– Это не просто дохлая курица. Это черная курица. Ей свернули шею и закопали под южным углом дома. Стражи существовали не всегда, в отличие от темных душ. И людям приходилось находить способы бороться с невидимыми сущностями. Не уничтожать, а отгонять их от себя и от своего жилища. Они понимали, что когда внезапно начинают умирать соседи и творится странное, то это не обязательно черт или адское создание. Это мог

быть тот, кто не спешит в пекло.

– И что? Дохлая птаха защитит бабу? – Он все еще не верил.

– Не от всего, что есть в мире. От сильных тварей конечно же не спасет. Но от множества других темных душ – вполне. Такой оберег действует около месяца.

– А потом?

– Надо найти новую черную курицу.

– А если ее не будет?

– Начинать молиться. Или искать стража.

– Как видно, она не рассчитывает, что такой, как ты, приедет в это Богом забытое место. Эй, ты чего?!

Я уже был в седле:

– Деревню обехать не получится, друг Проповедник. Я должен помочь, если здесь есть темная душа.

– «Если есть», Людвиг! – крикнул он мне в спину. – А если нет?! Клянусь грудью святой Агаты, темной душой тебя можно заманить даже на плаху!

Я заставил лошадь идти шагом, и женщина, все еще не ушедшая со двора, довольно быстро заметила меня. Вздрогнула, отпрянула к дому, но прятаться не стала, напряженно следя за моим приближением и ожидая, что следом за мной из леса появятся другие всадники.

Я не делал угрожающих движений, не торопился и сохранял дружелюбное выражение на лице. Ну, во всяком случае, я рассчитывал, что детина, заросший бородой, с едва видимыми шрамами на щеках и лбу, выглядит не так уж и страшно.

– Утро доброе, хозяйка, – поприветствовал я ее, молчавшую и все так же настороженную, собиравшуюся при малейшем намеке на опасность юркнуть в дом и запереть дверь. – На хуторе есть темные души? Я страж.

В подтверждение своих слов я показал кинжал с звездчатым сапфиром.

– Ты придурак, который каким-то чудом пережил свои тридцать лет! – Проповедник держался поблизости.

Ее отношение изменилось. Настороженность сменилась мгновенным испугом.

– Уезжайте немедленно! – прошептала крестьянка. – Если хотите жить! Быстро!

И, ничего не объясняя, ушла в дом, закрыв за собой дверь. Объяснения мне были не нужны. Я развернул лошадь, ударил ее каблуками в бока и был уже на середине туманного луга, когда услышал стук многочисленных

копыт. Тут же придержал животное, чтобы его поступь не выдала меня, поехал медленнее, надеясь, что серебристые нити тумана скроют меня от глаз людей, двигавшихся по лесной дороге совсем недалеко от того места, где я находился.

Отряд из восьми человек вылетел на открытое пространство, когда до спасительных осин мне оставалось не больше пятидесяти ярдов. Проповедник в панике издал звук полузадушенного цыпленка, но я не суетился, просто пригнулся пониже, ткнувшись в лошадиную шею, пахнущую теплом и потом, и не поднимался, пока животное не оказалось под прикрытием деревьев.

Ни один из всадников так и не посмотрел в мою сторону.

– Тебе крупно повезло! – Проповедник мастер говорить очевидные вещи.

Вновь прибывшие въехали в поселок. Я потерял их за домами, и, судя по тишине, отсутствию пожаров, криков и мольбы, они или местные, или же их здесь хорошо знали.

Это были не те, кто собирался грабить и убивать.

– Она тебя не сдаст? – забеспокоился старый пеликан.

– После того как предупредила? Не думаю.

– Ну да, пожалуй, – согласился он. – Кажется, ей позарез надо поговорить со стражем. И что? Ты собираешься околачиваться здесь, в то время как Гертруда тебя ждет в кантоне Ульс?

– Проповедник, из тебя выходит не слишком хороший манипулятор. Меня на такую неказистую уловку не поймать.

– Попробовать стоило. Вот лезешь ты туда, куда тебя никто не просит!

– Моя совесть просит. И долг стража.

– Долг? Ха! Господни милости! Да ты еще более вымирающий вид, чем некоторые из иных существ! Тебе же не шестнадцать лет. Пора избавляться от... какое там слово... патетики, Людвиг.

– Я более чем избавлен от нее. Настолько сильно, что ищу любой способ, чтобы привнести ее в свою жизнь.

– Жизнь, за которую в наше адское время никто и медной монетки не даст!

Делать мне было нечего, так что следующий час мы занимались глупой беззлобной пикировкой. Я то и дело поглядывал на хутор, но всадники не уехали. Наконец из дома вновь вышла женщина, держа в руках корзинку, направилась к деревьям, по пути несколько раз оглянувшись.

Меня она не видела, войдя в лес ярдах в двухстах от того места, где я прятался. Я нагнал ее на маленькой просеке, появившись неожиданно из

густой листвы, вновь напугав. Она отшатнулась, уронив тяжелую корзину, затем узнала меня.

– Вы один?

– Кто эти люди? – вместо ответа спросил я.

– Они служат новому барону. Это его лес и земли. Приехали сюда за едой.

– Защищают вас в обмен на продукты?

– Да. Вам лучше не попадаться им на глаза.

– Не собираюсь этого делать.

– Вы голодны?

Она стала доставать из корзинки еду – крынку молока, четвертинку свежего хлеба, куриное мясо и вареную репу.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Луиза, господин.

– Я Людвиг. Расскажи мне о темной душе, от которой ты спасалась, Луиза.

Она вздрогнула:

– Вы знаете?!

– Я видел, как ты закапывала курицу.

– Только нашему священнику не говорите! – взмолилась она. – Он не одобряет такого и обязательно накажет. Отец Георг считает, что против зла поможет лишь молитва. Но она не помогает!

Разумеется. Темная душа – не адское создание. Молитва ее не остановит.

– Не бойся, – пообещал я. – Расскажи, что ты знаешь.

– Стали умирать дети. – Лицо у женщины было испуганным. – Две недели назад. Погибали все в полдень, их находили бледными и с выпученными глазами.

– Сколько смертей?

– Четыре. Это не похоже на болезнь. Думали, что ведьма, но у нас такого сроду не было. Все всех знают. И молитвы отца Георга не помогают. Вот я и подумала о темной душе.

– Ты говорила об этом с другими жителями?

Она горячо кивнула:

– Да. Люди напуганы, но верят священнику, а не мне. Две семьи уехали к замку барона, от греха подальше, а мне деваться некуда. Бабка когда-то говорила, что курица может спасти от беды.

– Умная у тебя бабка. До того как это началось, кто-нибудь из ваших умирал?

— Нет.

— Чужие люди появлялись?

Женщина неохотно кивнула:

— Было несколько путников с юга, убегавших от мора. Люди барона поймали одного недалеко отсюда. Привезли и целый день допрашивали, считая его соглядатаем господина Флерда.

— Человека убили?

— Повесили на лесной дороге, запретили снимать. Потом уж наши мужики его стянули, боясь, что выйдет что-нибудь плохое, и закопали там же.

— Место показать сможешь?

Она с сожалением покачала головой:

— Нет, господин. У меня ребенок, и уже надо возвращаться, пока соседи не хватились. Это по той дороге, что они прискакали. Возле дуба. Он единственный у нас, не ошибетесь.

— Как далеко отсюда до равнинных кантонов?

— Если на лошади, то полтора дня, вон в ту сторону. По лесной тропе до старой мельницы, а там уж и Вельницкий тракт будет.

Она оставила еду и корзинку и ушла поспешно, едва ли не бегом. Проповедник прочистил горло и взмолился:

— Обещай мне! Ты проверишь мертвеца, а затем пойдешь своей дорогой. И не важно, есть на хуторе темная душа или нет.

— Друг мой. Не требуй от меня того, что я не могу сделать, — попросил я его, и он лишь ругнулся.

Я, оставив лошадь, пошел пешком, двигаясь вдоль дороги. Проповедник не стал следовать за мной.

Как я и полагал, кряжистый дуб рос совсем недалеко от хутора. Темная душа вполне могла добраться туда от места, где покоилось ее тело. Свежую могилу, судя по внешнему виду неглубокую и довольно небрежную, я нашел шагах в сорока от дороги.

Я даже фигуру не стал рисовать. По всем признакам — по тому, как свисают ветки, как шелестят листья, как скатываются мелкие камешки с края могилы, и по влажному сумраку, что царил в этом участке леса, — было понятно: темная душа, и душа не самая слабая, зародилась именно здесь. Но рядом с местом погребения не осталась, а значит, стала для этого достаточно сильна.

Я прищурился, выискивая в воздухе невидимые обычному глазу тонкие, похожие на осеннюю паутину серебристые нити, и заметил одну, висевшую на коряге ярдах в двадцати от меня. Она как раз блеснула на

солнце, указывая мне нужное направление...

– Подумать только! Ты точно пес, бегающий за собственным хвостом! – Проповедник потерял выдержку, когда я в третий раз миновал его, обходя деревню по кругу. – Спаситель с тобой! Сколько еще это будет продолжаться?

– Я пытаюсь найти потерянный след. *Фигура* не действует. Темная душа рядом и водит меня за нос.

– Кроме тебя, здесь никто не проходил. Только Пугало. Но теперь оно шарится в курятнике. Ты не хочешь его оттуда вытащить прежде, чем все несушки откажутся от своих обязанностей на целый год?

– У меня есть дела поважнее. Ты точно никого не видел?

– Да нет же! Говорю – только ты и Пугало. Ну и комары, которые вокруг тебя крутятся. Ничего похожего на темную душу.

Я сел, понимая, что прежней тактикой ничего не добьюсь. Следовало все хорошенько обдумать и выработать какой-то новый план действий. Цепочка следов терялась в десяти шагах от меня, словно темная душа вдруг решила отправиться в ад без моей помощи.

Она чувствовала меня и великолепно спряталась. Вполне возможно, что где-то на хуторе.

Из своего укрытия я видел крестьян, которые, несмотря на моросящий дождь, работали на маленьких, отвоеванных у леса полях. Возле ручья топили баню для сборщиков барона, и пахнущий смолой дымок несло прямо ко мне.

Внешне все было спокойно, но меня смущало это не меньше, чем обстоятельства, из-за которых я здесь задержался. Я не мог понять, что зверь мне противостоит, еще никто так ловко не уходил от преследования. Наоборот, частенько темные сущности сами бросались на того, кто, по их мнению, представлял опасность. Эта же заметала следы с такой поспешностью, что оставалось лишь диву даваться.

– Почему я никого не видел? – Проповедник с напряжением следил за получившейся *фигурой*.

– Светлые души не могут видеть некоторые темные сущности. – Я убрал кинжал в ножны, потер ноющее от работы правое запястье. Рука прекрасно меня слушалась, но эта тупая боль, возникавшая неожиданно и совсем не вовремя, причиняла неудобства.

– Никогда такого раньше не было.

– Не ты ли мне говорил третьего дня, что все когда-нибудь бывает впервые.

– Не смей переиначивать смысл моих слов и обращать их против меня! – в возмущении подскочил он. – Ох ты ж святой Андрей и все его пескари!

Его глаза округлились до невозможности, и он точно мышь юркнул передо мной, замахав рукой:

– Смотри!

Из леса, совсем недалеко от меня, появились всадники. Они двигались шагом, чтобы не покалечить ноги лошадей на неровной поверхности заливного луга, и дождь скрывал их приближение от крестьян. Когда на открытое пространство выехало человек тридцать, отряд разделился, медленно, полукольцом охватывая хутор. А из-за деревьев выезжали все новые и новые конные. Часть из них оказалась в белых балахонах Святого братства очищения.

Проповедник клещом вцепился мне в плечи:

– Ради Бога! Не лезь!

Он, как и я, без труда понял, что люди, действующие как опытные охотники, вряд ли являются друзьями тех, кто приехал сюда часом раньше. Развернулось мокрое серое полотнище, и кольцо начало сжиматься.

Их наконец-то заметили, крестьяне побежали с полей. Неизвестные воины все так же неспешно въезжали в хутор.

Я ничего не мог сделать. Один человек не способен остановить семьдесят хорошо вооруженных бойцов, которые приехали для того, чтобы убивать.

Мне оставалось лишь смотреть, да скрежетать зубами.

Пугало было довольно. Скалилось, бродило мимо догорающих, едко воняющих обугленным мясом изб. Трупов на улице не осталось, напавшие прежде чем уехать всех убитых кинули в огонь.

Проповедник молился на останках церкви, стоя на коленях возле лежавшего на боку, дымящегося, обгоревшего с одной стороны распятия. Он поднял на меня полные страдания глаза. Наверное, сейчас он вспоминал свою деревню.

– За что они так с ними?

Я указал на воткнутое в землю плохонькое копье, на котором висела доска с надписью, и прочитал для него:

– «Сим знаком достопочтимый бургграф Флерд подтверждает, что эти земли отныне и во веки веков принадлежат ему и его потомкам». Бургграф! Ты слышал? Один из баронов решил проглотить большой кусок пирога.

– Хоть бы он подавился, черт поганый! Людей-то зачем убивать? Его

же подданные.

– Не его. На этих землях правит другой, Флерд находится по соседству. Уничтожив хутор, он досадил конкуренту и лишил того дополнительного провианта. В таком медвежьем углу это не большое преступление. Подобное случается и в дни, когда мир не боится юстирского пота.

– Чертова мразь! Землю он, видите ли, потомкам собрал! Чтоб этот Флерд сдох от юстирского пота еще до Рождества!

И он вновь начал молиться, приняв смиренную позу.

Я заметил движение в дыму. Что-то большое, величиной с фургон, под прикрытием густой, едкой завесы кралось к лесу, выбравшись из компостной ямы на заднем дворе одной из хижин.

Знаки с низким воем улетели в дым, взорвались чередой ярких вспышек, даже не задев темную душу. Она взметнулась в воздух, точно блоха. Поднялась на высоту самой большой колокольни и стала падать.

Прямо на меня.

Я бросился прочь, подлетел, когда туша с грохотом упала за спиной, но устоял. Стеганул золотым шнуром по дождливому небу, поджал ноги и пронесся над догоревшим домом, подальше от темной сущности, не решившейся преследовать меня по тлеющим углям.

Только теперь я худо-бедно мог ее рассмотреть. Она действительно была размером с фургон. Синяя, в мертвенно-зеленую полосу. Тварь выглядела как человек сожравший все, что только можно. Казалось, темная душа состоит лишь из раздувшегося колыхавшегося брюха. В нем по какой-то нелепой случайности торчали тонкие ручки, ножки и маленькая, скошенная с боков голова, больше подходящая для какого-нибудь циркового уродца.

Но, несмотря на несуразную комплекцию, двигалась она легко, проворно и абсолютно бесшумно. Это мой противник доказал в следующее же мгновение, увернувшись от очередного знака, который впечатался в плетень, развалив его и выжигая просеку в вершках свеклы, находящихся за ним.

Темная душа напрягла ноги, легко, точно перышко, взмыла в воздух, решив повторить тот же трюк, что и прежде, – раздавить меня своей тушей при приземлении. Но на этот раз я был ученый. Хлестанул ее золотым шнуром прямо по брюху, свободный конец бросил на горевшее бревно. Моя невидимая веревка натянулась, увлекла огромный кусок дерева в небо, превратив его то ли в копье, то ли в гарпун, который, получив ускорение, вонзился твари в живот в тот момент, когда она начала свое движение к земле.

Мой противник приземлился уже не столь изящно. Рухнул набок, прямо в горящие обломки дома. Душа попыталась вылезти, таща за собой мешающее, жгущее нутро бревно, и я угодил знаком ей прямо в склоненную, беззвучно открывающую рот голову.

Вздымающаяся, все еще «живая», мерзко воняющая паленым волосом туша булькала и шевелила конечностями, разбрасывая угли во все стороны. Я связал ее на всякий случай пятью *фигурами*, так как приблизиться все равно не мог. Окончательно развоплотить ее кинжалом получилось лишь через несколько часов. Пугало все это время крутилось вокруг, тыкало тварь серпом и лыбилось, когда она начинала содрогаться и сучить руками, пытаясь дотянуться до одушевленного, который проворно отскакивал. Страшила вся эта ситуация невероятно забавляла.

Я прекратил его веселье, когда жар от пожара спал до такой степени, что мне удалось подойти к ней вплотную и воспользоваться кинжалом.

Я поймал взгляд Пугала на своей искалеченной руке.

Оно, следуя справа от лошади, показало, что ему интересно, как я теперь буду управляться с кинжалом.

– Ничего не изменилось. *Фигуры* и *знаки* получаются такими же. Ты могло в этом убедиться пару часов назад.

Одушевленный с насмешливо ткнул пальцем в широкий рейтарский клинок, висевший рядом с седлом.

– Хорошо. Признаю. С палашом есть трудности. Но я привыкну. Знаешь, старина. Иногда я жалею, что ты выкинул законника из моего окна. В Ордене куда лучшие знатоки таких ребят, как ты. Перед смертью он пытался что-то сказать о тебе, но ему не хватило времени.

Наконец-то я смог его расшевелить. Пугало стало похоже на взъерошенного, рассерженного воробья, конечно, если вы можете представить себе высоченного воробья со зловещей ухмылкой, вооруженного бритвенно-острым серпом.

– Эрик тоже в тебе почувствовал нечто, но не понял. Возможно, в силу своего возраста. Хотя его слова заставляют задуматься. Что ты ищешь, Пугало? Считаешь, что я приведу тебя к этому?

Оно развело когтистыми руками, что можно было расценить, как «там поглядим» или же «я уже давно потерял надежду на такое чудо и слоняюсь за тобой, чтобы поскорее сдохнуть от скуки».

– Но, как видно, не все законники такие умные. Франческа тебя так и не раскусила.

Одушевленный махнул рукой, мол, куда ей до Эрика.

Я в который раз ничего от него не добился, так что сменил тему:

– Не знаешь, куда запропастился Проповедник? В последнее время он частенько ходит в одиночестве и исчезает без предупреждения. Набрался от тебя дурных привычек.

Во взгляде Пугала промелькнуло, что в его обязанности не входит следить за старыми дуралеями.

– Он путешествует со мной почти десять лет. Большой срок для светлой души, которую давно ждет рай. Он никак не может смириться с тем, что случившееся в его деревне – не его вина. И он не сможет искупить то, к чему не имеет никакого отношения. И если уж говорить об искуплении, то, уже будучи мертвым, он совершил достаточно хороших поступков, чтобы его на руках внесли в райские врата. Он знает, что ему пора, но упорно держится за наш мир и за меня. И, боюсь, не уйдет до тех пор, пока не решит, что его совесть чиста. Беда в том, что совесть редко успокаивается. Такова уж наша природа.

Оно слушало с серьезным видом, словно я поведал ему самую большую тайну вселенной.

Дождь перестал. Дорога, точнее размокшая широкая лесная тропа, пахла пряной листвой и блестела лужами на ярком, наконец-то появившемся из-за облаков солнце. Вокруг росли дубы, величественные, кряжистые, темно-зеленые. Под ними было приятно ехать, и я рассчитывал уже вечером пересечь границу, пройти патрули кантонаских наемников и оказаться совсем недалеко от Гертруды.

Даже если темный кузнец путешествовал так же быстро, как и я, ему не опередить мою колдуны. Уверен, что у нее большая фора, а кардинал Урбан позаботился о том, чтобы спрятать глаз серафима получше.

Грязь глущила стук лошадиных копыт, и человек, бредший в намокших ботинках по обочине, услышал меня слишком поздно. Вздрогнул, отскочил к деревьям, крепко сжимая руку на ремне переброшенной через плечо вместительной, похожей на саквояж сумки. Во второй руке он держал стилет, глядя на меня со смесью страха и угрозы. Он хотел выглядеть внушительно, но был чересчур тощ и оборван для этого.

Незнакомец походил на гуся – вытянутое неулыбчивое лицо, редкие черные волосы, длинная немытая шея и сутулые плечи. Его глаза обращались то на меня, то на деревья через дорогу. То ли он думал о том, что еще можно попытаться оторваться от всадника в густом подлеске, то ли ждал моих сообщников, прячущихся там.

– Ты мимо или за моим добром, альбатандец? – напрямик спросил он.

– Мимо. – Я остановил лошадь в десяти шагах от него. – Откуда

идешь?

– Тебе-то какая разница? – Человек подозревал меня во всех смертных грехах.

Судя по акценту и говору, он откуда-то из центральных герцогств Литавии и, как и многие другие, не стал дожидаться прихода эпидемии, а собрал вещи и отправился на север в поисках лучшей доли.

– Да в общем-то никакой, – ответил я и поехал дальше.

Пугало замешкалось, изучая незнакомца.

– Постой! – крикнул он мне в спину. – Продай лошадь!

– Не продается. – Я даже не стал оборачиваться.

– Дам хорошую цену! Серьезно! У меня много чего с собой есть!

– Спасибо. Не интересует.

– Кровь нашего Спасителя! А еще есть косточка от пальца святого Фомы! И несколько чешуек кита, который сожрал Иону, когда тот переплыval Южный океан.

Я натянул поводья и расхохотался:

– У кита нет чешуи!

Он уже убрал стилет и спешил ко мне со своей тяжеленной сумкой, думая, что меня все же заинтересовало его предложение.

– А у этого была! Это же кит, ниспосланный самим Господом. Интересует? Поменяю на лошадь и пару серебряных монет.

Наглости ему было не занимать.

– Нет.

– Ну тогда, может быть, перья из крыльев ангелов? Отдам два пучка за дублон. Хотя нет. Что я предлагаю такому знающему путнику столь распространенные реликвии! Вот! Смотри! Нравится?!

Он, как заправский фокусник, выудил из сумки *нечто*.

– Ну? Что думаешь? – Человек заглядывал мне в глаза, пытаясь понять, насколько я поражен увиденным.

Пугало вот явно было поражено. Таращилось на продавца так, словно оказалось на уличном представлении бродячих циркачей.

– Похоже на сухое дермо. – Я старался сохранить серьезный вид.

– Ты зришь в корень! Но это святое дермо. Испражнения осла, на котором Христос въехал в святой город Хариллу, что на границе Хагжита и Мильты. Если растворить его в вине и выпить, то никогда не будешь болеть!

– Полезная вещь. Только не понимаю, раз у тебя есть такое чудесное средство от всех болячек, чего же ты бежишь от юстирского пота?

– Кто сказал, что я бегу? – обиделся тот. – Я отправляюсь в Прогансу

по важному, коммерчески выгодному делу. А средство слишком ценно, чтобы я переводил его на себя. Отдам тебе половину за лошадь.

– Не думаю, что стану пить ослиное деръмо. – И, посмотрев на Пугало, не удержавшись, сказал: – Проклятье! Где Проповедник, когда он так нужен? Пропускает столько интересного!

Продавец фальшивых реликвий расценил мои последние фразы по-своему и сочувственно вздохнул:

– Да, друг. Со священниками в этом крае негусто. Тебе либо придется набраться терпения, чтобы получить исповедоваться и отпущение грехов, либо воспользоваться вот этим. – Жестом фокусника он извлек из сумки длинный, чуть погнутый и ярко-рыжий от ржавчины гвоздь.

– Надо думать, он пробил ладонь Христа? – участливо поинтересовался я.

– Как ты догадался? – изумился тот и ткнул в особенно ржавое пятнышко. – Вот, видишь? Это капля Его крови.

– Если бы мне давали по золотому за каждый гвоздь, который якобы пробил плоть Иисуса, что мне предлагали купить, я бы давно уже сидел на горе из флоринов.

Продавец прищурился:

– Ты из этих? Неверующих?

– Неверующих в поддельные святые реликвии, которые впаривают простодушным невеждам по всему миру? О да. Я из таких. И меня не интересуют ни пояса Богородицы, которых, уверен, в твоей сумке не меньше трех штук; ни волосы с отрубленной головы Крестителя; ни дощечка из ковчега Ноя; ни даже ослиные какашки, подобранные тобой на обочине дороги пару недель назад.

Продавец фальшивых реликвий ничуть не смущился подобными обвинениями и лишь пожал плечами:

– Ты зря так говоришь. За прошлый год благодаря купленным у меня уникальным артефактам, привезенным из самого Хагжита, сотни людей обрели счастье, здоровье и любовь.

– Ты совсем забыл упомянуть о своем пополненном кошельке.

– Не так уж он и пополнился, – грустно произнес тот. – С каждым годом в мире появляется все больше таких, как ты. Не верящих в чудо.

– Я верю в чудеса, но не те, что вываливаются из ослиных задниц и во множестве валяются по дорогам. Так что, прости, ничего покупать у тебя не буду.

– Ну тогда хотя бы позволь пойти рядом с тобой и твоей лошадью. Вдвоем и веселее, и безопаснее. – Он не смущился моему нежеланию

продолжать торги. – А я тебе подарю волос святой Вероники. Он защищает от любого брошенного в тебя со злым умыслом предмета. Я сам такой ношу.

И в подтверждение своих слов, он расстегнул полинявшую на солнце рубаху, показывая висевший на шее кожаный мешочек.

Пугало тут же подняло с земли камень, желая проучить вруна, но я едва заметно покачал головой, сказав торговцу:

– Тропа здесь одна. Никто не может запретить тебе идти рядом. Какое-то время мы можем путешествовать вместе.

Его звали Жильбер, и, уверен, имя было такое же настоящее, как и предметы, что он таскал в своей «волшебной» сумке. Жителей Литавии редко называют именами, распространенными в Прогансу.

Он был болтлив, несколько нагл, но не казался опасным. Слухи о море, вспыхнувшем в южных приграничных городках, заставили его подумать о более приятных местах. Торговец реликвиями путешествовал уже полтора месяца, побывал даже у стен Риапано, а затем немного ошибся и пошел по восточному тракту, оказавшись в провинции, где все не слишком ладно. Его повозку отобрали крестьяне восемь дней назад и хотели повесить путешественника, но тот подсунул им слезы святой Екатерины и, пока смерды спорили, как лучше их использовать – пить или намазывать на себя, задал стрекача, подхватив сумку с наиболее ценными экземплярами «коллекции».

О том, кто я такой и чем занимаюсь, Жильбер не спрашивал. По большей части торговца интересовала лишь его персона. Меня такое положение вещей вполне устраивало.

Проповедник, нагнавший нас на лесной опушке, отнесся к новому спутнику с большой долей подозрения. И, когда Жильбер на несколько минут отлучился, едва ли не обрадованно сказал:

– Такой торговец как-то приходил к нам в деревню. Предлагал всем желающим купить слезы Марии Магдалины и копыто верблюда одного из трех волхвов, что приезжали к крошке Иисусу. Оно стоило четверть нашего урожая, и мы его купили, а после поместили в моей церкви в серебряной посуде.

Пугало, услышав откровение, закатило глаза. Оно не ожидало такой дурости от старого пеликаны.

– Ни черта оно нам не помогло, когда пришли наемники. – Лицо Проповедника выражало злость. – Меня убили, церковную утварь растащили, а копыто выбросили в грязь. Оно небось до сих пор там валяется. Побей этого лжеца от моего имени. Или вон пусть Пугало побьет.

Отвесит ему такого тумака, чтобы на всю жизнь запомнил, как обманывать добрых людей.

Одушевленный был не против кого-нибудь побить, но я, конечно же, не дал ему этого сделать. К вящему сожалению обоих.

– Как вообще Риапано допускает, чтобы мошенники торговали якобы святыми реликвиями?! Они лишь наносят вред вере!

– Настоящих реликвий мало, друг Проповедник. И большинство из них сосредоточено в руках Церкви. Самые мощные – за стенами Риапано и главных монастырей христианского мира. Кое-что есть в дарохранительницах кафедральных соборов. Некоторые попадают в руки сильных мира сего. Разумеется, с разрешения Церкви. Так что князья и короли тоже могут похвастаться святыми дарами. Как ты понимаешь, обычным людям ничего подобного не достается. Поэтому клирики особо не возражают, если кому-то перепадет пара сотен гвоздей из ковчега или шестьсот фаланг от пальцев Петра. Гвоздей и мертвцев в нашем мире всегда в избытке. Люди довольны, а вера, как ты мне однажды необдуманно заявил, творит чудеса.

– С кем это ты разговариваешь? – спросил Жильбер, выбирайсь из зарослей.

– Вряд ли ты захочешь с ним познакомиться.

– И то верно. Каждый говорит со своими невидимыми друзьями самостоятельно. – Он рассмеялся, решив, что я шучу.

– Ты даже не представляешь, насколько прав, – ядовито произнес Проповедник. – Людвиг, клянусь всем тем мусором, что есть в его сумке, ночью он сопрет твою лошадь. И хорошо если просто сопрет, а не прирежет тебя.

Мы разговорились с торговцем об Армии Босоногих, очередной секте, что появилась на волне паники перед скорым концом света, о котором теперь не вопил только ленивый. Со временем серьезного мора, охватившего все страны, прошло много лет, но до сих пор люди благодаря преданиям помнили, чего это стоило человечеству.

– Они нападают на путников, отбирают у них все. Деньги, дорогую одежду. Кидают в огонь. Призывают всех поступить так же, и некоторые, особо впечатлительные, так и делают! – рассуждал Жильбер. – Я слышал об одном богатом дурне, который выбросил все свои денежки в сточную канаву, обряделся в рушище и пошел в нищие. Мол, настали последние времена, и состояние больше не нужно. Успеть бы душу спасти. А ведь один духовный человек сказал, что идеализация нищеты и бедности есть ересь.

– А как же Христос?! – вскричал Проповедник, которого задело за живое это высказывание. – Как же святые старцы и отшельники, паскуда ты эдакая?! Они – тоже ересь?!

Пугало откровенно потешалось, как тот кипит, возмущается и брызжет слюной. Оно-то прекрасно понимало, что не важно, нищий ты или богатый. Юстирский пот, стоит лишь ему прорваться через поспешно создаваемые кордоны, уравняет всех. И только редкие счастливчики выживут.

– Они верят в то, что всему наступает конец. – Жильбер шел рядом с лошадью, ничуть не смущаясь, что я практически не слушаю его. – Не желают бороться. Потому что даже бегство это борьба. Попытка не дать смерти и дьяволу забрать тебя раньше срока, который отпустил Господь. С тем же успехом можно не выбрасывать деньги в яму, а попросту самому в нее лечь и засыпаться землей. Армия Босоногих это жалкие людишки, рушащие человеческую цивилизацию и все денежные отношения. Как я буду продавать свои святые реликвии, если все откажутся от денег? Не знаешь. Вот и я тоже не знаю.

– Стоит верить в хорошее, Жильбер.

– Вера! – Он скривился. – Вера, как написано в книгах, вещь созерцательная, и лишь благие дела деятельны. Вот я совершаю благое дело, даю людям надежду на лучшую жизнь. Надеюсь, и ты, какой бы профессией ни занимался, не чужд благих побуждений.

– И гореть тебе за это в аду, – буркнул Проповедник, не замечая, как сотрясаются плечи Пугала от хохота. – Благие дела. Тьфу ты! От кого я это слышу? От христопродаца. Благие дела не могут существовать без веры! Как и милосердие без веры! Она основа всей религии, глупый ты человек!

У них состоялась бы неплохая беседа, если бы только они могли общаться. А так я и одушевленный были вынуждены слушать их монологи.

– Ты вовремя проскочил границу между Дискульте и Литавией, – произнес Жильбер, когда мы вышли из леса и устроили привал недалеко от заброшенной мельницы, убедившись, что нас не видно со стороны расширившейся дороги. – Слухи ходят, что союз герцогов предал огню провинцию Талия. Теперь от Реветто до Пикардино – выжженная земля шириной в тридцать лиг. Колдуны и ведьмы с патентами Риапано не жалели ни городов, ни деревень, ни тварей Божьих. Тысячи погибших, бежавших от мора из Ветеции. Тысячи тех, кто жил на этих бедных землях. Круто начали благородные.

Он достал из сумки зеленую сливу, рассеянно вытер о рукав выцветшей рубахи, хмурясь, принялся жевать.

– Хотя, с другой стороны, теперь они защищены от поветрия мора.

Живые вряд ли решатся пересекать выжженную границу.

– Хорошо, если у них получится остановить болезнь. Хотя я сомневаюсь в этом. Здесь нам придется расстаться, Жильбер. Я тороплюсь.

Продавец выбросил косточку в траву:

– Уверен, что не хочешь купить гвоздь, оставшийся после распятия? Отдам за полцены.

– Ищи других дураков! – погрозил ему кулаком Проповедник.

Я лишь улыбнулся в ответ, запрыгнув в седло.

– А может, тебя заинтересует кинжал стражи? Редкая вещь! – крикнул он, когда я уже выезжал на дорогу.

– Твою мать! – заскрежетал зубами Проповедник. – Вот приставучая гнида! Надеюсь, ты не купишься на эту аферу.

Но я купился и вернулся.

– Покажи.

Он полез в свою бездонную сумку, и я был уверен, что увижу какую-нибудь железяку со стеклянной поделкой вместо сапфира. Но кинжал оказался настоящим. С широким, утяжеленным клинком и светло-голубым камнем.

– Откуда он у тебя?

На лице Жильбера появилось хитрое выражение.

– Я не сдаю своих поставщиков. Ну что? Золотой и лошадь, и он твой. Говорят, если на тебе нет грехов, можно выбрать себе несколько дополнительных месяцев жизни, словно настоящий страж. Просто носи поближе к сердцу.

Я спешился, и Проповедник потрясенно поинтересовался:

– Он что, и вправду настоящий?!

В следующее мгновение моя лапа уже держала изумленного торговца реликвиями за шею. Я сильно встряхнул человека, и его зубы громко клацнули.

– Думаешь, это смешно? – спросил я у него. – Ты совсем идиот, если торгуешь таким?!

Он прохрипел что-то нечленораздельное, и Проповедник участливо заметил:

– Не хочу прерывать столь приятное глазу зрелище, но еще чуть-чуть, и ты его прикончишь.

Я разжал пальцы, и он рухнул на тропу, хрюкая, кашляя и глядя на меня осуждающе, словно без вины побитый пес. Я поднял кинжал неизвестного стражи, не собираясь оставлять его Жильберу.

– Зачем же так нервничать? – наконец с обидой просипел тот. – Ну

понравилась тебе эта безделица, ну сказал бы сразу. Отдал бы тебе ее за пару монеток. Или вообще подарил бы. Бери на здоровье. Только не бей.

– Ты, видно, не понимаешь, что тебе попало в руки? Между этим и этим нет никакой разницы! – Я достал свой спрятанный клинок, сунув под нос плута. – Оба кинжала не подделки.

Вот теперь он по-настоящему испугался. Я увидел, как бледнеет его лицо, и как он пытается отодвинуться от меня.

– Ты страж! Господи! Слушай! Спокойно! Я не хочу неприятностей. Поверь, я даже не знал, что эта штука подлинная! Я никогда бы не связался с такой вещью. Ну я же не идиот, чтобы Братство меня разыскивало! О черт! Ведь кинжал проклят, да? Всегда все так говорят. Если взял клинок стража и сам не страж, тебе рано или поздно придет конец.

– Успокойся. Теперь тебе ничто не грозит. Но я хочу знать, откуда у тебя он.

Он вздохнул, на мгновение закрыл глаза:

– Обалдеть! Впервые мне попалось что-то стоящее, а я этому совсем не рад. Украл его. У одного парня в белом балахоне.

– Из Святых братьев очищения?

– Да.

– Я жажду подробностей.

– Помнишь, я рассказывал, как лишился своей повозки? В тот же вечер меня сцепали четверо в этих белых тряпках и капюшонах. Побили маленько, но без злобы. Я притворился немощным и к тому же хромым, так что они меня даже связывать не стали. Хотя, конечно, основная причина была в том, что ублюдки оказались довольно пьяны, а поэтому несколько безответственны к пленникам.

– Сколько вас было?

– Троє. Все дали деру, как только представилась такая возможность. Они даже и не гнались за нами особо. К ночи я вернулся, потому что моя сумка осталась в их лагере. Ну, я походя и эту штуку спер. Решил, что мне пригодится больше. Я ж не знал, что это настоящий кинжал. Вот дурак! – Жильбер хлопнул себя по лбу. – Они же тряпдили об особом госте из Арденау, которого в субботу ждет огонь во славу Господа! Нас должны были поджарить там же.

– Где собираются провести аутодафе?

– Ты знаешь, мне было как-то не до того, чтобы выяснить подробности у этих пьяных задниц. Я был уже рад, что удалось уйти целым.

– И они не говорили, куда собираются вас везти?

Тот встал, отряхнул короткие штаны:

– Ты мне чуть горло не раздавил.

– Этот выжига пытается выклянчить денег, – перевел Проповедник. – Слушай! Отвесь ему пинка, он все быстренько расскажет.

Но я пошел более простым путем и достал из кошелька несколько монет разного номинала:

– Уверен, это послужит тебе не только хорошей компенсацией, но и позволит освежить память.

Он с достоинством принял плату, проверил каждую из монет на зуб и только после этого задумчиво произнес:

– На самом деле, один из них, жирдяй в простище, радовался, что бургграф оказал покровительство их шайке и они больше не голодают.

– Людвиг! Он, кажется, говорит о той паскуде, чьи люди сожгли деревню. – Проповеднику пришла в голову та же мысль, что и мне.

Флерд. Вот кто был мне нужен.

Я снова ехал по лесу, и Проповедник, не поспевающий за лошадью пешком, расположился на крупе. Удивительно, но он не пытался меня разубедить. Понимал, что, когда речь касается жизни другого стражи, уговоры абсолютно бесполезны.

Мое решение помочь незнакомцу из Братства отдаляло меня от Гертруды и более важного дела, которое ждет в кантоне Ульс. Но я не мог оставить одного из нас, не попытавшись его спасти.

– Мне интересно, как ты собираешься это провернуть? Сейчас всех чужаков видно за лигу. Они там наперечет. Люди новоявленного бургграфа, а еще сектанты, да жители замка. Ведь мы едем в замок?

– Правильно. Он недалеко от границы. А насчет того, как провернуть... буду действовать по обстоятельствам. Те, кто служат господину, не обязательно знают в лицо балахонников или друг друга. Нам везет. Флерд завоевывает земли и присоединяет к себе людей из стана противника. Его силы, как говорят, растут каждый день. Всегда есть новички, которых раньше никто не видел.

– И ты выдашь себя за такого новичка и узнаешь, где держат пленников.

– И снова ты прав.

– Вообще довольно странно. Святые братья очищения, насколько я слышал, сразу убивают или сжигают пленников.

– Но теперь у них покровитель. Возможно, тому хочется развлечений. Он, кажется, тоже любит жечь. Ну, если судить по хутору и несчастным жителям.

Я услышал, как мой спутник сплюнул:

– Развлечения его ждут в аду. Вот уж где тварь прожарится до запекшейся корки.

– Пока что жарятся другие.

– Далеко ехать?

– Плохо знаю эти места. Но если даже я остановлюсь на ночевку, то поздним утром следующего дня буду там.

– Завтра пятница. Останется чуть меньше суток до субботы, чтобы хоть что-то исправить. Если конечно же тебя самого не отправят на костер.

Я обернулся:

– Ты как всегда брызжешь оптимизмом.

– Угу. Именно за него ты меня и терпишь...

Я ехал до тех пор, пока не стемнело настолько, что путь потерялся во мраке, оставив мне лишь куски неба среди ветвей дубов и яркие летние звезды. Постепенно глаза привыкли к тьме, и я увел лошадь подальше в лес, с тем расчетом, чтобы разведенный костер не было видно со стороны дороги.

За день я повстречал восемь человек, и все они убегали при виде всадника. Меня это вполне устраивало, но я совершенно не хотел, чтобы кто-нибудь из них, если окажется поблизости, пришел к моей стоянке ночью.

Я позаботился о лошади и занялся ужином. Остатки принесенной Луизой еды не лезли в горло. Я думал о том, что скорее всего она и ее ребенок мертвы, и в этом тоже виноват Флерд, возомнивший себя новым правителем провинции.

Пугало бродило по округе, я видел, как во мраке то и дело зловеще вспыхивают его алые глаза. Проповедник думал о чем-то своем, его мысли витали очень далеко от этого места. Настолько далеко, что кровь, текущая из проломленного виска, испачкала его щеку и тощую, морщинистую шею, а он даже не обратил на это внимания.

Я не стал отвлекать его, расстелил дорожное одеяло, положил под голову куртку, слушая, как вокруг шепчет старая дубовая роща, и попытался заснуть.

Не получилось.

Меня что-то тревожило, и я силился понять, что же это. Вернулось Пугало, привычно вытянуло тощие ноги, уставившись на меня с безучастностью каменного изваяния. Оно частенько так смотрело. За те два неполных года, что мы путешествовали вместе, я давно привык к этим гляделкам.

Наконец я понял, что не так. Из мрака, который остановился за деревьями, кто-то наблюдал за мной. Он был явно не один. Я чувствовал, что смотрят на меня и справа, и слева, и сверху.

— У меня есть немного хлеба, — сказал я в пространство, и Проповедник, вырванный из раздумий, встрепенулся. — Чуть молока и куриного мяса. Если желаете, я разделю с вами пищу и не причиню зла.

— Главное, чтобы мы не причинили тебе зла, — раздался высокий, хорошо поставленный голос. — Главное, чтобы мы не приняли тебя за пищу и отпустили на все четыре стороны. Потому что в первую очередь ты человек, а потом уже кровь Темнолесья.

— Между первым и вторым разницы уже никакой. И ты это чувствуешь, незнакомец. Иначе убил бы меня.

Он легко спрыгнул с нижних ветвей, выпрямившись во весь свой немалый рост. В одежде из мягкого зеленого лишайника, с сияющими серебром олеными рогами. Ночной гость был похож на моего друга Гуэрво, но лицо было более жестким, а взгляд тяжелым. И этот, в отличие от спутника Софии, не улыбался.

— Ты молод, виенго.

— Но старше тебя, человек.

— Я видел и более старших. Мы оба по сравнению с ними сущие младенцы.

Он оперся на могучий, покрытый шипами золотистый лук:

— Встречал кого-то из моего народа?

— Гуэрво из Темнолесья.

Его лицо осталось бесстрастным.

— Это он сделал тебя похожим на нас?

— Нет. Еще более старшая, чем мой друг.

Задумчивая складка пересекла его лоб, и наконец он кивнул, отчего олены рога задели нижние листья. Решение было принято:

— Мы станем говорить, кровь Темнолесья. А мои братья по роще слушать.

— Разве они не присоединятся к нам?

Его суровое лицо рассекла белозубая улыбка:

— Их слишком много, чтобы здесь разместиться. Но уверен, они все благодарят тебя за гостеприимство.

Раздались негромкие смешки, пронесшиеся словно шум прибоя.

Я не настаивал, протянул ему хлеба, и он, поколебавшись, взял его.

— Будем считать, что ты все же не человек. От этих мы не принимаем ничего.

– Много черепов моего народа собрал над каминной полкой?

– Рад, что ты понимаешь в охоте, кровь Темнолесья. Достаточно. Но охота только начинается. Скоро черепов будет еще больше. Придется построить новый дом.

– Меня зовут Людвиг. Как мне называть тебя?

Он прикрыл олены глаза, точно размышляя, стоит ли открывать мне тайну своего имени. Но все же вежливость победила:

– Вулхо.

Вновь шепотки в ветвях. Наверное, произошло нечто экстраординарное, раз лидер иного народа этого леса решил зайти так далеко, чтобы называться чужаку.

– Что ты хочешь от меня, Вулхо?

– Сперва хотел череп в коллекцию. Но визаган почуял твою кровь и отговорил меня.

Угу. Значит с ним кто-то из этих отродий. Интересная компания.

– И что же ты желаешь теперь?

– Просто поговорить. Услышать, как долго еще твое племя продержится в моем мире.

Я откинулся назад:

– Не знал, что оно куда-то собирается уходить.

Виенго рассмеялся:

– Время человечества проходит. Мы все это чувствуем. С каждым днем тысячи из вас умирают от невидимой смерти и гниют в лесах, полях, на дорогах и на улицах. Мы радуемся вашей гибели и пляшем среди костров, в облаке светлячков, под полной луной, ожидая конца эпохи. Никто из нас не рассчитывал, что это случится при нашей жизни. Вы завоевали нас, но теперь покидаете, и земли, леса, болота, поля и горы снова будут принадлежать нам. Как в те далекие времена, когда вода была чистой и не отправленной вашим присутствием.

– Ты рад этому, Вулхо?

– Рад, – жестко ответил он. – Слишком многих из нас вы убили. Наступает час расплаты, и даже ваш бог не спасет от того, что идет с юга. Мы знаем. Чувствуем. Что-то грядет. Нечто страшное для вас.

Возможно, он говорил о юстирском поте. А быть может, о темном кузнеце, пытающемся открыть новые врата в ад.

– Ты не споришь? – Он был немного разочарован, и я увидел, что несколько веток колыхнулись, словно те, кто скрывался за ними, старались не пропустить ни слова.

– Нет нужды переубеждать.

– Но ты не согласен. Я чувствую это здесь. – Виенго прикоснулся к своему сердцу.

– Да. У меня иное мнение.

– Скажи же его, кровь Темнолесья. Не рушь нашу светскую беседу.

Я помолчал, собираясь с мыслями, подбросил веток в ослабевшее пламя:

– Вы иные. И ваше время прошло. Мне жаль, что это так, виенго. Потому что многие из вас не так плохи, как принято считать среди моего народа. Ваш мир остался только в Темнолесье, а здесь, на материке, лишь жалкие осколки былого величия. Прежней эпохи.

– Все благодаря человечеству.

– Не отрицаю этого. И скорблю вместе с тобой о всех тех, кого убили глупцы из моего народа. Но дело в том, что время редко поворачивает вспять. Прежние эпохи не возвращаются. Приходят новые. И не факт, что они будут радостными для всех нас. Сейчас мы стоим как раз на перекрестке эпох. Люди, может, и дохнут, как мухи, при любом моровом поветрии, но всегда остаются те, кого эта беда минует. И мое племя вновь возрождается. Уверен, так произойдет и на этот раз.

Он горделиво вскинул голову, собираясь мне ответить, но передумал и миролюбиво произнес:

– Луна нас рассудит. Ждать уже недолго. Айювайя говорит, что ты ловишь тени. Это правда?

– Если это подразумевает, что я страж и уничтожаю темные души, то Айювайя не ошибается.

– Народ звезд, которых вы называете визаганами, видит то, что скрыто от других иных, – довольно кивнул Вулхо. – Айювайя ела плоть одного из вас, глотала глаза и запивала их кровью, чтобы дать мне ответ. Она говорит, что ты поможешь нам.

– Помогу в чем?

Он повернул голову к деревьям, и из мрака, величественно ступая, вышел сопящий кабан, на спине которого восседала обнаженная девочка. Из уголков ее оскаленного рта сочилась черная кровь. Я тут же отвел взгляд в сторону, не желая попасть под власть этого существа.

– Поможешь убивать людей, кровь Темнолесья, – просипела она.

И по лесу прошелестел предвкушающий шепоток.

– Интересный поворот событий. Жизнь почти что смешна. У Него очень своеобразное чувство юмора, на мой взгляд, – хихикнул Проповедник.

В кои-то веки он нашел что-то веселое в ситуации, которая смердела кровью.

Замок бургграфа оказался не таким уж и маленьким. Пять квадратных сторожевых башен, светло-желтые толстые стены и подъемный мост. Над донжоном реял уже знакомый мне серый стяг.

В крепости, по словам Вулхо, находился мощный гарнизон, тогда как несколько крупных отрядов рыскали по окрестностям в поисках фуражка, беглецов с юга и обозов с продовольствием, доставляемым соседним баронам.

Под восточной стеной цитадели разбили пестрый лагерь с палатками, шатрами и даже вырытыми землянками. Там жили люди из Святого братства очищения – сборище черни, бандитов, религиозных фанатиков и убийц, прикрывающихся именем господа, пока инквизиция занята более важными делами, чем искоренение тех, кто извращал веру в угоду себе.

По количеству палаток и костров я заключил, что тут проживает человек триста – триста пятьдесят. Вполне серьезная сила, даже если учесть, что половина из них не солдаты, а грабители с большой дороги.

Чуть дальше находилась деревушка, судя по пустоте на ее улицах, заброшенная, исключая лишь большую лесопилку, где работали мастеровые из замка.

Я довольно быстро понял, что балахонники, как их тут называли, попадают на территорию замка в основном в сопровождении обозов. Таких за утро прошло два, и стража, перекинувшись словами со старшим, пропускала их внутрь. Спустя короткое время пустые телеги возвращались назад.

Виенго лишь хмыкнул, когда я озвучил ему свою идею.

– А если тебя все же остановят, кровь Темнолесья? Нельзя исключать такого варианта.

– Конечно, остановят. Поэтому нам надо появиться после того, как последняя телега следующего обоза скроется в замке. Я скажу, что наши повозки задержались.

– А если они проверят телегу? Мать Болот не похожа на лук или репу. А если попросят меня снять капюшон? А если увидят в повозке Айювойю?

– Думаю, в последнем случае они очень пожалеют об этом.

Я почувствовал, как визаган, стоящая у меня за спиной, одобрительно улыбается. Вулхо тоже рассмеялся:

– Ты меня радуешь, страж. Возможно, когда-нибудь мы посидим с тобой у камина за бутылкой светлячкового вина. Хорошо. Сделаем, как ты сказал. Но сперва надо достать одежду. У нас есть несколько телег, которые

мы забрали у путников. А вот лошадей некоторые из нас уже съели.

– Нам нужна лишь одна. Во вторую повозку запряжем мою.

– Значит, лошадь и одежда? – Он задумался. – Вряд ли кто-то из нас сможет прийти в их лагерь и попросить. Или зайти в ближайшую лавку. У нас довольно мало времени, чтобы их достать. Есть какие-нибудь идеи, кровь Темнолесья?

– Да. В лагере балахонников нет собственной воды. Я видел, что они берут ее из бочек. Пустые отставляют в сторону. Осталось всего пять. Вода скоро закончится. Видишь вон ту телегу возле желтого шатра? На ней они отправятся пополнять запас.

– Человек прав. – Визаган встала рядом, и я почувствовал легкий запах тления от ее бледной кожи. – Они ездят к Молочной стремнине. Боздуханы видели их еще вчера.

– Если попросить водовозов, то они любезно скинут с себя столь приглянувшийся мне наряд, – пробормотал я.

Он усмехнулся:

– Кровожадность? Мне это по вкусу. Но когда телега не вернется, их хватятся и увидят, что на мертвых нет тряпок.

– Поэтому стоит сделать так, чтобы никого не нашли. Повозку и трупы спрятать, лошадь увести.

– Топлуны легко справятся с этим. В их омуте можно скрыть целую замковую башню. Не оставим следов, – прошипела визаган.

– Они обязательно пошлют поисковый отряд, – предупредил я.

Он склонил голову, и на его серебряных рогах блеснуло солнце.:

– Это мне нравится еще больше.

– Ты не тронешь их. Они походят, покричат и вернутся назад целыми. Одно дело – пропажа двух человек. Пусть и странная. Другое – гибель всего поискового отряда. Даже если они исчезнут тихо и никто не выживет, об этом узнают не только в лагере балахонников, но и в замке. Ваши враги станут осторожны, закроют ворота. И тогда твои друзья будут прогрызать каменные стены зубами.

Вулхо издал звук, какой издает разъяренный олень:

– Плохой вариант. Мать Болот следует доставить в замковый двор, поближе к казармам, иначе ничего не получится.

– Тогда поступим, как я сказал.

Ему не нравилось, что я командую.

– И часто ты берешь замки штурмом, кровь Темнолесья?

– Этот первый. Ты решил передумать, Вулхо?

– Не уверен, что найду поблизости еще одного человека, который

согласится помочь и вытащить эту колючку из горла леса. Замок мешает. И пока твое племя занято другими делами, я хотел бы уничтожить и его, и тех, кто в нем. Я ждал этого тридцать лет. А без человека здесь не справиться. Так что я не передумал. Давай действовать.

Виенго и визаган ушли, оставив со мной лишь нгуна, высокое нежно-зеленое создание, покрытое ярко-красными волосками. Это был мой... скажем так, телохранитель. Или надсмотрщик. Как посмотреть. Он или она неспешно прогуливался по полянке, нежно воркуя. Эдакий очаровательный разумный огурец с фасеточными наивными глазками, от которого совсем не ждешь неприятностей.

Пугало отсутствовало. Оно еще до рассвета отправилось в замок, торопясь занять место в первом ряду. Одушевленный чувствовал скорую кровь, у него на нее нюх, и страшила не собирался пропустить ни мгновения из грядущего зрелища. Пугало и мысли не допускало, что у нас может что-то не получиться. Последнее его совершенно не устраивало, так как лишало всякой надежды на веселение.

Хоть кто-то из нас оставался оптимистом.

Тянулись минуты, я ждал, когда кто-нибудь отправится за водой. Спустя полтора часа вернулся Проповедник, сказал с недовольством в голосе:

– Пугало торчит возле колодца и выглядит как-то голодновато.

– Оно всегда голодно. В той или иной степени. Что ты узнал?

– Многое. – Он гордо выпятил грудь. – В замке три двора. Внешний самый большой и под завязку забит мешками, бочками и ящиками, которые сегодня привезли. Там прорва народу, в том числе и солдаты. Таскают запасы на склады и, кажется, готовятся к обороне. Казармы и пушки за второй стеной укреплений. Но сейчас ворота совсем не охраняются, все заняты припасами. Третий двор самый маленький, это уже логово бургграфа. Говорят, он в замке отсутствует, но скоро должен вернуться.

– И тогда бездельники начнут нести службу получше. Понятно. Хорошо бы успеть попасть внутрь до его возвращения. Ты нашел тюрьму?

– Нет. – Проповедник сразу скис. – Замок огромный, чтобы рассмотреть все закутки, нужно полдня.

– Значит, мы так и не знаем, что за страж угодил в плен и жив ли он.

– Жив, – довольно улыбнулся тот. – Завтра будет показательная казнь врагов. Пять человек отдадут в руки Святого братства очищения, для того чтобы Господь был на стороне правых и мор обошел эти земли. А ты уверен в том, что делаешь? Связаться с иными существами и попросить их о помощи... Как бы тебе потом самому не угодить в котел визагана.

– Ты что-то путаешь, Проповедник. – Я увидел, как телега с огромной бочкой наконец-то двинулась по направлению к реке. – Это они попросили меня помочь им.

– Если у вас получится задуманное, все эти люди будут мертвые. Весь замок. Ради одного стражи.

Я серьезно посмотрел на него:

– Целиком и полностью с тобой согласен. Обмен нечестный. А я стал достаточно черствым, чтобы меня беспокоила сотня чужих жизней, если она стоит жизни одного из своих. Понимаю, как это звучит. – Я поднял руку, видя, что он хочет возразить. – Если бы не одно «но». Я за неделю насмотрелся, что делают балахонники и те, кто живет в замке. И ты тоже видел. Так что окажу инквизиции услугу, уничтожив их. Сниму с плеч Святого Официума лишнюю работу. Ты предлагаешь все остановить и уехать, пока не поздно? Скажи честно.

Он отвернулся, произнес глухо:

– А если бы и предложил, ты бы поехал?

– Мы своих не бросаем. Не будь тут стража, я бы уже пересек границу.

– Ну, значит, тогда и обсуждать нечего. Пусть случится то, что случится.

Колеса телеги протяжно скрипели, и лошадь брела с трудом, таща вес Матери Болот. Я шел рядом с животным, где подбадривая, а где понукая. Второй повозкой, ползущей следом за мной, управлял Вулхо.

Он не решился идти, так как его большой рост сразу же привлек бы к нему внимание, и сидел сгорбившись, стараясь выглядеть как можно меньше. Ради того, чтобы оказаться внутри укрепления своего давнего врага, он спилил свои прекрасные рога, чем шокировал не только меня, но сотню разномастных существ, собравшихся на поляне.

– Не жалейте о том, что теряете, – сказал он им, набрасывая на непривычно пустую голову белый капюшон. – Нас ждет новая эра, и в нее не попасть без жертв.

Звучали его слова довольно зловеще.

Сейчас он ничем не отличался от человека, что, конечно, было очень хорошо. Я надеялся, что все внимание будет приковано ко мне и его не попросят показать лицо. Мы прождали нового обоза до середины вечера. Но больше никто не приехал, скоро начнет темнеть, ворота закроют, а значит, нельзя мешкать.

Виенго настаивал на том, чтобы выехать раньше, но я не согласился. Поисковые отряды рыскали по окрестностям, пытаясь понять, куда

пропали водовозы. Лагерь гудел, точно растревоженный улей, несколько часов. Теперь же они наконец-то угомонились, группы разведчиков сместились на север, к дальней оконечности леса, и на дороге никого, кроме нас, не было.

Мой балахон при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж и белым. Скорее серым, запачканым грязью и изрядно истрепанным возле рукавов. Кроме того, у ворота остались пятна крови, но я надеялся, что это не привлечет особого внимания. Святое братство очищения славилось своими мясниками и палачами, которые любили проливать кровь, и на одежду этих людей она не была чем-то необычным.

Мы объезжали замок вдоль южной стены, так чтобы нас до последнего не видели со стороны лагеря, на тот случай, если им вдруг приспичит проверить, кто мы такие. Дорога была неровной и неухоженной, в глубоких рыхтвинах. Телега сваливалась в них, точно водопад в пропасть, и я чувствовал, как Мать Болот закипает от злости под горой мелких диких яблок, которыми ее засыпали.

Замковые ворота приближались, солнце медленно клонилось к закату, краем едва касаясь вершин дубов.

Наша основная задача – ликвидация замкового гарнизона, в первую очередь артиллеристов и стрелков. Многопестрая армия Вулхо была намного меньше, чем силы бургграфа, и атака в лоб привела бы лишь к мгновенному поражению.

– Людвиг! Неприятности! – предупредил Проповедник, сидевший на козлах и поставивший ноги на лежащего на полу, закрытого тряпкой нгуна. Последний больше напоминал бревно – не шевелился и даже не дышал.

Нас неотвратимо нагонял отряд по меньшей мере из тридцати всадников. В красноватом свете заходящего солнца блестели кирасы и наконечники копий. Развевались серые стяги. Я направил телегу к обочине, уступая всадникам дорогу, и виенго сделал то же самое.

Проповедник поскучивал, слушая мерный стук множества копыт.

– Перестань, – попросил я его. – Давай без панических настроений. Сейчас от них совсем никакого толку.

– А если они проверят?

– Тебе-то чего волноваться? Тебя уж точно убить не смогут.

Он разозлился:

– Я частенько об этом забываю. Действительно. Чего это я? Ну проломят тебе черепушку, мне-то что с того горевать!

Солдаты поравнялись и очень некстати замедлили ход. Я покосился на яблоки, не видя в них ничего подозрительного. Мать Болот пока вела себя

тихо.

Уже хорошо.

Всадники было отлично вооружены и отменно одеты. Один из них, немного грузный, но сидевший на лошади прямо, с густой, едва вы涌现出ся рыжеватой бородой и тяжелым недружелюбным взглядом, сразу привлекал внимание. Он держался как командир. А если быть точнее, господин. Дорогая цепь на шее указывала, что он дворянского сословия.

– Чего везешь?

– Яблоки, ваша милость. – Я согнулся в поклоне, разумно полагая, что спина от этого у меня не переломится.

– Ваша светлость, – поправил меня один из воинов.

– Яблоки, ваша светлость, – смиленно повторил я, глядя на копыта лошади бургграфа, мнящего себя уже герцогом.

– А у тебя?

Вулху сидел, надвинув капюшон на лицо, и прежде, чем он успел что-то сказать, я вмешался и почти не погрешил против истины:

– Свиньи.

Визаган, слыша эти слова, небось веселится от души.

– Мясо? – оживился владелец замка. – Хорошо. Скажи коменданту, чтобы занялся этим возом в первую очередь. Скоро ужин, ребята!

Воины ответили своему господину одобрительным ворчанием. Владетель поскакал к замку, и вся кавалькада устремилась за ним. Я видел, что у многих к седлам приторочены отрубленные головы тех, кого им удалось поймать во время рейда по окрестностям. В воздухе осталась горьковатая, светло-желтая пыль и вонь конского пота.

– Святой Григорий, это слишком для моих нервов. – Проповедник спрыгнул на землю. – Я, пожалуй, подожду здесь. Не люблю всякое там насилие. Дальше ты уж без меня.

Мы вновь тронулись, но теперь я специально придерживал животину, давая возможности конюхам замка забрать у всадников их лошадей, а солдатам уйти подальше. Совершенно не нужно, чтобы большие силы крутились в нижнем дворе, когда там появятся иные. Стражники на воротах, видевшие, как господин разговаривал со мной, не задали никаких вопросов. Лишь один из них раздраженно махнул рукой, мол, давай пошевеливайся.

Внешний двор погряз в суете и гвалте. Челядь была занята, и на нас особо не глазели. Я быстро сориентировался, увидев, как каменная дорога по дуге, мимо опорной башни поднимается вверх, к следующим воротам. Гораздо более узким, чем первые. Они стояли распахнутыми настежь,

решетка со стальными зубьями оказалась приглашающе поднята, и я, тихонько насвистывая, направил лошадь туда.

Негромко заворковало под тряпками. Мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, что говорит нгун, и я бормотнул:

– Черт. Совсем забыл. Спасибо.

Достал из кармана несколько темно-бордовых листьев, сунул их в рот, начал не спеша жевать, чувствуя, как по языку распространяется терпкий, немного вяжущий вкус.

– Эй! Вам говорю! Куда прете?!

Ко мне торопился толстый коротышка с железной бляхой на шее и огромной связкой ключей на поясе.

– Воротите назад! Все, что привозят, оставляют здесь. Нечего вам дальше ехать.

– Бургграф сказал везти ему сразу наверх.

– Наверх?! Ты охренел? Зачем яблоки наверху, когда склад здесь?

Я зло посмотрел на него:

– Я откуда знаю? Мне сказали, я делаю. Хочешь, оставлю телегу здесь, но, когда его светлость спросит, ты уж сам с ним объясняйся. Мое дело маленькое, привезти куда скажут.

– Спроси у бургграфа, правду ли этот говорит, – приказал он одному из солдат.

– Сам спроси. Я что, больной, что ли, его донимать такой ерундой? Да еще и с дороги, когда он злой и голодный.

– Эй! Мне чего делать? Мы так до ночи стоять будем? А ночь уже близко, – поторопил я их.

Действительно, вокруг уже зажигали факелы и большие чаши с углем, которые должны были освещать двор.

– Ладно. Как въедете, сразу бери левее, к колодцу, – разрешил толстяк.

Я лишь сплюнул темно-зеленой слюной. Язык от этих листьев немного онемел.

Во втором дворе я насчитал шестнадцать человек. Все солдаты. Половина из них приехали с бароном, остальные служили в местном гарнизоне. По стенам, окружающим площадь, ходили четверо молодцов, вооруженных арбалетами.

Возле колодца стояло Пугало. Заметив меня, оно весело помахало рукой, словно добрый дядюшка, заждавшийся своего племянника.

Я остановил воз и посмотрел на Вулхо. Тот довольно кивнул. У нас с легкостью получилось то, что не выходило у него несколько десятилетий – провезти во внутреннюю часть крепости живую смерть, воспользовавшись

беспечностью охраны.

– Пора! – зычным голосом крикнул виенго.

Под яблоками словно пороховая бочка взорвалась. Они зелеными ядрами взлетели вверх и в стороны, градом застучали по камням, запрыгали, покатились вниз, по наклонной улице, к воротам через которые мы только что въехали. Лопались от ударов, брызгая белым соком.

Мать Болот, занимавшая целый воз, наконец-то выбралась наружу, и я отшатнулся к стене, не желая быть раздавленным ее зловещей тушей. Если честно, до вчерашнего дня я считал, как и все остальное человечество, что этих иных существ на материке уничтожили еще восемьсот лет назад, но мы, как всегда, ошибались. Одна из них веками пряталась в сердце топи и теперь, по зову виенго, выбралась, чтобы вершить месть.

У нее было восемь шипастых, суставчатых крабых лап, удерживающих рыхлое, раздутое темно-желтое тело, состоявшее из полупрозрачных пузырей, в которых плескалась маслянистая коричневая жидкость. Я увидел, как та начинает бурлить, как распахнулась чудовищная пасть, издавшая низкий, пробирающий до мурашек стон.

Люди в ужасе закричали, не понимая, что за демон появился перед ними. Кто-то из самых расторопных стрелков выпустил болт, попал Матери в ногу, но та даже не заметила этого. Жидкость вскипела, в пузырях открылись отверстия, выплеснувши ее наружу, и спустя миг та превратилась в удущливый темно-желтый дым, который густыми клубами быстро стал заволакивать двор, поднимаясь вверх и проникая в распахнутые окна казармы.

Люди хватались за горло, раздирали пальцами одежду на груди, падали на землю и умирали с открытыми ртами, выпученными глазами, захлебываясь собственной рвотой.

Я сплюнул слону, которая теперь показалась горькой, но не избавился от листвьев, защищавших меня от дыма, пахнущего гнилой трясиной. Мать Болот бесновалась, стонала, носилась по маленькому двору с изяществом неповоротливого демона, разрывая острыми лапами уже мертвые тела. За несколько секунд она серьезно сократила гарнизон замка.

Стенка фургона, которым управлял Вулхо, разлетелась щепками, и кабан со своей маленькой наездницей с визгом ринулся к воротам.

– Не спи, кровь Темнолесья! – Виенго, уже без капюшона, подхватив огромный лук, бежал обратно, и я едва поспевал за ним, оставив эту территорию замка под охраной Матери.

Нам следовало удержать внешние ворота до прибытия подкрепления.

Вырвавшись из желтых клубов ядовитого тумана, я увидел, что кабан

растоптал нескольких солдат, спешивших наверх, чтобы выяснить, что происходит. Айювайя сеяла хаос среди метавшихся по двору людей. Она ловила их взгляды, подчиняла своей воле, и стражники бросались на своих же товарищей. Визаган заливисто хохотала, позволяя секачу вспарывать животы людей и лошадей огромными клыками.

Наконец-то загудел рог, но прошелестела стрела, и человек упал. Вулхо продолжал стрелять, за двадцать секунд опустошив тяжелый колчан и перебив солдат, пытавшихся поднять мост.

Грохнули выстрелы из аркебуз. Целились в нас, но из-за существенного расстояния мазали. Воинов во внешнем дворе оказалось гораздо больше, чем мы рассчитывали. Многие выбегали с оружием из замковых построек и караулки. С башни то и дело летели болты. Один все же достал визагана, и теперь та валялась на темных от крови камнях, подтянув ноги к животу и испуская дух. Кабан неистовствовал, и все внимание стрелков было приковано к нему, благодаря чему мне с Вулхом удалось добраться до ворота, опускающего решетку, и помешать двоим воинам закрыть вход.

По мосту уже спешила помощь.

Первыми во двор влетела пятерка лохматых ругару. Они тут же бросились на латников, занятых добиванием кабана и так кстати подставивших спины под удар. Сомкнулись мощные челюсти, отрывая руки и сминая черепа. Один из оборотней тенью метался по свободному пространству, кусая всех, кто попадался ему на пути, разнося панику.

За оборотнями неслись ангжисы с огромными двуручными топорами, боздуханы с ножами и пращами. Здоровенный одноглазый ико едва протиснувшись в ворота. Следом ворвались жгуны, швыряющиеся зажигательнымиискрами, лирши с сучковатыми дубинами, несколько проворных старг и иные существа, названия которых я даже не знал.

Над ухом раздалось курлыканье, нгун подтащил ко мне толстяка, с которым я говорил недавно. Лицо у того было перекошено от ужаса.

– Где держат пленников? – спросил я у него.

Он, завороженный творящимся во дворе кровопролитием и тварями, о которых слышал лишь сказки, проблеял нечто нечленораздельное.

Вулхо схватил коротышку за грудки, поднял в воздух одной рукой, хотя тот весил вдвое больше меня:

– Пленники! Скажи моему другу, где они, и, даю слово, ты выйдешь через эти ворота прямо сейчас!

– В башне! В Кольцевой башне! – Человек ткнул пальцем на приземистое крепостное укрепление. – Вход в восточной казарме.

Виенго швырнул того к воротам, дав знак дежурившей на мосту юной старге, чтобы она пропустила человека, и, заметив мой взгляд, усмехнулся:

– Я держу слово. Даже если даю его таким, как твое племя. Торопись. Ищи своего друга прежде, чем его найдет мой народ.

В сопровождении нгуна, алые волоски которого превратились в жесткие колючки, отчего тот сразу приобрел сходство с хагжитским кактусом, я побежал к казармам, пока иные существа зачищали двор от последних обронявшихся. Я слышал, как гремят барабаны, выбирающие цепь, поднимающую мост. Теперь замок был запечатан, и большой отряд Святых братьев очищения не мог сюда проникнуть, чтобы помочь тем уцелевшим, кто оставался в самом центре укреплений.

Желтый дым постепенно рассеивался. Вокруг лежали трупы. Мать Болот сидела в углу, зорко наблюдая за калиткой, ведущей во внутренний двор. Увидев меня, она дернулась, распрямляя окровавленные крабы лапы, но узнала и вновь села, потеряв ко мне интерес.

Восточная казарма примостилась в дальнем конце двора. Внутри, среди мертвецов, которых оказалось куда как больше, чем снаружи, бродило Пугало с ухмылкой, не лишенной некоторой озадаченности. Такого способа убийства оно еще не встречало, а потому его интересовали детали. Одушевленный то и дело склонялся над трупами, резал серпом, изучал внутренности, особое внимание уделяя легким.

– Остановись, пока тебе не снесло башку от крови, – проходя, сказал я ему.

Вход в тюрьму прятался под лестницей. Ключи висели здесь же, у факела. Я взял и то и другое, распахнул дверь. Спустился по короткой лестнице и оказался в длинном коридоре. На счастье, желтого дыма здесь не было, и я перестал опасаться, что пленник погиб от удушья.

Нгун, нежно воркуя, двигался за мной, и у меня по спине бегали мурашки, когда я думал о его иголках. Вход перегородила решетка. Я попробовал ее.

Заперто.

– Эй! – крикнул я, ударив кинжалом по железу. – Отворяй!

Только через минуту появился заспанный стражник. Он даже не подозревал о том, что творится наверху.

– Спал, что ли?! – заорал я на него. – Открывай скорее! Бургграф в бешенстве, и он взбесится еще сильнее, если я не приведу ему стража!

– Какого, к гребеням, стража? Ты кто такой??

Раздался сухой треск, и длинные красные шипы, которые вытолкнул из себя нгун, задрожали в теле человека. Тот рухнул как подкошенный, разбив

голову об каменный пол.

– А подождать было никак нельзя? – спросил я у иного, и тот, извиняясь, заворковал.

Я просунул руку через прутья, схватил мертвеца за ноги, потянул к себе и снял с пояса очередной ключ. На счастье, тот подошел.

– В какие жуткие места приводит тебя случай, – произнес за спиной Проповедник, и я чуть не подлетел от неожиданности.

– Не мог бы ты в такие моменты не подкрадываться? Ради моего душевного спокойствия.

– О моем душевном спокойствии вот никто не думает, – пожаловался он. – Наверху настоящий ад, а Вулхо сам Сатана. Ты, должно быть, очень доволен собой.

– Не очень-то я и доволен.

– Боздуханы разворачивают пушки и через пяток минут начнут палить по лагерю балахонников. Придурки, находящиеся в нем, до сих пор не поняли, что произошло. И да. Они тащат порох из арсенала под внутреннюю стену, чтобы добраться до бургграфа.

Двухэтажный каземат оказался сырьим и промозглым. В жаровне тускло мерцали угли, но их тепло совсем не разгоняло холод подземелья.

Из пятерых пленников в живых осталось лишь четверо. Двое из них были балахонниками, обложили меня по первое число, и я оставил их там, где они находились. Нгун, поняв, что мне они не интересны, плонул в них иголками, пригвоздив к каменным стенам.

Третий лежал на последнем издыхании. Над ним здорово поработали палачи, раздробив большую часть костей. Я не смог добиться от него ничего, кроме стонов. Нгун вопросительно проворковал и вновь выстрелил иголку. Думаю, теперь это был не более чем акт сострадания.

Четвертым пленником оказалась женщина. Уже немолодая и осунувшаяся, она впилась грязными пальцами в прутья, спросив у меня политавски:

– Кто вы? И почему с вами иной?

Если она страж, то не новичок. Но я, хоть убей, видел ее впервые. Глаза незнакомки казались очень темными, и в них отражалось пламя факела.

– Замок взят, – негромко ответил я ей на всеобщем, и она тут же отозвалась на нем же:

– Кем?

– Иными существами, на которых пару десятилетий охотились солдаты бургграфа.

Она помолчала, затем произнесла равнодушно:

– Не скажу, что опечалена. Вы не похожи на тех фанатиков, что захватили меня, альбаданец.

– Так вы знакомы или нет? – Проповедник, потеряв терпение, оказался в круге света, и я увидел, как мгновенно прищурились ее темные глаза. – Она страж?

– Мы не знакомы. Но не сомневаюсь, она видит и слышит тебя.

Взгляд женщины переместился на меня и стал задумчивым.

– Я слышала о вас. Высокий альбаданец с синими глазами, с которым часто видят душу мертвого священника. Вы Людвиг ван Нормайенн.

– Может быть, и вы представитесь?

Негромкий смех был мне ответом.

– Как понимаю, от этого зависит моя свобода и, что немаловажно, жизнь. И, как понимаю, шансы сохранить ее невелики. Ну что же. Пусть так. Я Маргари иен де Вальз. Учительница Александра Леклеке. Законница и в данный момент одна из трех глав Ордена Праведности. Как поживает Мириам?

И тут Проповедник захохотал. Он хохотал как сумасшедший, изо всех сил стучал ладонью по каменной стене. Старый пеликан находил ситуацию ужасно комичной. Все, что я провернул, было отнюдь не для спасения стража. Эти усилия, потеря времени, риск жизнью и многочисленные смерти оказались ради чужака.

Удивительная, но очень закономерная насмешка судьбы. Пугало бы порадовалось, окажись оно здесь. Земля мягко дрогнула, где-то наверху взорвали порох.

– Так что вы решили, Людвиг? – спросила Маргари, видя мое окаменевшее лицо. – Выпустите меня, или придется ждать другого спасителя?

Мы почти минуту глядели друг другу в глаза, слыша, как всхлипывает Проповедник. А затем я вставил ключ в замочную скважину ее камеры.

Замок догорал на горизонте, пачкая смоляным дымом утреннее небо. Отсюда он был размером не больше ногтя на моем указательном пальце. Законница, молчавшая всю дорогу, словно путешествовала одна, привстала на стременах, облизнув разбитые губы, посмотрела на свою бывшую тюрьму.

– Я вам обязана, Людвиг. Сегодня гореть должна была я, а не они. Выходит, и от иных существ бывает польза.

– Как вас поймали? – спросил я для того, чтобы хоть что-то спросить.

– Неприятное воспоминание, – поморщилась она. – Один торговец реликвиями увидел у меня кинжал стражи и, когда в трактир, где я остановилась, ввалились Святые братья очищения, продал меня за собственную свободу. Остальных те убили.

Я вспомнил Жильбера. Да. Это вполне в его духе.

– Вы назвались стражем?

Маргари кивнула:

– Разумеется, называлась. И сделала бы так еще раз, не раздумывая. Стражей обычно опасаются трогать. Меня схватили, но не убили. Решили, что казнь одной из Братства на костре спасет провинцию от надвигающегося мора. Но как вы узнали о том, что я попала в плен?

– От одного торговца реликвиями, – усмехнулся я. – Когда он пытался продать мне кинжал стражи.

– Значит, этот хорек подобрал то, к чему не решились прикоснуться даже балахонники. – Ее улыбка показалась мне зловещей. – Рано или поздно я найду его и спущу кожу.

– Тогда вам нужен тракт, ведущий в Прогансу. Вы вполне еще успеете его нагнать.

Маргари лишь на мгновение задумалась.:

– Я так и поступлю. Надеюсь, вы отняли у него кинжал?

– Верно.

Она протянула мне сухую руку, открытой ладонью вверх:

– Могу ли я его забрать?

Вопрос был чисто номинальным. Она знала, что может. И я с неохотой отдал клинок.

– Какова его история?

– Страж, имени которой я не знаю, совсем еще девочка, погибла во время работы, в шести днях езды отсюда. Уже больше месяца назад. Староста деревни передал клинок мне. Везу его на уничтожение в Альштайт. Там есть и бургомистр, и представитель Церкви. Такие вещи мы уничтожаем при свидетелях. Я бы уже давно это сделала, если бы бароны не затеяли никому ненужную свару. Прощайте, Людвиг.

– Постойте! Вы мне должны. Отдайте долг сразу.

Маргари вздохнула, показывая этим, что я прижимаю ее к стенке:

– Что вы хотите?

– Хоть раз услышать от законника правду. Меня интересуют события, предшествующие землетрясению в Солезино. Все, что связано с другом вашего ученика Александра, темными кинжалами и тем, как во всем замешан Орден.

Она вытянула губы трубочкой:

– Однако... Вам стоило родиться ростовщиком, Людвиг. За медный рем вы берете десяток полновесных золотых грошей.

– Вы сравниваете свою свободу и жизнь с медной монетой?

– У всех своих тайны, страж. И часть этих тайн столь темна, что не стоит выпускать их на свободу. Они опасны.

– Для вас?

– Скорее Ордена. А я не подставлю его под удар.

– Под чей удар? Оглянитесь вокруг, Маргари. Вы давно живете и не выглядите дурой. Посмотрите, что происходит с миром. Эпоха доживает свои последние дни. Вы боитесь наказания Церкви? Через три месяца не будет никакой Церкви. Юстирский пот доберется до Риапано, и клирики начнут заботиться лишь о том, чтобы выжить и вымолить у Создателя прощения для всех нас. Им будет плевать и на законников, и на стражей. Мести князей? Князья поменяются. Братства? Мы пытаемся всеми силами остановить то, что вы создали.

– Вернее выпустили, – поправила меня она.

– Вижу, вы достаточно знаете о темных клинках, чтобы представлять существующую опасность. Умножьте ее в тысячу раз. Вот что нас ждет. И никакой юстирский пот не сделает того, что сделает создатель черных кинжалов. Вы защищали светлого кузнеца от Братства? Защищайте и дальше. Но не покрывайте того, кто кует тьму и пытается выпустить ее в наш мир. Если вы можете помочь хоть чем-то, сделайте это сейчас. Иначе я зря тратил свои силы на то, чтобы спасти вас.

Я думал, что законница откажет. Но внезапно она спешилась и, взяв лошадь под уздцы, направилась к ближайшим деревьям. Обернулась и, видя, что я не следую за ней, позвала:

– Давайте же, Людвиг. Тайны не любят спешки.

Она села на траву, дождалась меня:

– Считайте, что я просто не люблю быть в долгу. И даже не стану просить, чтобы разговор остался между нами. Поступайте как хотите.

– Вот как?

Маргари посмотрела на меня серьезно:

– Вы когда-нибудь думали о том, что история ходит по кругу и несет в себе этапы повторения? Очень давно Братство зарвалось, посчитав себя главной силой на земле. Вам известна история. Из-за случившегося раскола появился Орден Праведности. Но, спустя века, зарвались и мы. Среди руководителей произошел разлад. Некоторые из нас полезли туда, куда не стоит лезть, и подняли из бездны то, что спало там очень давно.

– Вы говорите о темном кузнецे?

Она неожиданно взяла меня за руку, произнесла вкрадчиво:

– Вы должны понимать одно, Людвиг. Все, что я вам скажу, не является полностью достоверным. Я узнала это от нескольких человек. Кто-то что-то видел, кто-то слышал, а кто-то додумал. Я лишь натянула шкуру медведя на готовый каркас, и не моя вина, что сидит она кривовато. Понимаете?

– Да.

– Хорошо. Когда все случилось, я была в Золяне. И вернулась лишь в прошлом году, во время обновления Ордена. Сейчас я стараюсь, чтобы мы стали другими, как прежде. Вы не представляете, насколько сложно ломать хребты консерваторов и поворачивать их мысли в новое русло. Возможно, если я расскажу вам, это изменит отношения между нами. Стражи наконец-то простят нас за то, что считают предательством, а мы вас за то, что привело нас к нему. Конечно, не сразу. Но время – отличное лекарство. Даже если эпоха сменится и начнется новая. – Старая законница улыбнулась, и ее темные глаза стали неожиданно молодыми. – Все началось с Александра. Он был моим учеником и хотел чего-то большего, чем то, что предлагал Орден. В отличие от многих стремящихся к власти Александр искал силу не в магии, а в истории. Очень неожиданный подход, особенно для молодого человека. В подвалах Солезино истории было предостаточно. Вы знаете, что после смерти Константина стражи обосновались в его Виноградном дворце и по сути управляли Империей почти пять лет, пока не подрос наследник?

– Нет.

– Затем Братство переехало из Каварзере в Ливетту, а после в Прогансу, они взяли с собой много вещей. В том числе и те, что хранились в мавзолеях Августа и Константина. Их потомок, новый император Авитус даже не подозревал о том, что стражи покопались в могилах его предков. Во время раскола стражи бежали из Прогансу. Конечно, вы кое-что умудрились вывезти в Арденай, но большинство древних реликвий достались нам. – Она улыбнулась, сложившая свои слова.

– И вернулись в Солезино, откуда их когда-то вывезли.

– Да. Александр часами пропадал в хранилищах, разыскивая там интересные диковины, которые помогли бы ему завоевать любовь и доверие сильных мира сего. И, как видно, в конце концов он нашел то, чего так страстно желал.

– Гроб.

Она казалась удивленной:

– Вы и это знаете? Возможно, я зря трачу ваше время?

– Взгляд изнутри меня все же интересует.

– На самом деле, он нашел старый саркофаг. Понимаете, стражи сочли нужным забрать с собой тело того, кого они убили. И теперь я понимаю, почему Константина нельзя было оставлять без присмотра.

Я согласно кивнул:

– Потому что рано или поздно в мавзолей бы залезли другие и...

– И тогда бы в реку не полетел прах того, кого считали великим императором. Давным-давно стражи подменили тело, спрятав саркофаг, где лежал человек, орудовавший темными кинжалами, на много веков. Но Александр наконец-то сделал то, чего так не хотело Братство. Уверена, сначала он нашел какие-то записи и заключил, что, если вы не желали открывать каменный ящик, значит, это опасно или, по меньшей мере, неприятно для стражей. Следовательно, стоит это сделать как можно скорее. Он поднял крышку и выпустил Константина в новый мир.

– Как это вообще возможно? Спустя полторы тысячи лет? Чтобы человек пролежал все это время в гробу, а затем внезапно воскрес.

Маргари щелкнула пальцами:

– У меня нет никакого объяснения. Хотя есть одно – магия. Не правда ли, Людвиг, это удобно? Сказать «магия» и больше не ломать голову над проблемой, прикрыв наше незнание стыдливой ширмой обычного объяснения непонятного, невероятного и чудесного. В одном я могу быть уверена – стражи прошлого не смогли убить императора. Они лишь пленили его. Пробудив его, мы узнали, что он умел ковать клинки, похожие на ваши. Он склонил часть руководителей Ордена на свою сторону. В основном молодых, а затем стал делать то, чего мы начали страшиться. Константин, или, как он называл себя – Ивойя, был самим злом, и несколько человек попытались его остановить, но в итоге он остановил их. Тогда мы нашли способ, как разобраться с ним, поискав в старых письмах, доставшихся Ордену в наследство от Братства. Это было оружие, которое могло одолеть воскресшего. Сперва мои коллеги думали, что ошиблись и оно не работает, а затем стало слишком поздно.

– Оружие ушло.

Маргари вздрогнула:

– О господи! И это вам тоже известно?!

Все части головоломки сложились в моей голове только сейчас:

– Вы взяли первого попавшегося дурака, используя старый ритуал Братства, и создали из обычного картографа новогоmessию, но даже не поняли этого, пока Хартвиг от вас не сбежал.

— Так все и случилось, — прошептала она, и ее взгляд был где-то далеко. — Если бы мы сразу поняли, что он такое, темного кузнеца уже бы не существовало.

— Но Хартвига вы потеряли. А Братство сочло, что вы создали его для того, чтобы уничтожить нас. И мы собственными руками убили того, кто мог устраниТЬ главную угрозу для нашего мира. Смешно. — Но смеяться мне совсем не хотелось.

— Александр сообщил Константину о том, что мы сотворили из обычного картографа... Наверное, то же самое когда-то сделали стражи прошлого, чтобы остановить темного кузнеца. Он не хотел возвращаться в гроб и устроил катастрофу. Землетрясение в Солезино уничтожило всех. И тех, кто был против него, и тех, кто служил ему. Ивойя не мелочился и не разбирался. Решил проблему радикально, похоронив вместе с нами и рецепт своего уничтожения. Меня эти новости застали в дороге, а когда я вернулась, был уже новый Орден. Не опасный для того, кого освободил мой ученик. Вот, собственно, все, что я знаю, Людвиг.

В небе звенел жаворонок, дул теплый ветер, и пахло розовым клевером. Крайне обыденная и приятная обстановка для тех зловещих мыслей, что проносились в моей голове.

— Вы решили оставить его в покое. — Я не хотел, но мой тон прозвучал обвиняюще.

— После того что случилось, Людвиг? А вы бы не оставили, если бы Арденау превратился в руины? Мы хотели забыть, начать все с чистого листа.

— Сколько лет потеряно, Маргари? С момента воскрешения Константина? Пять? Десять? Его можно было остановить еще тогда. После землетрясения прошло почти два года. Мы могли хотя бы подготовиться. А если бы кто-то из Ордена нашел в себе силы переступить через свое высокомерие и ненависть, обратиться за помощью к магистрам... Хартвиг был бы жив. Мы так привыкли рвать горло друг другу, что пропустили настоящего врага.

Она встала:

— Мне жаль, Людвиг. Но это единственное, что я могу сейчас сказать. Не имеет смысла печалиться о прошлом, страж. Надо жить настоящим.

— Не будет никакого настоящего, Маргари, если он останется среди нас. И будущего тоже нет. Ни для кого из нас.

Она села на лошадь:

— Я все же надеюсь на лучшее. Не может быть все так плохо. Настанут солнечные дни. Уверена в этом. Берегите себя. Надеюсь, теперь я ничего не

должна.

Она ускакала, и было в ее уходе что-то от бегства. Проповедник с Пугалом появились почти сразу же, как законница пропала из виду.

– Слышали?

– Большую часть. – Старый пеликан плюхнулся рядом. – В хреновые времена живем. Апокалипсис не за горами. А некоторые все еще надеются на лучшее. Ха!

– Чтобы надеяться на лучшее, за него следует бороться. Так что поспешиш. Я все же рассчитываю увидеть следующую эпоху без воскресшего императора Константина.

– И я, – произнес старый пеликан.

Пугало, как это водится, промолчало.

История шестая

Глас

Когда я получал письма, мое лицо блестело от пота. Последние два дня стояла непереносимая жара, и такой погоды в кантонах не помнили даже старожилы. Тревожные разговоры о юстирском поте сменились пророчествами о погибшем урожае и голоде, который случится зимой. Также обсуждали пересохшие ручьи и обмелевшие реки, рост цен на продукты. В Варшбрау произошла пляска мертвцев, а еще две вроде как случились в Лезерберге в прошлом месяце. Все сводилось к тому, что конец света не за горами и вот-вот наступит.

Серый неприметный клерк с вежливой улыбкой протянул мне два конверта и один маленький сверток.

– Вот что есть на ваше имя, господин ван Нормайенн. Что-нибудь еще могу для вас сделать?

Я покачал головой, вежливо распрошлся и вышел на белую от зноя улицу маленького городка, в дне пути от Лейкербурга, где меня уже должна была ждать Гертруда. Проповедник и Пугало торчали на остановке дилижанса, на их было написано уныние. Я еще больше увеличил его, сказав:

– Мы никуда не едем.

– Как это? – тут же закудахтал старый пеликан.

– Сейчас полдень, и все рейсы отменены до вечера. По такому пеклу сдохнут не только лошади, но и пассажиры.

– Выходит, ты застрял? Темный кузнец, он, знаешь ли, на жару плевать хотел.

– Мы уже опоздали, Проповедник, – напомнил я ему. – Все опоздали.

Эту новость мы услышали, как только покинули мятежную провинцию. Кафедрального собора Лейкербурга, столицы кантона Ульс, больше не существовало. Подлый колдун Вальтер завершил то, что не получилось у него в Крусо. Во время воскресной мессы строение охватило золотое пламя, убившее всех, кто находился в злополучном здании. В том числе и кардинала Урбана. Человека, которого многие считали святым, а иные пророчили ему в будущем место во главе Риапано.

О том, что случилось дальше, мнения разнятся. Говорили, что клирики из Инквизиции затеяли бой с колдуном, но проиграли, оставив после

сражения несколько разрушенных кварталов. Другие считали, что преступник пойман и дожидается своей участи в подвалах Святого Официума. Третий – что убит.

До Лейкчурбурга было далековато, так что ничего точно я не знал. Я сильно волновался за Гертруду, от нее не было вестей, а на письмо, отправленное мной позавчера, она так и не ответила, что лишь усилило мою тревогу.

Все три сообщения, которые я получил, пришли от Мириам. Два конверта с ее личной печатью и небольшой сверток. Открыв его первым, я увидел белый кружевной платок из Ветеции, в который был завернут темный клинок. Тот самый, что мы с Рансэ добыли, казалось, много лет назад.

Короткая записка гласила:

Надеюсь, он тебе пригодится.

– Зачем она его вернула? – не понял Проповедник.

– Откуда же я знаю? Наверное, считает, что так безопаснее. В Ветеции сейчас преддверие ада и некому хоронить мертвых, а жизнь стража не стоит и ломаного гроша. Она снижает риски.

– Что ты намерен делать?

– Сохранить его.

– Все равно очень странно. – Старый пеликан, как и я, не понимал мотивов поступка Мириам. – Она ведь хотела разобраться, как он действует.

– Значит, не получилось. Спрошу у нее, когда увижу.

Второе, письмо, судя по толщине конверта, большое, я вскрыл небрежно, пробежал глазами несколько строк, недоуменно нахмурился, перечитал.

– Что там? – жадно спросил Проповедник.

Я отмахнулся.

– Святой Пилорет! Да на тебе лица нет! Что там?!

– Дай мне минуту, – попросил я, и, видно, голос у меня был таким, что он не стал настаивать.

Пугало протянуло руку, прося разрешения взять послание, начало читать под завистливым взглядом безграмотного приходского священника. Я запомнил каждое слово, которое оно сейчас видело:

Дорогой Людвиг.

Раз ты получил это письмо, то скорее всего я умерла. Я написала его уже довольно давно, с отсроченной доставкой. Оно будет отправлено тебе, если я не появлюсь в «Фабьен Клеменз и сыновья» через определенный промежуток времени.

Понимаю, что это не слишком приятная новость. Даже для тебя. Верю, что ты опечален (я слишком хорошо успела изучить тебя, чтобы знать это), хотя, возможно, не готов признаться в этом даже себе. Но я опечалена куда сильнее, чем ты.

Видишь? Я все еще могу шутить. Даже из могилы.

Надеюсь, ты когда-нибудь вырастешь и поймешь, что я была права в некоторых вопросах. И принимала жесткие решения не ради себя, а во благо Братства.

У меня осталось несколько незаконченных дел, и я опять же надеюсь, что ты сможешь завершить их.

Если откровенно, я пытаюсь извиниться. Хотя, как подозреваю, это выглядит довольно неуклюже. Пока я была жива, мне не позволяла этого гордость. Впрочем, стоит быть честной хотя бы с собой – не гордость, а банальный страх. Ну теперь-то мне точно ничего бояться. Бумага все стерпит.

Мне правда жаль, что вышло так, как вышло. Ты – мой предпоследний ученик. Я сразу увидела в тебе силу, дар и упрямство. В четыре года ты уже был достаточно одарен. Представь себе, не только Иосиф умел находить людей для Братства. Когда тебе исполнилось пять, я пообещала твоей матери, что возьму тебя в ученики. Обычно так поступают родственники, пускай и настолько дальние, что в них почти нет похожей крови. Потом начался юстирский пот, и я потеряла тебя из виду на какое-то время. Пока Иосиф не привел в Свешрикинг маленького оборвыша, в котором я с трудом узнала сына белошвейки. Ты рос, я наблюдала за тобой и, поверь, гордилась тем, что видела.

Жаль, что в итоге вышло не так, как я планировала. Я никогда не хотела стать твоей матерью и была, наверное, чересчур жестоким учителем, допустив ряд ошибок. Но в результате моя жестокость дала возможность тебе вырасти, выжить, многому научиться и стать тем, кем ты являешься сейчас – одним из лучших.

Да. Да. Я вновь пытаюсь извиниться. И вновь неудачно, как я понимаю? Прости меня и за это.

Сейчас я даже немного жалею, что так поступила с тем картографом. Возможно, стоило подождать. Но я слишком боялась последствий, и эту ошибку уже не исправить.

А еще я хочу извиниться за Ганса. Я знаю, что вы дружили с самого начала. Мне не нравилось, что он все больше уводит Кристину от той цели, что я для нее подготовила. И я предложила ему сделку. Он проверит кое-что для меня, и, если дело выгорит, я отпущу девочку с ним. И не стану мешать. С тех пор от него никаких вестей, и подозреваю, что я стала невольной причиной его исчезновения. Если это так, я не хотела причинить боль ни тебе, ни Кристине. Надеюсь, вы оба простите меня когда-нибудь.

К сожалению, даже у магистров, пускай они и прожили больше сотни лет, есть дар любого обычного человека, и имя ему – ошибка. За свою жизнь я совершила их достаточно. Но, право, не буду превращать мое прощальное письмо к тебе в исповедь злорадной старухи.

Напоследок хочу попросить тебя о большом одолжении. Пожалуйста (видишь, какие слова я знаю), приглядывай за Альбертом. Во всяком случае, первое время. Он последний, кого я пыталась воспитать. И очень надеюсь, что смогла избежать тех промахов, что допустила с тобой и Кристиной. У мальчика, возможно, большое будущее, нужно всего лишь помочь ему встать на крыло.

На этом, пожалуй, все.

Мириам.

– Мириам умерла, – наконец сказал я Проповеднику. – Она знала мою мать и вроде была очень дальней родственницей. И она отправила Ганса к монастырю каликвецев. Это если вкратце.

Он оттянул окровавленный воротничок и пробормотал:

– Пожалуй, мне потребуется некоторое время, чтобы переварить эту информацию.

– Не тебе одному.

Я смотрел, как воробы купаются в небольшой лужице возле колодца, оставшейся от пролитого ведра, и не верил, что ее больше нет. Не верил так же, как в прошлом году, когда она сообщила мне о том, что наступает время уходить. Не верил, даже когда мы встретились в Арденау, и она выглядела большой, сама на себя не похожей.

Удивительно, как жаль, что ее больше нет, хотя раньше казалось, что мне на это плевать. Жаль тех потерянных возможностей, что у нас могли бы быть и которые мы упустили в силу своего упрямства, гордости, взаимных обид и нежелания договориться.

Я довольно долго просидел, думая о том, что случилось. Затем негромко прочитал письмо Проповеднику.

– Но ведь есть шанс, что твоя учительница просто не успела остановить послание, и оно ушло к тебе?

– Есть, – не стал отрицать я. – Но она всегда отличалась большой скрупулезностью. В особенности если дело касается таких важных писем. Мириам бы из кожи вылезла, но появилась вовремя, лишь бы я не прочитал этого, пока она дышит со мной одним воздухом.

– Надо молиться Господу и надеяться на чудо.

– Помолись за меня. Я что-то не в настроении.

– Мне кажется, ты единственный на свете, кто еще слушает мое ворчание. Так что, боюсь, толк от моих молитв точно такой же, как ждать молока от курицы. А что в третьем письме?

Я вскрыл очередной конверт и увидел сбивчивый, торопливый и так не похожий на ее почерк.

Людвиг!

Я получила твоё письмо с тем, кто изображен в той книге. Император Константин! Что же. В свете того, что откопала я, это не удивительно. Нечто подобное, если честно, я и подозревала.

Итак, я нашла кое-что интересное в Водяной библиотеке. Дожи те еще ублюдки и вставляют мне палки в колеса, но не подозревают, что они у меня как жернова на мельнице моего отца.

Под контролем.

Они пытались не пустить меня в архивы времен раннего христианства, пока я не стала выкручивать им причинные места, обещая на их плешиевые головы соль, серу и смолу вкупе с молниями.

Но к делу.

Разумеется, ты помнишь наш ночной разговор в Ардене. Я перерыла целые этажи старых книг и древних свитков, порядком наглотавшись проклятой пыли, для того чтобы найти подтверждение тем фактам и понять, что же случилось на самом деле в то далекое время.

Я давно не была так сильно разочарована, поскольку не нашла ничего интересного ни в одной из хроник. О Константине написано много, но совсем не то, что я желала бы прочесть. Тогда я сменила тактику и решила просмотреть книги, посвященные его легионам. И здесь мне повезло. Ты даже не представляешь, как я была довольна.

Светоний Тарквилл, личный секретарь Домициана Траяна, являвшегося одним из друзей императора и легатом четырнадцатого Стремительного легиона, написал интересный труд, посвященный походам на север. Называется он «Центурионы императора». В конце

приводятся письма чиновников из Солезино, тогда столица империи называлась Риева, к своему господину Траяну. Большинство из них касались законов, снабжения и приказов для легиона, но встречались также те, в которых пересказывались придворные слухи и сплетни. Одно из них меня заинтересовало.

Я не стану тебе цитировать его полностью, оно слишком объемно. Скажу лишь то, что узнала, и поделюсь своими предположениями.

Письмо касалось Ивойи. Точнее, его таинственного исчезновения. Он был с Константином несколько лет, как раз с тех самых пор, как привез останки его отца – Аппия – с востока хагжитской пустыни. Говорили, что император благоволил ему и слушался советов, хотя во дворце милтийца не любили и боялись. Он был нелюдим, странен и жесток. Но затем между ними пробежала кошка. Константин охладел к своему помощнику и внезапно начал уничтожать то, что основал еще его дед, император Август. Речь идет о прообразе Братства и тех, кого потом стали называть стражами.

Ивойе это не нравилось. Так что никто особо не удивился, когда в один прекрасный день милтийца не оказалось во дворце, и никто не знал, что с ним случилось. Он был одним из первых, но не единственным, кто пропал, не угодив императору.

Но вот что интересно и что заставило меня буквально впиться в эти бумаги. Траян явно был наблюдательным человеком и намекнул, что Константин приобретает все больше черт, свойственных Ивойе: «Часто он улыбается как мильтиец, ходит и даже, как и тот, принял обет молчания во славу Господа». Кстати, он соблюдал его до самой смерти, отчего был сразу же причислен к лику святых. У него появилась привычка жить ночью, а спать днем. Император полюбил то, что не любил ранее. Начиная от пеших прогулок и заканчивая разными, в основном восточными, блюдами. Он стал ценить власть пуще прежнего и принялся расширять свою империю на север, хотя раньше его эта идея не слишком-то вдохновляла.

Тогда меня озарило. В молодости я слышала непопулярную теорию одного профессора истории из Савранского университета. Он доказывал, что Константин, которого мы часто считаем одним из отцов-основателей стражей, сразу после прихода к власти перестал интересоваться начинаниями своего деда и практически задушил изначальное Братство. А затем внезапно изменил свое мнение.

То есть, по сути дела, поступил так, как этого хотел Ивойя. Он всячески поддерживал нашу организацию, и в провинциях, страдающих от

темных душ, росла любовь к Константину.

Понимаешь, куда я веду? Ведь это же лежит на поверхности, Людвиг!

Ивойя приезжает с окраин хажгитской пустыни с останками сына императора Августа. Август умирает при загадочных обстоятельствах спустя недолгое время. Константин восходит на Орлиный трон и приближает к себе мильтийца. Возможно, в благодарность за щекотливые услуги, что тот оказал (убийство деда темным кинжалом!). И частенько прислушивается к советам своего нового вельможи, который с каждым годом становится все более влиятельным.

Константин возвращает на короткое время язычество, зажимает Братство. Они с Ивойейссорятся, и вот о последнем больше ни слуху ни духу. А Константин начинает меняться, становится во многом похожим на своего бывшего советника. Вновь возвращает христианство, дает Братству свободу и даже учит его членов, как создавать знаки и фигуры, убедив всех, что это господь ниспоспал ему откровение. И, как я подозреваю, лет через пятнадцать – двадцать после этих событий (ну если судить по тому, что Константин пришел к власти, когда ему не исполнилось и двадцати, а на последних прижизненных изображениях ему около сорока) у него появились темные клинки.

Спрашивается – что случилось? Куда делся Ивойя? Почему Константин изменился и его мнение стало диаметрально противоположным по принципиальным для него вопросам? Ответ у меня лишь один, пускай он и звучит невероятно.

Ивойя стал Константином. Думаю, что он убил душу императора и занял его тело, избавившись от своего прежнего. Теперь у него была полная власть и все возможности для осуществления своего плана.

Он, наверное, с самого начала хотел открыть врата на территории, занятой людьми. И осуществил бы это уже давно, если бы наши коллеги из прошлого его не остановили. Я не знаю причин, по которым он появился снова в нашем мире, но уверена, что мильтиец всеми силами пытается завершить начатое полторы тысячи лет назад.

Мы, стражи, все наше развитие было нужно ему лишь как одно из звеньев в его планах. Спасать мир от темных душ – не та цель, которую он уготовил нам. Я, как выяснилось, так же наивна, как ты. Ему нужны были наши клинки для того, чтобы, когда они вберут в себя достаточно силы, перековать их и превратить в темные. Ему удалось создать два кинжала (а может, и не два!), и, подозреваю, в раннем Братстве смогли узнать, куда делись стражи и их оружие.

Понять, во что он их превратил!

И дни Константина, или Ивойи, если тебе угодно, несмотря на его могущество, были сочтены. Братство прошлого как-то справилось с ним, погрузив на многие столетия в сон, из которого он недавно восстал.

Сейчас меня терзают лишь три вопроса, на которые я не знаю ответа. Первый – каким образом мильтиец вернулся, и где он был все эти годы? Второй – сколько темных клинов осталось ему до завершения плана? И третий – как во всем этом замешаны светлые кузнецы? Ведь кто-то же ковал нормальные клинки для Братства! И делал это, как я понимаю, еще со времен молодости Августа.

Общались ли семьи кузнецов с Ивойей? Знали ли они о нем? А он о них? Не они ли научили стражей, как его победить?

Вопросов куда больше, чем я думала.

Следующие две строки были зачеркнуты чернилами так густо, что невозможно было них прочесть. Возможно, там были еще какие-то ее размышления, но, перечитав написанное, Мириам сочла их глупыми, неважными или же отвлекающими от основной мысли письма. Внизу этих каракуль было совсем немного текста.

Времени у меня очень мало. В Сароне уже свирепствует юстирский пот, на юге Ветеции появилось несколько заболевших деревень, и дожи собираются перекрыть границы. Я выезжаю сегодня же и надеюсь успеть проскочить до того, как мир покатится в пропасть. Точнее, он уже катится, мне остается лишь вовремя спрыгнуть.

Подробности расскажу, когда мы встретимся.

Мириам.

– Подробности расскажу, когда мы встретимся, – прошептал я.

Было странно читать эту строчку после предыдущего письма, уже зная, что мы не встретимся.

Никогда.

Дилижанс отправился поздно вечером, и я оказался единственным пассажиром. Возниц было трое, двое сидели на козлах, их товарищ расположился на крыше, с арбалетом в обнимку.

– Лихие времена, господин, – сказал мне один из них, забирая плату. – На дорогах творится не пойми что. То иные людей убивают, то люди людей, а то и вовсе какая-то нечисть выползет. Шесть дней назад экипаж моего

дружочка разграбили до основания. Пассажиров порезали, как свинок, а лошадок угнали. И знаете, господин, лошадок вот как-то даже жальче. Хорошие животинки, смиренные и сильные. К карете обученные. За каждую можно было по два флорина срубить у знающих людей.

– Будем надеяться, что твоих лошадок не уведут, – с иронией сказал я, и вся троица перекрестилась.

– Не приведи Господь, – с чувством произнес старший. – Отправляемся.

Проповедник уже сидел внутри, Пугала нигде не было видно, и старый пеликан чуть нервничал из-за этого.

– На соседней улице час назад произошло убийство. Закололи заезжего скорняка. Сочли, что он Вальтер и собирается распространить юстирский пот в городе. Прикончили прежде, чем разобрались. Ну не придури ли?

– Пугало, надо полагать, в гуще событий?

– Оно в последнее время какое-то странное.

– В смысле?

– Ну когда ты в последний раз видел от него какую-нибудь идиотскую шутку? У него теперь такое же чувство юмора, как у бревна. И еще оно зыркает на звезды.

Дилижанс двинулся, а я поднял брови, требуя объяснить.

– Ну, когда ты спишь, оно всю ночь стоит у окна и таращится. А когда мы останавливаемся не под крышей, так просто лежит и дырку в небесах сверлит, словно ему оттуда должны прислать человеческой печеньки.

– Довольно необычное для него времяпрепровождение. Сильнее я бы удивился, если бы ты сказал, что оно любуется цветами.

– Слава Господу, его котелок еще не настолько съехал. Ты считаешь, что Мириам права? Ну, в своих домыслах о темном кузнеце.

– Права.

Он округлил глаза:

– Вот так вот безапелляционно?!

– Безапелляционно? Когда ты успел набраться подобных словечек?

– Твоя ведьма сыплет ими, как исповедник прощениями. Так что? У тебя, как я вижу, нет никаких сомнений.

– Устал сомневаться. – Я посмотрел в окошко, видя, что мы выехали из города на тракт. – Все, что она написала, укладывается в общую картину того, что известно нам от законников. Ивойя, которого усмирили стражи, но не смогли уничтожить, вновь среди нас. Мы знаем, кто он такой, и это хорошо для понимания происходящего, друг Проповедник. Но, увы, этим знанием его сложно остановить.

– Его вообще нельзя остановить, – проворчал он. – Ты всадил ему пулю в грудь. Это убило бы даже лошадь. Но в итоге у тебя теперь нет пальца, в Лейкчербурге погиб Урбан, неизвестно что стало с Гертрудой, а этот милтийский хрен, скорее всего, захватил булыжник, над которым так чах кардинал. Знаешь, что это означает?

Я мрачно ответил:

– Что ему осталось лишь прикрутить камень к уже выкованной заготовке. Если верить словам Руджеролло, тут и получится десятый, и последний, кинжал.

– Сие приводит нас к мысли, что апокалипсис, настоящий, между прочим, а не тот, о котором бабки талдычат в каждой деревне, когда у них дурное настроение, случится в ближайшую пару недель. Святая Дева Мария! Хочешь не хочешь, а порадуешься, что уже мертв и тебя не коснется ни саранча, ни сера, ни зубы черта.

Я рассмеялся:

– Гляжу, ты стал смотреть на «жизнь» чуть позитивнее.

– Не тебе же одному бегать по миру как восторженному щенку. Я жутко боюсь, Людвиг, – внезапно серьезно сказал он. – За всех вас. За тебя, да и за твою ведьму тоже. За все человечество. Будут те, кто переживет юстирский пот. Но, клянусь ключами Петра, который так и ждет, когда он откроет передо мной златые врата, если здесь появятся демонические врата... Поблизости нет ангелов, и никто не сможет сдержать темные легионы. Люди обречены, но пока даже не знают об этом. Не сходят на исповедь, не получат отпущения грехов и попадут в ад, который будет вместо королевств и княжеств. По мне, так это ужасно страшная перспектива... пере... перспектива.

Мне оставалось лишь согласиться. Он во всем прав, и не ему одному было страшно.

Тут же некстати вспомнился Ганс, монастырь и... Мириам. Она нашла способ избавить Кристину от ее любви. Знала, что у него есть шанс не вернуться от каликвецев. Но, похоже, даже не догадывалась о причинах, которые приводят к исчезновению не в меру любопытных стражей. Моя мудрая учительница так и не поняла, что светлый кузнец, которого она искала, был буквально у нее на ее глазах. И тут же я невольно порадовался, что Кристина не узнала, кто является истинной причиной всего случившегося. Той искрой, что породила пламя, убившее моего друга и искалечившее ее душу, в конце концов приведя мою бывшую напарницу к закономерному итогу.

– Как ты думаешь, какую страну он выберет? – Проповедник

вытянулся на жестком сиденье.

Мне понадобилось какое-то мгновение, чтобы понять, что старый пеликан спрашивает о месте, где, по моему мнению, Ивойя попытается открыть врата в преисподнюю.

– Если бы я знал, то уже был бы там, ожидая, когда он появится.

– Одного пальца тебе явно недостаточно, – веско произнес он. – Оставь это опытным людям, Людвиг.

– Уже оставил. Но, судя по новостям, в Лейкчербурге опытные люди потерпели поражение. Я не имею ни малейшего понятия, где это может случиться. В том же заброшенном монастыре в Дискульте или на рыночной площади Виона. А может, Ивойя отправится через Хагжит в Солнечную крепость Мильты и отомстит за какие-то свои прошлые обиды.

– Так что? Получается, нам не предотвратить этого?

Не хотелось его расстраивать.

– Мы сделаем все возможное, чтобы худшее не случилось.

Он выглядел усталым и несчастным.

– Нас всего трое, Людвиг. И один из троих перепуганная душа, которая слоняется за тобой из-за собственных бед, а другой – кровожадный придурок с дурным чувством юмора. Не слишком-то хорошая армия для сражения с самым могущественным колдуном в истории. Братство умыло руки. Законники не спешат исправлять то, что сотворили. Церковь… это сила, но после смерти Урбана я даже в них сомневаюсь.

– Есть еще Гертруда.

– Угу. Я, как и ты, волнуюсь за нее. Но она – не воин против Ивойи. Даже она. Хартвиг был надеждой для всех нас. Но теперь… – Проповедник развел тонкими руками. – Как победить зло без оружия, которое когда-то нашли стражи прошлого?

– Или им его кто-то подсказал. Не знаю, Проповедник. Но одно могу сказать точно – все люди смертны. Их можно убить. Даже таких, как Ивойя. Надо лишь знать, как это сделать.

Сам того не ожидая, я снова достал письма Мириам, словно рассчитывая найти между строк спрятавшуюся от меня истину. Секрет. Способ остановить человека, который куда дольше был императором Константином, чем сам Константин.

Проповедник следил за мной украдкой, слушая шелест бумаги, и наконец выдал:

– Научи меня читать.

– Вот это номер. – Я сперва решил, что он шутит. – Ведь я предлагал тебе это еще семь лет назад. Ты отбивался и кричал, что тебе никакая наука

не нужна. Ты и так знаешь наизусть все нужные книги.

– Я же не думал, что задержусь здесь на такой срок.

– Хорошо. Для меня это не сложно.

– Ну... – Он был польщен. – Если не сложно, то, коли Бог даст, давай после того, как ты разберешься с темным кузнецом, мы этим займемся.

– Чего тянуть? Начнем прямо сейчас.

– Сейчас? – с ужасом переспросил он.

– Ну да. Раз апокалипсис грядет и дней у нас довольно мало, не вижу причин откладывать все на завтра. – Я взял письмо Мириам, которое не было зашифровано. – Смотри. Это первая буква всеобщего алфавита. Звучит как «эуф».

Дилижанс останавливался в трех городках, но, кроме меня, в него так никто и не сел. Я слышал, как ругаются возницы из-за отсутствия клиентов и на каждой остановке спорят, стоит ли рисковать, ехать в следующий пункт, или лучше дождаться утра. Но в итоге решили не нарушать расписание и отправлялись дальше.

Внутри было темно, окнокрыто, но прохлады это не добавляло. Я дремал, и снилась мне лишь Гертруда да золотое пламя, что сжигает ее. Раз за разом, с сотнями различных вариантов. После каждого я просыпался на несколько мгновений, видел напротив себя бледную фигуру Проповедника и снова засыпал под раскачивание экипажа.

Проснулся я ближе к утру из-за того, что едва не упал на пол, подлетев на лавку. Дилижанс тряслось и подбрасывало на каждой кочке, и он не ехал, а летел.

Я открыл дверь на ходу, выглянул наружу. Небо уже было ярким, но солнце еще не встало, отчего мелькающие с двух сторон деревья казались словно вырезанными из черной бумаги. Возница длинным кнутом нахлестывал четырех лошадей, подгоняя их криком. Двое его товарищей пропали.

Я перелез к нему. Он подскочил от ужаса, в первое мгновение не узнав меня, затем едва не сполз по скамейке от облегчения и тут же вновь щелкнул кнутом, не обращая внимания на то, что животные все в мыле.

– Что стряслось?

– Проспали все, господин! Иные! Чертовы твари! И Клоба, и Явека утащили! Я одного, желтоглазого огrel, и лошадки вынесли.

– Осади коней. Не ровен час, падут от усталости. На своих двоих от иных не ускакешь.

Он послушался, однако по-прежнему стучал зубами и косился на

темный лес. Я обнажил палаш, положив его поперек колен, хотя и не думал, что кто-то появится. Похоже, не только Вулхо решил начать охотиться на людей, чуя смерть, ползущую с юга.

Так мы и ехали до тех пор, пока в небо не поднялось солнце.

Лошадям дали отдых, возница сутился вокруг них, вытирая шкуры, бормотал что-то ласковое. Затем сказал мне:

— Мой последний рейс. Доеду до Лейкчербурга, и к черту.

Мы стояли на окраине какой-то деревушки, недалеко от луга с рыжими, безмятежными коровами, слыша, как журчит вода в мелкой речушке с песчаным берегом. На горизонте белела горная цепь, проходящая через центральные кантоны.

Всадника, скакавшего по той же дороге, по которой мы приехали совсем недавно, я увидел издали. Он гнал свою лошадь, ведя за собой вторую, запасную, тоже под седлом.

Я не узнавал его, пока он не подъехал к нам и не остановился. Приветливо кивнул мне, и я ответил ему тем же.

Человек с круглым, располагающим к себе лицом, без особых примет.

Рудольф. Молчаливый поверенный кардинала ди Травинно. Он был в той же простой дорожной одежде, в которой я увидел его в первый раз больше года назад в Риапано.

— Понимаю, что наша встреча не случайна.

Он улыбнулся, но глаза его были холодны, как и всегда. Затем достал из седельной сумки бумагу с печатью, нагнувшись в седле, протянул мне.

Людвигу ван Нормайенну, стражу Братства.

Следовать за подателем сего для срочной встречи в Люнреве. Не мешкать.

Кардинал ди Травинно.

— Скупые слова, которые мало что объясняют. — Я сложил бумагу, отдал ему обратно.

— Что там накалывано? — спросил Проповедник, но я отвечать не стал.

— Надо полагать, ты нашел меня через «Фабьен Клеменз и сыновья».

Рудольф снова улыбнулся теперь уже дружелюбнее, одобряя мою догадку, и указал на вторую лошадь, как становилось понятно специально подготовленную для меня.

— Мне надо в Лейкчербург.

Он отрицательно покачал головой. Мне приказывали. Вполне вежливо, но не возникало никаких сомнений, что это был именно приказ.

Люнреве, город на западе кантона Ульс, второй по размеру после Лейкчербурга. Ехать до него полдня. Судя по тому, как помощник кардинала гнал лошадь, были причины торопиться.

На первом же курьерском посту мы поменяли коней. Мой молчаливый спутник всего лишь показал бумагу от Церкви, и нам без всяких вопросов выдали все, что требовалось.

На всех почтовых станциях для нас были подготовлены свежие лошади, и путешествие проходило быстро. Слуга ди Травинно не общался со мной, выступая лишь в роли провожатого, обязанного проследить, чтобы я доехал туда, где меня ждали. Я не знал причин такой спешки, но вполне мог догадаться, что она связана с темным кузнецом.

Заминка произошла лишь у Гаста – реки такой широкой, что здесь не было никаких мостов и тракт связывала паромная переправа.

Паром только что отошел, и пришлось ждать около сорока минут, пока он разгрузится на том берегу и вернется. Рудольф оставил лошадь у коновязи, сел в тени небольшого, просевшего от старости домика паромщика, сорвал травинку, сунул ее между зубов, надвинул фирвальденскую шляпу с желтым пером себе на глаза.

В это время появилось Пугало.

Сперва оно ходило неподалеку, по колено в темной, зацветшей у берега воде, разглядывая свое зловещее отражение. Затем подошло ко мне. Оно игнорировало помощника кардинала, пока я не обратился к нему со словами, что паром вот-вот пришвартуется. Только после этого Пугало посмотрело на моего спутника и столкнулось с ним взглядом.

Тот уже был на ногах, выхватив из висевшей на бедре желто-серой сумки, сшитой из лошадиной кожи, кинжал с сапфировой рукояткой.

– Апостолы и все их чудеса! – ахнул Проповедник, отшатываясь.

Времени удивляться тому, что он может видеть Пугало и носит кинжал стража, у меня особо не было. Я собирался встать между ними, когда Рудольф поднял левую руку, обращенную ко мне открытой ладонью. Вполне понятный жест, просящий не вмешиваться.

– Черта с два! – сказал я ему. – Оно со мной.

Посланник кардинала недоверчиво поднял брови, посмотрел на одушевленного более внимательно и, решив что-то для себя, убрал клинок обратно в сумку. Плечи Пугала расслабились, а его костлявая лапа соскользнула с полированной рукоятки крестьянского серпа.

Паром ткнулся в берег, и они разошлись в стороны, точно бойцовские псы, вдруг передумавшие сражаться. Рудольф как ни в чем не бывало взял лошадь под уздцы. Я сделал то же самое, осторожно проведя свою по не

слишком надежным мосткам. Пугало забралось последним, расположилось на широком носу, всей своей позой с выпрямленной спиной показывая, что мы его больше не интересуем.

Посланник Церкви заплатил за переправу, встал, прислонившись к борту, глядя холодными глазами на пушистые облака, и между его бровей появилась глубокая складка раздумий.

– Людвиг, что, черт задери, тут происходит? – театральным шепотом вопросил Проповедник, когда мы были на середине реки и паромщики стали сильнее налегать на ворот, борясь с течением. – У него кинжал! И он видит Пугало!

– Он видит и тебя. А также слышит.

Старый пеликан с подозрением уставился на Рудольфа, и тот равнодушно улыбнулся ему, подтверждая правоту моих слов.

– Иисусе! – буркнул Проповедник. – Слава Богу, что я умер не голым. Слишком много людей разглядели бы мой позор.

– Кинжалы стражей запрещены всем, кроме Братства, – сказал я. – А ты не один из нас. Мне придется рассказать магистрам о том, что я видел.

Рудольф равнодушно пожал плечами. Его это совершенно не беспокоило.

У Люнреве не было высоких оборонительных стен, так как город располагался на трех больших островах в Борском озере и соединялся с берегом одним длинным мостом, укрепленным шестью опорными бастионами.

Издали он выглядел красивым, а из-за отражений в воде казалось, что плывет над облаками, точно небесный град.

Когда мы подъехали к мосту, Пугало решило не продолжать с нами путь. Оно все еще игнорировало присутствие Рудольфа. Одушевленный сел на берегу, показывая, что его куда больше занимает, как рыбаки чинят порванные топлонами серебристые сети, чем наши дела. Проповедник покричал ему, но это оказалось бесполезно. Страшила даже не пошевелился.

Мы миновали очередь на въезд, и стражники на первом бастионе пропустили нас без проволочек. Рудольфа они прекрасно знали и кланялись ему, словно рядом со мной был герцог, путешествующий инкогнито.

Улицы первого острова оказались узкими и запутанными. Я здесь никогда не был, так что старался не отставать от провожатого. Серое внушительное здание времен первых лет независимости Ульса – простой фасад, без каких-либо украшений и статуй, – находилось напротив

небольшой конторы «Фабьен Клеменз и сыновья» и недалеко от центральной городской церкви. Кованые ворота были закрыты, но, когда Рудольф подъехал к ним, двое расторопных слуг, появившихся словно бы из ниоткуда, пустили нас внутрь.

Я увидел на ступенях белую тонкую фигурку, ощущив одновременно и счастье и облегчение, бросился к ней, обнял. Гера была целой и невредимой, если не считать опаленных бровей.

– Думал, с тобой что-то случилось. Ты получала мои письма?

– Нет. Я только приехала вместе с Романом.

Рудольф прошел мимо, скрылся за дверьми, на которых лишь сейчас я увидел знак Святого Официума. Посланник ди Травинно дал понять, что свою часть работы он сделал.

Спустя десять минут, я и она уже находились в выделенных для нее апартаментах, которые, следует заметить, совершенно не соответствовали моему представлению о том, что должно быть в центральном представительстве Инквизиции в городе. Сад с цветущими розами, располагавшийся во внутреннем дворике, и прекрасные статуи, посвященные житиям святых, лишь усиливали впечатление, что я нахожусь, по меньшей мере, в доме благородного человека.

Гера, радостная от того, что мы встретились, сперва выслушала мой рассказ о спасении законницы, затем, хмурясь, прочитала письма Мириам.

– Как не вовремя! – Она на миг прикрыла глаза ладонями. – Так жаль. Ты даже не представляешь себе. Без нее Братство будет уже не тем, что прежде.

– Вполне представляю. Но жалеть о случившемся станем, если справимся с Ивойей. А если нет... то скоро печалиться будет некому. Что случилось в Лейкчербурге? Ты успела? Слухи ходят самые невероятные.

– Успела. – Она чуть нахмурилась. – Твой друг цыган получил письмо и начал действовать. Потом с неба свалилась я. Но Урбан решил не прятаться и камень тоже не прятать, чтобы темный кузнец пришел. Местное отделение инквизиции было наготове, вместе с ними три каликвеца и один волшебник с патентом, не считая меня. Собрали все имевшиеся силы, находившиеся в данный момент в городе. Роман и я убеждали кардинала, что главное, чтобы камень не попал в руки человека, напавшего на него в Крусо, но старик оказался упрямый. Он даже не стал писать в Риапано, решив справиться самостоятельно.

– Самонадеяно.

Я чувствовал злость из-за того, что он мертв. Я спасал ему жизнь дважды, и в итоге кардинал все равно не избежал гибели, да еще из-за

своего упрямства отдал в руки Ивойи глаз серафима.

– Он просто не боялся. – Гертруда поглаживала фазанье перо на своем берете. – Порой отсутствие страха и слепая вера приводят совсем не к тому результату, которого мы ждем. Мы с Романом решили, что силой отберем у него камень. Вдвоем мы бы справились с его магией. Но его высокопреосвященство окружил себя каликвецами, и мы не стали рисковать. Ждали удобного момента и приказа из Риапано, куда Роман отправил срочное письмо. Наступило воскресенье, Урбан не стал останавливать запланированную мессу. А потом пришел этот человек. Я даже ничего не почувствовала, Людвиг! Просто внезапно вокруг все вспыхнуло. Роман выжил только потому, что выпрыгнул в образе ругару через витражи. Все остальные, а их было много, превратились в головешки.

– Кольцо Пугала вновь помогло?

– Помогло. И привлекло к себе его внимание. Он узнал меня. Хотела бы я сказать, что оказала ему достойное сопротивление, – произнесла она горько. – Но противостоять ему это все равно что хлестать травинкой демона. Никакого толку. Я просто сбежала поджав хвост прежде, чем он подошел настолько близко, чтобы пробить мне голову своим кузнецким молотом. Ивойя не оставил мне никаких шансов добраться до тела Урбана.

– Я слышал, что город сильно пострадал.

– Очень. Особенно улицы вокруг кафедрального собора. Когда кузнец вышел из горящих развалин, его уже ждали инквизиторы и каликвецы. Они даже продержались против него чуть больше минуты. Великое достижение. – Гера приложила пальцы к вискам. – Не-по-ни-ма-ю, Синеглазый. В нем столько силы... Если кто с ним и мог бы справиться, то только София. Всех остальных он просто стер в порошок.

– София в Темнолесье. И в дела людей она вмешиваться не будет. Кузнец больше не считает нужным скрывать свое присутствие. С камнем Урбана он собирает последний кинжал, и уверен, что его уже никто не сможет остановить.

– Я все равно не могу понять. Зачем человеку это делать? Ради мести? Но ему не хуже нас известно, что те, кто придет в наш мир, не пощадят и его.

– Мне трудно судить, Гера. Но, наверное, он знает, что делает. Ивойя задумал это полторы тысячи лет назад и вряд ли отступит. Один раз его остановило Братство, но тогда у них был кто-то вроде Хартвига, а теперь у нас никого нет. Что думают клирики?

– В растерянности. Они не ожидали такого напора. Но приехал ди Травинно, и у него есть идеи, как справиться с кризисом.

– Я думал, он в Риапано, рядом с Папой.

– Многие так думали. Но он здесь.

– И зачем ему ты и я?

– Он не говорил. Скоро узнаем.

Но узнали мы не скоро. Нас пригласили лишь к вечеру. Пришел Роман, крепко пожал мне руку, улыбнулся Гере.

– Ждали капеллана Папы. Теперь все в соборе. Поспешим.

Во внутреннем дворике, среди крупных алых, цветущих розовых кустов стоял стол, за которым сидели двое клириков.

Один в белой просторной одежде с муаровым поясом кардинала. Дородный, с тремя лоснящимися подбородками, на которых росла неаккуратная щетина. Было видно, что глава церковных архивов кардинал Дженоаро ди Травинно уже некоторое время не следит за тем, как выглядит. По красным глазам и усталому, потному лицу становилось понятно, что его заботят куда как более важные дела, чем внешний вид.

Второй, высокий старикан с белыми волосами, с пурпурной фашьей капеллана Папы, тоже был мне знаком. С отцом Лючио мы встречались в Риапано. Он был голосом Папы и одним из самых влиятельных людей нашего мира.

Они оба слушали негромкий доклад отца Марта, стоявшего перед ними.

За спиной кардинала, на маленькой табуреточке сидел Рудольф, изучавший плывущие по небу, подсвеченные заходящим солнцем облака. Казалось, разговор его совсем не занимает.

Услышав наши шаги, клирики прекратили беседу. Инквизитор легко склонил голову, показывая, что приветствует меня. Затем поздоровался с Герой, с которой он не был знаком.

– Сын мой, рады вас видеть в добром здравии, – от имени всех присутствующих сказал кардинал. – Печально лишь, что мы встречаемся при таких обстоятельствах. Уничтожение кафедрального собора в Лейкчербурге это серьезный удар по вере в то время, когда все добрые христиане должны сплотиться в своей любви к Господу. Тьма надвигается с юга, и лишь молитва и чистая душа смогут победить ее.

– Хватит, Дженоаро! – с некоторым раздражением попросил отец Лючио. – Ну уподобляйся Урбану. Он допустил ту же ошибку, счел, что молитва и чистая душа защитят его от темного кузнеца. Следовало забрать у него камень, еще когда он был епископом.

– Я приставил к нему Романа, но даже мой человек не смог его укротить.

– Моя вина, – склонил голову цыган. – Его высокопреосвященство считал, что исполняет волю Создателя. Отговорить его не представлялось возможным. А решить проблему силовыми методами вы мне не позволяли до самого последнего момента. Когда я получил от вас письмо, его высокопреосвященство был уже несколько часов как мертв.

– Избавь нас Господь от тех, кто думает, что исполняет Его волю! – проворчал капеллан Папы, и на лице Рудольфа появилась веселая улыбка.

– Я говорил с госпожой фон Рюдигер. Из ее слов следует, что вы более чем в курсе того, чем опасен темный кузнец, – промолвил кардинал.

– А сколько вы надеялись держать это в тайне? – Отец Лючио хмурил лохматые белые брови. – Еще тысячу лет? Возможно, так бы и случилось, если бы он вдруг не появился, как черт из сундука. Помнишь, что я тебе сказал, когда все завертелось в Швейцарии? Проще удержать раскаленный уголь на языке, чем подобную тайну.

Кардинал, которого отчитывали как мальчишку, лишь смиренно вздохнул, хлопнув пухлыми ладонями по своему объемному, заколыхавшемуся животу:

– Поздно жалеть.

– Поздно. Хотя вот этих бы я наказал. – Он показал на нас с Герой. – Риапано запретил Братству заниматься этим! Искать кузнеца. Магистры согласились. Но вы сунули свой нос не в свое дело! А когда узнали то, что могло бы помочь Церкви, действовали в одиночку! Если бы не ваша глупость, кузнеца убили бы уже в Дискульте.

– Простите что вмешиваюсь, отец Лючио, но боюсь, что случилось бы то же самое, что в Лейкчербурге, – промолвил отец Март. – Вы не успели бы туда. А силы, которыми располагал на тот момент Билеско, были недостаточны, чтобы остановить его.

– На ваше счастье, Папа и вся консистория^[13] это понимают. Я привез их благословение.

– Этого явно мало, – хмуро бросил Роман, вцепившись крючковатыми пальцами в свой ремень.

Капеллан сурово посмотрел на цыгана:

– К тебе тоже будут вопросы. То, как ругару прыгает по улицам с подпаленной шерстью, видело слишком много народа. Мне неприятно, что я узнаю о твоей новой сути самым последним. Отец Март, изучите нашего общего друга и представьте мне всеобъемлющий доклад.

Инквизитор сухо кивнул, без всяких эмоций посмотрел на своего коллегу. Роман в видавшем виды плаще пилигрима хладнокровно пожал плечами. Его перспектива проверки ничуть не смущала. А быть может, он

сомневался, что она состоится, когда мир балансирует на краю пропасти.

– Ваше высокопреосвященство. – Я воспользовался возникшей паузой. – У вашего поверенного помощника кинжал стражи. Вы прекрасно знаете закон...

– Сын мой, – перебил меня кардинал. – Если вы думаете, что я не в курсе, то ошибаетесь. Но если считаете, что я буду отчитываться перед вами, то ошибаетесь вдвойне. Просто поверьте, что Рудольф имеет право носить клинок точно так же, как и вы. Он служит Церкви бескорыстнее многих других. И по воле Господа порой оказывает услуги, с которыми не всегда могут справиться стражи, не нарушая своего устава. Так что оставьте. Сейчас, клянусь Спасителем, не до такой ерунды. Но раз уж вы привлекли мое внимание, то давайте сделаем то, ради чего вас сюда пригласили.

Он постучал толстым пальцем по столу, точно дятел, пытавшийся добыть личинку из ствола дерева.

– Будьте любезны. Отдайте то, что прислала вам госпожа фон Лильгольц.

Они все смотрели на меня, и только Рудольф продолжал улыбаться.

– И что же, по-вашему, она мне прислала?

– Хватит валять дурака, молодой человек! – в раздражении негромко стукнул ладонью отец Лючио. – Темный клинок, который сделал этот еретик! Нам что, силой его у тебя отнимать?!

Гера легко коснулась моего плеча, показывая, что упираться не имеет смысла, лишь спросив:

– Как вы узнали?

– Госпожа фон Лильгольц сильно интересовалась темным кузнецом. Настолько сильно, что дожи Ветеции сочли нужным прислать нам обеспокоенное письмо. Риапано еще со времен Виона просил их примечать тех, кто будет любопытствовать на темы, являющиеся тайной Церкви. – Кардинал ди Травинно двумя пальцами взял темный клинок. Передал его Рудольфу. Тот небрежно убрал его в свою сумку и вновь сел, улыбаясь уже довольно.

– Посылка проходила через «Фабьен Клеменз и сыновья»...

– Гертруда, не будьте настолько наивны! Вы вправду считаете, что конфиденциальность распространяется на тех, кого берет под контроль Церковь? Как вы думаете, каким образом мы отлавливаем большинство колдунов и заговорщиков прежде, чем они успевают что-то сделать? У нас с этой компанией взаимовыгодное сотрудничество. И они сразу же сообщили нам, что в посылке. Мы просто не успели ее изъять, вы

оказались быстрее.

– Теперь клинок будет уничтожен? – спросил я.

– В свое время.

– И когда оно наступит, ваше высокопреосвященство?

– Понимаю ваше беспокойство, господин ван Нормайенн. Вы знаете, на что способна эта железка, и вполне здраво опасаетесь, что ее могут использовать так же, как в Швейцарии. Даже священнослужители. Но в таком случае и я имею право предположить, что страж может поступить аналогично. Клинок будет сломан. Клянусь Господом. Но пока он может пригодиться, ибо является одним из двух кинжалов императора Константина. А так как другой уничтожили много лет назад, у нас остался лишь этот. Новые работы Ивойи, по мнению Рудольфа, не годятся.

– Для чего? – Гертруда сложила руки на груди.

– Это все, что я могу рассказать. Сын мой, спасибо за вашу помощь. Вы можете идти. А вы, магистр, нам все еще нужны.

– Пусть он останется, ваше высокопреосвященство, – попросил отец Март. – Я за него ручаюсь. Лишний страж нам не помешает.

Отец Лючио, на которого посмотрел кардинал, не слишком охотно сказал:

– Я не против. Все готово, Роман?

– Да.

– Он сопротивлялся?

– Как всегда. Говорит, что мы приперли его к стенке и не даем вести дела. Я привел аргумент, что, если у нас не получится остановить Ивойю, он сможет вести дела лишь с мертвецами.

– Весомый аргумент, – оценил капеллан Папы. – Значит, он поможет. Нам нужна и ваша помощь, госпожа фон Рюдигер. Отчего-то магия кузнеца не действует на вас. И возможно, ваше присутствие будет не лишним.

– Присутствие где?

Старикан посмотрел на меня блеклыми глазами:

– Неужели непонятно? Мы собираемся прикончить это отродье. Что с каликвецами?

– Тридцать божьих воинов готовы выступить по первому же сигналу. И около ста пятидесяти инквизиторов.

– Достаточно ли этих сил?

– Вполне хватит, чтобы измотать и отвлечь его, – что-то быстро подсчитав, заверил отец Март. – Я поведу...

– Ты никуда никого не поведешь, – безапелляционно заявил отец Лючио, и в его дребезжащем голосе теперь тяжело звякала сталь. – Риапано

еще нужна твоя голова. Будешь управлять, но не лезь под золотое пламя. Это понятно?

Инквизитор покорно склонил голову, не смея спорить.

– Простите, что вмешиваюсь, – вновь влез в разговор я. – Но вы знаете, где он?

– Нет, – просто ответил кардинал.

– Значит, предполагаете, в каком городе появится кузнец?

– К сожалению, Господь и это скрывает от наших глаз.

Я едва не чертыхнулся в присутствии князей церкви.

– Тогда каким образом можно остановить человека, если вы даже не знаете, где того искать?

– Вся надежда на него, – кардинал махнул пухлой рукой в сторону Рудольфа. – Он, по милости Божьей, обладает разными талантами и способен почувствовать, когда темный кузнец начнет открывать врата. Нам остается лишь дождаться сего темного дня и молить Господа о помощи.

Пугало стояло у окна и не шевелясь, зачарованно смотрело на звезды, словно пытaloсь увидеть в них откровение. Проповедник сидел на полу и делал вид, что дремлет.

– У меня такое впечатление, что я разговариваю не с могущественными людьми, а с детьми, играющими в тайны. Ну ладно. Предположим, только предположим, что Рудольф действительно почувствует открытие врат. Таланты у людей встречаются разные. Тот же Хартвиг тому примером. Но черт меня побери, если я вообще понимаю, что они станут делать потом.

Гертруда тяжело вздохнула:

– Я тоже ничего не понимаю, и меня бесит недосказанность. Но ди Травинно уверен в своих словах. И поверь мне, этот человек, несмотря на то что он похож на ленивого обожравшегося кота, никогда ничего не оставляет на волю случая.

– Обзвывать одного из самых могущественных кардиналов котом в доме с пыточными подвалами, по меньшей мере, безрассудно, – не открывая глаз, произнес Проповедник.

– Займись лучше делом. Продолжай учить буквы, – внесла она здравое предложение. – Глядишь, и прочитаешь свое первое евангелие.

– Пока я прочитал только три слова. И все неприличные. Пугало написало их углем на стене местной кухни. – Он довольно улыбался. – Хотя, конечно, больше чтения меня увлекает святая вера присутствующих здесь слуг Церкви. Они считают, что этот странный Рудольф облегчит им

жизнь. Но ведь темный кузнец уже откроет врата. Не поздно ли дергаться?

– Еще над этим я голову не ломала.

– Ты так равнодушна, словно речь идет об убийстве мухи, а не о гибели человечества.

Гера посмотрела на него с удивлением:

– Тебя больше устроила бы истерика со слезами?

Он тут же вскинул руки:

– Вот только слез не надо!

– Тогда перестань жаловаться на то, как я выражают свои чувства.

– Но вопросы-то я задавать могу? Вот, например, если Ивойя вдруг сочтет, что лучшее место для врат в Золяне. Туда же добираться пару месяцев! Или в Сарон! Долгое путешествие, ведьма. Да еще теперь, когда там смерть отбросила серп и взялась за цеп. По мне, так силы, решившие в третий (заметьте это!) раз попытаться прикончить паскудного кузнеца, немного запоздают. Прибудут как аккурат к тому моменту, когда пара тысяч легионов бесов уже устроят вечеринку и купание в реках из людской крови.

– Как мы доберемся туда вовремя? Меня также заботит подобный вопрос, Проповедник. Я предпочитаю карету, летящую по воздуху.

– Но это же колдовство! – возмутился он.

– Добро пожаловать в реальный, волшебный мир, – улыбнулась она.

– Но клирики! Они же...

– Как и все люди, пользуются тем, что удобно и надежно. Мы можем гадать до бесконечности и не узнаем до тех пор, пока это не произойдет. Слова лишь прах.

Пугало на мгновение отвлеклось от созерцания неба, посмотрев на Гертруду с задумчивой одобрительностью.

– Кстати, насчет праха. – Проповедник вновь принял позу дремлющей гаргульи. – Мне бы очень не хотелось, чтобы вы превратились в нечто подобное. Имеет ли смысл попросить вас оставить спасение будущего человечества другим? В конце концов, вы уже пытались.

Я переглянулся с Гертрудой.

– Проповедник. Нельзя убежать от смерти, – сказала она ему. – Если у Ивойи все получится, то мы проживем лишь лишнюю неделю, или месяц, или год. И, умирая, оба будем знать, что, возможно, могли все изменить, но не сделали этого.

– Людвиг, ты тоже так считаешь? У нее хотя бы есть защита, но я не вижу у Пугала большого желания выточить колечко из ребра Романа для тебя.

– Не собираюсь оставаться в стороне.

– Ага. Не успокоишься, пока он не заберет у тебя все оставшиеся пальцы. Очень умно! У вас вроде как любовь. На кой черт он нужен тебе дохлым, Гера? – Он попытался манипулировать ею. – Отговори его.

– У меня не получится, Проповедник.

– Ну, тогда мне остается лишь молиться за вас. И ждать неизбежного.

Ждать пришлось долго. Неделя сменялась неделей, начался август, а мы все еще торчали в Люнреве, ожидая божьего откровения, как это называл Проповедник, при этом усмехаясь.

Мы с Герой облазили весь город и даже нашли четыре темные души. Охота на них развлекла нас на какое-то время. Еще по вечерам мы катались на лодке вокруг островов, сидели под старыми каштанами на Золотом мысу – выступающей части крупнейшего острова, где был разбит большой парк... Мы давно так долго не были вместе, наслаждались этим и делали вид, что не помним о том, ради чего мы здесь.

Капеллан Папы отбыл в Риапано, кардинал ди Травинно каждый вечер закатывал пиры, которые он называл скромными ужинами. Роман часто составлял нам компанию по вечерам за бутылкой вина или пропадал в «Фабьен Клеменз и сыновья», рассыпая корреспонденцию в разные княжества. Отец Март проводил время в посте и молитве, лишь иногда попадаясь мне на глаза.

Рудольф все дни торчал в трапезной. Усевшись на лавку, он клал ноги в ботфортах на стол и, щурясь, отстраненно изучал разноцветные витражи да фрески, пока те не меркли с приходом ночи. Порой он мне кивал, но чаще попросту игнорировал. Пугало, которое иногда бродило вместе со мной, его тоже больше не интересовало. А одушевленный делал вид, что личный посланник кардинала здесь и вовсе отсутствует.

Проповедник ныл, лазал везде, где было хоть что-то похожее на бордель, и учился читать. Надо сказать, у него неплохо получалось, как я и думал с самого начала. С памятью у стариакана, знавшего наизусть достаточное количество святых книг, все было в порядке. Он легко выучил алфавит и уже мог читать по слогам на всеобщем. В один из дней он разобрал на стене фразу, оставленную для него Пугалом: «Проповедник старый козел». Возмущению души не было предела, и следующие два дня он дулся на всех, глядя на мир волком, пока не поклялся, что научится еще и писать, чтобы отомстить страшиле.

Жизнь текла на фоне тревожного ожидания и все более мрачных новостей, приходящих с юга. Юстирский пот продвигался на север и на запад. Пробиваясь через выставленные кордоны, пожирая города и

деревни. Тысячи беженцев покинули свои дома, надеясь спастись от болезни и разнося ее все дальше и дальше. Сине-черные трупы лежали в домах, на улицах и трактах, привлекая к себе нежить.

Основная часть Братства отправилась в те края, борясь с темными душами, которых день ото дня становилось все больше и больше. Стражи не успевали решать одну проблему, как появлялась новая. Сообщения, которые приходили Гертруде от магистров, были одно хуже другого. По меньшей мере пятнадцать из нас перестали выходить на связь, оказавшись где-то в сердце зон, зараженных юстирским потом. Исчезли в том числе Львенок, Натан и Альберт, и мы беспокоились о них, надеясь, что известий от них нет лишь потому, что во многих городах по причине эпидемии «Фабьен Клеменз и сыновья» приостановили свою работу.

Иные существа выбирались из глухомани и тайных берлог, собирались в отряды и пытались очистить землю от тех, кого они считали захватчиками. Где-то у них это получалось, где-то нет, но общее положение вещей не радовало.

А люди, вместо того чтобы сплотиться, потеряли голову. Бежали, молились, готовились к смерти, сами искали ее. Разумеется, было полно таких, как Святые братья очищения, – фанатики и те, кто отказывался от веры предков или вовсе придумывал свою, ведя за собой новых сторонников. Подлецы сбивались в банды, армии разбегались, вчерашние писцы или купцы вдруг решали, что, чтобы защититься, надо нападать и убивать тех, кто просто проходит мимо. Убийства никогда никого не удивляли, смерть – обычное дело на дорогах, но сейчас она приобрела масштабы бедствия.

Обыватели хватали все, до чего могли дотянуться, пили, жрали, совокуплялись, пускали кровь, превращая ее в целые реки, спеша «пожить» напоследок, судорожно цепляясь за отведенные им судьбой последние месяцы, а то и недели.

С каждым днем плохих новостей приходило все больше, и они становились все хуже и невероятнее, словно всеми вдруг овладело безумие. Повсюду вспыхивали бунты, стычки, войны. Сменялись правители. И это было только началом. Юстирский пот даже не дошел до При, гуляя на юге, оставляя богатые города княжеств на следующий год.

В конце концов я попросил Романа сделать перерыв и не посвящать меня в то, что происходит за пределами Люнреве. Проповедник заявлял, что от того, что творится вокруг, совсем не хочется жить.

Наше с Герой время тянулось бесконечно долго и бежало со скоростью штурмового марсовского ветра. И с каждым днем я чувствовал, что оно вот-

вот закончится.

Так и случилось.

Отец Март поймал нас на ступенях, когда мы собирались отправиться на очередную прогулку. Я увидел у него в руках меч, который когда-то принадлежал брату Курвусу.

– Началось. – Он сказал об этом так спокойно и естественно, словно речь шла о весеннем паводке. – Вы не передумали?

– Нет, – ответила Гера, дождавшись моего кивка.

– Господи Боже мой, – перекрестился Проповедник. – Он уверен?

– Тогда жду вас внизу через две минуты. Поторопитесь! – Инквизитор ушел стремительным шагом, прямой как палка, и полы его простой серой рясы волновались при каждом шаге, точно море в шторм.

– Держись, пожалуйста, рядом со мной и не лезь вперед. Обещай. – Гертруда обняла меня.

– Обещаю.

– Я с вами, – вызвался Проповедник и, видя наши удивленные взгляды, неловко пояснил: – Ну не всегда же мне отсиживаться в стороне. К тому же как будто каждый день происходят такие события. Мое любопытство на этот раз пересиливает мое чувство самосохранения. Ты идешь, шляпа?

Пугало, стоявшее поодаль и не спускавшее с нас глаз, отрицательно покачало головой, резко развернулось, направившись прочь.

– Ну, по крайней мере у одного из нас есть разум, – с иронией произнесла Гертруда.

– Эй! Ты ли это?! – крикнул ему вслед Проповедник. – Неужели пропустишь такое зрелище и останешься?!

Но то не обернулось и захлопнуло дверь в нашу комнату.

– Ну и черт с тобой. Потом не проси, чтобы я тебе что-нибудь рассказал!

Во дворе нас ждала уже знакомая троица. Роман нервничал, и это было видно по глазам, сменившим цвет, ставшим глазами иного. Отец Март что-то негромко говорил Рудольфу, и тот, слушая внимательно и напряженно, кивал.

Из-за плеча помощника кардинала ди Травинно торчала длинная потертая рукоятка широченного меча, набалдашник которой был сделан из огромного звездчатого сапфира, размером с мой кулак. На поясе висел зловещий темный кинжал, тут же приковавший наши взгляды.

– Это все наше воинство? – спросил я.

– Остальные прибудут из других городов, Людвиг. Они уже получили

приказ, – отец Март вышел через калитку.

– Надеюсь, они принесут святые реликвии. Та, что спасла всех в Крусо, очень бы пригодилась.

– Сейчас она в Флотолийской республике, помогает бороться с юстирским потом. Для нас бесполезна. Темный кузнец с десятью кинжалами неуязвим для святых даров.

– Как вы можете это знать? – нахмурилась Гертруда.

– Он знает. – Инквизитор показал на Рудольфа, и тот грустно улыбнулся.

– Ивойя открывает врата? Где?

– Каварзере. Солезино. – Роман широко шагал через площадь.

Я рассмеялся. Такую шутку могла преподнести лишь жизнь. Все вернулось на круги своя. Туда, где началось. Солезино, столица Империи, место рождения и смерти императора Константина. Место, где Александр нашел и вернул к жизни темного кузнеца. Город, почти уничтоженный землетрясением и предыдущей эпидемией юстирского пота. И теперь в него пришла новая напасть.

– Сколько часов туда добираться? Мы успеем?

– Будем на месте через десять минут. Чтобы врата полностью открылись, требуется пара часов. Так что успеваем.

Я присвистнул. Покрыть сотни лиг за несколько минут! Слышать подобное было невероятно.

Еще более удивительным стало, когда Роман, не колеблясь, вошел в «Фабьен Клеменз и сыновья». Здоровенный вышибала с переломанным носом не задал ни одного вопроса. Даже с кресла не встал, в котором сидел, постукивая себя по ладони маленькой отполированной дубинкой.

Клерк с незапоминающимся лицом, неприметным, как у всех сотрудников этого заведения, появился на звяканье колокольчика, посмотрел на нас с неприязнью, поджав губы.

– Пришло время, – сказал ему Роман.

– Ты выкручиваешь мне руки, инквизитор.

– Не валяй дурака, Фабьен. Руки тебе выкрутили много лет назад, когда ты захотел вести дела и просил разрешения. Мы тебе его дали. Теперь ты просто возвращаешь долги. Хватит мяться. Время дорого.

Человек, именем которого была названа контора, покорно вздохнул:

– Куда вам?

– Солезино.

«Клерк» молча развернулся и ушел в подсобку. Роман, не дожидаясь приглашения, двинулся за ним.

Я попал в святая святых, месте, где хранились деньги клиентов, посылки и письма. Во всяком случае, я так думал раньше. На деле же это был короткий коридор, самой примечательной вещью в котором оказались швабра и ведро с грязной водой.

– И только? – разочарованно пробормотал Проповедник, явно ожидавший увидеть желтые столбики дублонов, флоринов и грошей.

Человечек снял с пояса ключ, отпер окованную медью дверь в дальнем конце коридора. Мы вошли в круглую комнату, в которой сильно воняло козлятиной, а все стены, пол и потолок были обиты серыми, белыми, черными и коричневыми козьими шкурами.

– Правила знаете? – У Фабьена Клеменза глаза были желтыми, выпуклыми, с вертикальными зрачками, что дало повод Проповеднику перекреститься и чертыхнуться одновременно. – Тогда восьмой выход слева.

Он ушел, закрыв за собой дверь.

– Демон. – Даже Гертруда была впечатлена. – Вы знали, отец Март?

– Узнал пару недель назад, но пока не успел свыкнуться с этой мыслью.

– Фабьен можно сказать что перебежчик. Иногда он оказывает услуги Церкви. Все довольно сложно объяснить за пару минут. – Роман посмотрел на Рудольфа, дождался кивка. – Наберите в грудь воздуха и не дышите без моего приказа.

Мы сделали, как попросил цыган, и по комнате внезапно разлился лютый холод. Он обжег кожу, нос, уши. И мизинец, которого у меня больше не было, снова заболел. Я посмотрел на Гертруду, увидел иней на ее светлых бровях и ресницах, понял, что точно такой же у меня в бороде и усах. А затем все закончилось.

– Выходим.

Коридор на этот раз оказался длинным и заваленным какими-то ящиками, пахнущими грибами и сыром. Я насчитал по десять дверей с каждой стороны. Роман толкнул восьмую слева, и мы попали в зал, где за стойкой стоял все тот же клерк.

– Выход там. Часть ваших уже прибыла. Остальные появятся в ближайшие две минуты.

– Я остаюсь, – с сожалением сказал нам Роман. – Следует присмотреть за мастером Клемензом. Не хотелось бы, чтобы он нарушил обязательства и пригласил своих сыновей.

Клерк мрачно посмотрел на цыгана:

– Я не люблю импровизаций. Можете быть спокойны, инквизитор.

– Поверил бы тебе в любое время, но не после того, как ты провел Ивойю. Удачи, господа. Берегите себя.

Рудольф вышел первым, мы последовали за ним, чувствуя взгляд демона в образе маленького сутулого человека.

На улице нас ждали два десятка инквизиторов в серых рясах и шестеро монахов с красными веревками вместо поясов. Все вооружены, многие молились. Из дверей «Фабьен Клеменз» все время появлялись новые.

– Где? – коротко спросил отец Март.

Рудольф показал, что ему требуется время, чтобы понять это.

– Будет бойня, – сказала Псу Господнему Гертруда. – Вы это понимаете?

– Понимаю, – ответил тот. – Каждый из нас готов умереть во славу Еgo. Наши смерти не важны. Если что-то получится, то только у него.

Он кивнул на помощника ди Травинно.

– Кто он такой? – спросил я, но отец Март только плечами пожал:

– Меня не поставили в известность, однако кардинал вполне доверяет его силам.

Рудольф снял шляпу, и теплый ветер растрепал его светло-соломенные волосы. Он осматривался, и мне показалось, что нюхал воздух.

С воздухом действительно было что-то не то. Он пах влажными гниющими листьями, горькими специями и сладковатой мертвениной, отчего першило в горле. Да и с освещением тоже творилось черт знает что. Был почти полдень, но солнце висело низко и светило так слабо, что бледный, красноватый свет окрашивал город зловещими оттенками крови.

Я смотрел на Солезино, снившийся мне в кошмарах последние два года, и не чувствовал ничего, кроме пустоты.

Город был мертвее, чем в тот день, когда я покидал его вместе с Шуко. Большинство домов разрушено землетрясением. Людей выкосила прошлая эпидемия, жилым был лишь центр, все остальное так и стояло заброшенным. Огромное облако птиц кружило в небе, и было оно настолько высоко, что я мог рассмотреть лишь мелкие черные точки.

Рудольф махнул рукой в сторону пустырей.

– Там руины дворца Константина, древний форум, ипподром и цирк, – тихо сказала мне Гертруда.

Я кивнул, подтверждая ее слова, а Проповедник, испуганно жавшийся к стене здания, проронил:

– Ублюдок страдает по прошлому.

– Ну, с Божьей помощью, – отдал приказ отец Март, и мы отправились

туда, где находился темный кузнец.

Лошадей у нас не было, так что шли пешком, часто переходя на бег. Несколько отрядов продвигались по разным улицам, чтобы встретиться потом возле развалин.

Мы оказались в компании, возглавляемой Рудольфом. Кроме нас с ним шли десять молчаливых каликвецев, от которых исходила такая сила, что у меня по коже то и дело пробегали мурашки.

Отец Март руководил инквизиторами и вел их по более широким улицам, планируя выйти к цирку с южной стороны, отрезав кузнецу путь к отступлению.

Гертруда держалась рядом со мной, дышала тяжело из-за постоянного бега, иногда ругалась, сплевывая вязкую слону. В красноватом свете ее лицо казалось потусторонним, с обострившимися чертами и глубоко запавшими глазами. Улучив момент, она сказала мне:

– Останься, не ходи.

– Ты говоришь это теперь? – удивился я.

– Я думала, что у них есть план, Людвиг. Что мы можем хоть на что-то повлиять. А по сути они просто будут кидать в бреши людей, отвлекая его внимание, надеясь, что Рудольф совершил чудо. Сегодня я не верю в чудеса. Останься.

– А ты?

– Возможно, я смогу закрыть двух или трех из них от золотого огня.

– Значит, и я с тобой. Не оставлю тебя одну.

Она сильно сжала мне руку.

Мы шли переулками, мимо искореженных болезнью трупов, пробирались через завалы.

Гулкий, леденящий душу рев разнесся над Солезино. Ревело само небо. От этого звука, казалось бы разъедающего кости, хотелось зарыться в землю. Облако птиц, висевшее над городом, струями дождя хлынуло на улицы.

Первая пара пролетела над нами, укрыв тенью улицу, и я увидел, что это крылатое нечто, больше всего напоминающее огромные, покрытые мехом шары с зубами.

– Предвестники! – крикнул кто-то сзади.

Каликвецы сожгли первого демона, и он лопнул в воздухе, оставив после себя желтый серный дым. Второй развернулся и рухнул на нас.

Запели хоралы, голубым вспыхнула церковная магия, останавливая нечисть из ада. Все больше и больше демонов падало на город. В основном

южнее, там, где отец Март вел основной отряд, но и на нас вполне хватало адских отродий.

– Они чувствуют, куда мы идем! – крикнула мне Гера. – Пытаются задержать!

Предвестники бросались попарно или по трое, ревя и клацая зубами. Каждый, размером почти с корову, пикировал сверху, стремясь зацепить кого-нибудь из людей. Монахи, отражая атаки, медленно продвигались вперед. Один из демонов вылетел из проулка, его пасть щелкнула, перекусив пополам дородного мужчину в черной рясе.

Другой демон, летя низко, едва не задевая брюхом землю, пронесся совсем близко, и я ударил его палашом. Клинок глубоко вошел в плоть, рукоятка вырвалась из моей покалеченной руки. Гера метнула в оружие ослепительной молнией, и адское отродье, все в сетке голубых разрядов, упало на землю.

Я едва успел схватить колдуны, подняв в воздух, прыгнул вместе с ней в сторону, когда следующая крылатая тварь ринулась прямо на нее. Рудольф смело встал на пути предвестника, и широченный, сверкающий серебром меч описал в воздухе дугу, разрубив исчадие ада на две половины.

Мы потеряли еще одного монаха, но продвинулись до середины улицы, которую почти затянуло желтым удушливым туманом, едко пахнущим серой. Магия Геры, темная и зловещая, звучала грубым барабаном в церковном хорале волшебства клириков. Сейчас я оказался самым бесполезным и беззащитным среди них.

Было сложно сражаться в этом густом мареве, люди кашляли, били вслепую в тени, с воем проносящиеся мимо. Кажется, смерть забрала еще кого-то, и я начал понимать, что до развалин мы просто не доберемся. Демонов, которые слетелись, чтобы защитить открывающиеся врата, стало слишком много.

Рудольф появился из клубов дыма, положил Гертруде руку на плечо, потянул за собой. Я, вытирая рукавом слезящиеся глаза, бросился за ними. В лицо мне ударила чья-то горячая кровь, я споткнулся, слыша, как матерится Проповедник, и внезапно очутился возле сломанной двери, ведущей в дом.

– А как же они?! – воскликнула Гертруда, но посланник кардинала лишь покачал головой, настойчиво махнув рукой, прося следовать за ним.

Монахи выполняли свою задачу, отвлекали внимание демонов, давая возможность ему идти дальше. То, что Рудольф вытащил нас с улицы исключительно по доброте душевной, не вызывало сомнений.

– Не надо, Гера, – попросил я, видя, что она собирается вернуться и помочь. – Каликвецы обучены сражаться с ними. А у нас своя задача. Ивойя ждать не будет.

Она опустила плечи, соглашаясь со мной.

Мы прошли через дом, насквозь пропахший зловонием разлагающих трупов. И я подумал, каково было клирикам знать, что они в Солезино, городе, где разразилась новая эпидемия юстирского пота. В отличие от нас, стражей, монахи в любой момент могли подхватить заразу.

Мы вылезли через окно второго этажа, спрыгнули вниз, в пустынную подворотню, слыша, как по городу гремит магия. Мчались переулками, прячась под балконами, когда в небе мелькали темные тени. Проповедник побежал вперед, дважды заранее предупреждая нас о демонах, появившихся на соседних улицах.

Наконец мы забрались так далеко, что очутились на заросших барбарисом пустырях, среди старых, торчащих из земли обожженных кирпичей времен Империи. Останки построек, некогда прекрасных вилл и дворцов, залитые все тем же красноватым светом, походили на кладбище.

Впереди выселились стены невероятного цирка, в котором мы с Шуко когда-то уничтожили жемчужную тварь, убившую Рози. Рудольф коснулся моей руки, указал на него, серьезно кивнул. Глаза его оставались холодными и спокойными.

– Надо полагать, темный кузнец там, – тихо промолвила Гера.

Еще одна насмешка судьбы. Не знаю уж которая по счету. Мне снова придется оказаться на огромной арене, где когда-то умирали гладиаторы и львы рвали первых христиан по воле молодого императора Августа.

Вход, через который мы с Шуко в прошлый раз заходили, был затянут темной, неприятно вздувающейся субстанцией, похожей на ту, что растеклась после того, как я уничтожил проклятый горн. Я не знал другого пути в цирк. Но Рудольфа не смущила внезапная преграда. Убрав клинок в заспинные ножны, он направился вдоль бело-желтых стен, через кустарник и чертополох, распугивая одичавших коз.

Возле упавшей на землю, расколотой на пять частей мраморной колонны, символизирующей победу императора Марка Ульпия, он остановился, показав нам на черную нишу, почти невидимую из-за скрывавших ее кустов ежевики. В два счета расчистил путь и первым юркнул в темную пропасть. Мы с Герой пролезли через узкий лаз, спрыгнули вниз – невысоко, но тут было очень темно, и в руках колдуны замерцал огонек, разогнавший мрак настолько, чтобы стало понятно, что мы находимся в коридоре со сводчатым потолком, выложенным все тем же

узким, обожженным красным кирпичом.

— Здесь держали воинов и зверей перед боями, — сказал я, замечая темные ниши, в которые никто не заходил больше тысячи лет.

Наши шаги были тихими, так как вокруг лежала вековая пыль и песок. Первая лестница, ведущая наверх, оказалась обрушена. Для того чтобы дойти до второй, нам потребовалось больше десяти минут, спустившись на этаж вниз и пройдя через череду мрачных залов.

Когда посланник кардинала поставил ногу на первую ступеньку, я остановил его, спросив:

— Мы не будем ждать помощь?

Он с сожалением покачал головой. Времени не было.

Мы поднялись в верхний коридор. Впереди, в арке, мерцал алый свет.

Слыша, как Проповедник молится, я пошел следом за моими спутниками. Рудольф остановился, не выходя наружу, поднял руку, прося не спешить.

На первый взгляд арена оставалась пуста. Никакого адского пламени, серы и что там еще должно быть перед тем, когда у легионов демонов появится возможность беспрепятственно проникать в наш мир.

— А где врата? — недоуменно нахмурилась Гертруда, оглядывая местность.

Помощник ди Травинно указал на то, что находилось прямо напротив нас, на самой верхней, очень далекой трибуне, выше которой были только арки со статуями великих императоров прошлого.

Всего лишь дерево. Маленькое, тонкое, совсем молодое, с хлипкими веточками и едва распустившимися листочками, которые с такого расстояния показались мне серыми.

— Это?! — с недоверием в голосе спросила она.

Он серьезно кивнул.

— Где же ваш бог, раз он допускает такое?! — прошептала Гера, и Рудольф посмотрел на нее хмуро, с неодобрением.

— Его можно уничтожить? — спросил я. — Срубить? Сжечь? Есть способ?

Поколебавшись, он коснулся двумя пальцами темного кинжала, висевшего на поясе.

— Боюсь, так просто мы туда не доберемся, — сказал я. — Где-то здесь Ивойя.

Я осматривал трибуны и темные входы, расположенные по периметру арены, и наконец увидел темного кузнеца лежащим почти под самым деревом — совершенно маленькая, не больше ногтя, фигурка.

– Вижу его, – тихо сказал я. – Возле рухнувших колонн. Он не подпустит нас.

– Да. Это он, – после недолгой заминки подтвердила Гертруда.

Рудольф не видел. Он хмурился. Его взгляд скользил, ни на чем не задерживаясь. Я протянул руку, указывая острием моего кинжала, чтобы он смог сориентироваться.

– Вот он. Рассмотрел?

Холодные глаза помощника кардинала остановились на том месте, куда я указывал, и внезапно прищурились. Лицо Рудольфа разгладилось, перестало быть встревоженным. На нем появилось решительное выражение.

– Что делать нам? – спросила Гертруда.

Он с улыбкой положил руки ей и мне на плечи, мягко толкнул назад, отрицательно покачав головой.

– Ты ведь совсем один! Мы можем помочь.

Он снова подтолкнул нас во мрак, и меч с шелестом покинул ножны. И тут я все понял, сказав внезапно осипшим голосом:

– Идем, Гера.

– Но...

– Мы уже ему помогли. Идем.

– Людвиг, ты...

– Идем! – уже настойчиво произнес я, и она осеклась, ничего не понимающая и совершенно растерянная.

Рудольф, забыв о нас, медленно вышел на арену, направляясь к Ивойе. Я посмотрел на него в последний и раз и потащил колдунию за собой во мрак. Я чувствовал ее возмущение. Молчание магистра говорило само за себя, и лишь железная выдержка не позволяла наброситься на меня сразу, требуя объяснений.

Проповедник, в отличие от нее подобной чертой характера не обладал, поэтому ругался, чертился и богохульствовал одновременно.

– Заступница Мария! Что за хрень тут происходит?! Не поймите меня неправильно, я жутко рад, что вы туда не полезли, но откуда кардиналы набирают таких придурков?! Скажи на милость, что за шутка Господня, тащить вас через половину мира, через город с демонами, чтобы потом отправить восвояси?! К чему это все?!

Я не отвечал. Шагая как можно быстрее по гулкому коридору, сопровождаемый волшебным светом Гертруды, крепко держа ее за руку и ощущая, как мурашки бегают у меня по спине.

Все еще до конца не веря своей догадке.

Грохот расколол само небо. Впереди что-то рухнуло, взметнув облако пыли. Мы упали друг на друга, ничего не видя. Быстро встали, серые от кружашейся в воздухе дряни. Путь дальше был завален, а на потолке расходились трещины, сыпались мелкие осколки кирпичей и струйками тек песок.

– Здесь не выбраться! – кашляя, произнесла Гертруда. – Надо обратно, Синеглазый. Скорее!

Мы понеслись туда, откуда только что пришли, и через минуту я услышал, как за нами обвалилась еще одна секция постройки.

Арка сияла уже не красным, а золотым светом. На частично обрушенной арене, среди закручивающегося вихрями песка, сражались две человеческие фигурки. Ивойя и Рудольф. Один размахивал молотом, другой отражал атаки мечом.

Вокруг них воздух дрожал от жара, а грохот стали раздавался над цирком, то и дело сопровождаясь звучным треском – лопались мраморные трибуны и рушились верхние арки, уцелевшие с тех пор, как мы с Шуко убили здесь жемчужную тварь.

– Врата! – ахнула Гера. – Они растут!

Это действительно было так. Дерево очень медленно тянулось вверх, распрымляя ветви, утолщалось и, казалось, высасывало свет из низкого солнца.

С каждым взмахом и столкновением молот и меч наливались серебристым сиянием, врезались друг в друга со вспышкой, от которой дрожала сама земля. Рудольф, все это время отступавший, перенял инициативу, начал насыдеть, и мильтиец перехватил свое оружие, закрывая от ударов голову.

– Можем попробовать пройти по трибуне! – Я постарался перекричать лязг.

И в этот момент Гертруда внезапно прыгнула, заслоняя меня, раскинув руки. Все пространство перед нами затопило золотое пламя.

Меня обдало жаром, который выжег воздух в легких, и нас отбросило в сторону. Я упал на каменный пол рядом с Герой. Она тихо стонала.

Я поднял ее, все еще оглушенную ударом, взял на руки, собираясь унести прочь, как и Проповедник глядя на обугленную арену, на которой полыхало два десятка золотых костров. Двое продолжали бой, но это уже были не те, кого я видел несколько мгновений назад. Плоть сгорела, открывая спрятанную под ней истину.

Каждый из них был высотой в два человеческих роста. Мускулистые, с обнаженными торсами, в белых с серебром штанах-юбках, сшитых на

хагжитский манер, развевающихся при каждом движении.

Светлоглазые, с растрепанными белыми волосами и прекрасными, сейчас искаженными гневом лицами. Точно братья.

Я различал их только по оружию. У одного был серебряный меч, а у другого золотой молот.

Они оказались очень похожи на тех, что изображены на фреске, увиденной мной в монастыре Дорч-Ган-Тойн, с той лишь разницей, что вместо крыльев, сотканных из света, за спиной у воинов были лишь обрубки, жалкие культи того, что когда-то было самым прекрасным из всего, что создано в небесах. Они утратили данную им возможность летать.

Два ангела сражались с неистовой яростью, перемещаясь так быстро, что я порой не успевал следить за их движениями, и небо кипело.

Проповедник стоял на коленях и молился, не веря тому, что видит.

Луна и солнце плыли над нами одновременно, кружились, точно проклятые, погрузив мир в темно-бордовые сумерки.

Завеса над главным входом лопнула, открывая путь наружу, но я осторожно положил Геру на землю, понимая, что мы никогда не сможем пройти мимо них. Нас просто разотрет в порошок от сил, беснующихся на арене.

Левая секция цирка рухнула. Часть камней испарилась, часть взмыла в небеса, обрушившись огненным дождем где-то в городе.

Меч. Молот. Меч. Молот.

Луна и солнце отзывались на каждый удар, подпрыгивая, точно сумасшедшие, а над ними закручивались кругами, клубились и росли в размерах невероятные, чернильно-черные тучи, в сердце которых то и дело вспыхивало золотое пламя.

Молот рухнул, круша грудину и ребра. Тот, кого я знал как Рудольфа, осел на землю, выронив меч. Из его ран вместо крови тек золотой свет. Ивойя опустился на колени рядом, безучастно посмотрел на своего противника, все еще живого, пытающегося подняться, сжал пальцы на горле и держал до тех пор, пока глаза того, кто был светлым кузнецом, не померкли.

Тогда темный кузнец поднял тело врага на руки, отшвырнул к трибуналам, точно мусор, и оно разбилось, разлетаясь кусками света, быстро гаснувшего в алом свете полуденной ночи.

В спину Ивойи ударила магия, и он лишь вздрогнул. Отец Март через открывшийся проем вводил поредевший отряд инквизиторов и каликвецев, атаковавших земного ангела. Я же положил Геру за камнями и побежал туда, где исчезло тело Рудольфа, не обращая внимания на грохот вновь

нарастающего сражения, краем глаза видя, что дерево выросло в размерах втройне, и от его листьев теперь распространяется желтый серный дым.

Найти темный кинжал среди песка и каменных обломков оказалось сложно. Я дважды проходил мимо него, весь покрытый испариной от магии Церкви. Понимая, что совсем скоро темный кузнец заметит и меня. И наконец увидел знакомую рукоятку, засыпанную мраморной крошкой.

Я протянул руку в тот момент, когда Ивойе надоело давить блох по одной и он, повернувшись ко мне спиной, сказал им одно лишь слово:

– Падите!

Эффект был такой, словно в меня врезался таран, хотя этот приказ не был обращен ко мне. Я в третий раз за неполный час оказался на земле, но даже не почувствовал этого. В ушах гулко лопнуло, и теперь в голове поселился звон. Что-то влажное текло из них на щеки и шею, я провел ладонью, все еще стараясь сконцентрировать взгляд, увидел кровь.

Попытался встать на четвереньки, но руки не выдержали, и я ткнулся лицом в стекло, которое раньше было песком. Ни один клирик из отряда отца Марта не выжил. Цирка больше не существовало, устояла лишь секция с адскими вратами, и теперь я понимал, как ангел устроил землетрясение в Солезино.

Не магия.

Лишь одно слово его.

Луна с солнцем взорвались, разлетелись осколками, и в небе осталась только туча – столь низкая, что ее брюхо касалось верхней части уцелевшей стены арены и ветвей адского дерева.

Через мгновение из нее начал медленно, снежинка за снежинкой, падать снег. Я лежал на боку, хватая ртом воздух, слыша в голове звон, причиняющий боль, и пытался дотянуться до кинжала. Он был так близко и... бесконечно далеко.

Одна из снежинок упала мне на руку, и я не почувствовал холода. Другая осталась на губе, и только тогда я понял, что это никакой не снег, а соль.

Еще одна попытка. И вновь неудачно. Я увидел, как ко мне силился ползти Гертруда, из ушей которой также течет кровь, хотел сказать, чтобы она прекратила, осталась на месте, но горло издало лишь какой-то всхлип.

За колдуньей появилась мрачная тень. Силуэт выходца из ада. Она не видела его, а я не мог предупредить, лишь смотрел, как чудовище широко шагает к ней, затем оказывается почти рядом и... проходит мимо.

Я потряс головой, и картинка перестала быть размытой. Долговязое Пугалошло по золотому пламени, и алый подранный мундир полыхал у

него на спине и рукавах. Догорела и исчезла соломенная шляпа, затем начала плавиться плоть. Она отваливалась от него клочьями, сползала с каждым движением.

Я хотел закрыть глаза, но не мог отвести от погибающего страшилы взгляда.

Огонь уничтожал одутловатую голову, искажал зловещую ухмылочку, пожирал серые руки с длинными пальцами, дырявые ботинки и даже серп.

Одушевленный сгорел, так и не успев приблизиться ко мне. То, что осталось, заставило меня перестать дышать.

Он был такой же, как и те двое. Только волосы у него оказались каштановые, длинные, вьющиеся. В левом боку зияла большая рана, сияющая золотым светом. В руках ангел держал изогнутый тонкий клинок, так похожий на серп. Его лицо можно было бы назвать прекрасным, даже совершенным и божественным. Лицо, за которое любой скульптор продал бы душу, если бы на нем не было печати страшного гнева, боли и настоящего безумия.

– Матерь Божья, – прошептал Проповедник. – Если бы я только мог плакать.

Оказавшись рядом, он посмотрел на меня, и в глубине его сапфировых глаз промелькнуло что-то, чего я не смог понять. Тот, кто когда-то был Пугалом, обнаженной ступней подтолкнул мне темный кинжал.

Он ждал, и я догадался, что ему нужно.

– Вот он! – сказал я ему, указав на Ивойю, и ангел, благодарно кивнув, прошел мимо по белой соли, тонким слоем укрывшей арену.

Они увидели друг друга.

Гера все же добралась до меня. Ее пальцы переплелись с моими, глаза неотрывно следили за тем, кого мы считали одушевленным.

– Людвиг. Этого не может быть. – Из-за боли в ушах я едва мог ее слышать.

Но это было.

Ивойя поднял с земли молот, двинувшись навстречу новому врагу.

– Отступись, – сказал тот, кто так долго ходил со мной. И его слово имело тот же эффект, что и слово темного кузнеца.

…Мир горел и плавился, цирк, не выдержавший ангельского гласа, потерял еще целую секцию, а я сплевывал кровь, текущую изо рта и носа, не понимая, как моя голова еще не взорвалась.

Они сражались друг с другом. Молот и кривой клинок плели смертельное кружево, а вокруг была ночь, озаряемая лишь золотыми кострами.

Гертруда лежала, засыпанная солью, и я, напрягая последние силы, вытащил ее из этого «сугроба», посадил, всю окровавленную, прислонив спиной к нижней трибуне. Я знал, что выгляжу ничуть не лучше, чувствуя страшную слабость и слыша бесконечный шум в голове.

Я вернулся к кинжалу, раскидывая острые кристаллы соли, режущие руки. Поднял его.

— Надо закончить дело, — сказал я ей разбитыми губами, даже не замечая, что она еще не пришла в себя, и вскарабкался на первую трибуну.

Меня шатало, а до древа, уже ставшего размером с трехсотлетний дуб, было идти и идти. Но я шел, пробирался через завалы и оплавленный, еще горячий камень, обходя золотое пламя, безумным чертом плясавшее под ногами.

Гертруда, к моему удивлению, нагнала меня, когда я достиг лестницы. Показала, что ее ждать не надо, и стала взбираться следом за мною. Мы двигались так же медленно, как воскресшие мертвецы после темного ритуала, проведенного некромантом.

Оба ангела были ранены, но продолжали бой.

Я был вымотан до предела, не мог идти, ноги отказали. Попробовал ползти, но лишь сломал ногти. До дерева оставалась еще половина пути.

Надо мной склонился Проповедник, и лицо его было исполнено решимости. Он сказал мне что-то, но я не слышал. Он повторил, я попытался прочитать по губам. Не получилось. Тогда старый пеликан криво, по слогам, едва различимо вывел пальцем на белой поверхности соли:

Как в Ки зе д ва л де.

Я силился понять, что такое Кизедвалд. Помогла Гертруда, которая соображала куда быстрее, и написала рядом:

Кайзервальд?

Я посмотрел Проповеднику в глаза, и тот понял, что я спрашиваю, уверен ли он. Решительно кивнул и улыбнулся.

— Иди, — сказал я, не слыша своего голоса.

Лишь с четвертой попытки старому пеликану удалось едва-едва приподнять темный клинок над землей. Он потащил его наверх, то и дело роняя.

Мы все трое понимали, что, если повезет, сил его сущности хватит

лишь для того, чтобы поднять эту железку наверх, но вряд ли у него получится воткнуть темный клинок в дерево так, чтобы острие вошло хотя бы на четверть дюйма.

Я смотрел, как мой друг уходит, и растял на ладони знак. Проповедник знал, каким способом светлая душа может обрести силу.

Ангелы продолжали бой на засыпанной солью арене, в чернильном мраке ночи и стелющейся по земле серной дымки. Мне было больно смотреть на те всполохи света, что вспыхивали вокруг них. На то, как пузырилась поверхность, по которой они ступали. На воздух, такой густой и плотный, что он мог бы остановить даже пушечное ядро.

Хотелось уползти прочь. Подальше от той стихии, материи, из которой изначально создавался наш мир. Растревоженная, она не щадила ничего, поглотив тела погибших клириков.

Любое движение причиняло боль. Я сел, опираясь на подставленную спину Гертруды. Плачущей, понимающей, что должно произойти. Проповедник спотыкался, ронял кинжал, но продвигался по этой бесконечной лестнице, ведущей в суворое, облачное небо.

Когда он оказался перед деревом, то махнул свободной, левой рукой. Ему пришлось повторить свой жест, прежде чем я решился.

Знак сорвался с моей ладони и полетел в него. Полетел так же, как это было в Кайзервальде, вот только теперь у старого пеликана больше не возникало желания отойти в сторону. Я смотрел, как два полукруга поднимаются вверх, как стоит щуплая фигурка, как они сливаются друг с другом.

Грохот на фоне разворачивающегося сражения земных ангелов был едва слышен. Мой знак, та сила, что была заключена в нем, на краткое мгновение передалась светлой душе, дав ей возможность полностью контролировать предметы. А затем Проповедник отправился туда, куда страшился уйти так много лет...

Шел дождь, пахнущий клевером и медом. Он смывал соль и пепел, очищая обугленную, кое-где остекленевшую землю. Тучи стремительно рассеивались, сквозь них пучками теплых копий были солнечные лучи, падая на развалины старого цирка, и гром грохотал сонно и благодушно, довольный исходом этого дня. В луже отражалась радуга, яркая и горбатая.

Тело темного кузнеца, горло которого оказалось рассечено кривым, острым, точно серп, клинком, исчезло в золотом свете, оставив после себя лишь молот, изрядно запачканный грязью, брошенный и никому не нужный.

Дерево стремительно засыхало, уменьшаясь в размерах. Все листья с него уже облетели, и теперь ветви с треском отрывались от ствола, падали, обращались в дым, подхватываемый ветром.

Гертруда плакала, удерживая на коленях большую голову каштановолосого ангела, плечо и грудь которого были смяты оружием противника. Он смотрел вверх, возможно, на только ему видимые звезды, и его ярко-синие глаза были спокойны. Безумие покинуло их.

Через несколько минут с ним случилось то же самое, что с Рудольфом и Ивойей. Остался лишь золотой свет на ладонях Геры.

А затем погас и он.

Конец историй

По полю гулял ветер, колыхал рожь, заставлял ее шептать слова, которых я никогда не смогу понять. Пугало, в драном солдатском мундире времен короля Георга, в нелепой соломенной шляпе, висело на палке, расставив руки, и приветствовало ворон зловещей, до боли знакомой ухмылочкой.

Оно было другим. Нелепым. Неказистым.

Пустым.

Жалкая оболочка гусеницы, в которую никогда не вернется бабочка.

Прошло два года с тех пор, как мы познакомились, и я, порой просыпаясь ночами, не верил, что все случившееся происходило на самом деле. Затем ловил себя на боли в отсутствующем пальце и понимал, что события последних месяцев – это правда.

Гертруда стояла рядом, опираясь на плетень, и тоже смотрела на пугало. Ветер игриво растрепал ее белые волосы, она немного щурила лучистые глаза и что-то обдумывала, хмурясь.

Мы не виделись с ней почти две недели. С того самого момента, когда все закончилось, и встретились только сейчас, на пустынном тракте, чтобы дальше идти уже только вместе.

– Думаешь, он жив? – наконец задала она мучивший ее вопрос.

– Не знаю, смертны ли ангелы, – честно ответил я.

Над далеким лесом, за полем, ползли пушистые облака, которым было плевать на то, что происходит под ними.

– Я надеюсь, что их жизнь не заканчивается… вот так. Надеюсь, что он искупил свою вину, и теперь его примут там, куда ему было не взлететь. Надеюсь… – Она запнулась, затем, отвернувшись, продолжила: – Я встречалась с ди Травинно. Он планирует убедить Риапано изменить права Братства, дать нам больше свободы, раз уж мы смогли так здорово им помочь. Но только после того, как эпидемия завершится.

– К этому моменту кардинал может быть уже мертв. Или все, кто прячется за стенами Риапано. По сути, то, что он хочет сделать, может никогда не произойти. Но Мириам бы была рада услышать подобную новость.

Она кивнула, соглашаясь.

– Его высокопреосвященство говорил что-нибудь о них? – поинтересовался я.

Колдуны снова посмотрела на пугало, висевшее на покосившемся шесте.

– Нет. Но меня поймал Роман, когда я уже собиралась уезжать. Сказал, что снова должен тебе. Этот цыган... его знания потрясают. Как и то, как легко он находит с демонами общий язык, заставляя их делать, что ему нужно.

На днях я заходил в контору «Фабьен Клеменз и сыновья», и неприметный клерк лишь вежливо улыбнулся мне, как старому клиенту, не подавая вида, что мы совсем недавно встречались при иных обстоятельствах.

– Он шепнул... кое-что. После того как те, кто не присоединился ни к армии Неба, ни к армии Люцифера, были сосланы на землю, их крылья сломали, чтобы они никогда не вернулись домой. Их наказание – охранять врата на востоке до Судного дня, не давая полчищам демонов прорваться в наш мир и вредить людям. Близкое соседство с адом порой меняет ангелов. Искажает настолько, что остальные убивают товарищей, коснувшихся мрака. Однажды такая тьма поглотила того, кого мы знали под именем Ивойя. Его пытались остановить, но он оказался силен и убил многих своих братьев. И пришел на наш материк. Существует легенда, что земные ангелы получат прощение после того, как состоится Судный день. Возможно, кузнец пытался его приблизить.

– Расцвет цивилизации, величие Империи, основание и укрепление Братства – все было лишь для того, чтобы рано или поздно открыть новые врата, которые уже бы не охраняли земные ангелы.

– И пока один из них, единственный, кто ушел от врат добровольно, чтобы помочь людям, ковал светлые кинжалы, Ивойя начал создавать темные. В первый раз его остановили только благодаря помощи Рудольфа, рассказавшего стражам, как это сделать.

– А Пугало?

– Роман не знает, откуда оно... он взялся.

Я кивнул, и она добавила:

– Думаю, его изменили врата. Этот ангел тоже сошел с ума. Почти стал темным, но его большой разум удерживала одна цель – найти и остановить Ивойю. Не знаю, кто его ранил – охранники врат или же темный кузнец, в тот раз, когда его пытались вернуть. Он столько столетий искал его, и не находил.

– Старая легенда времен зарождения христианства. Земные ангелы, уходя от места, которое им надлежит стеречь, не видят друг друга. Чтобы это случилось, требуется тот, кто покажет им.

– Поэтому наш ангел ждал такого, как ты. Он выбрал личину зловещего одушевленного, вполне возможно куда больше подходившую ему, чем истинный облик.

– Ну, Пугало было не лишено юмора, – заметил я с улыбкой. – И порой в нем прорывалось то, что было им прежним. Но почему я? Из тысяч людей?

Гертруда рассмеялась:

– Ты хочешь, чтобы я познала разум высшего существа? Которое к тому же не совсем в своем уме от тяжелого ранения и ста тысяч лет соседства с адскими вратами? Он знал. Просто отчего-то знал, что ты тот, кто ему нужен, и рано или поздно приведешь его к тому, кого он ищет.

Огородное пугало раскачивалось на ветру, тихо поскрипывало, глядя на меня мертвыми, совершенно незнакомыми глазами.

– Ты был нужен ему. Иначе бы он все так же веками блуждал по земле, словно слепой котенок.

– Будь здесь Проповедник, он бы здорово посмеялся над этой ситуацией.

Она хмыкнула.

После стольких лет вместе мне не хватало старого пеликана. Я даже не подозревал, насколько привязан к нему.

Проповедник спас нас всех. Думаю, его совесть наконец-то успокоилась. Он совершил нечто достойное и теперь небось донимает своим брюзжанием небеса.

И я рад за него.

– Роман что-нибудь сказал о Рудольфе?

– Подтвердил ли он, что тот – светлый кузнец? Нет. Но ди Травинно попросил передать совету, что в ближайшее время с кинжалами для Братства могут возникнуть сложности. Также он отправил в Орден запрет на уничтожение клинков погибших стражей. Теперь оружие надлежит сдавать Церкви. Надо полагать, затем оно будет возвращаться к нам. Но рано или поздно появится новый кузнец.

– Ты так уверена в этом?

– Да. Мы те, кто избавляет землю от тьмы. А они... они помогают нам в этом.

Мы помолчали. Я надеялся, что моя спутница права.

Тень на мгновение упала на нас, скрыв солнце. Поднялся сильный ветер, пригнувший рожь к самой земле, сорвавший с пугала его драную соломенную шляпу. Огромный черный дракон, сверкая броней, опустился на землю, и сребровласая женщина на его спине подняла руку, приветствуя

нас.

– Пора, – вздохнул я, не желая уходить. – Надолго мы в Темнолесье?

– Ну до следующего совета у меня есть месяц. – Она отцепила от пояса рапишу, взявшую в руку. – София должна продолжить твоё лечение. Ты и так долго откладывал. К тому же ее остров – лучшее место, чтобы спрятать темный клинок, оставшийся тебе от Вальтера. А также оба глаза серафима. Там их точно никто не найдет. Идем?

Я неохотно кивнул, сказав с печалью:

– Пришла новая эпоха, Гера.

Эпоха без светлого кузнеца, ковавшего кинжалы для Братства. Эпоха эпидемии, которая и не думала стихать, каждый день забирая тысячи жизней. Эпоха новых княжеств и новых правителей. Началось новое время, и пока я не мог понять, к добру оно приведет или к худу.

– Это ненадолго, – усмехнулась Гертруда. – Через тысячу лет все будут жалеть о его уходе и говорить, как оно было хорошо. Не печалься, Синеглазый. Нет смысла грустить по уходящему. Впереди еще целая жизнь.

Она первой направилась к дракону, и я, бросив последний взгляд на ржаное поле, с которого все началось, поспешил за ней.

Москва,

сентябрь 2012 – январь 2014

Глоссарий

Альбала́нд – крупное государство на северо-западе Центрального континента.

Королевство, ранее являвшееся материковой частью Ньюгорта, получило независимость после череды кровавых войн, последняя из которых завершилась морским сражением в бухте Ожидания победой Альбала́нда.

Известно сильным флотом, мореходами, путешественниками, первооткрывателями и тем, что оказывает полную поддержку стражам, которые организовали на его территории школу и свою штаб-квартиру.

Политика стражей достаточно сильно влияет на политику страны – четверо магистров Братства стражей входят в королевский совет. Процент от доходов Братства уходит в королевскую казну (аренда земель, право находиться на территории страны), что делает Альбала́нд одним из самых богатых государств со стабильной экономикой.

Альта – иное существо. Умеет читать мысли и принимать человеческий облик. Практически уничтожены.

Ангжис – иное существо. Живут крупными кланами в Кайзервальде и его окрестностях. Лояльны к людям. В кланах ангжисов – матриархат, женщины являются правителями. Каждые восемь лет кланы устраивают большие сражения. Победивший клан получает право быть главенствующим на следующий «правящий цикл».

Ангжисы – отличные воины и охранники. Охотно служат людям.

Арафея – родина Иисуса, далеко на юго-востоке от Центрального континента. Была отбита арафейцами у хагжитов после его рождения и стала независимым государством на одно тысячелетие. Затем двести сорок два года являлась Королевством Гроба Господня, пока хагжиты не выбили крестоносцев обратно на Центральный континент и не восстановили контроль над Арафеей.

Арденау – столица Альбала́нда. В городе расположена штаб-квартира стражей и знаменитая школа Братства.

Барбург – карманное герцогство, недалеко от земель Кантонов и Вальзофской горной цепи. Герцог Барбурга является номинальным владыкой, тогда как вся власть сосредоточена в руках кардинала, а следовательно, Церкви.

Несмотря на это обстоятельство, Барбург является просвещенным, светским государством с толерантностью относящимся к волшебству и иным существам. Именно здесь проживает самое крупное сообщество ведьм и колдунов, лояльных к Церкви. И именно в этом герцогстве был выдан первый патент волшебникам, принявшим крещение.

Богежом – столица княжества Фирвальден, расположена на севере государства.

Боздухан – иное существо. Полностью истреблены на материке из-за своей внешней схожести с чертями. В старину ошибочно считались богами урожая и плодородия.

Братство стражей – история Братства, как официальной организации, начинается со времен императора Августа, когда он повелел создать орден воинов, борющихся с темными душами. До этого времени стражи в большинстве своем действовали отдельно друг от друга, без четкой организации, лишь иногда объединяясь в городские ремесленные союзы. Несколько следующих императоров, а затем и королей-варваров, захвативших земли империи, поддержали идею развития ордена из-за большого количества темных сущностей в мире.

Довольно долгое время штаб-квартира стражей находилась в Прогансу, но из-за конфликта с королевским домом этой страны стражи перебрались в Альбаланд по приглашению короля Ульрика Скряги.

Руководит Братством совет магистров, количество которых раньше варьировалось, а теперь равняется пятнадцати.

Бригады наемников – наемные отряды, преимущественно из Лезерберга, Фрингбоу и Кантонов, служащие за деньги князьям, герцогам и торговым союзам. В отличие от наемных отрядов других стран бригады являются маленькими частными армиями, финансируемыми в основном городами и формируемыми из числа их жителей. Соответственно, часть заработанного во время кампаний уходит в казну города-покровителя.

Бробергер – крупное королевство, обладающее сильной армией и

лучшей артиллерией. Столица – Айзергау.

Королевство просвещенных, как его называют в других странах. На его территории расположено несколько университетов, в том числе и лучший из медицинских, созданный на основе хагжитских медицинских знаний, которые восточные люди собирали тысячелетиями. По приглашению короля в Бробергере живет большое количество лучших ученых Центрального континента, развивающих науку, а также художников и скульпторов. Бробергер является главной сокровищницей христианских святынь в мире после Ливетты, столицы Святого Престола.

Бьюргон – королевство, соперничающее с Удальном за обширные территории на юге. В данный момент у власти находится семья узурпатора – мелкие бароны, уничтожившие предыдущую династию во время восстания и захватившие королевский трон.

Валиты – монашеский орден, разбогатевший во время крестовых походов и вывезший сокровища арафейских династий из завоеванной страны. Выражение «богат, словно валиты» – очень распространена. Как говорят, валиты являются главными «спонсорами» церковных князей.

Варяы – иное существо, повелитель тумана, сам способный им становиться, если на него посмотрит человек.

Вашский университет – конкурент Савранского университета. Расположен в столице Бробергера – Айзергау.

Ветеция – королевство, имеющее большое количество колоний на островах и Черном материке, ведущее постоянные войны с хагжитами. Поддерживается Церковью ради распространения веры среди язычников дальних стран.

Виенго – иное существо. Способен принимать облик животных, чаще всего оленя. Обладают магией, жестоки, кровожадны, не любят людей и являются королями лесов.

Визаган – иное существо, кровожадный людоед, обладающий магией подчинения. Очень опасны и практически неуязвимы для магии.

Викты – племена варваров, населяющие Волчьи острова. В прежние

времена часто совершили набеги на северо-западное материковое побережье.

Вион – третий по размеру город Фирвальдена.

Витильское княжество – горное государство, зажатое между Ровалией и Ольским королевством. Является оплотом еретических учений и колдунов. Церковь Витильска не признает законов Святого Престола, индульгенций, божественности Христа, Троицы и Непорочного зачатия Девы Марии. Благодаря сильной армии, горной местности и помощи чародеев успешно противостоит нападениям христианских государств. Имеет выход к морю и при содействии чародеев, способных противостоять блокаде на море, ведет торговлю с Хагжитским халифатом. Пользуется негласной поддержкой со стороны просвещенной знати Ровалии.

Воины Константина – цепь из статуй колоссальных размеров, протянувшаяся через все южное Прогансу с востока на запад (от восточной границы до океана). Мощные артефакты древности, не дающие темным душам заходить в центр страны. Уничтожены Носителями Чистоты после изгнания стражей из Прогансу.

Гестанские княжества. Обычно различают Западное и Южное – крупные княжества, и Северное, Белое, Лиловое, Лесное, Свирепое и Громкое – более мелкие княжества. Все они заключили между собой военный и торговый союз. Товары торговцев из соседних областей Гестанства не облагаются налогом, введены законы смягчающие наказание гостей. В княжествах живут крупные общины иных существ.

Гилин – иное существо. Умеет читать мысли и насыщать кошмарные видения. Всеядны, ненавидят людей и особенно – клириков. Обитают в городах в человеческом образе, сильные колдуны.

Грейн – крупнейшая река Центрального континента, берущая свое начало в Вальзофской горной цепи и протекающая через несколько стран.

Гъиендайвье – иное существо. Госпожи страсти, обладающие сильной природной магией, смущающие людей желаниями, умеющие управлять своими жертвами на расстоянии. Одна из древнейших рас на Центральном континенте. Уничтожены во время нескольких военных походов,

организованных церковью.

Далекие острова – архипелаг, открытый мореходами Ветеции.

Дерфельд – один из городов государства Фрингбоу, славящийся своей наемной бригадой. Находится на отрогах Агалаческих гор, которые в свою очередь являются частью Вальзофской горной цепи.

Дискульте – самая южная страна Центрального материка. Именно там находится знаменитый Каменный мыс, где последние годы жил и умер апостол Петр. Мыс – святое место для каждого верующего, и ежегодно в июне множество паломников из всех стран приходят туда, чтобы поклониться святым мощам и получить прощение всех грехов.

Еретические государства – Витильское княжество и Золян.

Есфар – жаркая страна, завоеванная хагжитами и считающая родиной множества арафейских пророков, живших там до исхода в Арафею.

Жгун – иное существо. Лесной житель, обладающий сильной природной магией огня, из-за чего по ошибке был причислен к адским созданиям. Уничтожение жгунов ни к чему хорошему не привело. Несколько сотен этих существ едва не сожгли Ливетту и остановились только тогда, когда Папа вышел к ним и дал слово, что их оставят в покое.

Законники – см. Орден Праведности.

Знак – мощная атакующая магия стражей, видимая обычным людям и имеющая разнообразные формы и размеры.

Золян – одно из двух еретических государств, союзник Витильского княжества. В отличие от последнего, там верят в целый пантеон богов и лесных духов, настороженно относятся к стражам. На территории болот Золяна находится прямая дорога в ад, через которую периодически на Центральный континент проникают демонические сущности. Дружины Золяна сдерживают нечисть без церковной помощи, что тоже является ересью, но благодаря их полезности на общем собрании христианских государств было решено не трогать Золян, не насаждать там истинную веру и предоставить их самим себе, во всяком случае, пока Церковь будет не

готова объявить новый Крестовый поход.

Илиата – некогда часть одной большой страны, уничтоженной взрывом мощного вулкана из-за появления из его жерла демонов несколько тысячелетий назад. На данный момент – отдельное государство, почти три сотни лет находящееся под гнетом хагжитов, но отвоеванное во время восстания христианских жителей, поддержаных финансовой помощью со стороны церкви, флота Ветеции и десанта Дискульте.

Иные существа – общее название других рас, живущих рядом с людьми.

Искровик – иное существо, родственное жгунам, но в отличие от последних обладают магией огня только в период новолуния.

Йомернская порода – порода собак, выведенная в Ньюгорте. Свирепые, лохматые псы славятся тем, что на всю жизнь признают только одного хозяина и слушаются только его приказов.

Каварзере – герцогство, расположенное на полуострове Южного моря. Знаменито своими винами, лошадьми и святыми местами.

Кайзервальд – Королевский лес, или Темный лес. Большой лесной массив в Бьюргоне, прибежище иных существ.

Каликвец – боевой монашеский орден. Воины Господни. Проявил себя в крестовых походах, в борьбе с нечистью и колдунами. Монахи ордена обладают сильнейшей церковной магией и являются великолепными бойцами.

Каменные феи – иные существа. По слухам, исполняют желания, требуя за это безымянный палец.

Кветы – сказочные духи-паучата, по легенде, ткущие саваны для праведников. На самом деле – иные существа, обитающие в дуплах деревьев возле заброшенных дорог. Попросить их о помощи может только сильная ведьма.

«Кодекс теней» – законы Братства, которые предписано выполнять

всем стражам. Например: уничтожать только темные души, владеть только одним кинжалом, регулярно сдавать кинжал на проверку для учета собранных душ, подчиняться приказам магистров и пр.

Копняк – иное существо. Может взаимодействовать с душами, обладает волшебными способностями, живет преимущественно в стогах, может причинять вред крестьянам, если его не задобрить.

Котерн – столица королевства Фрингбоу.

Кровавый буран – неизвестное явление, раз в десятилетие появляющееся на пустующих трактах, заброшенных лесных дорогах и уничтожающее все, что встречается на его пути.

Лавендузский союз – или Торговый союз Четырех братьев. Создан в Альбаланде на основе частного купеческого предприятия. На нынешний момент является богатейшей торговой организацией с представительствами во всех странах и во многих городах.

Лагонеж – княжество на западе материка, поддерживающее стражей и отказывающееся вступать в союз с Прогансу. Знаменито тем, что десять Пап подряд были выбраны из числа кардиналов Лагонежа.

Лезерберг – главный соперник и враг княжества Фирвальден, претендующий на его территорию.

Ливетта – столица Литавии. Здесь расположен Святой Престол.

Лисецк – столица Бьюргона.

Лисецкий бунт – знаменитый бунт, возникший среди черни, недовольной городской управой, отменившей праздничные мероприятия из-за отсутствия денег и плохой погоды. Пущенный кем-то слух, что все деньги украл бургомистр и на этот раз дармовой выпивки не будет, привел к четырехдневным уличным боям, погромам, пожарам, мародерству и гибели большого количества людей. Бунт был жестоко подавлен королем, по приказу которого в город были введены части регулярной армии. Зачинщиков четвертовали на центральной городской площади.

Литавия – сообщество городов-государств, княжеств и герцогств, объединенных в одну страну под знаменем Святого Престола.

Лонн – столица Удальна.

Люс – один из кантонов, также называемый кантоном ведьм из-за того, что здесь прошла самая крупная единовременная казнь ведьм (четыреста три ведьмы).

Малисски – женский монашеский орден.

Мальм – столица Лезерберга.

Нарара – морская держава, соперничающая с Альбалаудом и Ветецией в распространении влияния на заморские земли. Единственная страна Центрального континента, на территории которой обитали демоны. Христос изгнал их оттуда и запечатал адские врата.

Носители Чистоты – государственная организация, созданная в Прогансу и охотящаяся на территории страны за стражами. Состоит преимущественно из фанатиков, выискивает и уничтожает стражей, а также тех, кто им сочувствует и симпатизирует.

Ньюорт – островное государство, некогда одно из самых могущественных, возникшее после раз渲ла империи, когда та была покорена варварами. Именно в Ньюорте в то время базировался последний из великих легионов. В последующие шесть сотен лет королевство захватило обширные территории на Центральном континенте, но спустя время потеряло их после ряда неудачных военных кампаний. Последние отошедшие от Ньюорта территории стали называть Альбалаудом.

В данный момент существует обособленно и закрыто для посещения чужаков.

Одушевленные – предметы, в которых по непонятным причинам зародилась светлая или темная душа. Достаточно редкое и малоизученное явление. Сильные одушевленные могут на некоторое время покидать предмет и бродить в его образе. Чем сильнее одушевленный, тем дольше он может обходиться без возвращения в свою «оболочку».

Озиварис – иное существо, огромный подземный житель-червь.

Окулл – разновидность темной души. Очень опасна, отличается большой проворностью. Даже маленькая рана от когтей окулла является смертельной.

Ольское королевство – основной враг Чергия, претендующий на его территорию и вот уже вторую сотню лет пытающийся добиться от Ливеттского Престола буллы, признающей исконное право за королевской династией Ольска владеть спорными территориями.

Орден Праведности (Lex prioria. Lex talionis) – организация, считающая стражей опасными, созданная на основе финансирования нескольких правительств из числа стражей-бунтовщиков. На данный момент исполняет роль полицейских, контролирующих действия Братства. Люди Ордена имеют точно такой же дар, как стражи (т. е. видят души), но в большинстве своем их магические возможности гораздо слабее, и они не охотятся на темных сущностей.

Орденом управляют жрецы.

Первые – королевская династия Прогансу, потомки которой в той или иной степени в данный исторический период находятся на престолах множества других государств. Основателем династии Первых был император Константин.

При – небольшое морское государство южнее Фирвальдена.

Прогансу – крупное королевство на западе Центрального континента, одно из ведущих на политической арене. Известно тем, что не допускает стражей на свою территорию, где Братство находится вне закона.

Конфликт со стражами возник после того как Братство отказалось (по другим источникам – не смогло) помочь в спасении королевской династии Первых от темных душ. Из-за бездействия стражей все прямые потомки императора Константина были уничтожены, Братство объявлено преступниками и изгнано из страны. Большое количество стражей погибло там из-за того, что их объявили вне закона. С тех пор доступ стражей в Прогансу запрещен, их функции разделили между собой Церковь, Носители Чистоты и Орден Праведности, хотя справляются они с сильными душами из рук вон плохо, поэтому несколько юго-западных

провинций государства считаются опасными для жизни, так как там развелось большое количество темных душ.

Псы Господни – отдел церковной инквизиции, владеющей магией и борющейся не только с обычной ересью, но и с колдунами, ведьмами и порождениями ада.

Пулу – столица При.

Ржав – иное существо, часто недружелюбное к людям. Умеет приманивать золото.

Риапано – столица веры, город-замок, расположенный в центре города Ливетта.

Ровалия – вторая страна на Центральном континенте, где стражи находятся вне закона в связи с тем, что государство не желает платить Братству за контроль над душами. Ровалия единственная страна, где по необъяснимой причине не появляются темные души.

Рубежное королевство – некогда единое государство, теперь разделенное на три: Чергий, Витильска и Ольское королевство.

Ругару – иное существо-получеловек. Порождение древнего проклятия, часто – плод любви ведьмы и демонической сущности. Порой ругару называют оборотнем, хотя к обычным вервольфам он имеет крайне отдаленное отношение и ближе к нечисти, адским псам и темным терьерам ночи.

Руже – столица Прогансу.

Савранский университет – старейший университет Центрального континента, главный конкурент Вашского университета. Был основан по приказу сына императора Константина. Среди выпускников университета большое количество известнейших ученых, писателей, художников, философов и лекарей, изменивших представление о науке и искусстве.

Садодд – библейский город на территории Арафеи, где жили солдаты императора Селестина. Город, погрязший в грехе и уничтоженный

ангелами Господа за один час вместе со всем населением.

Сарон – княжество на юге Центрального материка, где большинство жителей – потомки хагжитов, смешавшиеся с местным населением. В Сароне правит султан, а не князь, но вместе с тем в государстве христианская религия. Сарон славится своей непримиримой позицией, противящейся истинной хагжитской вере богатством, роскошью, дорогими дворцами и фейерверками. В княжестве уничтожаются любые иные существа и не запрещено рабство.

Саронский шелк – производится в Сароне, единственной стране на Центральном континенте, обладающей секретом разведения шелкопряда. Саронский шелк является ценной роскошью, за которую в былье времена покупались целые графства.

Сигизия – часть некогда цельной страны (другая часть – Илиата), уничтоженной взрывом огромного вулкана. Остров до сих пор находится под властью хагжитов и является прибежищем для хагжитских пиратов.

Скирр – иное существо, внешне похожее на бородатого карлика, живущее под землей, в пещерах, в горах. Обладает сильной магией земли, недружественен к людям.

Солезино – столица герцогства Каварзере.

Старга – иное существо. Кровопийца, охотящаяся на людей. Обладает сильной магией исцеления. Чтобы жить, старге требуется пить кровь один раз в месяц, сельдерей является для нее смертельным растением.

Степняна – иное существо.

Стражи – представители Братства, люди, обладающие способностью видеть души и одушевленных. Охотники за темными душами.

Темнолесье – самый загадочный из лесов, занимает территорию, равную целой стране, на острове в море. Последний оплот иных существ.

Темные души – сущности, остающиеся после смерти некоторых грешников, способные перерождаться и изменять облик, который сильно

отличается от человеческого. Остаются в этом мире, так как боятся суда и ада. Причиняют вред живым людям, за счет которых и существуют в нашем мире.

Тинник – иное существо. Водяной.

Топлун – иное существо. Охотится на людей, утягивает в омут, где пожирает.

Топляна – иное существо, недружелюбно настроенное к людям.

Тринс – второй по величине город Фирвальдена.

Удалын – герцогство, конкурирующее с Бьюргоном. За последние сто лет воевало с ним восемь раз.

Фалед – столица кантона Лис. Здесь добывают руду, из которой делают фаледскую сталь.

Фигура – одна из сторон магии стражей. *Фигура*, в отличие от знака, невидима обычным людям, гораздо менее разрушительна и в основном применяется не как атакующее заклинание, а как способ ослабить душу, вынудить ее появиться, отступить и т. п. Впрочем, существуют и атакующие фигуры, но их мало.

Физ – иное существо. Живут в лесу, часто впадают в спячку и срастаются с деревьями в единый организм.

Фирвальден – княжество, воюющее с Лезербергом. Известно в основном торговыми союзами и вольностями, а также тем, что когда-то поддержало идею создания Ордена Праведности, выделив стражам-бунтовщикам большие денежные кредиты.

Фрингбоу – небольшое государство, разделенное горной цепью на две половины.

Хагжиты – жители восточных стран, которым запрещен въезд в большинство христианских государств, если на то нет особых разрешений или распоряжений. Несколько общин хагжитов (в основном купцов) есть в

южных странах Центрального континента.

Чергий – некогда одна страна с Ольским королевством, отколовшаяся от него после войны за престол. Чергий и Ольское королевство до сих пор спорят, какая из династий имеет большее право находиться на троне, и не могут решить вопросов независимости государств.

Шапри – иное существо, также называемое адским лесничим. Живет в симбиозе с лесом.

notes

Сноски

1

Рим. 14, 8.

2

Глава района, одна из руководящих должностей дворянского собрания провинции.

3

Мастеровой топорик – небольшое оружие, с тонким лезвием, которое обычно носят за поясом, по аналогии с кинжалом. Является необходимым атрибутом ремесленников отдельных мастеровых гильдий.

4

Провинция.

5

Числ. 14, 11.

6

Пс. 61, 9.

7

Кирха – церковь.

8

Мы люди и не причиним тебе вреда. Успокойся. Нам нужны лишь ответы.

9

Беспорядочные неограниченные половые связи.

10

Сооружение в храмах для хранения предметов религиозного поклонения.

11

Вместилище для хранения особо ценных религиозных реликвий.

12

Демоническая копия, злое существо, принимающее облик человека, или же темная сущность личности.

13

Собрание кардиналов.